

Российская академия наук
Институт славяноведения и балконистики

Т. М. Николаева

Просодия Балкан
Слово – высказывание – текст

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1996

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Т. М. Николаева

Просодия Балкан
Слово – высказывание – текст

ББК 81.416-1
Н63

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда*

ISBN 5-85759-035-5

© Николаева Т. М., 1996
© Издательство «Индрик», 1996

Глава первая

Проблемы и принципы типологического описания просодии

§ 1. Общие вопросы

Обсуждению и описанию подлежат те трудно определяемые суперсегментные явления, которые с большой долей неопределённости называются просодическими. Сложность концептуальных дефиниций состоит в комбинации смысловых и субстанциально-структурных явлений, не всегда понятным образом переплетающихся в описываемом языковом уровне.

Слово «суперсегментный» в течение длительного времени своей внутренней формой облегчало задачу таксономической квалификации этого рода явлений. Предполагалась реально существующей по-ярусная система речепорождения и восприятия, когда слоги складывались из фонем, слово — из слогов, синтагмы — из слов, высказывания — из синтагм, а на всё это как бы «сверху» накладывается суперсегментный контур (вариант: он складывается из микропросодических суперсегментных компонентов, соотносящихся с указанными единицами). Подобный подход получил в последние годы название принципа «bottom up», ‘снизу’, в противоположность другому, так называемому «top down», ‘сверху’, когда просодический костяк считается первичным для восприятия, доминирующими, а сегментные структуры — вторичными, различаемыми лишь после восприятия просодических структур и в соответствии с ними. (См. экспериментальное обоснование этого, в частности, Касевич, Шабельникова, 1987, где определённо утверждается перцептивное доминирование более абстрактного уровня.) Идея просодического приоритета в восприятии реконструирует также предполагаемый принцип восприятия и других единиц, в частности лексем, для которых при подходе top down не предполагается свойства быть цельнооформленной сепаратно воспринимаемой единицей; слово, как показывает эксперимент,

воспринимается не целиком, а по пучку неких ярких спектральных характеристик, соотносящихся с узловыми суперсегментными показателями (см. об этом Bannert, 1987). Необходимо заметить, что к сходным результатам пришла и теория текста, в рамках которой текст воспринимается через совокупность неких ярких знаменательных компонентов, образующих в комбинации основной смысловой каркас слова (Николаева, 1987). О существовании-отсутствии слова в просодическом восприятии будет сказано ниже, однако лексическая семантика и знание лексем выявляются как существенный фактор и для сторонников подхода *bottom up* (так, для нидерландского языка об этом пишет Quené, 1987). Простой эксперимент показывает также, что люди делят просодическую цепь по-разному: для фрагментов осмыслиенных и фрагментов бессмысличных. Так, аудиторы-чехи делили последовательность ххххх с предпочтением ххх хх для осмыслиенных цепочек и предпочтением хх ххх — для чисто ритмических решений (Pálková, 1987).

Различие этих двух подходов выявляется в последнее десятилетие все отчетливее. Так, Р. Бэннерт на XII конгрессе фонетических наук (Bannert, 1991) высказался еще более категорично, чем на XI конгрессе. Интонация прямо объявляется ключом коммуникации и ее центром, «первым (первичным) уровнем языкового моделирования». Этот *top down* принцип принимают и В. Б. Касевич с соавторами в своей книге (Касевич, Шабельникова, Рыбин, 1990). По В. Б. Касевичу, *top down* — это нисходящее восприятие. Т. е. «перцептивный процесс проходит ряд стадий от грубой приблизительной оценки объекта по некоторым очень абстрактным признакам ко все более точному определению данного объекта в его конкретностях со всеми только ему присущими свойствами» (Касевич и др., 1990, с. 123). В книге приведено много убедительных данных экспериментов, подтверждающих «нисходящую гипотезу восприятия». Вместе с тем столь же убедительны работы по интонации, строящиеся на принципе «восходящей модели», описанные, в частности, в обобщающей монографии Института изучения перцепции в Эйндховене (t'Hart et al., 1990). Принцип *bottom up* поддерживается обобщающей способностью человека игнорировать незначительные нефункциональные различия. Так, о способности интегрировать в восприятиидробно различающиеся тоны см. (Remez, 1991). Представляется, в целом, что оба принципа не противоречат друг другу, а находятся как бы в зеркальных отношениях.

Прежде всего, необходимо понять и функциональную природу самой перцепции, возможно, эксплицитно человеком и не осознаваемую: в каждом конкретном случае существенно только одно: сделать родо-видовое обобщение или опознать реальный объект.

Таким образом, несомненно, что сегментные и суперсегментные структуры разных функциональных нагрузок сложным образом существуют в речепорождении и восприятии.

Из сказанного следует далее, что суперсегментный слой и многослойен, и многоэлементен. В нашей монографии 1977 г. шла речь о трех слоях просодии фразы: универсальном, специфически языковом и словесно-просодическом (Николаева, 1977). Это деление в целом можно принять и сейчас — как основу для стратификации просодии отдельной фразы. Однако и в пределах специфически языкового слоя выделяются неуниверсальные черты, характеризующие группу языков, как родственных, так и неродственных, что чрезвычайно важно для наших конкретных задач описания просодии Балканского языкового союза. Наконец, в пределах каждого из этих слоев существенна дуальность просодического устройства языка, о которой до сих пор прямо не говорилось из-за гипноза чисто лингвистических таксономических презумпций. Эту дуальность можно определить как сосуществование в просодическом слое двух явлений: монтажа и наложения. Поясним сказанное. Многочисленные данные последних лет (например, Breckenbridge-Pierrehumbert, 1980; Светозарова, 1982 и многие другие) показывают, что во фразе, несомненно, существует в своей линейной отдельности фразовый центр, рисунок которого вполне может быть очерчен. Этот фразовый центр определяется функциональной нагрузкой высказывания (общий вопрос, переспрос, вопрос с вопросительным словом и т. д.), парадигматический набор которых в этом плане перечислим. В то же время тип высказывания можно определить по его просодии и не только в зоне фразового центра, а и в начальных фрагментах, и даже в его середине. Аналогично заданным и определяемым образом оформляется центр слова — его ударный слог, и в то же время о ритмической структуре слова и о месте ударного слога свидетельствует и просодия безударных слогов. Наконец, ареной воплощения, или манифестации, просодии являются принципиально различные функционально сегментные единицы: слоги — слова — смысловые группы (об этой гетерогенности сегментных единиц по отношению к суперсегментным

специально писал Р. Якобсон: Jakobson, 1966, p. 452). Так, слоговая цепочка вполне соотносима с последовательностью артикуляционных единиц, но не всегда адекватна речевым единицам (см. Сорокин, 1985, с. 213). В этой связи особенно серьезным становится вопрос о наличии особых линейно протяженных единиц, адекватных минимальным фрагментам просодии. В. Б. Касевич (Касевич и др., 1990, с. 64) пользуется удачным термином — акцентоноситель; эта единица может, например в скандинавских языках, распространяться и на два слога. Несомненно, в этой связи, что, как показывает эксперимент (Goodel at al., 1991, v. 4), у маленьких, до трех лет, детей, первичная артикуляторная единица превышает фонему.

В пределах просодического уровня практически многое существует, не отменяя друг друга. Так, регистровое и контурное решение мелодических противопоставлений может различать языки, но может и существовать в одном языке (Kaplun, 1987).

Еще более сложным оказывается статус просодических явлений согласно конкретным явлениям, исходя из которых, ученый делает самые общие выводы, невольно опираясь только на свой родной язык или на язык — объект анализа. Так, в частности, на базе английского языка формулируется вывод о том, что необходимости для уровня слова в аллегровой речи нет (Annan, 1987). Однако интересное по методу экспериментальное исследование по компрессии слова и по выявлению единиц изохронии показало, что в немецкой речи слово вполне реально и тенденция к компрессии осуществляется именно в пределах слова, а именно: измерялась длительность ударной гласной [a] и ударного слога [trakt-] в последовательностях:

*Der Trakt gab den Ausschlag — Der Trakt ergab den Ausschlag —
Der Traktor gab den Ausschlag — Der Vertrakte gab den Ausschlag —
...Der Vertrakteste ergab den Ausschlag etc.* (Pompino-Marschall et al., 1987).

Именно противопоставлению двух феноменов изохронии в ее классическом понимании: т. е. равной протяженности stress-group от ударного до ударного, с одной стороны, и автономности слова как цельности, не обязательно сопряженной с изохронией, с другой, уделялось в последнее время много внимания. За приорность слова активно выступил З. Ноотбоом (Nooteboom, 1991, v. 1), мотивируя это тем, что при медленной речи паузы осуществляются именно между словами, а не ритмическими группами, что слово также часто инициально ударно, так как его начало

нагружено семантически, что это выгодно языку, так как резкое подчеркивание словосочетаний, т.е. групп, происходит лишь при возможном непонимании: *known ocean / no notion*. Таким образом, адаптация речевого поведения есть, по этой точке зрения, источник языковых изменений. Прямо о том, что изохронной тенденции в речи более нет, высказался и Карлсон (Carlson, 1991). Осторожно, как о недоказанной, говорил о сильной изохронной гипотезе для немецкого языка К. Колер (Kohler, 1991). По его данным, она выражена слабо и, в первую очередь, представлена в стихе. Несомненность доминирования изохронии именно в стихе подтверждает и Г. Фант, более других поддерживающий идею актуальности изохронии в целом (Fant, 1991). Его работы (вместе с А. Крукенберг) показали, что тенденция выделять ритмические группы преобладает над тенденцией к выделению слова, но что они функционируют как бы в разных плоскостях. И, как и во всем, что сегодня относится к просодии, наука не располагает критериями для решения следующих вопросов:

1) быть может, выделение слова vs ритмической группы в речи есть фактор типологический и потому данные разных языков несопоставимы?

2) возможно, несомненность изохронии в поэзии отражает более древнюю метрическую структуру языка — еще до формирования слова как отдельной цельности?

3) наконец, может ли факт изохронии стиха и доминирование в его просодии ритмических групп, а не слова, быть фактом поэзии как жанра и не означать при этом ничего иного?

Просодическое явление может иметь противоположные манифестации для литературного языка и диалектов этого же языка. Ср., например, слитность русской литературной речи и пословное ее решение в русских говорах (см. об этом Пауфошима, 1985; Пауфошима, 1989; Калнынь, 1987). Просодический феномен может по-разному реализоваться в языках близкородственных и совпадать в языках удаленных генетически и географически.

Наконец, шкала типологических характеристик просодии еще только формируется, причем контрастивные сопоставления при этом пока преобладают над типологическими. Поэтому для типологических выводов ценными оказываются самые неожиданные просодические сопоставления. Так, выявилось, что в английском языке при „временному“ растягивании слова, растягивается и его мелодический акцент (*pitch*), а в сербохорватском

языке при подобном растягивании происходит лишь добавление длительности: при нисходящих акцентах после пика, а при восходящих акцентах — перед пиком (Keijspreg, 1987). При временном компрессировании для французского и белорусского языков выявляется меньшая компрессия V, чем С (см. параллельные опыты разных авторов: Fletcher, 1987; Vygonnaya, 1987); в то же время от английского и нидерландского языков французский отличает малая компрессия безударных слогов (Fletcher, 1987). Как универсалия намечается асимметрия перехода от нормального темпа к медленному и от нормального к быстрому (в последнем случае изменения меньше).

Особенностью просодических систем является и сосуществование реликтовых ситуаций с инновационными. Например, А. Б. Пеньковским отмечено существование целого пласта реликтовой, или по-морной, просодии. Этот пласт в качестве ядра имеет область междометий [А–À — отрицание, Á–Ã — утверждение], распространяется эта реликтовость и на сферы певческой и поэтической речи (Пеньковский, 1986). Работа А. Б. Пеньковского, выполненная на русском материале, не осталась изолированной. См. (Werner, 1991) о hm, mhm, mmh в немецком языке. Шкала оценки здесь представлена от четко отрицательной до утвердительной. Бисиллабические hm негативны, второй слог начинается с глоттальной смычки, при утвердительном же ответе междометие моносиллабично — т. е. немецкие данные как будто бы совпадают с русскими.

Итак, просодическая сфера языка в современной ее трактовке уже никак не напоминает привычный образ изогнутой проволочки мелодического контура, как бы наклеенного сверху над аккуратно написанным высказыванием. По нашему мнению, это многомерное явление, скорее, напоминает множество струн, пробегающих в одном направлении, но разной формы, разной толщины; при этом струны то параллельны, то расходятся, то сходятся, создавая фокусирующие пучки гетерофункциональных явлений.

Просодия без пространственной манифестации — а ее пространство и есть время — оказывается гораздо более сложным многомерным пространством, чем графическое представление звуковой речи. Гипноз плоскостного графического представления в течение многих лет приравнивал понимание просодических явлений и понимание диакритик, добавлений к изображеному многомерному тексту. Графикоцентризм, или скриптоцен-

тризм, как нам представляется, заставляет не всегда различать в исследованиях просодии ее онтологическую сущность и графическое представление этой сущности. В этом смысле необходимо разделить как понятия: «описать», т. е. разобраться в сущности этого явления, и «представить», т. е. передать явление элементами другой, более простой по *n*-мерности системы.

Неодномерность просодии признается и провозглашается направлением, называющим себя не-линейной теорией просодии (*non-linear*). Не-линейная просодия объединяет две независимых сферы изучения: автосегментную (мультисегментную) фонологию и метрическую теорию (*Advances in nonlinear phonology*, 1985). Одним из основных условий автосегментной фонологии является принцип просодического управления: каждая слоговая единица связывается с просодическим компонентом. Исчезновение сегментного фрагмента не предполагает исчезновения просодического. Отсюда возникает необходимость в разного рода компенсаторных продлениях гласных и геминировании согласных (см. об этом специальный сборник [*Studies in compensatory lengthening*, 1986]. Вводятся ради единобразия описания дискретные фонологические единицы — длительностные единства (*timing units*), на них проектируются недискретные временные отношения (*Studies in compensatory lengthening*, 1986). Возможны и принципиально незаполненные сегментно-просодико-временные единицы: таким образом возникают паузы и предпаузальные продления. Просодические единицы (*slots*) связываются через связующие операторы (*tiers*) с морфосинтаксической и фонологической структурами высказывания (*Gussenhoven*, 1985). См. у Е. Селькирк о том, что позиции молчания объясняются синтаксически управляемыми феноменами паузирования и конечного продления (*Selkirk*, 1984).

С нашей точки зрения, подобный анализ очень удобен как метод графической презентации просодических явлений и просодических изменений и трансформаций, но он не адекватен существенному пониманию просодического пласта.

В целях типологического описания просодических систем нескольких языков целесообразно различать три разных сферы феноменов. Это — Явления, Элементы и Функции. Наиболее сложно характеризовать первую группу фактов. Явления наблюдаются лишь опосредованно, они не даны в прямом наблюдении. Они выражаются посредством шкалы, на которой отмечается крайний полюс данного явления: нет/есть и все градуальные способы выражения его по принципу: больше — меньше.

Элементы представляют собой группу обычно обсуждаемых в связи с просодией линейно упорядоченных единиц. Например, это тональные фигуры, контуры высказываний, конфигурации интонационного центра, временная организация синтагм и т. д. Элементы можно в той или иной форме передать графически. Естественно, поэтому, что именно они, в основном, были объектом изучения исследователей и основными единицами интонационных описаний.

Под Функциями в данной работе понимаются имеющие содержательную интерпретацию корреляции суперсегментных и сегментных единиц. Например, Функцией является подчёркивание слова или составляющей в ряду других подобных единиц. Функция — это и передача значений переспроса, сомнения, важности и т. д. Описание Функций имеет для просодической теории такую же давнюю традицию, как и описание элементов.

Наиболее важным типологически, как в синхронии, так и в диахронии предстает, по нашему мнению, такое Явление как слитность просодического отрезка. Под слитностью понимается тесное объединение меньших просодико-сегментных единиц в большую, так что границы этих меньших единиц в новых пределах стремятся к ликвидации. За слитностью, понимаемой как единый процесс, стоят три собственно просодических явления. Это — большая или меньшая языковая способность к временной компрессии, феномен сандхи и сила/слабость воздействия фразовой просодии на словесную. Последний феномен описывался в книге: Николаева, 1977, он использовался в качестве типологического критерия для различия славянских языков и связывался со степенью развития данного языка как языка широкой коммуникации.

Сходные идеи были высказаны Э. Палгрэмом в его разделении языков на нексусные — примыкающие, со слабой суперсегментной связью, и курсусные — слитные языки (Pulgram, 1975a): «Курсусный язык — это тот, в котором несколько лексем просодически ведут себя как одна. Нексусный — это язык, в котором просодической единицей является слово».

Один и тот же язык может, по его мнению, менять свой статус: из нексусного становиться курсусным; курсусным может быть литературный язык, а нексусным — разговорный его вариант (о его концепции просодического развития латыни и греческого языка см. ниже).

Экспериментальные исследования, в той или иной степени связанные с явлением слитности в современных языках, дают в этом отношении легко интерпретируемые результаты. Например, высокую степень слитности демонстрирует английский язык, очевидна слитность французского языка, показана в настоящее время высокая слитность итальянского языка (Salza et al., 1987). Контрастивное сопоставление по этому признаку русского и болгарского языков, проведенное в двух параллельных экспериментах (Стоева, 1987; Николова, 1987), продемонстрировало «большую степень сандхизированности русского языка».

Повышение слитности является, по нашему твердому убеждению, очень важным, если не самым существенным, фактором для развития парадигматического набора мелодических контуров и тем самым для большей реализации смысловых возможностей интонации, выполнения ею большего числа содержательных функций. О том, что в русском языке благодаря сандхи оказывается больше возможностей для мелодического оконтурирования, чем в болгарском, прямо говорится в указанной работе Т. Стоевой (Стоева, 1987).

Естественным следствием из сказанного является установление непосредственной связи между типом слитности и типом выражения словесного ударения в данном языке. Очевидно, что так называемое музыкальное ударение, система тонов, препятствует четкому оконтуриванию произносимого отрезка, так как для выполнения дифференцирующего словесного тонального отрезка требуется время. Распространенность в истории языков перехода от музыкального ударения к динамическому многократно подчеркивалась И. М. Тронским (Тронский, 1962). В этой связи очень важно, что Р. Ф. Пауфошима, описывая просодию северновеликорусских говоров с по-словным просодическим членением, выявляет именно в этих говорах следы музыкального ударения (Пауфошима, 1985). Разумеется, за слитностью как явлением, стоит не только интонационное оконтуривание, но и скорость речи, точнее, возможность темпового маневрирования. Так, именно со скоростью связываются ассимиляционные процессы в языке Помпино-Маршаллом (Pomprino-Marschall, 1991). В. Б. Касевич, не вполне разделяющий в целом излагаемую здесь нашу теорию языковой эволюции, считая, что в истории языков «засвидетельствованы переходы от тонального состояния к нетональному состоянию и обратно» (Касевич и др., 1990, с. 12), в то же время также соотносит темп и интонацион-

ное оконтуривание: «Увеличение темпа речи компенсируется укрупнением оперативных единиц восприятия» (Касевич и др., 1990, с. 192).

Фразовая просодия отмечалась в качестве фактора, определяющего и такие диалектные явления, как, например, оттяжка (аттракция) ударения с конечных и долгих циркумфлектируемых слогов в северно-жемайтском наречии. Так, под логическим ударением и под восходящей мелодикой аттракции не происходит (Пабрежа, 1987); вообще, как оказалось, конечное место ударения в литовском связано с восприятием восходящей интонации, которая в литовском реализуется в абсолютном конце (Pakerys, 1987). Л. Грумадене (Grumadiene, 1991) подробно описывает процесс дефонологизации литовских акцентов, который характеризует современный городской социодиалект. Теряется основа — долготная база: происходит сильная редукция безударных гласных, но при этом продлеваются краткие конечные ударные. Долготная деструкция слова ведет к расширению числа типов наклонной (морфологической) интонации. Тем самым нарушается закон Фортунатова—де Соссюра, а основным средством различения интонаций становится качество первого компонента акута и циркумфлекса (это показывает спектральный анализ), а не темпоральные различия, поскольку оппозиция долгий/краткий уже утрачена.

Из этого естественным образом вытекает вывод, что языки с по-словной реализацией не оказываются в настоящее время способными занять первые места среди международных языков современной коммуникации. Именно поэтому, в частности, древнегреческий язык уступил свои позиции международного языка латыни как язык с музыкальным ударением. И. М. Тронский подчеркивает, что фразовый просодический контур в греческом плохо реализовался именно из-за наличия в языке системы музыкальных ударений (Тронский, 1962).

Очевидно, в связи с этим неслучайно, что политония сохраняется лишь на периферии европейского ареала: Север и Балканы. В целом же Европу и Евразийский союз, как писал об этом Р. Якобсон, отличает тенденция к монотонии (Jakobson, 1962b, 138).

Квантиативные противопоставления и квантиативная реализация просодии слова тоже, в свою очередь, хотя и в меньшей степени, препятствуют развитию мелодического оконтуривания и в связи с этим развитию и увеличению элементов фразо-

во-мелодической парадигматики. Именно поэтому, как будет более подробно рассматриваться ниже, изменил тип просодии слова латинский язык (или укрепил один из типов просодии); именно поэтому в двадцатом веке с усилением аудиокоммуникативных каналов (радио, телевидение и пр.) сдал свои международные позиции немецкий язык с его мало компрессируемой вне пределов слова (см. выше) просодией.

Итак, в связи со сказанным целесообразно повторить высказанные ранее (Nikolayeva, 1987) предположения о трех этапах просодической эволюции.

Первый — до-словный период, когда реализовались высказывания целиком, возможно с малоразвитой фонологизацией и морфологизацией. Возможно, этим общим состоянием просодии объясняется отсутствие в алеутском просодических элементов, демонстрирующих единство слова (Asinovsky, Golovko, 1987).

Второй — по-словный период, в культурном отношении для многих языков очень длительный, а для большинства языков активный и сейчас, поскольку он подкрепляется графически. На этом этапе просодическая единица тяготеет к слову, оно имеет четкие границы начала и конца. Возможно несоответствие на просодическом уровне слова как знаменательной словоформы и так называемого «фонетического слова», т. е. включающего и клитики: про- и энклитики. Просодические закономерности, замеченные акцентологами, имеют место именно в пределах этого минимального фразового контекста — фонетического слова.

Третий — пост-словный, когда фразово-просодической единицей оказывается фрагмент, больший, чем слово, а мелодические контуры становятся все более четко очерченными и глобальными. Последнее, как уже было сказано, необходимым образом связаны с явлением просодической слитности.

Таким образом, заключая этот раздел, мы подвели читателя к предлагаемому здесь в дискуссионном порядке закону общей языковой эволюции, понимаемому как стремление передавать все больше информации в единицу времени (см. об этом Nikolayeva, 1987; Николаева, 1991). Поскольку в данном случае речь идет и о звуке, и о смысле (см. теорию «двойной артикуляции» языка), то для обоих аспектов возможны два ряда симметричных решений:

1) буквальная компрессия речи, т. е. более быстрое произнесение. Безусловно, слитность повышает число произнесений в единицу времени; этот фактор используется, однако, он значи-

тельно ограничивается перцептивными человеческими возможностями;

2) смысловая компрессия. Это имеет место, в частности, при переходе от агглютинации к фузии и в противопоставлении агглютинации и фузии. В случае фузии один отрезок передает отношение к нескольким смысловым категориям. Например, флексия *-ла* для русского глагола передает время, число и род. Однако фузионность также оказывается ограниченным средством из-за малой гибкости словоизменительных парадигм;

3) развитие звуковой суперсегментности, т. е. именно развитие мелодических контуров как системы и развитие содержательных функций всех, а не только мелодических, компонентов интонации. Тем самым увеличивается число (сообщаемой в единицу времени) содержательной информации;

4) развитие смысловой суперсегментности, т. е. развитие пресуппозиции. В большой мере эволюция этого способа видна на примере эволюции частиц (см. об этом Николаева, 1985). Так, архаичные языки используют, скорее, не частицы, а союзы-коннекторы; синтаксис изложения в них тяготеет к иконичности. Между тем такие максимально пресуппозитивные частицы, как 'даже', во многих языках являются поздними и вторичными по своему образованию.

Предлагая на обсуждение сформулированный выше закон языковой эволюции, естественным образом включающий в себя на первом шаге такие интерпретации, как «простота», «экономия» и даже «лень», по Е. Д. Поливанову, не можем не остановиться на некоторых как бы противоречащих ему и, во всяком случае, заставляющих задуматься, фактах индоевропейской диахронии.

Если временньюю компрессию и динамическое ударение считать более поздними просодическими феноменами, то тогда неясной остается проблема гипотетической реконструкции свободного динамического ударения в индоевропейском, перешедшего затем (!) к музыкальным акцентам (Семерены, 1980, с. 89). Наконец, еще более интересными предстают в новом свете факты аблautных чередований, апофония, доходящая до нулевых степеней гласного в безударных слогах и с обязательной полной представленностью гласного в ударном слоге. Последнее, впрочем, очевидно и предсказуемо, поскольку сама идея ударного слога связана с максимальной выраженностью и реализованностью его составляющих, что требует и больше реального времени.

Неясным остается другое — столь сильная редукция безударных слогов, предполагающая компрессию гораздо большую, чем в большинстве современных языков, где она не доходит до нулевой ступени. Строго говоря, возникает вопрос о причинах или даже о цели аблauta. Объяснений может быть три.

Первое. Предлагаемый нами закон односторонней эволюции вообще неверен. Эволюция не односторонна или — максимум — как тенденция может быть приравнена к диахронической фреквенталии.

Второе. Индоевропейский находился на некоторой высокой ступени развития, затем деградировал, а потом эту эволюцию проходили уже отдельные языковые семьи или даже отдельные языки.

Третье. За ступенями чередований стоит и сейчас активно действующая тенденция к изохронии произносимых речевых отрезков. Этими отрезками были слова, т. е. осуществлялся переход к по-словному произнесению. Столь резкая компрессия (и компенсаторное продление) обычно характерна для слов малой протяженности, в длинных словах все звуки сокращаются меньше. Поэтому можно предположить, что такие чередования возникли для форм словоизменения, когда аффиксальная сторона была развита мало, а слова представляли собой корни + малая добавка распространительного типа. За тенденцией к изохронности стоит перцептивная установка на восприятие определенных временных программ. Можно предположить, что временная программа восприятия в индоевропейском при переходе к по-словному периоду была меньшей, чем это принято думать. В этом случае и возникали так называемые «биномы Бенвениста».

В 1991 г. в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована моя статья, излагающая развернутую выше теорию языковой диахронии как эволюции (Николаева, 1991). Те же идеи были опубликованы еще в 1984 г. (Николаева, 1984). Поэтому особенно важным было узнать о сходных концепциях коллег, подтверждающих взгляд, согласно которому в самое последнее время языкознание снова начинает обращаться к общим вопросам. Например, Т. Янсон, о трудах которого будет речь идти ниже в связи с латинским ударением, пишет (Janson, 1991): «Я согласен с точкой зрения Мэддисона о том, что никоим образом нельзя исключать возможность того, что язык был изобретен единожды (only once), и состояние современных языков обусловлено тем, что произошло в первоязыке на его ранних стадиях». Т. Янсон

здесь поддерживает одного из наиболее известных исследователей фонетических универсалий Я. Мэддисона, прямо объявившего, что «наше понимание истории человеческой эволюции наводит на мысль о том, что язык (т. е. язык вообще. — Т. Н.) эволюционировал в течение длительного времени параллельным образом в разных земных регионах» (Maddieson, 1991).

На протяжении данной книги не раз будет обсуждаться так называемый «закон Вакернагеля» — классический пример того научного мышления, при котором существуют лишь слова, ударные и безударные, но никак не интонация как система. Но, забегая несколько вперед, необходимо сказать, что одна из недавних работ (Dunn, 1989) именно на примере «закона Вакернагеля» также подводит читателя-лингвиста к идеи односторонней языковой эволюции. Закон Вакернагеля звучал асинтаксически и асемантически: безударные слова (клитики) занимают вторую позицию в предложении. Между тем Г. Данн вслед за Б. Комри считает, что эта позиция и есть место между топиком и комментарием, т. е. «основная интонационная пауза внутри предложения». В древнегреческом, по мнению Г. Данна, первоначально сентенциальное ударение было в начале предложения. Им исследовано движение безударных клитик за период от Гомера до Евангелия от Матфея. Оказалось, что постулируемый сентенциальный акцент двигался от начала предложения назад, к концу, и ко времени евангелиста Матфея падал на глагол-сказуемое, как и в современном греческом. Итак, от закона Вакернагеля к современной тенденции ставить безударные клитики после глагола прошло 850 лет. По его мнению, эта тенденция в греческом была неизменной. А между тем, «учитывая сложность истории древней Греции, множество миграций, войн и завоеваний, регулярность этого процесса поражает и кажется запрограммированной заранее. Неизбежен поэтому вывод, что причины лежат в самом языке. Поскольку греческий — это индоевропейский язык <...> подобной же эволюции можно ожидать и в других языках индоевропейской группы» (Dunn, 1989, p. 17).

§ 2. Просодия слова

Очевидным центром просодических исследований является слово. А между тем, увлечение микропросодией (по-сложной) и макропросодией (единиц больших, чем предложение) привели в

последнее время к ослаблению интереса к слову и его данным. З. Нотебоом (Nooteboom, 1979) объясняет это недооценкой процессов восприятия в устной коммуникации, когда очевидно, что при восприятии связной речи слова опережают в сознании фонемное восприятие. В поздних работах З. Нотебоом высказывается еще определенное: «Настало время центром фокуса внимания в исследованиях речевой перцепции сделать слово, а не фонемы» (Nooteboom, 1981a). Он уточняет, что единицей является не словоформа, а значащие корнеморфемы. В согласии с этим прозвучали голоса в защиту по-словного обучения детей чтению вместо по-буквенного или по-слогового, при которых дети тратят напрасные усилия (Карлеп, 1987). Оказалось, судя по пионерским работам Л. Г. Зубковой (Zubkova, 1987; Zubkova, 1990 и др.), что фонетика слова демонстрирует далеко неслучайные просодические преференции: она связана с его частеречной принадлежностью, с семантикой и т. д. Но не все в этой увлекательной сфере пока поддается интерпретации. Так, например, нами было выявлено, какой ограниченный набор опорных консонантных инициалей определяет коммуникативный пласт (частицы, союзы, местоимения) славянских языков (Николаева, 1985). Было обнаружено также, что звук [r] недопустим для этого пласта, но очень активен в предлогах: *pro, contra, pred, skrz, через, пред* и etc. (Николаева, 1986). Несмотря на свою очевидность, явление это пока остается неинтерпретированным.

Реальность словесного отображения на просодической оси колеблется между тем от языка к языку, а для одного языка — от литературного языка к диалекту. Поэтому ни в каком случае нельзя самые эффективные экспериментальные данные, полученные для одного языка, экстраполировать на факты других языков. Так на фактах английского языка выводится твердое мнение о том, что «такая единица, как слово, существенного значения не имеет» (Фишер-Йоргенсен цитирует И. Лехисте: Fischer-Jørgensen, 1987).

В то же время Л. В. Калнынь демонстрирует реальность именно по-словной программы в русских диалектах (Калнынь, 1987; см. также Пауфошима, 1984). Французский язык идет еще дальше английского в отрицании слова как лексико-просодического единства: просодическое слово во французском языке есть сегмент от ударного слога до следующего ударного, т. е. он рассекает лексические единицы (Lehiste, 1983a, p. 229). Меняются по языкам реальные корреляции сегментных компонентов

слова, в частности, меняется соотношение долгих и кратких гласных. Так, долгие могут быть продолжительнее кратких: от 30% до 60% звучания по разным языкам (Кукольщикова, 1984, с. 34). При восприятии слова существенным оказывается и возраст реципиентов. Дети, как показывает эксперимент, тяготеют к большей глобальности в восприятии слова, чем взрослые (Sendlmeier, 1987).

Современные экспериментальные исследования показали, что в языковом сознании слово бывает представлено неравным по значимости образом по отношению к своей линейной протяженности.

Несмотря на указанную выше запрограммированную фонетическую целостность слова (фундаментальные работы Л. Г. Скалозуб также подтверждают тяготение слова к консонантному началу и вокалическому исходу, см., например, Скалозуб, 1984), оно существует — в перцепции, как минимум — в несколько трансформированном виде. Различаются два аспекта существования слова при распознавании. Во-первых, слово опознается по своим пограничным показателям: началам и концам. Это подтвердили работы З. Ноотбоома, причем, если в более ранних исследованиях говорилось о перцептивном доминировании начальной части (Nooteboom, 1981a), то в более поздних, где решался вопрос о приоритете префиксации/суффиксации (Nooteboom, Vlugt, 1988), выявились равная значимость этих показателей. Представляется все же, что вес инициали связан и со вторым аспектом перцептивного существования слова. Речь идет о новом понятии, введенном в последние годы когнитивной фонетикой, а именно — той протяженности, после которой слово уже не может смеяться ни с какими другими словами: так называемая *recognition point*. Представляется, однако, что понятие это разработано на базе языков малого суффигирования, в которых окончательное решение о слове может быть принято только в исходе его произнесения. Таким образом, *recognition point* способствует принятию решения о единственности лексемы, но не единственности слова. Ценность «избыточной» прокладки для восприятия также находит подтверждение в специальных экспериментальных исследованиях (Nooteboom, Doodeman, 1980).

В пределах самого слова и его просодии нами было предложено (Николаева, 1977; Nikolayeva, 1983) различать в качестве автономного явления так называемую схему слова. Под схемой слова понимается модель распределения сильных и слабых (т. е.

максимально и минимально выраженных) точек реализации параметров просодии в пределах слова, независимых от места и способа реализации ударения. Так, например, для славянского слова сильной точкой интенсивности является начало слова, а слабой — его конец. Напротив, для длительностного параметра именно конец слова является сильной точкой. Ударение накладывается на схему слова, заданным, по нашему представлению, образом, модифицируя эту схему слова. Например, если в трехсложном слове —— ударение падает на первый слог: *нáводок*, то интенсивность начального слога станет увеличенной, а если ударение размещается на конечном слоге: *парохóд*, то увеличенной будет длительность последнего слога. Наиболее свободными в этом отношении оказываются способы реализации ударения в центральных слогах слова. Обрисованная модель учитывает и ориентированность на тип выражения ударения в каждом языке (см. далее иллюстрации на рис. 1).

Особым ареалом слова как цельной линейной протяженности является наличие в нем зоны, тяготеющей к передаче ударного слова, так называемой «акцентной зоны» (Beckman, 1986, p. 39). Именно это понятие акцентной зоны было разработано в связи с изучением размещения ударения в латинском и древнегреческом языках. Эта зона получила название «конечного ансамбля» (помимо об этом см. Тронский, 1953; Тронский, 1962). Вариации расположения ударения в конечном ансамбле определяются квантитативным критерием: долготой-краткостью трех последних слогов.

Тяготение размещения ударения к конечной зоне слова (во всяком случае, для слов малоизвестных и/или иностранных) было обнаружено нами в одном эксперименте (Николаева, 1971). Вариации расстановки ударения определялись для русского языка открытостью/закрытостью последнего слога и типом гласных конечной зоны (их абсолютными микропросодическими характеристиками).

М. Бекман определяет три «излюбленных» места для размещения ударения в анализировавшихся ею языках: это — 1) начальный слог, 2) конечный слог, 3) предпоследний слог (Beckman, 1986). Наличие именно этих точек объясняется, на наш взгляд, для первого и конечного слогов сильными точками схемы слова, о которых говорилось выше (т. е. эти точки хорошо прослушиваются и на них реализуются мелодические переломы при по-словной просодии). Пенultimate позиция как благоприят-

ная для акцентогенности может объясняться несколькими причинами, на которых мы сейчас останавливаться не будем.

Так же, если можно говорить о слове, как о центре просодического описания, можно говорить об ударении, как о центре просодии слова. Вокруг ударения концентрируется практически всё, связанное со словом — даже если доказывают отсутствие ударения в языке анализа; именно ударение является центром негативного отталкивания.

В настоящее время существуют два способа определения ударения: фонетический и фонологический. Фонологический, более абстрактный, представлен в работах фонетистов, вкушивших методические трудности и экспериментальные парадоксы нахождения признаков ударения в конкретном звуковом потоке. При этом подходе ударение обычно квалифицируется как воспринимаемое на слух выделение одного из слогов слова. В последнее время стали подчеркивать «словарность» слова, его лексическую прикрепленность (Cutler, 1984, р. 77). «Ударение — это то, что отмечается в словарях» (Keijsperg, 1987, р. 115).

Фонетический подход к ударению — такой, когда ударение тоже понимается как выделение одного из слогов слова, но при этом оно связывается с конкретными акустическими параметрами. Фонетический подход свойственен также и фонетистам, но чаще всего — исследователям исторической фонетики, акцентологам и индоевропеистам. Как мы постараемся показать далее, такая конкретность подхода к реализации ударения оказывается подчас обременительной, особенно в тех случаях, когда речь идет о величинах реконструируемых и в достаточной степени абстрактных. Близкие идеи — о различении двух подходов к ударению — были высказаны при анализе языка Криоль (португальского креольского). Предлагалась методика фонологического подхода: 1) спрашивать носителей языка о месте ударения; 2) параллельно выводить дедуктивным способом место ударения из акустических показателей (Laks, Kihm 1991).

В принципе, с тем, что априори ударение может выражаться любым доминирующим акустическим параметром или любой комбинацией из набора возможных акустических параметров, соглашаются все исследователи звукового строя. См. еще у Н. С. Трубецкого: «Ударение можно определить как вершинообразующее выделение, реализуемое разными путями: с помощью экспираторного усиления, с помощью повышения высоты тона, с помощью удлинения, с помощью тщательной и энергич-

ной артикуляции того или иного гласного или согласного» (Трубецкой, 1960, с. 230); Д. Болингер пишет о пяти «ключах» ударения: повышение тона, длительность, громкость, ритм, качество гласного (Bolinger, 1986); ударение — это и частота основного тона, и время, и спектр, и интенсивность (Formen und Funktionen, 1985, с. 17); ударение может выражаться и повышением голоса и усилением его (Jakobson, 1962а, р. 107); ударение, будь то силовое ударение или музыкальное, «интонация» (Сэпир, 1934, с. 62); «ударение — это выделение одного слога внутри слова по сравнению с другими его слогами. Важнейшими средствами такого выделения являются интенсивность, выыхание, высота тона и длительность» (Семерены, 1980, с. 86) и т. д. Однако теоретические сложности возникают не при обсуждении того, чем может выражаться ударение, но — чем оно обязано выражаться и каков допустимый минимум этого выражения.

Типологически очевидно, что каждый язык допускает максимальную выраженность ударения, но предпочитает один из параметров остальным. Так, мы называем языки *f*-ориентированными, *t*-ориентированными и *i*-ориентированными (Nikolayeva, 1983).

М. Бекман, опираясь на ту же идею словарной регистрации ударения, делит языки на *stress accent languages* — те, в которых на лексическом уровне описываются не интонационные показатели, а вес слова, его сила, и на *non-stress-accent languages* — те, в которых тоновые показатели регистрируются на словарном уровне, т. е. языки с музыкальным ударением (Beckman, 1986).

Рассмотрим каждый из акустических претендентов на роль выразителя ударения.

Интенсивность. Роль динамической характеристики при выражении словесного ударения настолько очевидна («любое ударение является динамическим» — Семерены, 1980, с. 80), что несомненность этого привела, по сути, к двум терминологическим омонимам. А именно: «ударение» — это и идея выделения слога в слове, это и способ этого выделения (т. е. под ударением понимается именно силовое ударение). Эта двойственность термина «ударение» в синхронистическом описании не доставляет трудностей исследователю, поскольку динамическое ударение или является доминирующим показателем ударности, или является (может являться!) признаком, сопровождающим основной.

Более сложной и методологически важной является проблема динамического ударения в диахронии. Существенен здесь ответ на следующие вопросы: 1) существовало ли в реконструируемый период динамическое ударение вообще? 2) было ли оно параллельным с другими средствами выделения слова, например, тональными? 3) налагалось ли оно на тональные средства или располагалось на другом месте в слове? 4) если да, то куда же исчезало это ударение, когда старое музыкальное ударение в ряде языков, как известно, стало передаваться нетональными средствами?

Считается, что в ведийском было только музыкальное ударение: «В ведийском языке ударение было музыкальным по преимуществу и характеризовалось высотой тона гласного» (Елизаренкова, 1982, с. 104). Мейе, например, достаточно глохо говорит о силовом ударении в реконструируемом индоевропейском: «и.-е. тон сводился к повышению голоса, без заметного усиления. Нет никаких следов, чтобы в и.-е. фонетике играло какую бы то ни было роль силовое ударение» (Мейе, 1938, с. 163–164). Остается неясным, существовало ли словесное ударение в и.-е. в нашем современном понимании. Поздние исследователи уже говорят о параллелизме силового и музыкального ударений в раннем периоде. Например, «наряду с тонами в прайзыке существовало кульминативное словесное ударение. Оно, по-видимому, падало на первый слог, не имело фонологического значения; объяснялось это тем, что первый слог был корневым, язык же был суффигирующего типа» (Герценберг, 1979, с. 37); см. далее о том, что ударение первоначально выделяло важную часть слова, словесное ударение и слоговые интонации не связаны (Герценберг, 1981, с. 321). Итак, речь идет о первом подударном слоге в и.-е. В то же время — «...ясно, что связанное ударение представляет собой инновацию по сравнению со свободным, и что, следовательно, реконструкция индоевропейского ударения должна опираться на языки со свободным ударением» (Семереньи, 1980, с. 89), см. также: «...ударение в и.-е. было свободным» (Фортунатов, 1956, с. 444). Итак, на первом слоге или свободное?

Наконец, обратим внимание еще на одно обстоятельство. С. Д. Кацнельсон, анализируя факты акцентологии германских языков, пишет о том, что «помимо словесного ударения, в шведском и норвежском языках имеется два „акцента“, создающих возможность дополнительного смыслоразличения в слове» (Кацнельсон, 1966, с. 13). И далее С. Д. Кацнельсон показывает, что

«основными средствами фонетических реализаций акцентов являются интенсивность и тон» (там же, с. 29).

Итак, по С. Д. Кацнельсону, в слове может быть два ударения и оба выражаются интенсивностью.

«Параллелизм интенсивности и тона в акцентах уже не раз отмечался исследователями», — пишет в той же книге С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, с. 21). Именно эта верная фонетическая идея привела В. А. Дыбо к важной коррелятивной идее замены архаических индоевропейских тонов динамическим (силовым) ударением: «Рассмотрение типологически аналогичных систем и их сравнительно-исторический анализ показывает, что такого рода системы возникают из тоновых систем с силовым контуром, сопряженным с тонами, при фонологизации силового контура, вызванной падением тоновых различий» (Дыбо, 1981, с. 10). Эта идея повторяется и развивается далее Л. Г. Герценбергом: формирование свободного ударения из тоновых сандхи (Герценберг, 1981, с. 159). Действительно, всякий подъем тона не в конечной фразовой позиции влечет за собой и динамическое усиление, которое потом может фонологизироваться. Однако за всем этим (реконструкцией В. А. Дыбо, анализом фонетики скандинавских акцентов С. Д. Кацнельсоном) стоит неясной тенью судьба загадочного силового ударения, которое является отдельным от словесного акцента. Выше задавался вопрос о том, где же оно размещалось; теперь можно спросить и иное: куда же оно, то, «другое», девалось после фонологизации силового ударения на месте праязыковых тонов? О судьбе этого, столь привычно в начале упоминаемого, силового индоевропейского ударения никогда не упоминается. Или о нем «забывают», или оно — артефакт. Более того, в акцентологических работах под ударением часто имеют в виду только акценты: сдвиг ударения, мена ударения — это мена акцентов. Между тем, держа в памяти декларацию об «отдельном» силовом ударении, можно, желая быть корректным, возразить, что, глядя на модификации акцентной парадигмы, мы об «ударении» ничего из нее не узнаем.

Можно предположить, что вся эта явная и скрытая запутанность в вопросе о диахронии силового ударения заставила А. А. Зализняка вообще избегать термина «ударение», оставляя за ним лишь четкие узкие границы: «Соответственно, термин „акцентуация“ может употребляться, в частности, применительно к языку в целом (например, „праславянская акцентуация“, „совре-

менная русская акцентуация“). В этом случае возможен также термин „ударение“, но он уместен лишь там, где существует только один тип просодического выделения (например, „современное русское ударение“, но не „праславянское ударение“)» (Зализняк, 1985, с. 6).

Как представляется, все эти проблемы с силовым ударением реконструируемой древности могут быть разрешены в рамках единой объясняющей теории. А именно — предлагаем вернуться к введенной нами идеи схемы просодии слова (см. выше), где сильной точкой интенсивности слова безотносительно к месту ударения является начало слова, его первый слог. Фонологизация просодических явлений есть кодификация в парадигматике явлений потенциально для этой функции пригодных, но градуальных по сути. Поэтому, вероятно, начало слова было усилено и в индоевропейском языке (см. теорию первого слога у Л. Г. Герценберга) — так, как оно усилено и в современном русском языке, и не играло смыслоразличительной роли так же, как это имеет место и в современном русском языке. Оно выделяло слово, очерчивало в сознании воспринимающего его начальную границу, делало ее хорошо слышной, но оно не воспринималось как кодифицированный фонологический элемент — так же, как это не воспринимается в русском слове типа *пароход*, *таракан* (т. е. в словах, где нет кодифицированного сознанием ударения на первом слоге — *пáводок*, *тáпочки* и под.). Смылосозидающую функцию, видимо, выполняло тональное (музыкальное) ударение. После падения тоновых различий у языков оказалось три возможности: 1) сохранить вообще тональные акценты; 2) кодифицировать те силовые усиления, которые сопровождали тоновый акцент; 3) кодифицировать сильное динамическое начало, т. е., проще говоря, принять ударение на первом слоге. Все эти три вариации мы и имеем в общеиндоевропейском и — уже — в славянском наследии.

Предлагаемая нами теория, как представляется, распутывает указанные загадки с реконструируемым силовым праударением. Более того, она показывает, что, по сути, правы все авторы, как будто бы противоречие друг другу. Это и Л. Г. Герценберг, говорящий об ударении на первом слоге, не несущем смысловой функции (это восходит и к идеи Р. Якобсона о так называемом «рецессивном» начальном ударении, которое и в позднем периоде осуществляли и.-е. и славянские языки), это и В. А. Дыбо, выводящий позднее силовое ударение из динамического усиления при тональных ак-

центах (в том смысле прав и О. Семерены, утверждавший, что всякое ударение в конце концов «динамическое»), это и А. Мейе, сомневающийся в весомости силового ударения в индоевропейском, это и те, кто считал индоевропейское ударение свободным (поскольку в данном случае речь шла о тональном «ударении»). Вспомним также выводы М. Бекман о первом слоге слова как об одном из излюбленных мест ударения.

Вообще о значимости первого слога написано в последнее время очень много. Так, П. Мертенс (Mertens, 1991) считает даже, что во французском языке есть два места словесного ударения: конечное и инициальное, последнее используется при эмфазе. В английском языке при нежелательном стыке двух ударных ударение переносится именно на первый слог: *Missisípi river* → *Missisípi* (Shattuck-Hafnagel, 1991). Даже в слабоударном грузинском речь может идти именно об ударении на первом слоге (McCoy, 1991).

Наиболее подробно значимость инициалей для слова показана в последнее время Л. Г. Зубковой (Зубкова, 1990, с. 197 и далее). Вообще Л. Г. Зубковой впервые отчетливо сформулирована сложность просматривающихся в просодии и фонетике слова корреляций сегментных и суперсегментных характеристик, точнее, обусловленность первых последними.

Однако в предложенной выше теории акцентогенных точек не было отведено место пенультимуальному ударению и вообще конечной зоне слова. Для этого нужно обратиться к другому акустическому параметру — к **длительности**.

В декларируемом обычно наборе способов реализации словесного ударения, как правило, называются два основных параметра: высота и интенсивность. См. у А. Мейе: «В фонетическом слове один из слогов может произноситься выше или сильнее других» (Мейе, 1938, с. 161). Если же в общих пособиях о выражении ударения говорится с максимальной подробностью, то обязательно упоминается и временной фактор: «Фонетически это выделение (ударение. — Т. Н.) реализуется разными путями: с помощью экспираторного усиления, с помощью повышения высоты тона, с помощью удлинения» (Трубецкой, 1960, с. 230); «Важнейшими средствами такого выделения являются интенсивность, высота тона и длительность» (Семерены, 1980, с. 86). Однако в этих определениях, число которых легко можно увеличить, остается неясным важный для нас вопрос: может ли длительность служить если не единственным, то хотя бы основным

средством реализации ударения. То, что такие случаи типологически возможны, демонстрирует современный русский язык, для которого стала очевидной доминантность длительности в ударении. Почему же так долго ранее и с таким упорством сейчас говорят об «экспираторном» характере русского ударения? Очевидно, что здесь работают факторы не языка, но лингвистики. Лингвисты многих поколений твердо знали, что «в фонетическом слове один из слогов может произноситься выше или сильнее других». «В ударении слов различаются: 1) ударение выдыхательное, или экспираторное (по силе голоса); 2) ударение музыкальное, или тоническое (по высоте голоса); 3) ударение смешанное» (Фортунатов, 1956, с. 109). «И музыкальное ударение (интонация) может выступать как момент функционально значимый и даже, по-видимому, чаще, чем силовое ударение» (Сэпир, 1934, с. 62) и др. Таким образом, длительность попадала в качестве показания ударения в рубрику *tertium non datur*.

Лингвистические трудности для приемлемости длительности как показателя «ударения» создавали следующие факторы. Во-первых, «фонетическая» долгота, т. е. долгота гласных двух видов: «исковая», восходящая к двум видам одного гласного, долгому и краткому (представляется, что в этом вопросе данные индоевропеистики вполне надежны), и «приобретенная» — в результате стяжения дифтонга и компенсаторного характера. Во-вторых, «фонологическая» долгота, реализующаяся фонетически в виде противопоставления долгих/кратких как в ударных, так и в неударных слогах. Как представляется, оба этих явления принципиально различны. Фонетическая долгота не препятствует тому усилению длительности, которое обязательно для выделения одного слога, «ударности». Просто гласные «ударного» слога, по природе долгие, будут еще длительнее, краткие — сильно продлеваться, но имманентная разница между ними может сохраняться, не препятствуя ударности, выделению. Эта исконная разница не является препятствием для выражения ударения в той же степени, как исконная разница в абсолютной длительности каждого гласного (т. е. факты микропросодии, теперь уже очевидные и для длительности, и для высоты тона, и для интенсивности).

Фонологическая долгота, как всё, что отмечается этим термином: «фонологический», должна *восприниматься*. Поэтому в тех языках, где существуют безударные долготы фонологической значимости, язык и не выбирает в качестве основного параметра

ударения длительность. Можно сказать и наоборот: в тех языках, где длительность не является ведущим показателем ударения, может осуществляться фонологизация безударных долгот. (Эта, последняя, формулировка кажется более точной, так как, по нашему мнению, фонологизация вообще есть вторичный процесс становления языка как системы.) Именно так не доминирует длительность в выражении чешского и словацкого ударения, немецкого и др.

Итак, предлагается на обсуждение гипотеза о том, что, например, в классическом латинском ударение и было длительностью (обычно вопрос о латинском ударении этого периода как-то смущенно замалчивается). Точно так же можно считать, что хеттская графика, передавая «полное» удвоенное изображение гласного (Иванов, 1989), не передает ударность через длительность, воплощенную графически, а что в хеттском «ударность» и выражалась через длительность. Мысль эта, как будет видно далее, носит типологический характер и непосредственно касается просодии ударения в языках Балкан.

Помимо способности реализовать только через себя выделение одного слога в слове, т. е. ударность, длительность является обычно сопроводителем ударения, выраженного и другими способами. Проще говоря, чтобы быть воспринятым, звук должен успеть реализоваться во времени. В этом отношении так как каждое ударение в той или иной степени динамическое, оно и темпоральное. Эта удлиненность ударного слога отмечается для многих языков. См. у Аллена: «Удлинение ударного слога — характерная черта многих современных языков, например итальянского, русского, греческого (Allen, 1973, р. 80); «длительность — один из основных ключей к восприятию ударения» (Janson, 1979, р. 44); в исландском языке ударные — долгие, а безударные — краткие (Stond-Jensen, 1987). Число подтверждений этому увеличить легко; существенно то, что, как показывают данные конкретного языка (в данном случае — литовского), это свойство — сопровождать ударный гласный — может диахронически эволюционировать. Д. Ф. Робинсон показывает (Robinson, 1987): 1) до 1650 г. (разумеется, это условная дата) длительность отличала неконечные «низкие гласные в корнях и двусложных суффиксах; 2) с 1650 г. длительность отмечала низкие гласные в заимствованных словах; 3) затем длительность стала отмечать гласные в корнях. В настоящее время «ударение и длительность неразрывно связаны» (*ibid*, р. 48).

Важно, что по языкам ударение сопровождается длительностью в большей или меньшей степени: от минимальной до максимальной, т. е. способностью быть основным показателем выделенности слога в слове.

Но если длительность сопровождает интенсивность и тон, то существует и обратное: долгие слоги воспринимаются носителями других систем или даже носителями других социолектов как ударные, силовые. Именно так, например, воспринимают чешские долготы русские, говоря, что в слове *děkují* ударение на последнем слоге. Поэтому протяженный во времени слог воспринимается и как динамически ударный.

Если снова обратиться к выдвинутому выше положению о схеме слова, то целесообразно вспомнить, что сильной позицией по длительности является конец слова. При этом: в том случае, если данный язык является *t*-ориентированным, т. е. доминантным признаком ударения является длительность, конечная часть слова (при наличии на ней выделения) становится сверхдлительной. Впоследствии — так же, как и фонологизация тонового контура через силовые средства (см. выше цитату из В. А. Дыбо), происходит фонологизация конечной длительной зоны и на ней фиксируется «ударение», которое может потом выражаться и несобственно темпоральным способом. Именно из этого источника возникают, как представляется, акцентогенная сфера последней части слова и фиксированное пенультиимное ударение (две последних излюбленных точки ударения, о которых пишет М. Бекман). См. о том, что в конце слова в нанайском языке все гласные позиционно долгие (Радченко, 1986).

Таким образом, по нашей гипотезе, две сильных точки схемы слова: динамически сильное начало и длительностно сильный конец, — являются как бы потенциалом для реализации фонологизированного ударения, который язык может использовать или не использовать (см., например, работу А. Тер-Аванесовой о «ляпанье» — переносе в говорах ударения на первый слог: Тер-Аванесова, 1989). Что же такое тогда фонологизированное ударение? Это ударение кодифицированное, т. е. воспринимаемое активно носителями языка, проще говоря, то, что будет ответом на вопрос: где в этом слове ударение? Сильные же точки просодии воспринимаются как автоматизированные механические оформленители слов, фонологическим сознанием не регистрируемые (см. в следующем разделе различие акцентного и фразового ударений на уровне просодии фра-

зы). Итак, сильные точки акцентогенны, т. е. потенциально ударны.

Введение категории осознанной услышанности ударения обращает наше внимание и на возможное несовпадение данных экспериментального анализа и осознанного восприятия звуковых единиц человеком, например, в трехсложном слове типа —— первый слог может быть самым интенсивным, а последний — самым длительным, однако все будут «правильно» слышать ударение в середине. Обращение к человеческой перцепции и когнитивным факторам продемонстрировало асимметрию анализа и синтеза звукового потока.

Это возвращает нас к основной идеи Н. С. Трубецкого, которая, по сути, является отправной точкой всей его теории, но которой специально уделялось не так много внимания. Речь идет об осознанности фонологических компонентов как элементов воспринимаемых, см.: «...наличие в сознании каждого члена языковой общности единого языка является предпосылкой любого речевого акта... Язык существует в сознании всех членов данной языковой общности...» и т. д. (Трубецкой, 1960, с. 7).

Таким образом, всякая фонологизованная единица есть когнитивный факт в отличие от фактов чисто фонетических. Фонологическая единица становится таковой, лишь пройдя через порог ее осознанного восприятия и фиксирования в этом отдельном качестве носителями языка.

Это подводит нашу мысль об усилении изначально ярких по просодической выраженности точек просодической схемы слова к идеи Трубецкого—Якобсона о фонологизации как процессе. «Возникновение фонологического различия можно назвать „фонологизацией“ (или „фонологической валоризацией“), т. е. приобретением фонологической значимости» (Якобсон, 1985, с. 119). Фонологизация противостоит: для сегментных единиц — смешивание их с другими в некий диффузный класс, а для суперсегментных, более сложных по интроспекции, — их автоматизированная выполняемость, неосознанность их различительной способности.

В этом плане фонологизация может быть результатом длительной эволюции, и потому, если в языках-потомках нечто фонологизировалось, оно может быть еще не фонологизировано в языке-источнике.

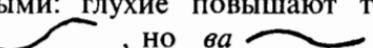
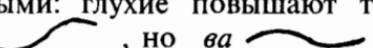
Как пишет Н. С. Трубецкой, «звуковое изменение происходит только тогда, когда имеет место подобный сдвиг в субъектив-

но-фонетической трактовке соответствующих звуковых вариантов...» (Трубецкой, 1987, с. 208), т. е. для Трубецкого необходима фонологичность сознания субъекта речи. Этим идеи Н. С. Трубецкого родственны современной когнитивной лингвистике.

Между тем для просодических феноменов существует изначальное препятствие в их движении по пути фонологизации. Дело в том, что, как пишет Н. С. Трубецкой, фонологические звуковые различия в отличие от фонетических «не знают переходных зон» (Трубецкой, 1987а, с. 33). Просодические особенности реализации ударения характеризуются тем, что ударение, став таковым, начинает входить в привативную оппозицию: есть здесь ударение/нет, тогда как фонетические данные при этом шкалированы и градуальны, «ударный слог» может по своим показателям отличаться от неударного практически минимально.

Итак, фонологизация есть по своей сути кодификация, перевод явления в парадигматический феномен. Кодифицировать — значит усилить потенциальные акцентогенные компоненты просодической схемы слова до того порога, после которого усиленный участок и будет восприниматься как сильный, т. е. как ударение.

Следующий параметр реализации ударения, существенный для анализируемых в данном исследовании языков, это **мелодические характеристики**. Здесь, при обобщении, выделяются две группы характеристик: 1) частота маркирует ударный слог увеличением частотного показателя до максимальной реализации, т. е., проще говоря, ударный слог в слове — самый высокий. Форма мелодического рисунка при этом безразлична, неревантна; 2) форма мелодического рисунка в районе ударного слога существенна, она выполняет смыслоразличительную нагрузку. В первом случае говорят о пиках подъема, во втором — о тонах, музыкальных ударениях.

Работы последних десятилетий по тоногенезу (Homber, et al., 1979; Homber, Ohala, 1982) показали единство возникновения тональных различий из комбинаций с глухими и звонкими слогообразующими согласными: глухие повышают тон гласного, звонкие понижают: *ra* , но *va* . Гласные сами по себе могут менять высоту мелодики, гася влияние согласных. Поэтому получается (TH) четыре типа слога: 1) (высокий); 2) ; 3) (низкий); 4) ; в связи с этим было бы интересно пересмотреть фонетический состав корней в словах-энклиноменах.

Это различие закрепляется, фонологизируется и становится признаком гласного. Убедительные данные о независимом тоногенезе в трех разных мон-кхмерских языках: *кам* *му*, *ху* и *у* (Svantesson, 1987) демонстрируют необязательность генетических связей, реконструируемых на основании только наличия тональных феноменов. Однако просодическая наука пока не в состоянии ответить на вопрос, почему одни языки сохраняют тональные словесные оппозиции, а другие — нет. Р. Якобсон отмечал сохранение тональных оппозиций на периферии евразийского ареала, в частности, для европейской части — это зона Балкан (сербохорватская, словенская зона) и зона Скандинавского полуострова с примыкающей к ней областью рейнских акцентов (Jakobson, 1962b). Однако это тоже констатация фактов, но не интерпретация языковых изменений.

Важным для описания языков этой зоны вопросом является выяснение фонетического сходства акцентов в языках указанной зоны. Создается впечатление, что у скандинавских языков так называемый «акцент 2» сходен по форме с долгим восходящим в сербохорватском языке (Кацнельсон, 1966, с. 14–17), возможно, что эти фигуры имеют один рисунок. Существенно и другое обстоятельство. Уже более ста лет (см. Masing, 1876) обсуждается вопрос о двусложности/односложности сербохорватских акцентов. Более подробно все эти вопросы будут обсуждаться в соответствующих разделах, однако важно сказать сейчас, что именно в этом случае со всей очевидностью можно отметить, что исследуемая суть может представать в разном обличье в зависимости от априорного подхода фонетиста-исследователя. Недавние споры о сущности сербохорватских акцентов в голландской лингвистике (Keijspel, 1987; Gvozdanović, 1987) показали, что одно и то же по форме тональное явление предстает как разные типы, если рассматривать только «ударные» слоги, и как один, если отвлечься от сегментного наполнения.

Тон неотделим от времени (см. об этом подробно для китайского языка: [Rumyantsev, 1987]. В этом отношении он отличается от пика — показателя ударения, для которого более важен частотный максимум. Поэтому для выполнения тона бывает необходима некоторая временная данность, которая во многом определяется и фактами микропросодии, а не только числом слогов. Например, во французском языке наиболее длительные: согласный [s], гласный [a]. Поэтому *sa* имеет длительность, по данным А. ди Кристо, $184 + 185,5 = 369,5$ мсек, а *vi* = $108 + 109 = 217$ мсек (Di Cristo, 1985,

р. 443). Как оказывается, гласные короче перед глухими, чем перед звонкими, поэтому тон может быть как бы обрезан (Hombert, Ohala, Evan, 1979). Поэтому на более позднем акцентологическом этапе нельзя забывать, что мы имеем дело с фонологизацией в виде силового ударения не всего тонального контура, а иктуса, который обычно умещается в пределах одного слога.

Всё, сказанное выше об акустических параметрах ударения, нуждается в существенной коррекции в том отношении, что указанные свойства могут быть выражены в большей или меньшей степени. Иначе говоря, в языке ударение, каким бы оно ни было, может быть сильным или слабым. Именно этот критерий участвовал в типологическом описании просодии славянских языков (Николаева, 1977); для диахронии это разделение введено Л. Г. Герценбергом, сформулировавшим различие сильно и ровноакцентных языков (Герценберг, 1981, с. 21 и 59). Идея сильного и слабого акцентов здесь не соотносится с делением на акт и циркумфлекс.

Таким образом, утверждается, что:

1) хотя ударение в слове редко бывает выражено одним каким-либо способом, существуют *f*-доминантные, *t*-доминантные и *i*-доминантные языки;

2) при этом ударение может быть выражено сильно или слабо;

3) целесообразно различать собственно ударение, которое может быть в любом месте слова, и схему слова — с сильными динамическим и темпоральным участками. Эти две точки потенциально акцентогенные;

4) сильные точки схемы отличаются от собственно ударения фонологической кодифицированностью последнего. Ударение слышно и опознается носителями языка, сильные точки схемы есть автоматизированный факт фонетики слова. Таким образом ударение проходит через порог восприятия и становится фактом языковой фонологии;

5) в диахронии происходит фонологизация вторичных компонентов ударения. Поэтому они могут фонологизироваться в виде силовых сопроводителей тона при падении тональных различий (В. А. Дыбо). Так же возникает силовое ударение и при исчезновении доминантности длительностных характеристик. Так же, усиливаясь, делается силовым ударением повышенная акцентно начальная точка слова.

Те терминологические трудности, которые связаны с русскими понятиями ударение, акценты, тоны и т. д. в равной степени рас-

пространяются на иноязычную просодическую терминологию. Поскольку для нужд типологического описания просодии необходимо четко осознавать, что стоит за базовыми понятиями неотечественной просодической литературы, считаем целесобразным остановиться на двух базовых англоязычных терминах: stress и accent. В Большом фонетическом словаре (*A grand dictionary of phonetics*, 1981, р. 2, 569) оба понятия переводятся одним русским словом «ударение» (*udarenje*). Однако понятийные поля обоих слов не совпадают ни с полем слова «ударение», ни «ударение vs акцент», хотя можно говорить о большом количестве смысловых пересечений.

Согласно Словарю, stress имеет значение как выделение слога путем увеличения энергии выдохания и мускульной энергии.

Stress accent — это accent, продуцируемый комбинацией акустических феноменов (в числе от двух до четырех): 1) сила; 2) точность артикуляторного движения; 3) длительность звука; 4) частотные вариации (или их потенциальная возможность). Языки делятся на pitch accent — языки в которых stress не играет роли (например, китайский) и stress accent (английский, русский, немецкий, испанский). В шведском и норвежском представлена комбинация обоих видов accent.

В этом же словаре в статье относительно accent говорится о целом ряде недоразумений, связанных с этим словом. По определению, это особая звуковая форма, выделяющая слог через stress или через pitch. Одни языки употребляют stress для accent, а другие — pitch. Реально же «не существует stress без pitch и наоборот». Не рекомендуется считать акцентной единицей слово-сочетание или часть предложения. Акцент — это тон (см. выше. — *T. H.*), привязанный к минимальной семантической единице. Сейчас утеряна разница между accent, intonation, prominence. Об английском accent (р. 3) сообщается, что это специальное усиление stress на слоге, которому приписывается prominence по отношению к другим слогам.

Как можно видеть, эти определения почти тавтологичны и нечетки. Реальный же узус лингвистических описаний говорит о двух значениях слова stress. Одно из них соответствует русскому понятию «динамическое ударение». Второе — факт лингвистического описания, просодического метаязыка. Лингвистический феномен stress не соответствует в точности физическому феномену, определяемому как stress (Beckman, 1986, р. 13). В этом значении stress есть стабильная характеристика слова, метка его

выделенного слога, фиксируемая в словаре и в высказывании не варьирующаяся. См. stress — это свойство слов, accent — свойство высказываний. Они не независимы. Accent обычно реализуется на слоге, маркированном через stress (Cutler, 1984, p. 77). Это различие сформулировано Д. Болингером: «слог под stress есть тот, который потенциален для accent» (Bolinger, 1986). Таким образом, в англоязычной просодической литературе на уровне высказывания stress — словарно закрепленные словесные ударения — являются как бы гвоздями, на которых закрепляются мелодические пики со смысловым заданием — accents. То есть accents — это некие точки в мелодике высказывания. Так они понимаются при речепорождении: «Внутри мелодики некие характерные резкие движения тона используются, чтобы выделить отдельные слоги. Эти движения — accents» (Bolinger, 1986, p. 9). При речевосприятии: «В процессе речи некоторые слоги становятся перцептивно выделенными просодическими средствами, как правило, интонационными. Эти слоги акцентированы. Обычно accents располагаются на лексически stressed слогах слова» (Nooteboom, Kruut, 1983, p. 3). «Словесный accent, т. е. просодическое подчеркивание на уровне слова» (Gvozdanović, 1987, p. 199). Но и «accent» — это фонетически нейтральный термин для акустического подчеркивания» (Pulgram, 1975, p. 117) — т. е. не только мелодика. Accent означает и совокупность просодических подчеркивающих средств (Beckman, 1986). То есть «акцент» — это 'музыкальное ударение' в тех случаях, когда говорится об исторической и сравнительной акцентологии. Правда, в этом случае стараются употребить слово tone. Тогда «accent является более суперсегментным, чем tone» (Beckman, 1986, p. 28), поскольку tone — есть также словарная характеристика слова. Итак, справедливо замечание о том, что «понятие accent все еще остается плохо очерченным» (Nooteboom, Terken, 1982, p. 319). Более того, акцентом называется не только само расположение мелодических пиков на ударных слогах слова, но и определенная семантика этой мелодики. Так, Болингер говорит о двух функциях интонации: accent и intonation. Акценты дифференцируют в высказывании важную часть и неважную (Bolinger, 1986, p. 12).

Будет справедливым сказать, что ударения — stresses — тоже не рассыпаны по высказыванию как простая сумма стоящих за ними слов, а организованы в англоязычной просодической теории в некую иерархию — метрическую решетку (metrical grid), построенную в виде некоторого числа ярусов. Эта решетка сво-

дится к одному гласноударному слогу: Nuclear Stress. Теория эта давно разрабатывается в трудах Либермана, Принса, Селькирк (Prince, 1983, 1989; Liberman, Prince, 1977; Selkirk, 1984).

Идея NSR (Nuclear Stress Rule) связывается с порождающей фонологией высказывания Н. Хомского—М. Халле. Однако в их теории ударные слоги высказывания и система фразовых ударений была слита с мелодическим компонентом интонации. В новом преломлении NSR-система отделена от мелодики, но сопрягается с ней, поскольку смысловое задание диктует место иерархически высоких stress и тип накладывающихся на них мелодических фигур.

Всё сказанное выше относилось к ударению — центру просодии слова. Между тем просодические процессы охватывают и безударные его части, и слово в целом. Так, например, в разговорной быстрой речи возникает сокращение (редукция) в безударных слогах. Это отмечается для болгарского языка (Groen, 1987), для английского языка (Shockey, 1987) и для нанайского. Сформулировано в виде общего правила это было еще Р. Якобсоном: «Ударные фонемы продлеваются, а безударные, соответственно, сокращаются» (Jakobson, 1962a, p. 135). Однако современные исследования показывают, что компрессия безударных не бесконечна и что этот феномен типологичен: так внутренние вариации длительности во французском языке меньше, чем в английском, немецком, японском, и ближе к эстонскому и шведскому (Di Cristo, 1985, p. 398). Существенен для просодии слова и тип примыкания гласных и согласных друг к другу, при котором меняется просодическая модель слова. Так, перед глухими все гласные сокращаются (см. Hombert, Ohala, Ewan, 1979, а также Кукольщикова, 1984). Для японского языка было продемонстрировано (Sawashima, Kirutani, 1987, p. 149), что в последовательности CVC на V больше влияет предшествующий C, а в последовательности VCV на C влияет последующая гласная. Таким образом минимальной когезивной формой в японском оказывается CV. Это же подтверждается и наблюдениями ди Кристо на французском материале о том, что именно последующая гласная влияет на согласный (Di Cristo, 1985, p. 343). Д. Охала, Х. Кавасай считают иначе: в VC больше отражено C, чем C в CV (Ohala, Kawasai). Сходные наблюдения о русских северных говорах сделаны Р. Ф. и Л. Л. Касаткиными (Касаткина, 1988). Таким образом, можно говорить о типологичности этой характеристики.

Е. А. Хелимским показано также, что в одном слове можно проследить несколько диахронических процессов даже противо-

положного линейного «направления». Это чередование ступеней согласных — отсчет мор от начала слова, с одной стороны, и выбор ударения от конца слова, с другой. Вероятно, это хронологически разные ступени. Положение Е. Хелимского о первичном ударении на первом слоге вполне согласуется с нашей концепцией о потенциальной акцентогенной роли начального слога как усиленной динамической зоне схемы слова (Хелимский, 1987)..

Таким образом, очевидно, что просодия слова в современном ее понимании достаточно сложна и многомерна, и для типологического описания нужно отобрать необходимые и достаточные критерии сопоставления. В настоящей работе были получены ответы на следующие вопросы:

1) как выражается в данном языке схема просодии слова: распределение интенсивности, распределение длительности безотносительно к ударению?

2) чем выражено ударение в данном языке? Общее число комбинаций трех параметров (*f*, *t*, *i*), число попарных комбинаций (*f*, *f*, *t*, *i*) и одиночных выделений слога (*f*, *t*, *i*)?

3) как это связано с местом ударения в слове?

4) как это связано с числом слогов в слове?

5) какова средняя продолжительность звука в словах: а) с разным числом слогов и б) с разным местом ударения?

6) какова средняя интенсивность гласных в слове при тех же показателях?

Все указанные выше характеристики связывались не только с ритмической структурой слова, но и с его сегментной структурой. Учитывалось различие консонантно-вокалического исхода и консонантно-вокалического начала при всех ритмических вариантах.

Хотя все слова в анализе являлись реальными и взятыми из словарей соответствующих языков, выбиралась фонетическая структура, максимально удобная для типологического анализа. Поэтому основным исходным вокалом был гласный [a], а основным консонантом [b]. Кроме того, по возможности подбирались пары слов, различающихся местом ударения, типа *múka* — *muká* (русс.). Например, *ágă* — *agá*, *bábă* — *babá*, *ármë* — *armé*, etc.

Кроме того, остальные слова выбирались с таким расчетом, чтобы их структуры во многом, но по-разному, совпадали, так что они образовывали некую сеть связей, по которым можно было судить, как изменяется совпадающая сегментная часть слов в зависимости от меняющегося сегментного «остатка». Такими были,

например, группы слова: ἀγαν — ἀγαλλιώ — ἀγάλια — ἀγάς — ἄγαν — ἄγαθον — ἄγαπώ; μπούκα — μπουγάς — μπουζί — μπουκαβάς; ἀβολία — ἀβάρα — ἀβατον; μπάκας — μπακιφώνω (греческ.); *babá* — *bábičā* — *babadám* — *babáčă*; *alún* — *alunát* — *alúnghul*; *aúr* — *aurá* — *aurár* (рум.); а́рмия — а́рмéя — а́ромáт — а́ргáт — а́рка — а́ркá; бýча — бичé; баджá — баджák — баджанáк; а́скéр — а́скéрин; а́нализ — а́нанáс — а́нджак — а́ндáрт (болг.); и т. д.

§ 3. Просодия фразы

Сказанное выше о просодии слова, несмотря на любую степень конкретного воплощения, относится к некоторому абстрагированному, но реальному существованию слова в пределах просодического пласта. Но очевиден тот факт, что слово всегда предстает во фразовой реализации, даже произнесенное изолированно и даже при по-словном типе произношения в высказывании. Просодия слова и просодия фразы взаимопроникают друг в друга. Поэтому, определяя одно, мы определяем и другое. Однако, имея дело с ограниченными во времени сегментами (а таковы фразы), невозможно определять оба объекта сразу. Поэтому всё сказанное выше относится к слову и его просодии. Условность реализации слова решается в настоящей работе так, что мелодика (кроме тонов) не привлекается к описанию словесной просодии.

Уже имея представление о просодии слова, мы вычленяем его просодию из просодии фразы, изучая словесные модификации внутри высказывания. Это дает нам два типа сведений: 1) знания о степени воздействия фразовой просодии на словесную, т. е. знания о степени слитности в данном языке; 2) знания о собственно фразовой просодии, реализующейся на каждом отдельном типе высказывания. Как отмечает Л. Г. Зубкова, состояние и тип словесного ударения говорят о влиянии фразовой просодии (Зубкова, 1990). В нашей работе по просодии славянских языков (Николаева, 1977) исследовался критерий степени воздействия фразовой просодии на словесную. Иначе говоря, критерий: сила-слабость фразовой просодии, использовался как типологический, разделяющий языки большей и меньшей культурно-просодической традиции. Выше говорилось о конкретных исследованиях степени слитности русского и болгарского (Стоева, 1987; Николова, 1987), показавших большую слитность

русского языка и — тем самым — большую его готовность к созданию мелодических контуров. Итак, мы подходим к утверждению того, что оба типа знаний о просодии фразы, о которых говорилось выше: степень слитности и тип просодии фразы, взаимозависимы. Иначе говоря, мы считаем, что высокая степень слитности обеспечивает оптимальное оконтуривание высказывания (это связано с перцептивными возможностями человека) и тем самым открывает перспективы увеличения парадигматического набора типов фразовых просодий. Данные зависимости фразовой просодии от перцепции интересно подтвердились в опытах с глухими детьми 9–12 лет (Frank, 1987), которые читали четыре типа предложений (повествовательные, общий вопрос, *wh*-вопрос и императив) и использовали частоту основного тона только для выделения ударных слогов, не понимая ее функции как показателя интонации.

В нашем представлении о просодии высказывания слитность и ее реализация — от максимальной до минимальной — и параллельные ей и определяющиеся ею возможности создания парадигматического набора просодии фразы представлена в языковой просодии трижды: в синхронии, в диахронии и на уровне самого этого набора просодий.

В синхронии шкала убывания оконтурирования и слитности является фактором социолингвистическим, т. е. характеризующим не только носителей идиолектов, но и сами языки. Сказанное не предполагает обязательно оценку языков: в этом плане существуют компенсаторные явления, пока еще не выявленные. Поэтому слитность интонационного контура является просто типологизирующим критерием, как оказалось, вполне «работающим».

В диахроническом плане слитность представляется эволюционирующим явлением. Предполагая доказать это на достаточном материале в следующей своей работе, сейчас сформулируем как гипотезу предположение об интонационной диахронии как об укрупнении и грамматикализации (фонологизации) мелодических контуров: тона — из двух гетероплановых мелодических движений, затем контура слова, затем — словосочетания, потом — синтагмы и, наконец, — высказывания с заданной коммуникативной нагрузкой. При этом, как часто бывает в языковой структуре, новая структура не ликвидирует следы старой. Так, например, интересный результат показали исследования Л. В. Гиринской (Гиринская, 1989). Ею было проверено положение о сокращении средней длительности звука в отрезке при увеличе-

нии его продолжительности, т. е. проверялась непрерывность этого изменения. Оказалось, что падение средней длительности прекращается после добавления трех слогов. Это — средняя длительность русского слова. Таким образом можно говорить о том, что в русском языке границей временного варьирования является граница потенциального словосочетания.

В отношении самого набора интонационных фигур также можно говорить о принципиальной неоднородности типов высказываний по отношению к тому, насколько «плотно» ложится на них интонационный контур. Эта неоднородность объясняет и носящий эмпирический характер разнобой иллюстративного материала при разных типах высказывания, когда примеры на одно явление очень кратки, на другое — демонстрируются только интонационным центром, на третье — примерами подлиннее и т. д.

Мы считаем (см. об этом Николаева, 1989а), что существует по меньшей мере три типа высказываний, различающихся по степени слитности надстроенной над ними интонации.

1. Высказывания повествовательные, тяготеющие к монологу. Их интонацию можно назвать «рыхлой» — без активной единой мелодической структуры, отчетливой здесь бывает лишь терминальная зона. В этих высказываниях более отчетливы ударные слоги, в них же есть большая акцентная подчеркнутость слов. Иначе говоря, в них доминирует сегментная структура, в особенности тех слов, подчеркивание которых работает на внутритекстовую семантику.

2. Вопросительные высказывания, в которых более слитна интонационно-мелодическая фигура, образующая определенный очерченный рисунок, зато ударные слоги отдельных слов сглажены. См. сходные наблюдения у Дж. Пьерхамберт о том, что «фонетическая значимость акцентного центра (*nuclear stress*) тем ниже, чем продолжительней фраза в целом» (Pierrehumbert, 1980, р. 168).

3. Реплики-ответы. Этот тип обычно рассматривался в одном ряду с повествовательным. Между тем реальный анализ, особенно работы С. В. Кодзасова последнего десятилетия (Кодзасов, 1989; он же, 1989а) показывают, что именно эти типы высказываний отмечаются регулярной краткостью и максимально осуществляющей возможностью передавать через интонацию множество смыслов.

Различие этих трех типов высказываний существенно для типологических целей. Так, наиболее интересными и характеризу-

ющими тип просодии данного языка являются вопросительные предложения. При этом возможны следующие вариации: идентичные по рисунку фигуры выполняют различные по языкам функции; некий язык располагает большей по числу совокупностью мелодических фигур вопроса, чем другой; иные типы вопроса, например переспрос, близки к универсалиям мелодического решения, другие — общий вопрос, например, — в значительной степени отражают специфику языка.

Реплики-ответы, по нашему мнению и опыту, являются наиболее сложным материалом для типологических наблюдений, поскольку, как кажется, они практически недоступны для анализа исследователям, не являющимся носителями данного языка.

Первым этапом выявления интонации отдельных типов высказывания является анализ фреймов — типовых предложений, в которые в разные, заранее определенные места, вставляются слова из указанного выше списка, прочитанные ранее для задач, указанных в разделе «Просодия слова». Подобный метод часто применяется исследователями интонации. Основной моделью подражания служили в данном случае типовые рамки Н. Д. Светозаровой (Светозарова, 1982). Для сербохорватского языка подобный метод был применен уже около двадцати лет назад П. Ивичем и И. Лехисте (Lehiste, Ivić, 1986); для голландского языка — пять типов предложений-рамок, см. (Nooteboom, Doedeman, 1980); для французского языка — А. ди Кристо (Di Cristo, 1985); для новогреческого — А. Ботинис (Botinis, 1989) и т. д. Этот метод удобен тем, что рамки-фразы остаются идентичными, слова же заменяются и тем самым выявляются данные о просодии слова — с точки зрения ее модификаций во фразе. С другой стороны, поскольку один и тот же тип предложения повторяется многократно с заменой только одного слова, можно сделать объективные выводы об интонации именно этого типа фраз. Однако нельзя при этом не учитывать и известный недостаток этого метода, поскольку избранные слова не включаются полностью в мелодику сентенционального типа, а произносятся с некоторой подчеркнутостью. В этом произношении может варьироваться и их просодия. (Так, Е. Кайспер отмечает, что сербохорватские слова под эмфазой могут произноситься без ретракции: *devója* вместо *děvōjka* (Keijsper, 1987).

Были выбраны следующие модели фраз (приводится русский вариант):

Это (). — повествовательное краткое; слово X находится в конечной фразовой позиции.

Это ()? — вопросительный вариант; общий вопрос.

Это () или нет? — альтернативный вопрос; слово X находится в центре фразы.

Как Вы произносите слово ()? — специальный вопрос, слово X находится в конечной позиции.

() — это слово. — повествовательное краткое; слово X находится в начальной сильной позиции.

Скажи слово (). — повелительное краткое; слово X находится в конечной позиции.

Скажи слово () еще раз — расширенное повелительное; слово X находится в центральной позиции.

Вот так ()! — восклицание; слово X находится в конечной позиции.

Когда услышите (), нажмите кнопку. — высказывание сложно-подчиненное; слово X находится в конечной позиции при полукаденции.

Таким образом оказывается возможным построить обойму реализаций одного и того же слова, включая изолированное произношение, и провести анализ всех перечисленных типов высказываний с вариантами, создаваемыми словами X с различной ритмической структурой.

Вторым материалом, анализирующимся при исследовании типологии высказывания, является перечень вопросительных предложений определенного набора. Набор этот был впервые опробован в работе по изучению вопросительных предложений финно-угорских языков (Николаева, 1989б). В этот набор были включены следующие типы вопросительных предложений.

1. Общий вопрос:

Вы были когда-нибудь в Москве?

Вам тут нравится?

Вы были в Ленинграде?

Вы мне еще не почитаете?

2. Специальный вопрос:

Когда Вы первый раз были в Москве?

Где Вы учитесь?

Какие языки Вы изучаете?

Когда бы Вам хотелось уехать?

3. Уточняющий вопрос с *A*:

А в Киеве?

А русский?

4. Переспрос:

Когда?

Где?

Какие?

5. Уточняющий вопрос без *A*:

Итальянский? Французский?

6. Альтернативный вопрос:

Итальянский или французский?

Это интересно или нет?

Из этих предложений был составлен единый квази-текст:

- *Вы были когда-нибудь в Москве?*
- *Да, был.*
- *Когда Вы в первый раз были в Москве?*
- *Когда?*
- *Где Вы учитесь?*
- *Где?*
- *Вам тут нравится?*
- *Это интересно или нет?*
- *Какие языки Вы учите?*
- *Какие?*
- *Итальянский? Французский?*
- *Итальянский или французский?*
- *А русский?*
- *Вы были в Ленинграде?*
- *А в Киеве?*
- *Когда бы Вам хотелось уехать?*
- *Вы мне еще не почитаете?*

Прежде чем перейти к описанию того, какие единицы представления интонационных параметров были выбраны для типологии просодии БЯС, необходимо остановиться на некоторых базовых предпосылках, отделив два обозначенных материала по просодии фразы от следующего материала.

Речь пойдет о самом важном, по нашему мнению, понятии фразовой интонации, в особенности значимом (см. выше) для предложений первого типа, а именно — об интоационном центре, фокусе высказывания. Гипнотизирующая роль графического представления слова, сказавшаяся, как указывалось выше, в том, что лишь один слог представлялся выделенным, ударным, а остальные как бы абсолютно безударными, экстраполировалась обычно и на высказывание, для которого таким же образом определялся только один компонент (только не слог, а слово, в соответствии с по-уровневым представлением), остальные были так же абсолютно безударны. В нашей книге, посвященной семантике просодии (Николаева, 1982), было выведено принципиальное различие фразового ударения (**ФУ**), т. е. автоматизированного конца высказывания, его конечной зоны, оформленного в соответствии с интоационным типом высказывания по правилам данного языка, и акцентного выделения (**АВ**), подчеркивания, имеющего другое смысловое задание. Основными критериями при этом для АВ было два: 1) оно должно быть слышно, отчетливо восприниматься как таковое; 2) оно должно вносить в смысл высказывания дополнительную смысловую строку. Например, *Я это Вам скажу* (т. е. никому другому). Таким образом, ведущим критерием был перцептивный. В указанной книге АВ и ФУ еще не связывались с концепцией просодии слова. Мы это делаем теперь, утверждая, что обе просодии изоморфны. А именно — для слова различалась схема с сильными позициями и динамики, и длительности. Эти сильные позиции не воспринимаются на слух, в отличие от ударного слога, второго концепта. Только перейдя некоторый порог, сильная точка слова становится ударением. Потенциальная акцентогенность начального сегмента фразы проявляется при инверсии, когда установленный в корреляции с фразовой интонацией порядок слов нарушается. В этом случае начальный акцент становится сильней, перцептивно значимым: «Расстался я с вами, милые, расстался!». То же можно сказать и о высказывании. Оно обладает схемой: сильной интенсивностью в начале и протяженной позицией конца. Эти сильные точки не воспринимаются сознанием как особые. Но такой потенцией они обладают. См. семантику конечной позиции, например, в славянских языках, когда в конце обычно помещается новое, неопределенное и т. д.

Поэтому недаром глагол — центр семантики высказывания — часто занимает в индоевропейских языках либо начальную (особенно в народно-разговорной речи), либо конечную позицию.

Итак, располагающееся в конце высказывания (вторая потенциальная точка — начало) фразовое ударение, фразовый акцент, есть факт схемы высказывания.

Акцентное же выделение может, как и свободное ударение, располагаться на любом месте высказывания. Оно особым образом вводится в сознание: оно слышно. Слышно, как и словесное ударение. Но высказывание есть более высокая по смысловой нагрузке единица, чем слово. Поэтому акцентное выделение вносит еще и дополнительные факты пресуппозитивного характера. (Оставляем в стороне проблему возможного количества акцентных выделений в высказывании.)

Собственно говоря, мысль о том, что высказывание по статусу может иметь два «центра»: один автоматизированный, показывающий конец фразы и ее коммуникативный тип, и другой — яркий по восприятию, демонстрирующий смысловой фокус, является сейчас в интонологии наиболее трудно «проходимой». Так, сообщение Н. Торсен-Гроннум (Grønnum, 1991) о том, что не у всякого датского высказывания есть «фокус», но существуют простые описательные предложения, было воспринято как рассказ о некоей экзотике датского языка. Таким образом, по некоторым психологическим причинам оказывается более легким принять идею особости языка, чем идею сосуществующих, но различающихся функционально и формально интонационных показателей. В этом отношении очень показательна фраза Э. Катлер: «*In a language which has sentence accent*» (Cutler, 1991). Иначе говоря, предложений без фокуса быть не может, пусть лучше будут языки без фокуса.

Как же описывается в настоящей работе просодия типов фразы по Материалам № 1 и № 2? Обратимся, как и при описании слова, к отдельным параметрам, формирующими интонацию.

Длительность. На наш взгляд, наиболее адекватной моделью, отображающей распределение длительностей в протяженной фразе, является графическое отображение, предложенное О. Фуджимурой (Fujimura, 1987). Некие пружины (*springs*) большей или меньшей силы обозначают, оттягивая, границы больших единиц и меньших, которые входят в большие. Необходимо заметить, что для целого ряда исследователей ведущим параметром интонации становится не мелодика, как это было в лингвистике долго, а время. В известной степени с этим можно согласиться, поскольку для звучащей речи, если проводить аналогию с пись-

менным текстом, пространство и время совпадают и тем самым время выполняет, помимо своих специфических функций, еще и функции опорной субстанции. Нельзя при этом не заметить, что время восприятия написанной фразы не имеет внутренней структуры (или этот факт не установлен), графические сегменты воспринимаются один за другим, что, на наш взгляд, и породило большое количество просодических артефактов, особенно в области диахронии.

Предполагается, что структура времени звучащей фразы и то, как она налагается на сегментную структуру, могут быть вполне адекватно описаны. Так, И. Лехисте, очень много занимавшаяся временной структурой просодии (в частности, она считает, что синтаксическая структура английского языка во многом основывается именно на временной структуре: Lehiste, 1983а), приводит много интересных данных о функционировании длительности в различных языках. Например, средняя длина слов в позиции внутри синтагмы была 422 мсек, перед паузой внутри предложения — 514 мсек, перед конечной паузой — 564 мсек (Lehiste, 1982). Таким образом, если неударный в английском языке оказывается продленным, то это означает продление перед синтаксической границей (Lehiste, 1983). Конечное продление можно интерпретировать и иначе: так, Э. Фишер-Йоргенсен, опираясь на работы Линдблома и Раппа, обнаруживших, что предшествующие слоги сокращают длительность ударного слога больше, чем последующие, предположила, что конечное продление может означать и «не-конечное сокращение для других случаев», т. е. это как бы сигнал, что дальше ничего нет. Э. Фишер-Йоргенсен в этой же работе приводит данные о минимальном по сравнению с другими языками продлении в конце в датском языке (Fisher-Jørgensen, 1987). Таким образом, модель универсальна, а ее по-языковые воплощения типологичны.

Вариации длительности коротких фраз, как установлено В. Н. Сорокиным (Сорокин, 1985, с. 269), отличаются от вариаций звуков. Так, фразы варьируют длительность до 15%, а звуки — от 15 до 33%. В. Н. Сорокин связывает меньшую вариативность высказывания с большей сложностью артикуляторной временной программы. Пружины, растягивающие и стягивающие временную модель, как это показано О. Фуджимурой, относят свое действие не только с гласными, но и с согласными звуками; особенно тщательно это разработано в фонетической традиции Института перцептивных исследований Эйндховена,

см. об этом: (Keijspel, 1987), а также упоминавшиеся выше работы З. Нотебоома.

Исходя из сказанного, в нашей работе мы учитывали следующие временные характеристики.

1. Средние характеристики продолжительности звука для каждого типа высказывания.

2. Величина начального и конечного ударных слогов в высказываниях каждого типа.

3. Изменение длительностных характеристик слов во фреймах в разных высказываниях — для Материала № 1.

4. Анализ того, насколько влияет на полученные характеристики ритмическая структура слова — носителя фразового удара, а также тип его исхода: вокальный или консонантный.

5. Сравнение по языкам БЯС полученных результатов.

Мелодика. Существенным достижением анализа мелодики высказывания последней декады является рассечение мелодики на четыре части: если так можно выразиться, по вертикали и по горизонтали. По вертикали — это деление на некий базовый тон и налагающиеся на него пики. Впервые эта идея была высказана О. Ф. Кривновой, сформулировавшей понятие так называемого «несущего тона» (Кривнова, 1975). Позднее и параллельно было введено понятие базовой линии (baseline) в отличие от линии «пиков» (peakline). При этом предполагается, что базовая линия формируется неударными слогами, а линия пиков — ударными (Gibbon, 1984, р. 172). Сходные взгляды высказываются и в голландской школе фонетистов (Nooteboom, Kruyt, 1983); и на известную модель «шляпы» — мелодики высказывания Коена-т'Харта накладывается линия пиков (t'Hart et al., 1982). При этом для повествовательного предложения базовому тону свойственно понижение (declination). Исследователи стремятся различать теперь деклинации и мелкие повышения/понижения, налагающиеся на общую деклинацию (Boves et al., 1984). При этом имеет место и реальное понижение всей мелодики в целом: так, если за низким по тону звуком идет не низкий, то последний обычно понижается (Hombert, Ohala, 1982, 53). Это явление запрограммировано и в восприятии: так, тон, равный предшествующему, воспринимается как более высокий, так как ожидается понижение (Di Cristo, 1985, т. 1, р. 537). Вообще о деклинации в последнее время появилось много исследований в самых разных странах. Деклинации, например, посвящена специальная глава в монографии о

перцепции интонации (t'Hart et al., 1990). В этой работе высказываются и типологические соображения: так, для нидерландского основной тон представлен двумя линиями: baseline / top-line, в немецком же и английском языках их три: добавляется еще медиальная.

На XII Международном конгрессе фонетических наук был представлен целый ряд докладов, специально посвященных проблемам деклинации (Wagner, 1991; Rialland, 1991).

Как правило, горизонтальное членение (о расхождениях скажем ниже) является собой рассечение мелодического контура на зону терминала — «конечную часть отрезков» (Bolinger, 1986) и остальную часть. Терминальная зона обычно располагается в области последнего ударного слога речевого отрезка. В отечественной традиции принято включать в эту зону предударный слог, ударный и заударные слоги (см. Светозарова, 1982). Дж. Пьерхамберт эту зону дробит, различая фразовый акцент (в зоне ударного слога) и фразовую связь (phrase boundary) в зоне заударных слогов (Breckenbridge-Pierréhumbert, 1980). По нашему мнению, такое различие связано с английским языком как объектом анализа, где различие фраз во многом осуществляется по рисунку и направлению именно заударных слогов; для ряда славянских языков и для финно-угорских языков заударные слоги менее значимы, поэтому в нашей работе такое дробление терминальной зоны не столь обязательно.

Значительное число разногласий вызывает вопрос о том, как описывать нетерминальную часть контура, точнее, контур в целом: можно ли, учитывая специфичность терминальной части, представлять контур как единое целое. Такое описание чаще всего применяется для высказываний неповествовательных, для непротяженных вопросительных, реплик и т. д. Подобные высказывания с четким оконтуриванием близки клишированным, что соотносится с общей идеей мелодических клише, связываемой обычно с именем И. Фонадя (см., в частности, Fonagy et al., 1983), а также идеей интонационных клише у Д. Болингера (Bolinger, 1986). В одной из наших работ высказывалось мнение о том, что чем уже высказывание по специализации, тем скорее оно будет клишировано мелодически. В другой работе (Николаева, 1985) было отмечено, что фразеологические обороты с частицами и местоименными словами типа: *Вот тебе на!*; *Ну и ну!*; *Вот так дела!* и под. произносятся с особой клишированной интонацией. Вероятно, оба

наблюдения объединяются ситуацией узкой специализированности фразеологизмов.

Интонационные фразеологизмы румынского языка были описаны Л. Дэскалу-Джинга (Dăscălu-Jinga, 1991) и для русского языка Н. Д. Светозаровой (Svetozarova, 1991).

Другой метод описания контура — разбиение его на исходные элементы, в последние годы также достаточно распространен. См., в частности, работы Д. Болингера и Дж. Пьерхамберт, о которых говорилось выше. Так, Д. Болингер в качестве минимальных исходных элементов предлагает такие единицы, как «профили» (profiles).

Профили, слоговой объем протяженности которых Д. Болингером не указывается и остается неясным, это выпуклые и вогнутые рисунки с разной позицией ударного слога. «Контуры для профилей — это то же самое, что предложения для слов» (Bolinger, 1986, p. 254), «составить полный каталог контуров и их значений невозможно» (*ibid.*, p. 274).

Сходных взглядов на производность движения тона по всему контуру от локальных минимизированных фигур придерживается и Дж. Пьерхамберт. Только в ее системе единицы являются битональными (из комбинаций H и L, High/Low). Акценты — это как бы морфемы; во фразе их может быть много. Это единицы интонационного словаря, контуры — это последовательности атомарных мелодических акцентов. Акценты — морфемы накладываются на основной контур фразовой интонации (базовая линия). Фигуры контуров могут растягиваться (*undergo spreading*), налагаясь на разное время. Однако растягиваться могут только безударные тоны, ударные остаются неварьируемыми. Как представляется, эта многократно обсуждаемая в последние годы концепция интересна даже не столько для синхронного описания интонации, сколько потому, что, по нашему мнению, работы Дж. Пьерхамберт прокладывают дорогу к объединению настоящего и прошлого в интонации. Эти битональные акценты, располагающиеся именно на ударных слогах: HL, LH, L—H, H—H и т. д., напоминают нефонологизировавшиеся (или дефонологизировавшиеся) тоновые акценты, музыкальные акценты. Именно так говорит Л. Г. Герценберг о становлении тоновых сандхи как о взаимодействии тона, начального корневыделающего ударения и налагавшегося на них синтагматического акцента (Герценберг, 1981, с. 161).

Такие же битональные акценты используются в просодической транскрипции, предложенной С. В. Кодзасовым (Кодзасов,

1989а), являющейся, по нашему мнению, наиболее адекватной задачам современной интонологии. С. В. Кодзасов различает уровни базового тона, тональные акценты (с изменением уровня и возвращением), разделяющиеся на уровневые и скользящие, комбинированные акценты, острые акценты и малые акценты, а также полуакценты (когда смещение тона не сопровождается возвращением). Для акцентов выделяется реальное число композиций. Явления более сложного характера: расчленение акцентов, повтор акцентов и их модулирование. Сферой действия акцентов является в этой транскрипции «составляющая», которая, в принципе, может быть равна слогу, слову или любым их комбинациям. Эта транскрипция — описание, в которой есть и единицы, и комбинации единиц, и сферы их действия, и графическое представление их, имеет и то преимущество, что она каждый раз дает корреляцию: звук — смысл. Это делает описание законченным и функциональным.

К сожалению, для типологических исследований неродных для исследователя языков применять этот метод не всегда оказывается возможным, поскольку он базируется на слуховом анализе, во-первых, и на немедленном коррелировании услышанного со смыслом, во-вторых. Поэтому в нашей работе будут сделаны только посильные попытки соотнести полученные результаты с транскрипцией С. В. Кодзасова.

Еще менее подходят нашему анализу идеи битональных акцентов Дж. Пьерхамберт и Д. Болингдера, в основном ориентирующихся на один язык, родной или очень близкий исследователю.

Поэтому в работе по Материалу № 1 и № 2 будут в основном применяться два типа описания: описание контура каждого типа высказывания в целом и более подробное описание центровой части для неклишированных предложений с учетом вариаций ритмических структур слов, формирующих центр.

Интенсивность. Этот акустический параметр в настоящее время так же, как и другие, указанные выше понятия, некоторым образом раздвоился. Вообще в интонологической литературе все чаще высказывается мнение об онтологической раздельности феноменов интонации и акцентуации (t'Hart et al., 1990, p. 95 и след.). То есть, с одной стороны, говорится о динамической характеристике фразы, с другой стороны, имеется в виду интенсивность тогда, когда речь идет о так называемой ритмичес-

кой решетке высказывания. Эта последняя теория представлена очень подробно в книге Е. Селькирк (Selkirk, 1984, p. 145) и представляет собой идею разведения в разные стороны интонационного и ритмического аспектов в концепции ядерного ударения Н. Хомского–М. Халле (NSR — Nuclear Stress Rule). В более ранних работах этого направления иерархия ритмических уровней высказывания обычно приводила к одному ударению. Но новая трактовка ядерного ударения в этой теории та, что NSR по правилам иррелевантно к семантике, не знает исключений и подлинно «фонологично» (Selkirk, 1984, p. 145). Таким образом, Е. Селькирк также приходит к тому, что в нашей работе называется ФУ (фразовое ударение): это нечто автоматизированное и отличное от «логического ударения». Однако, в нашем понимании, ФУ есть комплекс интонационных средств, включающий интенсивность, мелодику и длительность. В разбираемой же теории акценты есть, скорее, мелодические мини-единицы, как бы навешивающиеся на ударные слоги. По этой теории, подчеркивание (prominence) бывает особенно сильным в тех случаях, когда мелодический яркий пики (pitch) попадает (накладывается) на нуклеарное фразовое ударение. Между тем реальные экспериментальные данные об этом совсем не свидетельствуют. Например, фразовое ударение, расположенное в конце повествовательного предложения, часто бывает ослаблено по всем характеристикам, кроме длительности. Наложенное на него подчеркивание тоже может оказаться в перцепции слабым (а это главный показатель). Вообще, в этой теории, интересной своим разделением ритмического и интонационного пласта и их функций, слишком много места уделяется расстановке знаков у слов и слогов для построения метрической решетки при том эвристически безынтересном условии, что мы уже знаем (через интонацию), где находятся главно-ударные точки высказывания.

Поэтому в настоящей работе выбирается метод подхода к интенсивности, аналогичный подходу к длительности. А именно: определяется интенсивность слогов у слов, входящих в разные высказывания по Материалу № 1. Определяются сильные и слабые точки интенсивности в высказываниях этих типов и движение интенсивности во фразах в целом.

По Материалу № 2 — вопросительным предложениям — определяются те же параметры интенсивности.

Еще на одном материале, подготовленном по разделу «Пропсодия фразы», хотелось бы остановиться подробнее. Анализ раз-

ного рода акцентных выделений (Николаева, 1982), а также подчеркиваний слов, связанных с частицами (Николаева, 1985), и чтение соответствующей научной литературы заставил нас обратить внимание на одно небезынтересное обстоятельство. Многие примеры на акцентное подчеркивание в других языках удивительным образом адекватно «переносились» на русский язык (примеры Д. Болингера — Bolinger, 1986, p. 91):

1. *I suppose your back aches.*
— *You're wrong. My head aches.*
2. *You're looking depressed. What's the matter?*
— *My head aches.*

С подобными же и подобными по различию интонациями будут произнесены по-русски *Голова болит* в первом примере и *Голова болит* — во втором.

Совершенно очевидным является языковое сходство интонационного воплощения при контрастивном подчеркивании: *Это Петя был* (а не кто-то другой). Важно отметить не фонетическое интонационное сходство, а сам обязательный факт подчеркивания.

Еще более интересны раньше, до последних десятилетий, не обсуждавшиеся случаи акцентных выделений, совпадающих по семантике в разных языках.

Уже многократно писали (см. об этом: Николаева, 1981; Николаева, 1982) о конструкциях типа: *Смотрите, Маша приехала!*, в которых ударение падает на имя — не новое, известное, определенное и ничему контрастно не противопоставленное. Такие высказывания противопоставляются высказываниям *Маша приехала* без акцентного выделения и с фразовым ударением на *приехала*. Такое же различие было описано на английском материале С. Шмерлинга (Schmerling, 1974): *Truman died* было сказано, как сообщение о смерти долго болевшего президента, но *Nickson died* — о его внезапной смерти. Примеры такого рода обсуждались в научной литературе, начиная с 1970 года. В работах К. Бонно и И. Фужерон они сопоставляются с конструкциями типа: *Только собралась уходить — мама позвонила; Подъехали к Крыму — снег лежит* (Bonnot, Fougeron, 1983).

В 1981 г. нами был предложен для подобных примеров термин «экстраординарное введение в ситуацию» (Николаева, 1981). Было также высказано предположение о том, что в русском языке

здесь имеется инверсия по отношению к описательному и неинвертированному в своей исконной сути порядку *vs* — *Пришел папа; Приехала Мама; Позвонила мама; Лежит снег* и т. д. Существенно для данной работы то, что это различие в ударении сходно в разных языках (см. приводившийся немецкий пример: *Präsident Kennedy ist ermordet werden!*), сходна и семантика различия двух типов высказывания: с ударным именем и без него.

Второй группой высказываний с подчеркиванием являются высказывания с частицами типа *только, даже, именно* и под. Более тонкие соотношения типа семантики частиц, семантики высказывания и акцентной выделительности обсуждаются в нашей работе о частицах (Николаева, 1985); в данной же работе эта корреляция рассматривается в простом смысле: несомненно, с частицами связывается акцентное подчеркивание. Это относится к высказываниям с частицами во всех языках, где эта проблема обсуждалась: английском, немецком, французском и проч.

Такие частицы называются часто акцентно-выделительными, и примеры с ними часто приводятся, когда хотят привести пример на акцентное подчеркивание.

В последнее время в интонологической литературе активно обсуждается вопрос о некотором нетривиальном типе акцента, который интерпретируется как де-акцентирование. Речь идет о так называемом «акценте за недостатком» (*default accent*). Термин этот введен Р. Лэддом (Ladd, 1979) и означает де-акцентирование последних знаменательных слов высказывания, на которых по правилам должен был быть сентенциальный акцент, и постановку его на некотором неконечном знаменательном слове: *Ты огорчаешь меня*. Вот, в частности, пример самого Р. Лэдда, в котором слово *German* де-акцентуировано, потому что оно повторяется: *The only stuff written about this is in German, and I can't READ German, so I guess I'll work on something else* (Ladd, 1991). Если в конечных словах нет эмфазы, «если ни одно слово не маркировано, то акцент приписывается „за недостатком“» (Cutler, 1984, р. 83). Обычно такие примеры рассматривают с точки зрения информации о данном/новом. Но, с нашей точки зрения, это интересное и верно подмеченное явление легче анализировать с иных позиций. В выделенных словах имеет место акцентное противопоставление, АВ, но фразовое ударение остается на своем месте, поэтому никакого де-акцентирования, по нашему мнению, нет. Пример, включающий АВ, не сводящийся к привычному контрасту, рассматривался не в том плане, какое имен-

но значение передается подчеркиванием выделенного слова, а в том, почему де-акцентуировались последние слова.

Вместе с тем акценты такого рода не сводятся к контрасту (*не читает* не означает, что делает что-то другое), ни к акцентным типам Д. Болингера: сила и интерес (Bolinger, 1986). Представляется, что в подобных высказываниях типа *Он продает их* акцент означает результат, подтверждение. *Он не читает книг* можно рассматривать как инверсию к статально-описательному *Он книг не читает* без обращения к категориям информации о новом/данном.

Интересно другое: подобная семантика (контрастивность, связь с частицами, «экстраординарное выделение», default accent) настолько прочно связывается в лингвистической эмпирии с подчеркиванием, что не ставится вопроса о том, а почему, собственно, это происходит, ведь, в принципе, могло этого не быть. Строго говоря, вполне возможно, что при частицах не было бы никакого подчеркивания, и смысл оставался бы достаточно понятен. Можно предположить, что в языках существует особый интонологический пласт — пласт акцентного подчеркивания — и его семантика близка к универсальной или к квазиуниверсальной.

Поэтому был составлен из подобных высказываний Материал № 3 по разделу «Просодия фразы», цель которого — проверить языковую универсальность подобных подчеркиваний:

1. *Тише! Папа спит.*

А где папа? — Папа спит.

Ну, что у нас дома? — Папа спит, мамы дома нет.

2. *Петя нравится роман Гроссмана?*

— Нет, он не читает романов.

3. *Почему бы ему не продавать галстуки?*

— Он продает их.

4. *У Вас болит горло?*

Нет, горло у меня не болит, голова болит.

— Что с Вами?

— Голова болит.

5. *Даже Петя не решил задачу.*

Петя не решил даже задачу.

Только Петя решил задачу.

Петя решил только задачу.

§ 4. Просодия текста

Модификация словесной просодии в высказывании дает, как было показано выше, сведения о просодии слов, полученные с другой точки зрения, и в то же время многое сообщает о просодии высказываний. То же можно сказать о модификации высказываний в тексте, поскольку изолированное чтение слов было «лабораторным», а в рамках высказывания эта «лабораторность» снималась. Точно так же лабораторность чтения изолированных высказываний снимается в прочитанном тексте.

В последнее время в исследованиях по просодии языков все большее внимание стало уделяться изучению интонации разговорной речи, которая противопоставляется интонации чтения как свободная, непринужденная, естественная. С этим нельзя не согласиться, но против этого можно и возразить. Как показывают уже многочисленные наблюдения над интонацией разговорной речи, она обладает рядом специфических черт, характеризующих практически большинство языков анализа. Это иное употребление по частотности интонационных конструкций данного языка (Земская, 1987). Это иной рисунок самих интонационных единиц, сильное начало с диффузным концом, само количество синтагм оказывается большим, чем при чтении, т. е. речь как бы разрывается на более мелкие кванты большей внутренней схожести. Все характеристики просодии в единицах разговорной речи усилены, подчеркнуты (Баринова, 1973). Кроме того, в единицах разговорной речи отмечено иное распределение ударности: ударные слова очень сильно маркированы, но могут быть ударными также семантически малозначащие и незнаменательные слова — их ударность означает начало и конец синтагм, а произношение знаменательных слов может быть смазано (подробно об этом: Розанова, 1983). В разговорной речи гораздо большую роль играет неинтонационная просодия, т. е. всякого рода суперсегментные дополнения к звукам, не входящие в систему интонационных контуров, но имеющие свою семантику (см. о них: Кодзасов, 1989; Розанова, 1983).

Однако об интонации разговорной речи можно сказать, что она должна изучаться и сопоставляться именно как таковая. Сложным для типолого-диахронического изучения разговорной речи нужно считать вопрос о том, является ли разговорная речь (и ее интонация) хранилищем реликтов или ареной инноваций. Вероятно, она есть и то, и другое. С одной стороны, ее синтак-

сический строй с вынесением в начало топика, в интонации — краткость просодических единиц, их большое количество, приближающее просодию к по-словному произнесению, подчеркивание резкой ударностью единиц, значащих для смысла, размытость и диффузность терминальных компонентов интоационного контура, близость интоационных конструкций друг к другу, — всё это приближает интонацию разговорной речи к тому состоянию языка, которое Т. Гивон назвал «прагматическим кодом языка» (Guyón, 1979). Прагматический код языка, на уровне которого все языки близки, сменяется кодом «синтаксизации». С другой стороны, несомненно, что новое в языке идет от речи сегодняшнего дня.

Поэтому в нашей работе не рассматриваются данные просодии разговорной речи. Это имеет место и по практическим причинам. Для сопоставительных исследований БЯС нужно было записывать спонтанную беседу нескольких носителей языка, что не для всех языков вообще возможно, беседа же в условиях лаборатории уже вовсе искусственна и тем самым разговорная речь лишается своей основной характеристики — непринужденности.

Желая реабилитировать интонацию читаемого текста и интонацию кодифицированного литературного языка, мы хотим подчеркнуть, в соответствии с предлагаемой в книге общей теорией эволюции языка, что эти формы интонации являются наиболее законченными, отшлифованными, плодом многовекового отбора адекватных для передачи смысла конструкций интонации. Поэтому для сопоставления были предложены в качестве Материала № 1 по теме «Просодия текста» отрывки из художественных произведений XX века (в основном, рассказов) на каждом из анализируемых языков.

У А. С. Грибоедова мы находим о чтении: «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой». В этих словах заложены основы кодифицированной интонации: правильное разбиение на синтагмы («с расстановкой»), верное определение места акцентных смысловых подчеркиваний («с толком»), выразительная передачаной эмоциональной окрашенности («с чувством»). Но в словах Фамусова есть еще одно ценное сообщение: «...не так, как пономарь». Почему пономарь читает без всех этих интоационных характеристик? Потому ли, что он не понимает читаемого текста, чужд ему, или он передает некую старую интоационную традицию? Интонация древнего текста очень сложна для изучения и, по нашему мнению, во многом может

быть восстановлена путем внутренней реконструкции просодической системы в целом и опоры на выведенные разного рода диахронические импликации. Поэтому в качестве текста иного типа: Материала № 2, была выбрана сказка. Несомненно, чтение сказки имеет свои заданные модели. Вот основные просодические черты литовской сказки, описанные Л. Саука (Саука, 1977). Это — замедленный темп исполнения, яркие акценты — сначала на новых объектах, которые вводятся в действие, потом на глаголах — показателях действия. В начале эпизодов текст замедляется, внутри предложений заметны ускорения в силу тенденции выравнивания фраз по правилу изохронии. Голос повышается в наиболее значительных местах, но вообще высокий регистр встречается редко.

Внешнее совпадение интонации сказки у разных народов вело к первоначальной идеи о том, что через просодию сказки можно реконструировать древнее состояние просодии, скажем, хотя бы для группы языков, поскольку рассказывание сказки имеет непрерывную традицию и манера ее рассказывать относительно сходна у всех носителей языка. С этой целью все испытуемые носители языков, входящих в БЯС, должны были рассказать сказку, отталкиваясь от реального текста сказки на данном языке, специально выбранном для эксперимента.

Однако именно сходство просодического исполнения сказки показало, что к идеи принять просодию сказки за древний пласт просодии данных языков нужно относиться с большой осторожностью, поскольку эта идея может быть опровергнута простым способом. А именно: можно утверждать, что данный тип просодии характерен лишь для определенного типа: текста-сказки, и что, не меняясь и сохраняясь на протяжении веков, он все равно восходит именно к сказке, не экстраполируясь на другие виды текста, даже относящиеся к древности.

Поэтому сказка анализируется в настоящей работе с большой оглядкой на указанное потенциальное возражение.

Материалом № 3 по теме «Просодия текста» является чтение народного стиха.

В настоящее время, усилиями А. Мейе, Р. Якобсона, М. Веста, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, М. Л. Гаспарова и др., реконструируется в относительно согласованном виде тип индоевропейского стиха. Это был силлабический стих с двумя размерами: коротким (8 слогов) и длинным (10–12 слогов), оба размера варьировали, но не совпадали. Долгий стих делился на два полустишия посредством цезуры. Ни тонические, ни динамические ха-

рактеристики в стихе не играли роли, упорядоченной была квантитативная структура, особенно в конечной зоне строки, где определяющим был предпоследний слог (Иванов, Гамкрелидзе, 1984, т. 2; Гаспаров, 1989, с. 14). Более ранними формами стиха, по мнению Р. Якобсона, были стихи гномического характера — метризованные паремии, сакральные формулы и т. д. (Jakobson, 1966, р. 460).

Систему индоевропейского стиха сохранил и общеславянский речитативный стих, перенявший два основных размера и разивший систему цезур, которая стала различительным признаком лирического и эпического стихов (Гаспаров, 1989, с. 20). Лучше всего общеславянские черты сохранили южнославянские языки: сербский десетерац и болгарский восьмисложник.

Для русского языка существенна также квантитативная характеристика, с полной законченностью стиха, без enjambement. Каждая строка былины стремится к полной самостоятельности, так что может быть изолированной (о просодии былинной строки см.: Sappok, 1979). Генерацию одного жанра русских ламентаций из другого (13-сложник из 9-сложника с развитием финалии вправо) разработал на конкретном материале Д. Ворт (Worth et al., 1988).

Типологическое сопоставление старых форм стиха в наибольшей степени проделано в трудах И. Лехисте (см. Lehiste, 1983; Lehiste, 1985), сравнившей эстонский стих с английским и исландским. Разница в стихе, по ее данным, принципиальная: староисландская метрика строится на счете словесных ударений, а эстонский народный стих — на счете слогов. Разница может быть и в фонетическом аспекте просодии: в эстонском стихе обнаруживается сильное растяжение к концу строки, в английском сильной оказывается ее середина.

Переходя к наиболее важному для нас аспекту — соотношению фразовой просодии языка и стиха с установкой на реконструкцию языковой просодии, констатируем, что до сих пор анализ стиха дает много для установления внутренней хронологии самого стиха и укрепления гипотез об архаических чертах языковой структуры, но не о его фразовой просодии. Так, Р. Якобсон, отмечая сохранение и фиксирование различия ударений в русском эпическом стихе, делает вывод, что он создан до XIII в., поскольку после XIII в. акценты не различались (Jakobson, 1966, р. 415). И. Лехисте, сравнивая метр «Калевалы» с эстонским старым стихом (Lehiste, 1983), говорит о том, что народный эстонский стих, судя по сопоставлению, восходит ко времени, пред-

шествующему появлению трех долгот, поскольку народный метр различает только краткие и долгие. Исландский же метр реконструирует для староисландского языка четыре типа слогов: VC, V̄C, ĪC, Ī̄C, теперь сохранившихся лишь в виде V̄C и ĪC.

При исследовании вопроса об анализе просодии стиха в ее сопоставлении с просодией языка, необходимо априори решить: считаем ли мы, что это были две параллельных системы и нужно реконструировать таким образом две независимых просодии, или полагаем возможным вывести одну систему из другой, признав первую первичной. Разумеется, первый путь корректнее и в то же время легче. В 1979 г. (Николаева, 1979) нами было высказано предположение относительно русского стиха: что стих сохраняет наиболее архаические черты просодии — сильную квантитативную очерченность начала и конца, сглаженность мелодических характеристик, пониженную интенсивность ударных и т. д. По своим характеристикам стих русского языка оказался наиболее близким к просодии украинского языка — языка, в наименьшей степени из славянских подвергшегося инославянским воздействиям. Была высказана мысль о том, что стих сохраняет реликтовую основу общеславянской просодии. К сходной мысли параллельно пришла и И. Лехисте (Lehisto, 1983, р. 179): «Суперсегментная система языка кристаллизована в метрической структуре его традиционной поэзии».

Не отказываясь от позиций, изложенных в этой статье, считаем необходимым внести некоторые корректизы. Во-первых, сохранение фразовой просодии языка в стихе может быть параллельным сохранению просодии самого стиха — при презумпции их независимости, и разделить эти две просодии, исходя из данных стиха, очень трудно. Во-вторых, если считать одну систему выводимой из другой, то не так легко абсолютно доказательно объявить о том, какая система просодии является первичной, поскольку можно предположить, что именно стих, создаваясь, упорядочил и структурировал языковую просодию, до него достаточно диффузную.

Какие конкретные данные должны были быть получены в указанных типах балканского текста?

1. Прежде всего, тип оформления речевой единицы в каждом из видов текста: выбор мелодических фигур, их распределение, частота встречаемости; временная структура в единицах трех типов текста, абсолютные и относительные показатели сильных позиций; то же об акцентной кривой.

2. Средняя продолжительность звука в трех типах текста.
3. Степень слитности слов в этих типах.
4. Движение указанных параметров по тексту — с установкой на выявление ритмических колебаний внутри текста как тектового.

При этом, поскольку все же текст в подобном двойном со-поставлении — по языкам и по жанрам одновременно — практически еще не изучался, возможны любые экспериментальные результаты. Так, например, И. Лехисте, изучая распределение длительности в связном тексте (Lehiste, 1982), сделала вывод о несвязанности длины пауз со смысловой законченностью внутри текста.

5. Движение просодических характеристик по тексту в целом: например, как изменяется частота основного тона от начальных фраз до фраз, на которых она минимальна и когда снова осуществляется подъем и т. д. В той же работе (Lehiste, 1982, р. 120) И. Лехисте получила данные о том, что регулярно длительными оказываются предложения в изоляции, что в последнем предложении протяжен абсолютный конец; самое высокое *F₀* отмечено в абсолютном начале текста.

6. Смысловые отношения внутри текста и проверка на единство трактовки текста дикторами в пределах одного языка и на единство соотношения просодических и глубинных смысловых показателей текста. На материале паузации в русском тексте подобная работа уже выполнялась (Николаева, 1973): проводилось, какие участки текста были оформлены одинаково всеми дикторами (членение, оформление через один тип паузы), а какие давали возможность максимального просодического многообразия. При этом выявилось, что в тексте обнаруживаются зоны жесткого правила и зоны свободного выбора. Данные были получены на основании чтения художественного текста. В настоящей же книге мы излагаем более интересные результаты, характеризующие сразу несколько феноменов: 1) предсказуемость — непредсказуемость просодического оформления и тип текста (т. е. какой текст более «задан»); 2) предсказуемость просодического оформления и смысловые отношения в тексте (изменение этой корреляции на протяжении текста и определение зон жесткого правила); 3) типология выявленных характеристик по языкам БЯС.

Глава вторая

Просодия БЯС и просодия контактных языковых систем

§ 1. Сведения о просодии БЯС

В классической работе К. Сандафельда (Sandfeld, 1926), положившей основу фундаментальному изучению Балканского языкового союза и тем самым заявившей на право балканистики быть особой наукой, в основном, освещались проблемы грамматических сходств, а также пересечения лексические и отчасти фонетические. К. Сандафельдом был очерчен круг языков БЯС: новогреческий, албанский, болгарский, сербохорватский, румынский и турецкий, а также круг не только общих, но и попарных сходств. К. Сандафельд обнаружил и текстовые сходства, например, начало сказочного текста: 'это было и не было' — рум. *era și nu era*; турецкое *bir varmys bir jogmus* (Sandfeld, 1926, p. 162). Однако о просодии в нашем понимании в книге не говорится. Вообще в лингвистических кругах до сих пор отчетливо представление о том, что система фонетических конвергенций для БЯС минимальна (см. об этом Banfi, 1991).

Поэтому, сознавая свою ответственность в этом вопросе, мы хотим прежде всего остановиться на критериях объединения языков в БЯС. Как это ни парадоксально, Балканский языковой союз обычно принимается как априорно существующее целое: «Лучшим примером языкового союза был и остается Балканский языковой союз» (Schaller, 1983, s. 211). Однако тот же Х. Шаллер отмечает наличие балканских языков и сходные явления в языках, далеких по контакту с БЯС. К. Штайнке считал языки венгерский и цыганский также примыкающими к БЯС (Steinke, 1983). Р. Александр видит особый союз внутри БЯС — балканский славянский («Балканский славянский есть единая языковая единица и должна изучаться как таковая» (Alexander, 1983, s. 20). Существенна при этом и теория Г. Бирнбаума (Birn-

баум, 1965), что направляющим ядром Балканского языкового союза является именно его неславянская часть.

Р. Якобсон, занимаясь в наибольшей степени фонологией языковых союзов, подчеркивал благоприобретенность свойства быть языковым союзом, принципиальную текучесть этого состояния: «Признак языкового союза — благоприобретенные сходства в структуре двух или нескольких смежных языков, равнобежные преобразования самостоятельных языковых систем» (Jakobson, 1962). Так выявлялось принципиальное отличие языкового союза от языковой семьи, но до сих пор не существует критериев необходимости и достаточности признаков для объединения группы языков в союз, с одной стороны, и признания права для отдельного языка быть членом этого союза, с другой. В. Н. Топоров описывает онтологическую сущность Балканского феномена именно как гетерогенную систему (Топоров, 1989). В этом определении важны оба компонента: гетерогенность и системность. Поэтому в нашей работе сделана попытка построить схему системных соответствий на базе просодических корреляций, которые поначалу могут казаться слишком малозначительными.

Р. Якобсон (Jakobson, 1962, р. 138) отмечал в пределах БЯС реликтовость сербохорватского и словенского языков как языков с тоновым ударением. По его мнению, Евразийский союз в целом характеризуют два признака: корреляция по твердости-мягкости и монотония гласных. Сербохорватско-словенский ареал перекликается в этом плане с другим островом политонии: Скандинавским полуостровом и зоной Прибалтики. В собственно фонологическом плане он отмечал также близость новогреческой фонологии и болгарской (*ibid*, р. 105).

Однако просодические схождения в БЯС, несомненно, существуют. Так, нами был переписан для съемки болгарский материал, интонографирование производилось в Лаборатории Института стран Азии и Африки МГУ. Во время записи, когда отчетливо слышной была только просодическая часть, в комнату вошел специалист по тюркским языкам и спросил: «Это что, турецкий?». На вопрос о том, как он это определил, он ответил: «По просодической агглютинации».

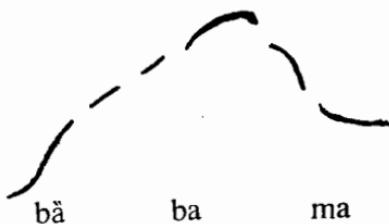
И. Дуриданов определил в качестве одной из ведущих балканнических черт наличие в той или иной степени редуцированного звука (Duridanov, 1983). Об этом же признаком в связи с греческо-болгарской редукцией писал и Г. Дреттас (Drettas, 1987).

Кстати, в работе Дреттаса история балканстики как лингвистического направления излагается наиболее подробно. Явление редукции есть в то же время в тюркских языках Сибири, и в русском языке. В связи с этим важно мнение Р. Александр о том, что утрата количественных различий есть новая черта Северо-Запада Балкан (Alexander, 1983).

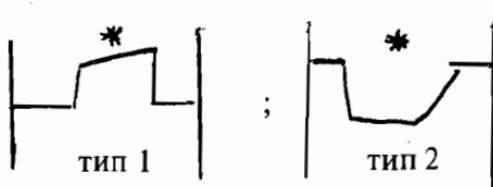
Для БЯС отмечались и собственно интонационные сходства. Именно поэтому был поставлен вопрос о том, существует ли интонация романцев как семьи, поскольку у румын много общего в этом плане со славянами, особенно с болгарами (Ettmayr, 1925).

Ниже этот вопрос будет подробно анализироваться в соответствующих главах.

Узко интонационный балканизм был предложен на обсуждение И. Лехисте и П. Ивичем (Lehiste, Ivić, 1980). Они ввели понятие так называемой «обратной модели» (reverse pattern) для общего вопроса. «Перевернутость» модели описывается как понижение на ударном с последующим повышением и конечным вторичным понижением:

Эта интонационная единица и, соответственно, интонационное понятие уже широко обсуждается в работах по интонации языков БЯС. К. Кайспер (Keijspel, 1987) предположила, что существует всего две модели движения тона в балканских языках: тон восходящий от базового низкого (тип 1) и наоборот (тип 2).

Таким образом, по мнению Кайспер, отмеченная И. Лехисте и П. Ивичем «обратная модель» реализует второй тип интонации.

Важным шагом вперед в концептуальном отношении явилась введенная В. Вермеером (Vermeeg, 1987) единая шкала движения

процесса прогрессивного сдвига ударения на следующий слог с нисходящим тоном:

- 1) сначала перенос со слабых еров на конечный слог (*sъtō*);
- 2) перенос со слабых еров на следующие слоги во всех случаях (*sъ bōgom*);
- 3) перенос с гласных полного образования в многосложных словах (*sirōtōq*);
- 4) перенос с гласных полного образования в двусложных словах с закрытым вторым слогом, не содержащих слабого ера между первым и вторым слогами (*oblākъ*);
- 5) перенос с гласных полного образования в двусложных словах с закрытым вторым слогом, содержащих слабый ер между первым и вторым слогами (*nabъrālъ*);
- 6) перенос с гласных полного образования в двусложных словах с открытым вторым слогом (*oči*).

Важность этого приведенного перечня этапов — в его всеобщности. Он распространяется на словенские и на сербохорватский диалекты. Это единый путь, по которому языки прошли разные стадии. Так, чақавский и штокавский остановились на стадии 1, стандартный кайкавский и резьянские говоры — на стадии 2, зильский на стадии 3, беднярский кайкавский на стадии 4, состояние Канальской долины — после стадии 5. Теоретическая безупречность и методическое удобство такого подхода к диахронии языковых процессов очевидны, и можно попытаться обсудить и сопоставить предлагаемые различными авторами единые линии развития. Однако в нашей работе диахрония является лишь дальним прицелом; экспериментальные факты представляют пока лишь синхронный срез.

В последние годы внимание стало уделяться такому просодическому явлению, как ударное продление. Так, И. Кочев (Кочев, 1988), демонстрируя распространение ударного продления с Востока на Запад болгарской диалектной зоны, считает это явление общеболгарским и, возможно, общебалканским.

В книге Солта (Solta, 1980) большое внимание уделяется балканскому языковому субстрату: фракийскому, иллирийскому, пайонскому. Не имея возможности проследить наш материал в столь глубокой диахронии, ограничиваемся в настоящей работе лишь фактами латинско-греческой просодии. Системами, контактными по отношению к БЯС, являются просодические системы итальянского языка, финно-угорских языков (по отно-

шению к славянской семье вообще) и тюркских языков. Все эти данные будут рассмотрены в особых разделах. Подробнее всего анализируются факты тюркских языков, поскольку турецкий язык, включенный К. Сандфельдом в БЯС, специальному экспериментальному исследованию нами не подвергался. Между тем Ф. Елоева (Елоева, 1987), считая, что современная лингвистическая ситуация Юга Балкан, в частности Греции, есть результат диахронии контактов, смешения кодов, многое приписывает влиянию турецкого языка через понтийские диалекты и диалекты Малой Азии.

Необходимо отметить также, что просодия конкретных языков БЯС количественно исследована по-разному. Так, на первом месте по числу исследований находится сербохорватский язык, просодия которого во всех аспектах изучается около полутора веков и по которому мы имеем теперь фундаментальное исследование И. Лехисте-П. Ивича (Lehiste, Ivić, 1986), подводящее итоги более чем двадцатилетним изысканиям.

Много сделано также по просодии (интонации) румынского языка, особенно Л. Дэскалу, которая практически проанализировала экспериментальным путем почти все виды фразовой интонации румынского языка. Важно и то, что ею написан подробный обзор всех исследований по румынской просодии (Dăscălu-Jinga, 1990), где дана максимально полная библиография. Основные выводы по работам Л. Дэскалу приводятся в специальном разделе Энциклопедического словаря романской лингвистики (Dăscălu, 1989). Так, в пределах вопросительной интонации различаются модели с восходящей интонацией (PAI) и нисходящей (PDI).

Цикл PAI:

1. Общий вопрос. Выделяется вопросительный центр (эмфаза) через низкий и/или пониженный центр на ударном слоге. Второй существенный компонент этой конструкции — конечный контур, т. е. последний ударный + заударные слоги. Общий мелодический рисунок определяется местом ударного слога и местом эмфазы.

2. Общенегативные вопросы с низким началом и подъемом в конце:

oi?
n
nu vine la

3. Риторические вопросы с отсутствием эмфазы.
4. Переспросы, состоящие из одного слова:

C u m ?

5. Вопросы-напоминания:

Cînd vi ne ma ma?

6. Вопросы-эллипсисы:

Nici oa me nii ?

В цикле PDI:

- 1 /8. Вопрос с вопросительным словом:

Cîn d va ve ni ?

- 2 /9. Интенциально-имитативный вопрос со слабо модулируемым контуром.
- 3 /10. Частный вопрос без местоименного слова.
- 4 /11. Особый эллиптический вопрос типа 'А если дождь?'
- 5 /12. Альтернативный вопрос (восходяще-нисходящая модель).
- 6 /13. Вопрос с семантикой утверждения, имеющий некий «хвост» (tag) в румынском языке *nu* (нисходяще-восходящая модель):

Cum pleci, cu trenul? *n u?*

Невопросительные циклы румынской интонации рассмотрены менее подробно.

Последние годы характеризуются появлением фундаментальных работ по новогреческой просодии. Так, на XII Конгрессе фонетических наук два доклада были специально посвящены акустической природе новогреческого ударения. А. Арванти (Arvanti, 1991), признавая, что акустическими коррелятами новогреческого ударения являются частота, длительность и интенсивность, считает, что греческий язык — это

язык слогосчитающий, не имеющий членения на ритмические группы и различающий только одно ударение в слове. Именно отсутствие ритмического членения, по ее мнению, и отличает новогреческий язык, например, от английского, где ритмические группы обязательны и где число ударений в речевом потоке тем самым оказывается最大的.

А. Ботинис (Botinis, 1991), рассматривая две новогреческих модели вопросительным словом: нисходящую и с восходящим концом (эмфатическую) приходит к выводу о том, что частота не играет основной роли в выделении новогреческого ударения.

Именно монография А. Ботиниса, вышедшая в Швеции (Botinis, 1989), по существу является первой фундаментальной монографией по новогреческой просодии. Центральное место в ней занимает фонетическое слово, не превышающее обычно трех слогов (см. сходные для других языков наблюдения Л. Гиринской и П. Мертенса). А. Ботинис сравнивал ударные и безударные слоги, с одной стороны, и слоги в фокальной (т. е. выделенной) позиции, префокальной и постфокальной. Основные задачи исследования: 1) как манифестируется словесное и фразовое ударение в новогреческом? 2) какой из параметров наиболее последовательно проходит через слово в предложении? 3) зависит ли тип выражения ударения от просодической структуры высказывания в целом? Материал вводился в конструкции — фреймы, сходные с теми, которые были составлены для нашей работы. Так же, как и в нашем исследовании, рассматривались слова, отличающиеся только местом ударения: например, *nómo* (закон) и *potó* (страна). Такие слова включались в соответствующие фреймы. Например (графика А. Ботиниса): *Maria íksere to (nómo / potó) kala*. В специальных фреймах-вопросах требовался ответ с обязательным подчеркиванием, т. е. фокусированием, одного из слов:

1. *Pos íksere i Maria to nómō?* — *I Maria íksere to nómō KALÁ.*
2. *Tí íksere i Maria kala?* — *I Maria íksere to NÓMO kala, etc.*

Ряд результатов А. Ботиниса имеет большое значение для подтверждения нашей концепции просодической схемы слова, о которой говорилось выше. Например, имея в виду его данные о том, что в *NÓMO* разность ударного и безударного > 14 мсек, а в *NOMÓ* > 35 мсек, мы осознаем, что новогреческое слово правоориентировано по длительности.

В фокальной позиции разрыв по *t* несколько уменьшается: NÓMO > 34 мсек; NOMÓ > 42 мсек. Правоориентированность по длительности свидетельствуют и *t* самих ударных: ó в *nómo* всегда короче ó в *nomó*.

Основным средством выделения фокуса, по А. Ботинису, является частота основного тона, на ударном всегда реализуется фигура

Интенсивность новогреческого предложения довольно сильно понижается к концу.

Просодия новогреческого слова рассматривается также и в зависимости от словосочетания, в которое это елово входит, например:

To neo máqima / tís ine diskolo

Новый урок / ей труден

To néo máqima tis / íne dískolo

Новый урок ее / трудный

Наиболее существенными для нас оказались неподчеркнутые самим автором данные о значительном конечном продлении слова, особенно перед паузой, значительно превышающем продление по ударности. Т. е. речь идет о конечном заударном слоге. См. отношения 98/183, 111/188, 90/188, 85/194 и т. д.

Важно и то, что, по данным А. Ботиниса, подъем тона при восходящей мелодике осуществляется на постударном слоге, т. е. это тот же «негативный» подъем в общем вопросе, по Л. Дэскалу, и reverse pattern, по И. Лехисте—П. Ивичу.

В плане перцепции ударения наименьший эффект дала частота, наибольший — манипуляции по длительности.

Рисунок терминальной мелодики создается, по А. Ботинису, модуляциями в ударном слоге + заударными слогами, если они представлены.

Собственно балканских сопоставительных исследований стиха, проведенных экспериментальным путем, в последние годы проведено не было. Однако, в заключение хотелось бы остановиться на двух циклах работ по балканской версификации.

Во-первых, это цикл исследований С. Бо-Бови по просодии новогреческого стиха (Baud-Bovy, 1936; 1953; 1957).

В книге 1936 г. о народной греческой песне обсуждается вопрос о генезисе народной версификации, которая одними считается заимствованной, а другими — восходящей к античной метрике. Бо-Бови полагает, что в рецитации мелодика несуще-

ственна, более важны длительность и интенсивность (см. в последней главе нашей книги о сложной дистрибуции этих параметров в строке). Существенны еще два замечания Бо-Бови: о наличии на Балканах так называемой «ломбардской» акцентуации, когда длительность гласных находится как бы вне отношений ударности/безударности, а имеет свою дистрибуцию; в этом случае ударные выделяются через интенсивность. Второе замечание — утверждение о чисто графическом размещении ряда акцентов.

В строке интенсивностью выделяются только четные слоги: 2, 6, 10, 14. Из нечетных подчеркнуты первые слоги обоих полустиший. Второе полустишие на слог короче первого, зато последний слог в нем сильно продлен. Эта тенденция сильно продлевать абсолютно последний слог строки отмечается С. Бо-Бови и для болгарского стиха.

Для нашей концепции возможной левоориентированности ряда балканских языков по длительности (см. последующие главы) важно его замечание о большей длительности инициальных слогов, особенно при часто встречающемся повторе строки. Итак, в порядке убывания, подчеркнутыми являются слоги: 14, 6, 10, 4, 8, 2, 12.

Мелос, по данным Бо-Бови, приспособливается к акцентуации; так, для нужд мелодики, безударный слог растягивают, но не подчеркивают.

Через современный тип стиха, по его мнению, просвечивают два архаичных размера: ямбический, при котором безударный слог привязан к последующему ударному, и трохаческий, когда ударный связан с предыдущим ударным.

Справедливость этого наблюдения особенно ощущается при перцепции балканского стиха, особенно болгарского (см. об этом далее), хотя акустические данные это подтверждают не всегда.

Каково же происхождение греческого народного стиха? Бо-Бови возводит 12-сложник с цезурой после 7-го слога к византийским пословицам: *Kako{j kak{ sunfptwn / Ð skaiÔj фн}g* (см. выше замечание Р. Якобсона о гномическом генезисе индоевропейской метризованной строки).

Существенным, в свете наших экспериментальных данных, оказалось замечание Бо-Бови (Baud-Bovy, 1936, p. 113) о различии народного стиха и народной греческой песни: в первом представлено много монотонных участков с фиксированной дис-

трибуцией (как он считает, pour souligner les mouvements de la pensée).

В работе 1953 г. (Baud-Bovy, 1953) автор занимается анализом функций междометий-экскламативов: Ňrš, ¥c, êc, mwrš и т. д., которые часто вставляются в стих, особенно после цезуры. Вставки подобного рода произносятся на ноте первого слога. По мнению Бо-Бови, задача таких вставок двойная: 1) сохранение старой метрической схемы в тех случаях, когда слова исторически сократились; 2) подчеркивание знаменательных слов «акустическим» шлейфом.

В статье 1957 г. (Baud-Bovy, 1957) особое место уделяется западному влиянию на греческий стих. Здесь прежде всего важны две традиции: итальянская и французская. Через эти контакты в любовных песнях XV и XVI вв. появляется рифма. Наконец, возникает характерный именно для Франции, но не для Италии, 15-сложник. Влияние осуществлялось, в основном, через Кипр.

Но важнейшим последствием эволюции было объединение стихотворных строк по две, т. е. создание двустишия (*complet*). Эти комбинации стихотворных строк отчетливо вырисовываются и в нашем экспериментальном материале, хотя более частой структурой является, скорее, не двустишие, а четырехстишие.

Другой цикл данных по балканской версификации — книга А. Славова (Sławow, 1974) о болгарских данных. Подтверждая тезис о наибольшей популярности восьмисложника с делением 5 + 3, реже 4 + 4, Славов обращает внимание (и это подтверждают наши данные) на отдельность, не-слияность болгарского слова в стихотворной строке: строки состоят из слов, как стена из кирпичей, и все они тајą określone długości i określona strukturę akcentową (р. 18).

Интересны его данные о средней продолжительности слов (по числу слогов) в трех жанрах: прозе, художественной поэзии и народной поэзии в трех языках: русском, болгарском и сербском:

	Проза	Поэзия	Народная поэзия
--	-------	--------	-----------------

Русский	3,01	2,74	3,8
Болгарский	2,96	2,7	2,86
Сербский	2,79	2,68	2,77

Из этих данных видно, что самые короткие ритмические группы представлены в поэзии. Самые протяженные ритми-

ческие группы (слова) отмечены в русском языке, а самые не-протяженные — в сербском (с. 20). Эти последние данные А. Славова, как кажется, вполне объяснимы в свете нашей концепции о языковой эволюции, излагавшейся выше. Русский язык оказывается наиболее ранним по литературному и коммуникативному пути эволюции, поэтому он оказался способным в наибольшей степени оконтуривать большее число слов; особенно интересны здесь данные народной поэзии, говорящие о давнем процессе эволюции в этом плане. Сербский язык — это язык с системой музыкальных ударений, выполнение которых требует абсолютного времени даже и в стихе, болгарский же язык занимает, как и должен был занимать, промежуточную позицию.

§ 2. Латинско-греческая просодия

Основное, что мы знаем о просодии латинского и древнегреческого языков, относится к словесной просодии, просодия же фраз или больших отрезков описывается лишь на уровне отдельных замечаний или наблюдений (см., например, Тронский, 1962). Некоторые выводы об этом можно сделать на основании ретроспективных обобщений, привлекая и пытаясь интерпретировать эти отрывочные наблюдения.

В дальнейшем в центре внимания в настоящем разделе будет не столько статическое представление о латинской и греческой просодии, достаточно хорошо известное, но не столь для нас в данном случае важное, сколько просодия этого региона в ее эволюции, хотя бы в тех аспектах, которые так или иначе обсуждались.

Почему в данном разделе рассматриваются совместно факты латинского языка, занимавшего зону, примыкающую к Балканам, и древнегреческого — как бы центра Балкан, его достоверную автохтонную опору?

При отчетливо осознаваемом различии систем словесного ударения история греческого и латинского языков оказалась во многом тесно сплетенной: факты эволюции латинского часто объяснялись влиянием греческого — различным на разных этапах; наконец, оба языка, согласно данным, примерно в одно и то же время изменили свой просодический тип, приобретя так называемое «динамическое ударение».

Греческий язык периода расцвета был языком с музыкальным ударением, это означало, что ударный слог отличался от безударных более высокой тональностью, во-первых, и что ударные слоги различались типом этой тональности, во-вторых. В системе же греческого стихосложения господствует чисто количественная («квантиративная») структура, которая строится на упорядоченном чередовании долгих и кратких слогов без учета места ударения.

В слове вне стиха можно говорить о двух типах движения: повышающемся и пониждающемся, и о комбинации этих движений; поэтому так называемое «облеченнное ударение» (*circumflex*) есть комбинация: восходящий + нисходящий тон. Естественно, что подобная комбинация требует для своей реализации долготы слога под ударением.

Если традиционное учение давало ясное определение трех типов греческого ударения (~, / и \), то менее ясным в течение долгого времени оставалась система, регулирующая место греческого ударения, которая определялась то как «закон трех слогов», то как «закон трех мор». Р. О. Якобсону удалось обобщить и данные, и гипотезы, сформулировав простое правило: «гласные моры, расположенные между ударной морой и конечной морой не могут принадлежать разным слогам» (Jakobson, 1962). Таким образом, существенно начало слога, содержащего предпоследнюю мору (начало «конечного ансамбля», по Е. Курловичу). Прогрессивный акцент — это случай, когда ударная мора следует за указанным началом «конечного ансамбля»: *gamštij, kalī j, polktij*. Регрессивный акцент — это акцент, предшествующий этой границе: *mšlanoj, melfnwn, ½gagon*. Итак, пенультиимный слог является единственным, на котором может оказаться и прогрессивный, и регрессивный акцент: *pur»pwn — purÁpej; mhtšrw — mhtšej*. Древнегреческий язык ведет, таким образом, двойной отсчет: по морям и по слогам. В. Аллен считает, однако, что у греков единицей восприятия был вообще не слог, а время от начала одного гласно-подобного звука до начала следующего такого же звука (Allen, 1973).

Однако с первых веков нашей эры словесная просодия греческого слова меняется: осуществляется переход от музыкального ударения к динамическому. Это выводится на основании анализа ранних христианских гимнов (2 в. — нач. 3 в. н.э., Климент Александрийский), особенно — Григорий Назианзин (4 в. н.э.) (Allen, 1973). Именно влиянием греческих псалмов этой поры и

ритмикой греческих христианских проповедей объясняют появление динамического акцента в поздней латыни (Szelestei-Nagy, 1974). Возникновение динамического акцента Х. Зайлер приписывает акустической природе циркумфлекса, создающего как бы некий высотный пик, сопровождающийся громкостью звучания; ударную «тяжесть» слога под новым, динамическим ударением формировали также долгие гласные и дифтонги, а также геминированные согласные (Seiler, 1959).

В древнегреческом языке отмечается для начала христианской эры один фундаментальный переход: от музыкального ударения к динамическому. Этот переход не был чисто просодическим феноменом, он изменил и строевую структуру языка. Так, именно с переходом к динамическому ударению связывают резкое уменьшение употребительности греческих частиц, которые ярко характеризовали своим обилием греческий язык классической поры. На неизбежности этого процесса мы также остановимся далее (Тронский, 1962; Denniston, 1954).

Гораздо более сложной является реконструируемая картина эволюции латинского ударения. Ударение классической латыни было связанным предопределенным ритмическим рисунком слова, соотношением долгих и кратких слогов, недопустимым на конечном слоге многосложного слова. В отличие от греческого, латинское ударение не определяется двойной системой оппозиций, а является по-морным. Считая краткий слог одноморным, а долгий двуморным, определяют, что латинское ударение отстоит от конца слова на расстоянии одного слога плюс две моры (определяя с конца): *ī-tí-lī-tās*, *la-u-dá-mus*, *cás-tí-tās* и под. Слова отличаются, при совпадении тактического места ударения, долготой. Например, *invēnit* и *invēnit*.

В начале христианской эры латинское ударение, как и греческое, становится динамическим. Этот факт описывается и представителями античной грамматической теории (Тронский, 1953, с. 162); сначала точную датировку об изменении характера латинского ударения возводили к V в. н.э., затем — к более ранней поре (стих Амвросия), наконец, возможно, и к раннехристианской литературе Северной Африки 2 в. н.э. (Szelestei-Nagy, 1974). С изменением ударения связывается потеря квантитативных различий и квалификативные вокалические изменения (Jansson, 1979). Особняком стоит точка зрения Э. Палгрэма о постоянстве динамического ударения в латыни (об этом ниже) (Pulgram, 1975).

Как указывалось выше, изменение квантитативных различий и переход к динамическому ударению иногда приписывают ранне-христианскому греческому влиянию (оставляя в стороне, тем самым, вопрос о том, почему это явление произошло в греческом). Просодическая судьба романских языков оказалась различной (Ettmayer, 1925).

Однако особенностью латинского языка, его загадкой является многократно обсуждавшаяся гипотеза о первичном «динамическом» ударении на первом слоге в «праисторическом» периоде латинского языка (за это говорит фонетическое богатство первого слога, явления синкопы раннего периода и под.) (Vendryes, 1902). Таким образом, латинский язык как бы проделывает круг просодического развития: динамическое ударение — квантитативно-позиционные различия — динамическое ударение позднего типа.

Оригинальная и в то же время близкая к выводам настоящей работы концепция инициальности старолатинского ударения была предложена в последнее время Кс. Баллестером (Ballester, 1990). Автор связывает инициальность с начальным долготным ансамблем (уже говорилось, что долготная левоориентированность для исследовавшихся балканских языков отмечалась неоднократно): «Данные, исследовавшиеся автором, демонстрируют, что вокальные преобразования могут быть также объяснены, если мы признаем то, что ударение в доисторической латыни падало на первый долгий гласный слова или на первый слог — в том случае, если в слове не было долгого гласного» (Ballester, 1990, p. 33).

Причины возникновения динамического ударения в латинском языке и его позднейшей перестройки назывались самые различные:

1) «пралатинское» динамическое ударение восходит прямо к индоевропейскому динамическому ударению. Так, Аллен считает, судя по поздним романским языкам, что динамический акцент в латинском и не прерывался (Allen, 1973). Это объяснение, по выражению Э. Палгрэма, есть объяснение *ignotum regnotum*;

2) первичное динамическое ударение появилось под влиянием лингвистической среды, в частности этрусской (Тронский, 1953, с. 164–165);

3) влияние некоторого параллельно существующего протороманского языка;

4) обычный, точнее, распространенный, переход от гипотетического музикального ударения к динамическому, который латинский язык осуществил почему-то ранее других (Тронский, 1953).

В свою очередь, перестройка ударения и введение квантитативно-позиционных различий возникли в латинском под греческим влиянием. Э. Палгрэм пишет об эллинизированном характере классической латыни, о влиянии греческих учителей и греческой ораторской школы на латинскую произносительную манеру (Pulgram, 1975).

В целом же Э. Палгрэм предлагает картину просодической эволюции, связанную с латинским ударением, наиболее соответствующую теории просодической эволюции, излагаемой в настоящей книге.

Согласно Э. Палгрэму, в латинском языке существовали и развивались параллельно два разных языковых стандарта: письменная латынь и устная латынь.

Письменная форма латыни с 5 в. до н.э. до новой эры находилась под греческим влиянием, затем — до периода 7 в. н.э. — наступил постклассический средневековый период, а с 7 по 10 вв. н.э. был период «Каролингского возрождения», к этому стандарту примыкает письменная вульгарная латынь.

Устная латынь имела историю непрерывную и являлась протороманским источником, началом романских языков.

Просодические системы обоих стандартов различны: письменный стандарт характеризуется просодемной (т. е. значимой) квантитативностью гласных, непросодемным акцентом, квантитативной метрикой. Напротив, устный вариант характеризуется просодемным акцентом, непросодемным количеством гласных, акцентно ориентированной метрикой.

Обе системы по-разному восприняли просодические компоненты заимствованных греческих лексем (Pulgram, 1975, 133): Ср. соответствующие типы корреляций:

0. Латинское ударение = Греческому ударению
 Латинское количество ≠ Греческому количеству

apothēca — φρονήση;
(Письм. латынь; устная латынь)

- I.A. Латинское количество = Греческому количеству
Латинское ударение ≠ Греческому ударению
(не финальному)

cá:mēra — kam̄ga
(Письменная латынь)

- I.B. Латинское количество ≠ Греческому количеству
Латинское ударение ≠ Греческому ударению

dialektus — diflektoj
(Письм. латынь)

- I.C. Латинское количество ≠ Греческому количеству
Латинское ударение = Греческому ударению
(финальному)

basílica — basilik̄
(Письм. латынь)

- II. Латинское количество ≠ Греческому количеству
Латинское ударение = Греческому ударению

áncora — ¥gkūra
(Устная латынь)

Существенным для различия двух стандартов латинского языка является их различие по принципу пословного/посинтагменного произнесения слов. Э. Палгрэм называет как *cursus language* язык просодически слитный, непословный. Пословный язык — это *nexus language*. Таким образом «курсусным» является только латинский письменный (и литературный французский, например), а латинский устный и греческий языки — это языки «некурсусные» (Pulgram, 1975, р. 291–292).

Грамматикализация интонационных контуров требует все большего и все более компактного объединения единиц под одной мелодической шапкой. Для этого, естественно, оказываются наименее подходящими слова с так называемым музыкальным ударением. Ср. у И. М. Тронского: «Музыкальный характер греческого ударения ставил известные грани возможности использования тонального движения в синтаксической функции».

Именно поэтому древние языки изобилуют частицами не пресуппозитивного, а, скорее, коннекторного типа; именно по-

этому число частиц в греческом и латинском употреблении резко снижается, как отмечено, после перехода к динамическому ударению.

По-словный период, очевидно, бывает очень длительным, разумеется, его в большой степени задерживает для исследователя графическое воспроизведение слова как единства. Последний этап — просодическое объединение слов.

Очевидно, латинский письменный язык классической поры прошел все три этапа и опередил греческий, поскольку у того было препятствие — наследие в виде музыкального ударения. Поэтому латинский язык, как и современный французский язык, приводится Э. Палгрэмом в качестве *cursus* (слитных) языков, а греческий язык и разговорная латынь — это *pexis*-языки (т. е. пословно примыкающие).

Вторичное изменение типа латинского слова — пословное произношение с динамическим акцентом — вполне может объясняться изменением социального состава говорящих на латинском языке. Это уже не была элита классического периода, несомненную роль играла и простая просодика ранних христианских проповедей (поэтому и совпадают эпохи перехода к динамическому ударению в греческом и латинском языках). Таким образом, второй этап перестройки латинского ударения: переход к динамическому ударению и пословному может быть объяснен социальными причинами: меной социума коммуникантов, говорящих на этом языке.

Всё, сказанное выше о латинском и греческом языке, полностью отвечает концепции, предложенной в главе первой, согласно которой различаются ударение — обязательно перцептивно активное и схема слова с сильной точкой интенсивности и сильной точкой длительности; эти сильные точки при наличии ударения в другом месте не воспринимаются как ударение, они являются потенциально акцентновоспринимающими. Сильные точки начала и конца, если они и не являются носителями ударения, все равно по своей акустической природе обеспечивают лучшее восприятие этих частей слова, поэтому сам факт расположения в начале слова более значимых частей или отсутствие в нем синкопирования не говорит еще о том, что на этом слоге было ударение, как не говорит и об обратном, но, безусловно, говорит об акцентной усиленности словесного начала.

Большая временная заданность конечного ансамбля в греческом языке, несомненно, диктуется требованиями музыкального

ударения, которое должно быть выполнено за определенное время. Как замечает Палгрэм (Pulgram, 1975), «музыкальный акцент не сочетается с синкопированием».

Однако, если встать на типологическую точку зрения, то несомненна временна́я ориентированность и греческой, и латинской просодии слова. Латинский язык, начиная с утраты конечного согласного (первым утрачивался d), развивал долготу по компенсации: *rosad* > *rossā*, сохраняя при этом, в отличие от французского, фонологическое противопоставление долгот (Bichakjian, 1986). Очень подробный анализ также и греческих заместительных долгот у гласных, геминации и метатезы привел автора (Wetzels, 1986) к выводу об отдельном «словарном» существовании долготных единиц в греческом фонологическом сознании.

Растущие коммуникативные требования заставили латинский и греческий увеличить коартикуляцию и тем самым слитность. Именно из-за коартикуляции, как считает Янсон (Janson, 1979), латинский язык потерял долготные позиции.

Однако роль долготы в выделении «ударного» слога и в латинском, и в греческом несомненна. Поэтому в дальнейшем анализе просодии слова в БЯС роли долготы в формировании ударного слога будет уделяться большое внимание и будет обсуждаться вопрос о генетическом/заимствованном характере этого признака.

Сведения о мелодике древнегреческого языка были в основном почерпнуты из книги И. М. Тронского «Древнегреческое ударение» и реинтерпретированы в современных интонологических терминах. Так, например, тот факт, что вопросительное *t...j* не теряло ударения в отличие от неопределенного *t...j* говорит о том, что фразовая просодия вопросительного предложения с вопросительным словом имела усиленное (повышенное) начало. Само явление грависа говорит о том, что в греческом возникает слитность не только на уровне объединения знаменательных слов с клитиками. См. у И. М. Тронского: «В связной речи акут „усыпляется“, а знак препинания или присоединение энклитического слова „пробуждают“ этот акут» (Тронский, 1962, с. 74). Это говорит и о наличии фразового центра в конце синтагмы — перед знаком препинания, когда позиции последнего слова в синтагме усилены. И. М. Тронский пишет: «Мы должны прийти к выводу, что окситонные слова, находясь не в паузе, теряют свое ударение. Такой вывод представляется совершенно неверо-

ятным» (Тронский, 1962, с. 74). Между тем для современных литературных языков, стремящихся к максимальной степени слитности, этот феномен был бы естественным и предсказуемым. У И. М. Тронского есть два возражения. «В новогреческом языке ударение окситонных слов внутри предложения не подвергается никаким особым модификациям». Далее, в главе IV, мы постараемся показать, насколько это не так. Второй аргумент состоит в том, что ни один источник не сообщает о таком важном явлении. Как представляется, степень модификации словесной просодии во фразе и не могла быть изучена в доэкспериментальную эпоху, а сам знак грависа уже был достаточен для осознавания отчетливой интроспекции у греков и византийцев.

Однако далее И. М. Тронский делает интересные выводы о типе тонального движения в синтагме, судя по выбору акута или грависа. Л. Мазинг (1876) выявил, что после акута движение тона идет вниз, а после грависа — вверх. Вывод И. М. Тронского: «Конечный слог окситонного слова при всех условиях сохранял свое словесное ударение и был выше предшествующих ему слогов, но в тональном движении синтагмы мог не составлять вершины и оставаться ниже ударного слога следующего слова, носившего на себе синтагматическое ударение» (Тронский, 1962, с. 80). Мы же выводим из этого и следующие положения. Во-первых, тональное движение в неконечной синтагме было последовательно восходящим. Во-вторых, повествовательное предложение было более рыхлым и менее грамматикализованным по мелодическому контуру, иначе линия понижения (declination) подавила бы акут окситонного слова. В-третьих, сила давления фразовой просодии на словесную, судя по введению грависа, была сильной. Таким образом, древнегреческий язык по системе фразовой мелодики предстает весьма современным.

Возможно, древнегреческий язык в этом отношении опережал латинский. См. о том, что в римском фонологическом сознании важен был раздел между словами, отличавшийся часто двоеточием (Тронский, 1953, с. 161).

§ 3. Просодия итальянского языка

Итальянский язык не принадлежал к излюбленным языкам интонологов, а среди итальянистов интонация не была излюбленным объектом исследования. Серьезные работы по италь-

янской просодии появились лишь в последние годы. В 1981 г. вышла в свет фундаментальная монография П.-М. Бертинетто (Bertinetto, 1981), которую можно приравнять по ее значимости для итальянской просодии к обобщающей монографии И. Лехисте-П. Ивича по сербохорватской просодии. На книгу П.-М. Бергинетто, в которой, к сожалению, есть многое, кроме функционального описания мелодики, мы и будем опираться.

Самые краткие сведения об итальянской мелодике и ее рисунке изложены в работе: (Dørum, 1985). Показывается, что последняя ударная гласная повествовательного высказывания характеризуется понижением тона. Ударные слоги слов, расположенные в центре высказывания, реализуются при помощи восходящего-нисходящего тона. В вопросительных высказываниях (неясно, какого типа. — T. H.) последняя ударная гласная характеризуется повышением тона.

К сожалению, указанные характеристики можно применить к любому языку, в том числе и к русскому. Это еще раз говорит о необходимости, описывая тот или иной язык, четко различать специфическое и универсальное (см. об этом различии подробно: Николаева, 1977).

В главе первой именно итальянский язык служил примером очень высокой слитности, когда междусловные границы не различались от внутрисловных. Свойство это, несомненно, восходит к латыни, причем не к народной латыни, а к классической латыни — слитному языку высокой литературности, некуссному языку, в терминологии Палгрэма.

В течение многих десятилетий (а практически — и много больше) вопрос о динамическом характере итальянского ударения считался настолько решенным, точнее, само собой разумеющимся, что даже не обсуждался. Между тем просодический статус итальянского ударения важен не только для итальянского языка, а во многом выступает в качестве базы выведения современных романских языков (см. выше) из того или иного варианта предшествующего латинского состояния. Более того, «динамичность» разговорной латыни предполагалась именно исходя из позднейших данных, например, из динамического ударения в итальянском.

Твердая (и, как будет ясно, априорная) убежденность в динамическом характере итальянского ударения оказалась мифом. Таким же мифом, как, например, и миф о динамической природе русского ударения.

Истоки этого мифа, очевидно, нужно искать не в фонетике, а в типе лингвистического сознания, в течение долгого времени опиравшегося лишь на концепты привативных оппозиций. В системе привативных оппозиций, относящихся к ударению, маркированным членом было ударение музыкальное. Привативные оппозиции часто гримировались под эквиполентные. Поэтому вместо вывода: в этом языке ударение немузыкальное, делался вывод: в этом языке ударение немузыкальное, следовательно, ударение в нем динамическое.

В монографии П.-М. Бертинетто очень подробно и экспериментально обоснованно показывается, что ведущую роль в выражении итальянского ударения играет длительность. Это говорится и прямо в тексте: *La realizzazione dell'accento italiano sembra prevalentemente demandata, a livello acustico, alla maggior durata delle vocale tonica* (Bertiinnetto, 1981, p. 79). Но еще более убедительны многоэтапные и разнообразные эксперименты, результаты которых помещены в таблицах в конце книги. Приведем суммарную таблицу (Таблицу № 7), показывающую вес основных параметров ударения в гомогенизированных единицах в словах структур: ——, —'—, ——'.

	[+]	-]	-]
D	6,53	2,12	3,32
F ₀	7,96	3,49	4,66
I	8,08	2,91	2,57
	-]	[+]	-]
D	2,74	7,33	3,54
F ₀	7,95	6,74	2,74
I	6,74	4,91	3,49
	-]	-]	[+]
D	2,62	2,45	5,83
F ₀	8,62	8,08	3,72
I	6,87	4,99	5,62

Как видно, единственным параметром, последовательно выделяющим ударный слог, является (D) длительность. Усиленные F₀, I в структуре —— относятся к сильной акцентной точке просодии схемы слова (инициаль). В двух других структурах они могут быть повышенны по сравнению с безударным слогом в этой

же позиции, но все равно не будут превышать уровень, диктуемый схемой просодии слова. Сам П.-М. Бертинетто делает вывод относительно F_0 о том, что частота лишь в некоторой степени (*in qualche misura*) участвует в выражении ударения, но что это во многом определяется мелодическим контуром высказывания. Интенсивность же играет целиком вторичную роль (Bertinetto, 1981, p. 79).

Таким образом, данные П.-М. Бергинетто полностью подтверждают наши обобщения о раздельном существовании просодической схемы слова с сильной акцентной точкой в начале и сильной длительностной точкой в конце, опубликованные в книге 1977 г. и выведенные на базе изучения просодии славянских языков. Они подтверждают также типологическую ориентированность языков на тот или иной параметр ударения: т. е. языки делятся на f_0 -ориентированные, i -ориентированные и t -ориентированные. Для изучения просодии языков БЯС важно то, что современный итальянский язык оказался языком t -ориентированным, хотя необходимо отметить и данные Фаркетани и Вайра (Farketani, Vayra, 1991, v. 2) о том, что в абсолютном конце высказывания ударные гласные могут сокращаться. В целом, по их данным, ударные гласные в итальянском языке изменяются больше, чем безударные.

Как будет показано в главе III, во всех языках БЯС длительность играет большую роль в реализации ударения. Более того, уже сейчас очевидно, что долготность ударения есть факт типологический (точнее, долготная ориентированность ударения) и это свойство может как заимствоваться, так и передаваться генетически. В этой связи убедительна гипотеза Вяч. Вс. Иванова о том, что долготное ударение отмечалось и для хеттского языка (Иванов, 1989). Тогда протягивается некоторая изоакцентная линия от хеттского к латинскому и к романским и славянским языкам.

Принимая распространенную классификацию языков на акцентосчитывающие (stress-timed) и слогосчитывающие (syllable-timed), а в пересчете на изохронию у Бергинетто это: *isocronia accentuale/isocronia sillabica* (IA-IS), Бергинетто делает интересные выводы о связи этих, казалось бы, чисто метрических понятий с общими содержательными возможностями интонации высказывания в целом. Так, в языке IA безударные слоги сильно редуцируются и произносятся с большей скоростью, в языке IS редукции нет и время произнесения распределяется пропорционально

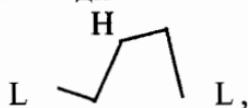
по слогам высказывания. Слог в IA обладает большей «эластичностью», в IS для них установлены некие временные лимиты.

Итальянский язык П.-М. Бертинетто, вслед за Фором и Росси, считает языком по-слоговой изохронии (IS). Интересным было сопоставление итальянского языка с японским (Smith, 1991, v. 3). Оно демонстрирует еще большую сложность временной программы для по-морского японского. Это объясняется тем, что итальянский вовлекает в долготные трансформации гласные, а японский — и гласные, и согласные.

В книге П.-М. Бергинетто особое внимание уделено проблемам «стыка» (*giuntura*), которому посвящена особая глава. Эксперименты разного рода показали, что специальных показателей стыка в итальянском языке нет: *la nostra lingua non presenta sensibili marche giunturali* (p. 249). Об отсутствии в итальянском хиatus уже говорилось.

Таким образом, создается впечатление, что из просодических показателей в итальянском доминирует не акцентная, а временная структура. Наконец, возникает предположение, что временная неэластичность силлабосчитающего языка, затрудняющая развитие такого коммуникативно важного явления, как слитность, и тем самым препятствующая суперсегментному оконтуриванию больших речевых отрезков, в итальянском языке компенсируется минимальностью показателей синтагматического стыка и тем самым обеспечивается слитность за счет иных, чем временная компрессия, просодических показателей.

Выше шла речь о литературном варианте итальянского. Недавно, на материале нескольких вариантов вопросительных предложений, была обследована фразовая мелодика сицилийского итальянского (Grice, 1991, v. 5). Данные автора демонстрируют, к сожалению, до сих пор никак не уменьшающуюся разность интонологических подходов и методов. С точки зрения автора исследования, и в диалекте Палермо, и в диалекте Катании представлена одна и та же фигура общего вопроса

существенна только ее временная дистрибуция. Между тем на приведенных в работе иллюстрациях высказывание *Glielo porta domani?* в палермском диалекте имеет заударное понижение, а в диалекте Катании — заударное повышение. Но, с точки зрения

автора, «это не имеет функциональной значимости», тогда, как показывают факты многих языков, подъем или понижение мелодики в конце общего вопроса является одним из основных характерологических признаков.

§ 4. Финно-угорская просодия

Просодия слова в ее акцентологическом аспекте обсуждается для финно-угорских языков столь же оживленно и тождественно по проблемам, как и для индоевропейских языков. Только поправка делается на то, что те феномены, которые для индоевропейских языков обычно соотносятся с отдаленным реконструируемым периодом, в финно-угорских языках относятся к недавнему прошлому, а иногда даже и к настоящему. Так, по сути, со всей группой обсуждаемых языков связана дискуссия о месте эрзь-мокшанского ударения (Ravila, 1973). Согласно одному из высказывавшихся предложений, в эрзя ударение свободное, оно варьируется в зависимости от говорящего и в зависимости от ситуации. Другое предположение — о слабом ударении на первом слоге, во всяком случае, в изолированных словах. Для древнейшего прабалтийско-финно-угорского состояния В. И. Лыткин восстанавливает свободное ударение.

Как это видно, проблемы те же, что и для индоевропейского, как и то же разнообразие концепций. Очевидно, это объясняется теми же причинами. По всей вероятности, схема просодии финно-угорского слова близка к индоевропейской, т. е. имеет понижающуюся интенсивность к концу («...минимальная интенсивность отмечается в абсолютном исходе слова», — пишет о просодии хантыйского языка Г. Г. Куркина: Куркина, 1986) с сильной акцентной точкой в начальной позиции. Конец отмечен усиленной длительностью (об этом далее), но и начальная точка также протяжена по сравнению с просодическим центром. Так, для того же хантыйского, Г. Г. Куркина считает обязательность ударения на первом слоге, но для трехсложного оно связано с относительной длительностью гласных, т. е. значим «начальный ансамбль».

Как будет показано далее, роль долготы для финно-угорской просодии слов очень велика, особенно в зоне эстонско-финской. Поэтому можно заранее предположить, что само ударение, во многом определяясь зависимостью от долготы акцентируемого слога, не будет, собственно, долготным. Это пред-

положение было проверено А. Ээком (Eek, 1987). Было высказано две гипотезы: согласно одной, если квантитативная структура укладывается в норму, то как ударный воспринимается слог с более высокой частотой. По другой гипотезе, в качестве ударного воспринимается более длительный слог, а если оба равны по длительности, то тогда как ударный воспринимается слог с более высокой F_0 . Оказалось, что эстонцы воспринимают ударение по первой гипотезе (т. е., что это f -ориентированный язык), а русские — по второй (т. е. t -ориентированный язык). Таким образом, долготные оппозиции являются специфическим фактом эстонско-финской просодии слова, но не опорным параметром ударения. В этой области более всех за последние четверть века сделала И. Лехисте, на работах которой и ее коллег мы специально остановимся. Существенными здесь являются два вопроса: каков статус и распределение трех степеней долготы в эстонском языке, во-первых, и чем отличается просодия финского слова от просодии эстонского, во-вторых. В более ранней работе (Lehiste, 1965) И. Лехисте, помещая ударение в обоих языках на первом слоге, для финского языка описывает две степени количества гласных: долгий/краткий. Они противопоставлены в любом слоге и не знают в этом плане никаких ограничений. Долгие консонанты (и консонантные группы) противопоставлены кратким только в интервокальном положении. Таким образом, а для двусложного слова существует — если учесть начала и исходы, а также долгие и краткие согласные — тридцать две возможных вариации. Дискуссионным для эстонского языка считается количество долгот: две или три. По мнению И. Лехисте, тройная парадигма реализуется с большим числом ограничений. Так, все три возможности существуют для первого слога многосложного слова. Дальнейшие слоги связаны синтагматическими отношениями. По ее мнению, в эстонском языке между фонемой и фонологическим словом существуют два промежуточных уровня: это слог, как и в других языках, но и некая двусложная последовательность, дистрибуция внутри которой определяет иерархию долготы. Финский же описывается адекватно, непосредственно исходя из сегментного количества.

В дальнейшем И. Лехисте еще более подробно исследовала долготные соотношения в финском и эстонском языках отдельно.

В работе (Lehiste, 1968) исследовались три степени сегментной долготы и три степени слоговой долготы. При этом

слова из 500 предложений, прочитанных одним диктором, классифицировались на фразовоударные и безударные — с целью выяснить, насколько длительность слова определяется фразовой нагрузкой. Рассматривались моносиллабические, двусложные, трехсложные и четырехсложные слова с тремя типами долгот.

Односложные демонстрировали огромные размахи во фразовоударных, и в безударных позициях: от 100 мсек до 320 мсек. В двусложных словах фразово-конечная позиция несколько сокращала обе гласные (т. е. обратная индоевропейской картины. — Т. Н.).

Слова 2-й и 3-й степени долготы в связной речи не различались длительностью краткого второго слога. Отношение в изолированных словах обычно 2 : 1, но эта степень долготы может в наибольшей степени варьироваться в высказывании, так что показатель потенциально оказывается нестойким.

Л. Пости сводит эти три ступени долготы в эстонском языке (Posti, 1968) к двум фонологически релевантным долготным ступеням: к хронемам долгой и краткой. Однако долгая имеет два аллохона — долгий и сверхдолгий. Сверхдолгая ступень выступает перед последующей краткой гласной, а просто долгая — перед полудолгой (т. е. полностью согласуется с положением И. Лехисте о промежуточной между слогом и словом двусложной структуре эстонского языка). Центром излагаемой теории Пости является обязательность существования следующих за ударным полудолгих гласных, обязательность существования которых рядом финно-угроведов отрицается. Таким образом, для двух долгих ступеней релевантно количество не первого, а второго слога.

Позицию Л. Пости о статусе третьей ступени долготы в эстонском языке оспаривает В. Таули (Tauli, 1968). По его мнению, различие 2-й и 3-й степени долготы не фонемное, а силлабико-акцентуационное. Это комплексная долгота, которая характерна только для ударных первых слогов и поддерживается фразовой интонацией. Третья ступень долготы — это факт фразовой выделенности (*prominence*), которая может — в зависимости от коммуникативной программы — быть сколько угодно усиленной. Поэтому различается собственно количество как факт фонологии слова: долгота — краткость и выделенность (градуальная) как факт фразовой интонации.

Важным для нас здесь во всех трех концепциях является несомненность положения о противопоставленности долгих и

кратких в эстонском языке на любом слоге, о существовании некой двусложной зависимости ударного и следующего за ним слога и о каком-то особом, не автономном, статусе долготы третьей ступени, которая зависит (по разным точкам зрения) от трех возможных факторов: от ударности слога, на котором она выступает, от количества следующего гласного, от фразового подчеркивания.

Опираясь на более известные нам факты славянских языков, мы позволим себе сказать, что все три положения могут не противоречить друг другу. Так, фразово-интонационное задание (интонационное подчеркивание) обычно занимает зону ударного слога, величина же ударного слога во многом зависит от общей дистрибуции длительности слогов слова, иначе нарушится ритмическая модель слова и, возможно, его восприятие.

В последнее время проблема эстонской (и/или балтийско-финской долготы) решается через введение особой единицы, отличной и от ритмической акцентной группы и от силлабосчитывающего фонетического слова. Эта единица — стопа (foot) (см. Wijk, 1991, v. 3; Siil, 1991, v. 3). По Вийку, стопа связана с морой. Первый гласный считается морой и все остальное в слоге — тоже одна мора. Таким образом существуют три основных типа по-стопной изохронии:

1) тип, общий для всех балто-финских языков: если первый слог стопы долгий, гласный второго слога укорачивается и наоборот. В эстонском языке это усложняется тем, что первый слог может быть и долгим, и сверхдолгим. Существенно, что консонантный «хвост» второго слога не влияет на длительность второго гласного: *majà* = *majàd*;

2) второй тип изохронии стопы специфически эстонский. Если второй слог долгий, то долгий первый слог укорачивается; но если второй слог краткий, то первый долгий становится сверхдолгим;

3) третий тип — это традиционное «компенсаторное продление», когда сохраняется общая длительность стопы при утрате одного из составляющих ее гласных.

За стопу как единицу эстонской темпоральности высказывается И. Сиил (Siil, 1991). Через большой материал он демонстрирует активность стопы внутри словесной просодии (слово может быть сколь угодно многосложным). И. Сиил показывает также зависимость временной структуры стопы от типа оформляющей ее мелодики.

Для литературного финского языка (Wiik, Lehiste, 1968) было установлено путем анализа 48 двусложных слов в чтении тридцатью информантами, что длина долгого ударного в отношении к краткому ударному составляет примерно 2 : 1. При этом долгий безударный будет более длительным, если перед ним находится краткий, а не долгий ударный. Намечается следующая картина (К — краткий, Д — долгий):

	К	К	
1	V_1	V_2	$V_2 > V_1$
	D	K	
2	V_1	V_2	$V_1 > V_2$
	K	D	
3	V_1	V_2	$V_2 > V_1$
	D	D	
4	V_1	V_2	$V_1 > V_2$

Наиболее нетривиальным здесь, по нашему мнению, оказывается продленность краткого безударного при кратком ударном. Возможно, и здесь, как в эстонском, существуют безударные полудолгие? Во всяком случае, также и финская система, декларируемая, в отличие от эстонской, как более простая, демонстрирует некоторую двусложную структуру зависимости.

Всё сказанное выше относилось к долготе как особого рода просодеме, объединяющей финно-угорское слово. Выше было сказано о недолготном характере преференции ударения в эстонском языке — именно там, где словесная долгота доминирует. В других финно-угорских языках положение представляется различным. Так, В. Н. Денисов экспериментальным путем показал, что длительность доминирует при выражении ударения в удмуртском слове (Денисов, 1980), ударный слог очень резко выделяется длительностью в стихе и в пении в мордовском языке (Слесарева, 1978). Не исключено, что именно в этой группе финно-угорских языков представлено и русское влияние. Так, П. Равила объясняет, что у эрьзи вторичное развитие гласных полного образования и отход от ударного первого слога объясняется тем, что на эрьзя-диалекты очень сильно влияли русские говоры (в данном случае — окающие), поэтому редуцированные звуки прояснились. На мокша-диалект мордовского влияли русские акающие говоры, что определило другую судьбу редуцированных (Ravila, 1973).

Фразовая интонация финно-угорских языков подверглась изучению относительно недавно. Наиболее категорическая точка

зрения по поводу основной интонационной оппозиции: повествование — общий вопрос была занята А. Ивоненом (Iivonen, 1978), сформулировавшим положение об отсутствии вопросительной интонации в финском языке.

По его данным, высокий пик начала как F_0 , так и интенсивности, располагаются на первом слоге первого слова высказывания (в диалектах F_0 может иметь пик и на втором слоге). Общие выводы Ивонена: 1) F_0 к концу постепенно понижается; 2) вопросы и утверждения в этом понижении не различаются; 3) и F_0 , и интенсивность, имея пиковое повышение в начале, потом равным образом поникаются.

Далее А. Ивонен показывает разные модели структуры интонации фразы и демонстрирует, что многие из них служат и для вопроса, и для невопросительных конструкций. Анализ его рисунков приводит к выводу, что на самом деле все конструкции делятся на две группы. Одна из них — это и есть вопросы, но только вопросы специализированной семантики.

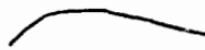
Например, модель — самого начала, просьба «эхо» (Iivonen, 1978, в нашем наборе, респроса. Наконец, тип ния, «открытость» — по тоже типичная восходящая

это подъем с ба повторить, р. 51). Это и есть, вопрос типа пе- (для продолже- Ивонену). Это мелодика прида-

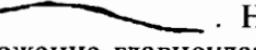
точного в препозиции или вообще незавершенности. Таким образом, примеры Ивонена, вопреки его же утверждениям, демонстрируют то, что восходящая мелодика финскому языку известна. Наконец, остаются примеры типа — модель, которую А. Ивонен считает нейтральной как для утверждений, так и для вопроса. На этой модели мы подробно остановимся ниже.

Отсутствие восходящей мелодики при вопросе в остыкском языке отмечает и Шелльбах-Копра (Schellbach-Kopra, 1968). По этим данным, только первый слог имеет восходящий тон, а далее мелодика падает. Далее приводятся типы и рисунки общего вопроса на остыкском (запись осуществлялась в Ленинграде), русском и венгерском языках. Русские примеры несколько удивляют своей некорректностью. Один из них: *Я тебя ушиб* — — — имеет ударение абсолютно конечное и уже этим не подходит для сопоставления с финно-угорскими примерами; второй: *Здесь можно*

мне остановиться? представлен в статье рисунком, явно для этой фразы невозможным. Венгерские же и осякские примеры в целом имеют для вопроса модель — $\overline{\text{—}} \backslash$, либо $\text{—} \overline{\text{—}}$, на которой мы тоже остановимся ниже (т. е. это та же модель общего финского вопроса у Ивонена).

Более подробно противопоставление вопроса-ответа в их перцептивном различии проанализировано в экспериментальной работе К. Венде (Vende, 1987), уже много лет углубленно исследовавшего структуру коммуникативных типов в эстонском языке. Различая английскую и эстонскую интонацию, К. Венде вводит следующие признаки: высокий или низкий пик начала в мелодическом контуре, вообще высокое положение тона в контуре, наличие / отсутствие конечного падения, величина этого падения. Четыре типа: вопрос (?), повествование (.), восклицание (!) и незавершенность (...), синтезированные в виде 228 контуров на эстонском, определялись 100 слушателями, т. е. всего было 22800 суждений. Для эстонского языка было выведено: высокий пик и низкий конец — для вопроса, низкий пик и низкий конец — для повествования, высокий пик и ненизкий конец — для восклицания и низкий пик и ненизкий конец — для незавершенности. Таким образом вопрос и утверждение отличаются как и .

Так центр тяжести противопоставления: интонация вопроса — интонация повествования переносится на движение мелодики в целом, и на вопрос о частотном расположении пиков. Здесь можно обратиться и к русскому языку, с которым эстонскую интонацию уже ранее сравнивал П. Аристэ, писавший: «В эстонском языке интонация слова и всякого предложения всегда нисходящая. В русском же языке употребляется и восходящая интонация в некоторых особых случаях» (цит. по: Ваараск, 1969, с. 13).

В русском языке, как известно, широко представлен тип общего вопроса с терминальным падением тона (ИК-3, по Е. А. Брызгуновой), представляющий большую трудность для иностранцев — носителей западноевропейского типа интонации. Известно и второе особенное свойство русской интонации — легкость переноса интоационного максимума на начало фразы. Оба эти свойства в целом способствуют тому, что интонация русского общего вопроса в целом напоминает по графической презентации повествовательную: . Но оба этих типа различают очень высокое положение главноударного слога в вопросе, так что вопрос-повествование различаются

не конфигурацией, а регистром, уровнем. Именно такое регистровое противопоставление для интонаций вопроса и повествования описывает Р. Ф. Пауфошима (Пауфошима, 1989). Такой тип интонации общего вопроса, ИК-3, представлен и в других славянских языках (см. типологический раздел в книге: Николаева, 1977), но в остальных он конкурирует и часто успешно вытесняется конструкцией с последовательно восходящим терминальным тоном.

В последние годы вышли убедительные работы известных фонетистов об универсальности интонационного противопоставления вопроса и утверждения. Так Д. Болингер, занимавшийся интонацией около сорока лет, все-таки настаивает, что восходящая интонация при вопросе обязательна (Bolinger, 1964; Bolinger, 1978). Видимо, в его интонологическом мировоззрении восходящая мелодика — это конечный подъем мелодики. И, однако, в одном месте его легко поймать. В работе 1978 г. он пишет, что восходящая мелодика при вопросе настолько универсальна, что даже русские, долго живущие за границей, заменяют свой вопросительный тип: подъем—падение (*rise-fall*) на конечный подъем (Bolinger, 1978, p. 502). Таким образом, выясняется, что восходящий тон при вопросе все-таки неуниверсален. Во-вторых, для нас интересно узнать, что именно русские выступали в качестве контрадикторного примера.

Так же категоричен и в необходимости для языка различать восходящее и нисходящее движение тона известный фонетист Дж. Охала, связывающий это различие с глубинными человеческими психологическими установками и установками пола (Ohala, 1983; Ohala, 1984).

Представляется, что и в этом случае мы имеем дело с некоторой лингвистической аберрацией. Различие вопроса-утверждения по высокости-низкости не означает в то же время буквальности воплощения этого различия как восходящий-нисходящий. Последнее часто подменяет первое в сознании носителей языков с абсолютно восходящим тоном при вопросе. Очевидно, что высокий-низкий суть понятия более общие, чем восходящий-нисходящий. Последнее не есть синоним первого, но только одно из его воплощений. И русские, и, соответственно, славянские факты полностью укладываются в концепцию универсальности интонационного противопоставления вопроса и утверждения.

Важно в этом свете получить свидетельство того, что и в финно-угорских языках вопрос и утверждение различаются если не конфигурацией, то хотя бы высотным противопоставлением интонационных фигур. Именно подобное утверждение находим у К. Венде: «утверждение выражается понижением тона со среднего уровня голоса... вопрос и восклицание выражаются высоким подъемом тона в начале слова» (Vende, 1980–1981).

Таким образом, естественно, возникала задача проверить более глубокое сходство русской (славянской) и финно-угорской фразовой интонации. Проверялись следующие положения: 1) знают ли финно-угорские языки разные типы вопросительной мелодики, каков набор типов этой мелодики? 2) представлена ли в них и восходящая терминальная мелодика, а не только нисходящая? 3) совпадает ли функциональная дистрибуция этих типов с дистрибуцией этих (или аналогичных типов) в русском языке?

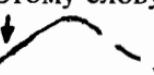
Для этой цели был составлен небольшой квазисвязный текст, аналогичный тому, который приводится в главе первой. Этот текст включал в себя основные виды вопросительных предложений.

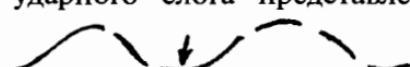
- *Вы были раньше в Сыктывкаре?* — Да, был.
- *А в Москве?*
- *Откуда Вы приехали?*
- *Откуда?*
- *Вы эстонец?*
- *Какой язык Вы изучаете?*
- *Говорите по-фински или по-эстонски?*
- *Говорите по-фински?*
- *Или по-эстонски?*
- *Вам нравится здесь?*

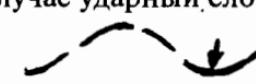
Текст, с переводом носителями соответствующих языков, был прочитан на эстонском, финском, саамском, горномарийском, эрзя-мордовском, удмуртском и коми языках на VI Международном конгрессе финно-угроведов в г. Сыктывкаре 24–30 июля 1985 г. (Основные результаты были опубликованы в статье: Николаева, 1989в.) После сдачи в печать статьи были произведены дополнительные экспериментальные наблюдения. В 1986 г. в октябре в г. Хельсинки текст был записан еще двумя дикторами-фин-

нами, преподавателями филологического факультета университета. Эти же дикторы-русисты читали русский текст (целью было определить точки проникновения чужого влияния в обоих просодических системах). В 1987 г. были записаны новые данные по саамскому языку в Лаборатории экспериментальной фонетики Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Обобщенные данные были доложены на заседании фонетической комиссии Международного комитета славистов в ноябре 1987 г. в г. Сараево (Югославия).

Реализация общего вопроса с однозначным центром 'Вы эстонец' в финно-угорских языках осуществлялась тремя мелодическими фигурами.

1) Мелодическим пиком является слово со значением «эстонец», подъем идет к этому слову, а после него наступает понижение. Фигура: ; именно такая фигура характерна для русской интонационной конструкции ИК-3. Этот тип представлен во всех языках.

2) Мелодика двувершинна: ударный слог начинает восхождение ко второму пику, а до него осуществляется падение тона, после ударного слога представлено второе понижение. Фигура: . Этот тип мелодики представлен в саамском, эрзя-мордовском, коми (женский голос), финском, эстонском и удмуртском языках. Русской мелодике такая двувершинность не свойственна. В. И. Петрянкина отмечает именно такой двувершинный тип мелодики общего вопроса в нетональных языках Африки (Петрянкина, 1981). Из этого видно, что интонационные типологические сходства имеют не только генетические или ареальные обоснования.

3) Ударный слог осуществляет повышение без последующего понижения. В этом случае ударный слог располагается в абсолютном конце. Фигура: . Тип мелодики был представлен в венгерском и марийском языках.

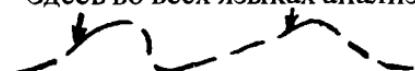
Общий сопоставительный вопрос: 'А в Москве'.

Этот типологически очень важный тип вопроса был представлен двумя фигурами. Первая, по существу, являлась мелодической конструкцией общего вопроса, т. е. не обнаруживалось, та-

ким образом, специфического выделения этого вида вопроса как особого мелодического типа. Вторая фигура точно соответствовала русской мелодической конструкции ИК-4 (*А Наташа?*) с низким ударным и завершающим повышением. Однако для коми, удмуртского и марийского не исключено влияние русской фразовой просодии.

Общий уточняющий вопрос: 'Говорите по-фински? Или по-эстонски?'

Здесь во всех языках анализа была представлена фигура:

, т. е. как бы два сдвоенных общих вопроса. Мелодическое сходство с русским типом уточняющего вопроса здесь было очевидно и наглядно, особенно в венгерском исполнении, что в данном случае особенно важно, так как здесь исключается влияние русского языка.

Альтернативный вопрос: 'Говорите по-фински или по-эстонски?'

Первый интонационный центр был во всех языках реализован по интонационной модели, сходной с моделью русского общего вопроса. Второй центр по реализации воплощал две различные фигуры. Первая — второй центр повторял по рисунку первый, так что получалась двувершинная мелодическая фигура, сходная с указанным выше двувершинным типом общего вопроса. Такая модель реализовалась в венгерском, удмуртском, эстонском и мордовском языках. Она же была представлена в чтении русских дикторов. Вторая модель — на втором центре мелодика понижается, а далее идет постоянное повышение. Т. е. это как бы сочетание общего вопроса и сопоставительного вопроса с *A*. Фигура:

. Таким было прочтение на коми, финском и саамском языках.

Специальный вопрос: 'Откуда Вы приехали?; Какой язык Вы изучаете?'

Во всех языках анализа мелодика специального вопроса была понижающейся. В начале идет мелодический подъем к ударному слогу вопросительного слова. Однако необходимо заметить, что в финно-угорских языках этот тип вопроса отличался меньшей

слитностью, меньшей компактностью мелодической конструкции и меньшей сглаженностью ударных слогов, чем в русском языке. Таким образом, специальный вопрос в финно-угорских языках оказался ближе, чем в славянских, к контуру и облику повествовательного предложения, отличаясь от него высоким положением начальной части.

Переспрос: 'Откуда?'

В восточнославянских языках такой тип вопроса всегда выражается единообразно: последовательно повышающимся контуром мелодики.

В анализировавшихся финно-угорских языках переспрос был реализован в виде трех интонационных фигур.

1) Фигура, аналогичная восточнославянской. Была произнесена в марийском, удмуртском, саамском, коми и венгерском примерах.

2) Фигура, идентичная с общим вопросом: повышение на ударном, затем дальнейшее понижение. Была произнесена в мордовском и финском.

3) Фигура, близкая к мелодике специального вопроса. Представлено последовательное понижение мелодики. Была произнесена на эстонском языке.

Таким образом, набор типов интонационных фигур и их дистрибуция в пределах перечня вопросительных предложений в финно-угорских языках близки к русской модели. Однако финно-угорские интонационные конструкции, в отличие от русского, демонстрируют два вида непринципиальных несходств. Во-первых, ряд функциональных типов вопроса представлен несколькими типами интонационных фигур, которые, в свою очередь, могут использоваться и для другого типа вопроса. Во-вторых, вопросительные интонационные фигуры создают впечатление большей рыхлости, меньшей сглаженности словесных ударных пиков, чем это имеет место в русском языке.

Иначе говоря, финно-угорская система вопросительных конструкций создает впечатление менее грамматикализированной, менее отработанной функционально, чем русская система.

Внутри самих финно-угорских языков выделяются саамский, предпочитающий во всех видах вопросительных предложений повышающуюся мелодику, и эстонский и мордовский, напротив, реализующие в этих же конструкциях понижающуюся мелодику.

В остальных языках представлены оба терминальных исхода: нисходящий и восходящий.

В заключение этого раздела остановимся на возможных путях интерпретации сходства русской (восточнославянской) и финно-угорской интонационных систем. Этих интерпретационных возможностей может быть три: 1) генетическая, 2) интерференционная и 3) типолого-фонетическая. Не имея возможности обсуждать первый интерпретационный путь, переходим ко второму. Финно-угорские языки связаны с русским большим количеством схождений, в основном выявленных на лексическом и синтаксическом уровне. Однако и русский язык оказывал несомненное влияние на контактные финно-угорские языки. Сложно при этом то, что эти взаимные влияния могли быть циклическими и/или спиралевидными. Так, выше говорилось о тяготении саамской фразы к повышенному концу. Сходные явления отмечены Р. Ф. Пауфошимой для северно-русских говоров, соседних с финно-угорскими: в конце фразы наблюдается терминальное повышение или произнесение в повышенном регистре (Пауфошима, 1984).

Однако для нас важно то, что сходные с русским варианты интонации и их дистрибуция отмечены и для венгерского языка, далекого от русского влияния (хотя здесь не исключено влияние других славянских языков).

Типолого-фонетическая интерпретация не исключает фонетическую. Безусловно, тип интонации с высоким ударным и падающим концом может осуществляться только при той просодии слова, когда ударный слог отмечен высокой продленностью, иначе эта «циркумфлексная» фигура просто не успеет реализоваться. Этот показатель объединяет русский язык с финно-угорскими. Вторым объединяющим фактором является редукция неударных гласных, делающая ударный слог все подавляющим центром слова. Эта просодическая черта русского слова вновь возвращает к проблеме финского субстрата, который обычно обсуждается в связи с вопросом о русском «аканье».

В специальной книге о финно-угорском субстрате в русском языке В. Кипарский (Kiparsky, 1969), с уверенностью утверждая финно-угорское начало в русском синтаксисе: конструкции типа *У меня есть брат*, императив с -ка типа *Возьми-ка*, конструкции *Мы с ним шли* (а не *Я и он шли*), диалектные формы вроде *Молока и масла, всего есть*, *Надо печка топить* и под., с большой осторожностью относится к заимствованиям в области любой фоне-

тики, полагая, что за такой длительный контакт русских племен и финноугров могла возникнуть сложная система отражений. Поэтому и в области интонационных сходств мы старались ограничиться лишь констатацией полученных данных.

§ 5. Просодия тюркских языков

Статус просодии тюркского слова, пожалуй, является максимально неопределенным — если сравнивать с индоевропейской и финно-угорской ситуацией. Яростные споры, которые кратко и иллюстративно будут изложены ниже, сводятся как будто бы к двум основным вопросам: 1) есть ли в тюркских языках словесное ударение, аналогичное ударению в акцентных языках? 2) если такое ударение есть, то в каком месте слова оно располагается? Во 2-м томе издания «Языков народов СССР (Языки народов СССР, т. 2, 1966) этот вопрос решается довольно просто и единообразно. В подавляющем числе тюркских языков ударение падает на последний слог (в основном — в двусложных словах, в многосложных — возникает второе слабое ударение). (Исключения особо оговариваются.) Это — чувашский язык (с. 46); азербайджанский (с. 70); туркменский (с. 94); башкирский (с. 178); кумыкский (с. 197); карачаево-балкарский (с. 215); крымско-татарский (с. 239); караимский (с. 263); ногайский (с. 283); кара-калпакский (с. 372); казахский (с. 322), узбекский (с. 343); уйгурский (с. 368); тувинский (с. 389); якутский (с. 407); хакасский (с. 431); чуьымско-турецкий (с. 449); шорский (с. 468); киргизский (с. 486), алтайский (с. 507).

Интересное исключение представляет важный для просодии БЯС гагаузский язык (с. 112). Здесь в большинстве словоизменительных форм ударение падает на последний слог. Но в целом ряде двусложных и трехсложных слов ударение есть и на первом слоге. При аффиксации подобных слов основное ударение остается на первом слоге, а конечный аффикс принимает дополнительное ударение. В сложных словах ударение обычно падает на первый слог.

В указанном компендиуме ударение обычно описывается как силовое, экспираторное, сопровождаемое долготой.

Просодии тюркских языков посвящено много экспериментальных исследований, в основном диссертационного типа (см., например, Орусбаев, 1971). По его данным, словесное ударение в

киргизском языке характеризовалось максимальными показателями интенсивности и тона, но длительностью, более зависимой от фонетических условий. Так, из 209 стимулов, предъявленных 48 аудиторам-киргизам, 85,6% были квалифицированы как конечноударные. Русские аудиторы опознали как конечноударные 78%. В азербайджанском языке (Абдуллаев, 1968) слов с наконечным ударением оказалось 89%. При этом в конечных ударных слогах оказалась повышенной интенсивность и частота основного тона. Отмечающуюся в этих случаях повышенную длительность Ш. Абдуллаев считает фактом не ударности, а абсолютной терминальности ритмического отрезка. См. также другие данные об ударении на последнем слоге в азербайджанском (Гасанов, 1990). В казахском языке (Исаев, 1971) также конечный гласный был отмечен в качестве ударного; при этом в 72,5% он характеризовался повышенной интенсивностью, в 37% — высокой длительностью, в 12,5% — большей частотой основного тона. См. же о казахском (Туркенбаев, 1989).

Присоединяясь к тезису о наконечном ударении в азербайджанском языке, А. Джрафова (Джафарова, 1989) считает эту позицию обязательной для агглютинативных языков. Но при эмфазе ударение может восприниматься в начале. Ударение отмечает конечный слог и в алтайском (Чумакова, 1989). Инициальное ударение в уйгурском считают реплассацией (Томанов, 1988).

Очень детально просодия казахского слова рассмотрена и в кандидатской диссертации С. Жанабаевой (Жанабаева, 1985). Автор исследовала акустические и перцептивные характеристики выделенных слов казахского языка в ритмической группе и изолированно. Затем исследуемые слова были вырезаны из предложений и записаны на магнитную ленту. Кроме того, часть материала была составлена из монтированных слов. Анализ данных показал, что квалификация ударения представляла трудности не только для русских, но и для казахских аудиторов. С. Жанабаева делает вывод о непривязанности казахского ударения к определенному слогу: ударение может приходиться на первый слог, на последний, или на оба слога одновременно. «Следовательно, мы не можем говорить о способности носителей языка и других испытуемых судить о наличии словесного ударения в казахском языке» (там же, с. 14). И далее: «...мы не можем говорить о наличии в казахском языке словесного ударения в классическом его понимании» (с. 15). Стойкость акцентной картины тюркских языков, предстающая во 2-м т. «Языков народов СССР» (см.

выше), нарушаются и данными А. Моллаева о туркменском языке (Моллаев, 1973). По его данным, более интенсивным является гласный первого слога туркменского слова вне зависимости от ударения (с. 73).

Но наиболее резко концепция отсутствия словесного ударения в тюркских языках (в частности — в казахском) была высказана в докторской диссертации А. Джунисбекова «Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова» (Джунисбеков, 1988). А. Джунисбеков выделяет три типа языков: акцентные, тональные и сингармонические. Невозможно сосуществование тона и ударения, ударения и сингармонизма, тона и сингармонизма. Проблемы тюркской фонетики не могут быть решены через «акцентоцентризм», за которым стоит, по сути, «европоцентризм». А. Джунисбеков объясняет введение идеи словесного ударения в тюркские языки иллюзорностью идентичности функций индоевропейского словесного ударения и тюркского сингармонизма. Разногласия по поводу тюркского ударения А. Джунисбеков приписывает спорам не о наличии или отсутствии словесного ударения, а о его роли, месте и акустической природе. Нельзя не согласиться с автором и в том, что часто приводимые довольно немногочисленные примеры смыслоразличительной функции тюркского ударения: *алма* (яблоко) — *áлма* (не бери) произносятся с такой различной фразовой интонацией, что, по сути дела, сопоставлять их неправомерно. Основная часть диссертации А. Джунисбекова посвящена построению модели сингармонизма тюркского слова.

Итак, мнения о тюркском ударении начинают противоречить друг другу. Лучше всего повторить весь набор концепций вслед за А. Джунисбековым (с. 1–17):

- 1) о реальности: а) оно есть, б) его нет;
- 2) о месте: а) на первом слоге, б) на последнем, в) разноместное;
- 3) о природе: а) динамическое, б) тональное, в) долготное;
- г)-д)-е) комбинации признаков;
- 4) о градации: а) единственное, б-в) есть и второстепенное;
- 5) о функции: а) словоразделительное, б) словоорганизующее,
- в) смыслоразличительное;
- 6) об историческом развитии: а) первоначально на первом слоге, б) постоянно на последнем слоге;
- 7) о синтаксической обусловленности: а) факт изолированного слова, б) слово имеет ударение только во фразе;
- 8) о регулярности: а) правило, б) имеется ряд исключений.

Исторический аспект словесного ударения в тюркских языках подробно рассматривается в книге М. Рясанена (Рясанен, 1955). Он анализирует те точки зрения, по которым в тюркском слове прослеживаются два ударения: начальное и конечное, при этом гармония гласных отсчитывается от первого слога. Силовое ударение может отмечать обе сильные точки, начало и конец, но возможна отмеченность последнего слога и тональностью, и продленностью. Гипотеза эта была развита в работе «Типологическая характеристика чуымско-турецкой акцентуации» (Бирюкович, 1986). Согласно этим данным, ведущий компонент гласного первого слога — интенсивность, последнего — тональность. Если первый гласный долгий, то он выделяется через t и i , а второй (последний) — через F_0 . Таким образом, гласные двусложного слова равнодушны. В трехсложном слове аудитивно ударными оказываются первый и третий слоги с той же моделью: t и i в начале, F_0 — в конце. Высказывается гипотеза (там же, с. 112) о том, что тюркоязычный акцентный тип с ударением на последнем слоге накладывался на акцентный субстрат, где ударным был гласный первого слога, который, в свою очередь, в современных угро-самодийских языках определяется как динамический.

Итак, несмотря на все достижения современной техники, вопрос о тюркском ударении остается жгуче актуальным. «Полемика об ударении в тюркских языках, начатая еще в прошлом веке, продолжается. Можно даже сказать, что она разгорается ярче» (Яковлев, 1987, с. 48).

А. М. Щербак, подробно описывая разные точки зрения по этому поводу, считает тюркское ударение слабым и в реконструируемом языке силовым, падающим на конечный слог (Щербак, 1970). Если же изначальное ударение было инициальным, то тогда неясен механизм его рефлексии. А. М. Щербак вводит данные тюркской просодии в периферийный политонический комплекс евразийских языков.

Тюркские акцентологические проблемы очерчиваются и в монографии Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой (Серебренников, Гаджиева, 1986). По их мнению, ударение в пратюркском языке, по-видимому, было силовым и падало на первый слог слова. Они приводят целый ряд аргументов (с. 73) в пользу этого предположения (например, глухость начала слова). Позднее в тюркских языках происходило перемещение ударения с первого слога на последний. Причины этого перемещения неясны. «В современных тюркских языках ударение музыкально-экспираторное. Соотноше-

ние музыкального и силового момента в ударении зависит от характера предложения и объясняется непосредственной связью тюркского словесного ударения с фразовым ударением» (с. 74).

Н. А. Баскаков (Баскаков, 1988) также считает, что ударение было начальным, располагаясь на корневой морфеме, перемещение же его на конец объясняется грамматикализацией аффиксов (с. 185).

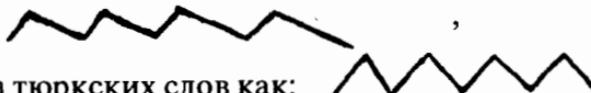
Все эти аргументы, в основном морфологического характера, не кажутся вполне убедительными. Если следовать правилу о том, что фонетическое объяснение всегда предпочтительнее, потому что оно обычно универсальнее и проще, то заслуживает внимания по этому поводу «фонетическая» реплика Т. Талипова (Талипов, 1987). Он считает, что рефлексию ударения нужно объяснить через «закон слабости начального слога» (т. е. через подъем к концу акцентной кривой. — *T. H.*). Остается только объяснить последнее или принять это как типологический факт.

Прежде чем высказать какое-либо мнение о статусе тюркского ударения и вообще о его наличии, обратимся к данным, позволяющим сконструировать тюркскую схему просодии слова, аналогично тому, как это делалось ранее для индоевропейского слова. Типологическая разница в направлении акцентной кривой в ряде работ подчеркивается в достаточно прямой форме.

См., в частности, у А. Орусбаева (Орусбаев, 1971, с. 8): «Если для русского языка типично увеличение интенсивности в направлении к началу слова, то для киргизского, напротив, характерно повышение интенсивности в направлении к концу слова. Подобное явление наблюдается и в другом тюркском языке — в азербайджанском».

Д. А. Павлов и Т. С. Есенова (Павлов, Есенова, 1986) подтверждают и дополняют выводы А. Орусбаева; монгольские и тюркские языки отличаются от индоевропейских повышением интенсивности к концу слова. Очень важно их замечание о том, что трудно судить о том, является ли это повышение интенсивности к концу слова признаком именно ударности. Оказывается, что слово с начальным ударением может тоже иметь восходящую акцентную кривую, а ударность выражать другими фонетическими средствами (с. 50). Если верно, как пишет А. Орусбаев, что и длительность к концу слова возрастает, то обе сильные точки схемы просодии слова в тюркских языках совпадают (если сейчас не останавливаться на упомянутых суб-

стратных структурах принципиально иной модели). См. у И. Я. Селютиной, описывающей удлинение гласных к концу кумандинского слова именно как словесную суперсегментную черту тюркских лексем (Селютина, 1986). Тогда цепочка индоевропейских слов будет выглядеть как:

а тюркских слов как:

Ко всем этим различиям мы еще вернемся, обсуждая структуры просодии слова в языках балканского населения, в течение столь длительного времени активно взаимодействующими с тюркоязычными слоями.

Возвращаясь к проблеме словесного ударения в том его аспекте, как это сформулировано в главе первой, можно предложить некие тезисы, как кажется, примиряющие спорные вопросы словесного ударения в тюркских языках.

1) Как уже говорилось, основой ударения мы считаем перцептивно-когнитивную базу. А именно — ударение есть то, что осознается как ударение всеми носителями языка.

2) Ударение, понимаемое в указанном смысле, не обязательно тождественно обнаруженному акустическими средствами выделенному слогу слова. См. выше о славянских (и не только славянских) языках, когда ударный слог может быть не самым интенсивным и/или не самым длительным, не самым подчеркнутым тонально и т. д. См. у А. Джунисбекова согласующееся с этим утверждение о том, что вопрос об ударении должен решаться не в рамках фонетики, а в рамках фонологии (Джунисбеков, 1988, с. 11).

Разделение схемы просодии слова и ударения снимает эти проблемы. Поэтому обнаружение какого-либо слога, как обычно, выделенного (например, последнего), говорит о расположении акцентной кривой в слове, но просто ничего не говорит об ударении.

3) Таким образом, язык, где регулярно обнаруживается выделенный слог, еще не обязательно есть язык со словесным ударением.

4) Проблема сингармонизма в тюркских языках есть особая проблема его просодии, по существу, параллельная по отношению к ударению.

5) Связывать ударение в языках обязательно со смыслоразличительной функцией несколько натянуто; например, в польском

языке ударение имеет постоянное место, не начинает и не кончает слово, однако его существование не вызывает сомнения.

6) В большинстве тюркских языков акцентная кривая слова — восходящая, длительность тоже увеличивается к концу. Таким образом, две сильных точки схемы просодии слова склонны совпадать, а не расходиться, как в и-е. языках. Существенными для типологических сопоставлений языков БЯС оказываются и данные о редукционных процессах в тюркском слове (Смаилов, 1979).

Фразовая интонация тюркских языков описана с меньшей дискуссионной насыщенностью, чем просодия слова. Обобщим имеющиеся данные. Так, о меньшем, чем в русском, общем диапазоне пишет Ю. В. Щека (Щека, 1987).

Общий вопрос. В казахском языке вопросительные предложения без вопросительных слов имеют восходящее движение тона: в конце вопроса может находиться и максимум интенсивности (Кемелова, 1988). В татарском языке (Балтаева, 1973) общий вопрос может оформляться и восходящим, и восходящескисходящим тоном; в азербайджанском языке в абсолютном конце, даже если имело место постцентровое понижение тона, происходит повышение в конце и резкое увеличение длительности конечного гласного (Ахмедова, 1976); в узбекском языке (Мухитдинова, 1972), если синтагма оканчивается ударным слогом, то мелодика до конца восходящая. В целом же, как отмечает А. И. Нурмаханова, сопоставившая типы мелодики предложений в тюркских языках (Нурмаханова, 1970), вопросительные предложения общего типа обычно оформляются восходящей мелодикой, поскольку вопросительная частица часто замыкает предложение. Однако для хакасского языка отмечается и понижение в последней части завершающего слога в общем вопросе (Кабанов, 1986; Бурнакова, 1986).

В переспросе в тюркских языках, как и в индоевропейских языках, отмечается повышение тона вплоть до самого конца (Тургенбаев, 1968; Ахмедова, 1976; Кемелова, 1988; Балтаева, 1973; Мухитдинова, 1972).

Те же авторы описывают для вопроса с вопросительным словом интонацию либо понижающуюся, либо имеющую два центра, либо имеющую легкий подъем в конце (Bazarganova, 1991, v. 3). Дистрибуция этих вариантов ни в одной из работ не была обнаружена. В неконечных синтагмах (т. е. при незавершенности) мелодический контур в казахском языке

(Сальменова, 1984) имеет и восходящую, и нисходящую линию. Движение тона в синтагматически ударном гласном и нисходящее, и восходяще-нисходящее. Тон в заударных гласных не зависит от направления движения тона в гласном под ударением, см. об этом: (Алексеев, 1970).

О понижающейся линии интенсивности во всех коммуникативных типах — см. для узбекского: (Ниязов, 1969); для туркменского: (Оvezова, 1985).

Итак, насколько можно судить по данным коллег-туркологов, в тюркских языках наблюдается противоречие между понижающейся интенсивностью высказывания в целом (в большей степени в повествовании, в меньшей — в вопросе) и повышающейся акцентной кривой отдельных слов (с учетом, конечно, того, что слово без определенной коммуникативной установки быть произнесено не может, но речь шла о так называемом назывном произнесении). Как же ведет себя тюркское слово во фразе? Очевидно, фраза сильно подавляет слово, см. (Юлдашева, 1986), и здесь действительно сингармонизм выполняет делимитативные функции.

Анализ экспериментальных данных тюркской просодии, как будет видно далее, очень важен для определения контактных влияний в просодии балканских языков.

Глава третья

Просодия слова в балканских языках

Как уже указывалось в главе первой, под просодией слова, рассматриваемой в типологическом аспекте, подразумевается комплекс суперсегментных явлений, выявление каждого из которых в отдельности иногда требует большой эксперименталистской изощренности, возможно, нам и недоступной.

Разумеется, центральным вопросом данного раздела является вопрос о реализации ударения и дистрибуции этой реализации в слове в каждом из балканских языков.

Разделение в лингвистическом сознании просодии слова и просодии фразы произошло относительно недавно: слишком велик был гипноз графики. Но на всем протяжении настоящей работы проходит красной нитью мысль еще об одном разделении, уже относящемся к просодии слова: это отделение ударения от просодической схемы слова, под которой понимается направление основных акустических параметров слова, и определение места сильных и слабых точек этих параметров в слове. Говоря точнее, эта просодическая схема не дана нигде изолированно. Ее можно выявить через показатели ударного слога в комбинации с позицией слога с ударением. Однако эта схема, будучи выведенной «на кончике пера», уже легко и убедительно просматривается на соответствующих экспериментальных представлениях просодии слова — при самых разных современных методиках.

Как уже говорилось, понятие ударения, в соответствии с идеями классиков фонологии, непременно связывается с фонологизацией. То есть ударение есть то, что и воспринимается как ударение, тот слог, который назовет носитель языка на вопрос: «Назовите ударный слог в данном слове». Таким образом, ударение есть переход за некий порог перцепции. Но из этого не следует обратного: нечто, существующее в перцепции, есть ударение. Например, ударение часто выражается через темпоральные

характеристики. Предположим, испытуемые точно и единодушно определят самый длительный гласный из гласных слова, предложенных им в виде выборки. Из этого еще не следует, что они нашли ударный гласный. Иначе говоря, фонологизация предполагает и некую осознанность метапонятий воспринимающими.

В нашей работе сравнение языков осуществляется не по перцептивным факторам, а по показателям акустического характера. Однако и здесь различались два эшелона фактов. Первое — какие параметры характеризуют ударение (в абстрактной символике). Второе — как это воплощается реально, в абсолютных и относительных числовых показателях.

Наконец, стабильность-вариативность просодии слова прослеживалась при анализе просодических характеристик слов, помещенных в 9 подобранных фразовых позиций, которые будут перечислены ниже. Эти данные представлены в работе в той же символике, во-первых, и в тех же абсолютных и относительных количественных показателях, во-вторых. Таким образом, изложение будет проводиться в рамках четырех соответствующих параграфов.

§ 1. Доминантные акустические параметры ударения в изолированном слове

Ударение может быть выражено через серию показателей f_{ti} , f_i , ti , ft , f , t , i , то есть разным числом максимумов и разными их комбинациями. Однако и изолированные слова всегда произносятся в оболочке конкретной мелодики. Поэтому, если, например, показатель f в структурах $\underline{\underline{—}}$, $\underline{\underline{\underline{—}}}$ и т. д. появляется только в конце вопроса или в конце придаточного предложения в препозиции, а в структурах $\underline{—}$, $\underline{\underline{—}}$ вообще не появляется, мы вправе отнести этот f к мелодике, т. е. к просодии фразы, но не слова.

Точно так же, если в словах типа $\underline{\underline{—}}$; $\underline{—}$ фигурирует показатель i , который в других структурах не возникает, мы можем отнести его к просодической схеме слова, а не к ударению, можем только говорить о том, что начало слова в данном языке динамически усилено. Напротив, если показатель i фигурирует при самых разных позициях ударного слога, мы вправе приписывать его ударению и его реализации.

Как уже говорилось, подбирались тождественные слова с разным местом ударения, во-первых, и серии слов близкого фонетического звучания, чтобы максимально исключить влияние факторов сегментной микропросодии, во-вторых. Для удобства типологического сопоставления из словарей были выбраны серии слов с вокальным анлаутом в виде [a] и консонантным в виде [b], с разным числом слогов и вокальным или консонантным исходом.

Например:

Румынский:

*alún, alúngul, alunát; áur, áură, aurár;
bábă, bábiță, babáca, babadám.*

См. также противопоставления: *ágă, agá; bábă, babá.*

Греческий:

*ἄγαν, ἄγανο, ἀγαθόν, ἀγάλια;
μπάκα, μπάκας, μπάκακας, μπαμπάκι*

Македонский:

*árka, árkac, árgach, arkáda;
áro, aróma, aromát и под.;
báka, bákal, bákalan;
bálo, balón, baláda и под.*

Болгарский:

*аскér, аскéрин, áнджак, анализ, ананáс;
бáкан, бакáн, бáза, базáр и т. д.*

Албанский:

*agá, agón, ármë, armé, arómë;
áfer, afró, afróhem;
báker, baktér, bakerté, bálle, balénë, ballkón, ballkána, ballkaník.*

Сербокорватский:

*ába, abùlija, abükam, ábab, abáviја, abávilo;
ábat, ábem, ábit, ábem;
bába, bába, bábak, bábe, Bábić, Bábić;
bábaја, Babiљon, bázan, bázar, bázár;
bázáње, bázgövka, bázgovina, bazýrati, bázichnōst и т. д.*

Равномерное представление экспериментальных данных, к сожалению, не подкрепляется равномерным свидетельством ис-

следователей, которые распределяются для балканских языков по степени убывания (стремительного!) следующим образом: сербохорватский язык — болгарский — румынский — новогреческий — македонский — албанский.

Румынские данные по всем дикторам продемонстрировали следующие показатели. Всего в % на долю показателя fti падает 35%, ft — 12%, fi — 12%, ti — 14,2%; f — 5,3%; t — 10,7%; i — 8,9%. (Здесь и в дальнейшем меньшая 100% сумма может объясняться упрощением десятичной дроби до первого знака.) Таким образом на обобщенном уровне наиболее предпочтительным является комплексное представление ударения. Если же суммировать представленность во всех комбинациях каждого из параметров, то на долю f приходится 31,8%, t — 34,8%, i — 33,6%. То есть намечается почти равновесное участие параметров.

На уровне различия структур появляется дифференциация:

— — : fti — 58,8%; ft — 0; fi — 5%; ti — 23%; f — 0; t — 0; i — 17,6%.

Общее вхождение: f — 25,5%; t — 32,5%; i — 41,8%.

— — — : fti — 8%; ft — 25%; fi — 41,6%; ti — 0; f — 16,0%; t — 8%; i — 0.

Общее вхождение: f — 47,8%; t — 60,8%; i — 30,4%.

— — — : fti — 60%; ft — 0; fi — 0; ti — 2%; f — 0; t — 20%.

Общее вхождение: f — 25%; t — 41,6%; i — 33,3%.

— — — : fti — 27,2%; ft — 9%; fi — 9%; ti — 27,2%; f — 0; t — 9%; i — 9%; 0 — 9%.

Общее вхождение: f — 25%; t — 58,3%; i — 66,6%.

— — — : fti — 27,2%; ft — 27,2%; fi — 0; ti — 0; f — 9%; t — 27,2%; f — 18,1%; i — 0.

Общее вхождение: f — 38,8%; t — 50%; i — 11,1%.

Итак, можно говорить о том, что румынский язык предпочитает выражать ударение комплексными средствами. Частотный параметр проходит через все структуры с показателем от 25,5 до 47,8%, причем избирает больше конечный ударный, интенсивность оказывается наиболее предпочитаемой в структуре — — — ; затем — в начале и менее всего — в исходе слова. Длительность также представлена более всего в структуре — — — ; затем — в конечноударном и менее всего — в начальноударном.

Интересны в этом плане сходные по методике данные А. Аврама (Avram, 1970). Из 22 единиц, по его данным, в 14 пик f совпадает с ударностью (т. е. 63,6%). В 72% ударный слог вы-

ражается через ft. Чистой интенсивностью выражен в 36,6% (см. наши данные выше). Длительность, по его мнению, не играет особой роли.

Нельзя не согласиться с очевидностью включения частотного показателя в выражение словесного ударения. Кроме того, выраженность ударения в —— говорит о «несмазанности» ударения в румынском.

Данные t и i говорят также, что просодическая схема слова приближается к общеславянской: i — предпочитает начало, t — конец.

Новогреческие показатели:

На долю fti падает 26,4%; ft — 9,4%; fi — 1,8%; ti — 30,1%; f — 0; t — 22,6%; i — 9,4%;

Общее вхождение: f — 19,8%; t — 45,5%; i — 34,6%.

Таким образом, очевидна малая роль f в греческом ударении, достаточное превалирование t и значительная доля i.

Распределение по ритмическим структурам демонстрирует:

— : fti — 0; fi — 0; ft — 4%; ti — 44%; f — 0; t — 20%; i — 28%.

Общее вхождение: f — 0; t — 47,2%; i — 50%.

— : fti — 75%; ft — 14,2%; fi — 9,5%; f — 0; i — 0; t — 0.

Общее вхождение: f — 30%; t — 35%; i — 35%.

— : fti — 0; fi — 0; ft — 0; ti — 63,6%; f — 0; t — 18,1%; i — 9%; 0 — 9%.

Общее вхождение: f — 0; t — 47,3%; i — 52,7%.

— : fti — 0; ft — 0; ti — 30%; f — 0; t — 53,3%; i — 16,7%.

Общее вхождение: f — 0; t — 56,2%; i — 43,7%.

— : fti — 50%; ft — 27,7%; fi — 0; ti — 5,5%; f — 0; i — 0; t — 16,6%.

Общее вхождение: f — 33,3%; t — 42,8%; i — 23,8%.

Итак, новогреческий язык демонстрирует преференцию t-показателя с сильным весом, а также i во всех структурах. F-показатель абсолютно тяготеет к исходу слова (это подтверждают и данные малопредставленной в списке структуры ——).

Таким образом, частотный показатель целиком можно отнести к мелодике, с которой произносились слова.

Просодическая схема новогреческого слова предстает необычной для исследовательской традиции индоевропейского слова. Оба параметра — t и i — очень близки по показателям как

в начале, так и в конце. Графически эту тенденцию можно представить как стремление к небольшому склону акцентной кривой и почти равными по длительности точками начала и конца слова.

Показатели болгарского языка:

Всего fti — 69,4%; ft — 8,3%; fi — 19,4%; ti — 2,7%; f — 0; t — 0; i — 0.

Из этого видно, как сильно (предпочтительно сочетанием средств) выделяется ударный слог в болгарском языке.

Общее вхождение: f — 37,7%; t — 29,1%; i — 36,6%. Таким образом, болгарский не ориентируется, в отличие от новогреческого, на t-параметр. Показатели по ритмическим структурам:

— : fti — 57,8%; ft — 5%; fi — 36,8%; ti — 0; f — 0; t — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 38,4%; t — 24,4%; i — 36,7%;

— — : fti — 74,1%; ft — 9,6%; fi — 6,4%; ti — 3,2%; f — 6,4%; t — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 34,9%; t — 31,3%; i — 30,2%;

— — — : fti — 75%; ti — 25%; ft — 0; fi — 0; t — 0; f — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 27,2%; t — 36,3%; i — 36,3%;

— — — : fti — 77,7%; ft — 22,3%; fi — 0; ti — 0; f — 0; t — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 36%; t — 36%; i — 28%;

— — — : fti — 60%; ft — 0; fi — 40%; ti — 0; f — 0; t — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 38,4%; t — 23%; i — 38,4%;

Представленные выше данные демонстрируют позиционное безразличие f-показателя, который при этом условии может быть включен в ведущий для ударения параметр.

T и i распределяются следующим образом:

В начале: — — t/i = 24,7/36,7; — — — t/i = 36,3/36,3

и в конце: — — t/i = 31,3/30,2; — — — t/i = 23/38,4

Таким образом, обнаруживается тенденция к схеме, отличной от общеевропейской: и начало, и конец слова почти равно усилены по t, интенсивность же обнаруживает очень сильное (в ряде случаев — повышенное) движение к концу.

В болгарской фонетической литературе последних лет наиболее авторитетной является книга по болгарской фонетике Д. Тилкова, Д. Бояджиева (Тилков, Бояджиев, 1977). По их мнению, интенсивность характеризует по большей части ударный слог болгарского

слова, однако возможны и отклонения. Авторы придают значение позиции, так «по същия начин една и съща гласна независимо от това, дали е ударена или неударена, изговорена в началото или в края на думата, променя в значителна степен интензитетната си характеристика — в начална позиция тя е със силен интензитет, а в крайна — със значительно по-нисък интензитет» (Тилков, Бояджиев, 1977, с. 153). Но в более ранней работе Тилкова (Тилков, 1970) говорится о том, что в болгарском языке вообще наблюдается понижение акцентной кривой к концу слова, но в том случае, если ударный слог конечный, то интенсивность к концу слова возрастает. Эти примеры повышенной интенсивности конечноударных, приводимые Д. Тилковым, показывают, что абсолютная интенсивность здесь не играет роли. См. *момá*, *сестrá*, *сусáм*, *фкусбт*, *синбт*, *градбт*, *папагál*, *понáф*. Наконец, по Тилкову, ударный неконечный и неначальный может быть резко подчеркнут интенсивностью: *нанóся*, *сúтра*, *гучулýга*. Наиболее интересны примеры Д. Тилкова, в которых идет нарастание к концу независимо от ударного, например, *пíпа* (18–20); *пíша* (18–22); *пеперúда*. Таким образом, создается впечатление, что болгарское слово знает несколько вариантов акцентной кривой и есть какая-то их дистрибуция (диалектная?); возможно, это фактор случайный. В последнем случае важен вопрос диахронии. В частности, восходящая акцентная кривая — наследие старого, реликт, или инновация?

Темпоральный компонент болгарского ударения исследовался С. Пеневой (Пенева, 1975). По ее данным, в словах со слоговой структурой СГСГ акцентируемый гласный меньше продлен, чем в структуре СГСГ, но меньше, чем в аналогичной структуре в русском языке. Длительность заударного в структуре СГСГ меньше длительности ударного гласного в 1,2 раза, а предударный меньше ударного в 1,4 раза. Интересно, что в болгарском языке ударный слог выделяется через *t* в 75%, а в русском — в 93%. Таким образом, и по данным С. Пеневой, *t*-параметр в болгарском не играет такой роли, как в русском, а временной аспект просодической схемы слова отмечает как сильную точку и начало, и конец слова; в некоторых случаях «положение безударного гласного в абсолютном исходе слова обуславливает большую длительность его по сравнению с ударным гласным» (Пенева, 1975, с. 10).

Д. Тилков и Т. Бояджиев отмечают относительность частотной характеристики, которая реализуется, в основном, в начале слова и только в 20% — в конце.

Сопоставление различий наших данных и данных указанных авторов будет иметь место при сообщении о реализации словесного ударения в различных фразовых условиях, но значим и возраст наших дикторов (около 30 лет, филологи из Софии и Шумена, мужчина и женщина, дали почти совпадающие количественно показатели, что может иметь значение, как и то, что это люди уже другого поколения по сравнению с информантами указанных болгарских фонетистов).

Показатели албанского языка (тоскское литературное произношение). Здесь необходимо отметить минимальное — по всем балканским языкам — количество просодических исследований, минимальную возможность корректировать полученные от с трудом найденных дикторов эмпирические данные (дикторы — албанцы по происхождению, учившиеся в Албании, в настоящее время работающие дикторами в албанской редакции Всесоюзного радио).

В общем числе:

fti — 46,1%; ft — 5,1%; fi — 76%; ti — 10,2%; f — 5,1%; t — 61,5%; i — 2,5%; 0 — 12,8%.

Общее вхождение: f — 25,2%; t — 48,4%; i — 26,2%.

Распределение по отдельным ритмическим структурам:

Структура $\frac{-}{-}$: fti — 70,5%; ft — 5,8%; fi — 0; ti — 5,8%; f — 5,8%; t — 5,8%; i — 5,8%.

Общее вхождение: f — 32,5%; t — 34,8%; i — 32,5%.

Структура $\frac{--}{-}$: fti — 14,2%; ft — 0; fi — 4,7%; ti — 9,5%; f — 0; t — 71,4%(!); i — 0.

Общее вхождение: f — 13,7%; t — 68,9%; i — 17,2%.

Структура $\frac{--}{--}$: fti — 14,2%; ft — 0; fi — 0; ti — 0; f — 0; t — 71,6%; i — 0.

Общее вхождение: f — 12,5%; t — 75%; i — 12,5%.

Структура $\frac{---}{-}$: fti — 12,5%; ft — 0; fi — 12,5%; ti — 12,5%; f — 12,5%; t — 37,5%; i — 12,5%.

Очевидно, что доминирует t-параметр.

Четырехсложные структуры с пенультильным ударением: *abettare* и наконечным ударением: *akrobatik* также демонстрируют доминирование t-параметра по мере передвижения к концу слова. Особенно это наглядно при структуре $\frac{---}{-}$, находящейся

как бы внутри просодической схемы слова и потому наиболее «свободной» для реализации словесного ударения любым параметром.

Отклонения от понижения акцентной кривой встречались лишь для структуры ——; где, как видно выше, i показатель ударного встречается лишь в 12,5%.

Таким образом, судя по этим данным, албанский язык может рассматриваться как t-ориентированный, во-первых, и отчетливо демонстрирующий понижающуюся акцентную кривую просодии слова, во-вторых.

Показатели македонского языка также исследовались по общему плану.

Данные параметров выделения ударения были следующими: fti — 32,3%; ft — 5,8%; fi — 11,6%; ti — 20,5%; f — 2,9%; t — 23,5%; i — 2,9%.

Общее вхождение: f — 25,7%; t — 39,7%; i — 35,6%.

Таким образом, t и i-параметры предстают как показатели, «на равных» (или близко к этому) реализующие словесное ударение в македонском языке. Дистрибуция f определится ниже.

Структура ——: fti — 46,6%; ft — 0; fi — 26,6%; ti — 26,6%; f — 0; t — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 29,7%; t — 29,7%; i — 40%.

Структура ——: fti — 0; ft — 0; fi — 0; ti — 0; f — 0; t — 67%; i — 33%.

Общее вхождение: f — 0; t — 67%; i — 33%.

Структура ——: fti — 0; ft — 0; fi — 0; ti — 25%; f — 0; t — 50%; i — 25%.

Общее вхождение: f — 0; t — 60%; i — 40%.

Структура ——: fti — 80%; ft — 20%; fi — 0; ft — 0; f — 0; t — 0; i — 0.

Общее вхождение: f — 44%; t — 56%; i — 0.

Структура ——: fti — 0; ft — 0; fi — 0; ti — 0; f — 0; t — 100%; i — 0.

Общее вхождение: f — 0; t — 100%; i — 0.

Македонский язык отчетливо демонстрирует таким образом следующие особенности:

1) Степень выраженности словесного ударения четко зависит от места ударения: в начале слова (см. —— и ——) fti, т. е. выраженность всеми параметрами, доминирует; в конце слова (— и особенно ——) доминирует длительность. Македонский язык можно отнести к слабоударным.

2) Параметр f , т. е. частотный, представлен только в начале слова, таким образом, это фактор мелодики, с которой произносится слово, а не просодии слов.

3) Акцентная кривая слова в македонском языке не всегда понижена.

Необходимость общего типологического сопоставления всех избранных языков БЯС заставляет минимизировать описание просодии сербохорватского языка, занимавшей умы лингвистов уже почти два века. Практически о сербохорватской просодии — как литературной, так и диалектной — написано, вероятно, в сотни раз больше, чем о просодии всех остальных балканских языков вместе взятых. Сербохорватская просодия в течение всех этих лет является, несомненно, притягательной для лингвистов разных эпох и разных школ. Это одновременно и загадка, которую хочется разгадать, и пробный камень чисто дескриптивного мастерства лингвиста. Поэтому история сербохорватской просодии знает и блестящие оригинальные гипотезы — Л. Мазинга, конечно (Мазинг, 1876), и фундаментальнейшие (двадцатилетние!) исследования (Lehistе, Ivić, 1986) и более ранние их публикаций.

Каждая эпоха развития лингвистики по-новому притягивала все к той же просодии сербохорватского языка. Фонологические проблемы вызвали, например, работу (Кузнецов, 1948), увлечение поиском маркированных признаков — работу (Trager, 1940). Успехи экспериментальной фонетики середины века породили надежду определить «ведущий» признак, различающий легендарные четыре акцента: появились работы типа (Ivić, 1967). Наконец, тенденция перехода языкоznания от дескриптивных проблем опять к сущностным определила многомерность подхода к акцентам, каждый из которых предстает как инвариант, реализующийся в виде многих, дистрибутивно зависимых манифестаций.

Фундаментальная работа И. Лехисте—П. Ивича, казалось бы, была близка к тому, чтобы «закрыть» проблему. Однако, в лингвистике последних лет активизировались перспективные идеи использования человеческой перцепции — и появилась очень важная эмоциональная полемика вокруг сербохорватских акцентов: Е. Кайспер и Я. Гвозданович (Keijspere, 1987, Gwozdanowic, 1987). Наконец, лингвисты последних лет внимательно и подробно изучали отдельные сербохорватские диалекты (Houtsagers, 1982; Houtsagers, 1984—1985).

Кратко сообщая необходимые для введения в проблематику сведения, можно сказать о просодии сербохорватского литературного языка следующее. Существуют четыре вида словесных ударений: долгий нисходящий (⟨⟩), краткий нисходящий (⟨\⟩), долгий восходящий (⟨/⟩) и краткий восходящий (⟨\⟩). Различия эти характеризуют только ударные слоги. Существенным является количество слогов: в односложных могут быть представлены только нисходящие акценты. Существенна и позиция акцента: в начальном слоге могут быть только нисходящие акценты, восходящие же не могут быть в конечном слоге. Таким образом, не в односложном слове конец вообще не может быть ударным. Оппозиционной базой реализации всех акцентов может быть только первый слог многосложных слов, потому что во втором от начала слова не может быть нисходящих акцентов.

Загадку синхронии в данном случае определяет диахрония. В XV в. произошел так называемый неоштокавский сдвиг: ударения начальные нисходящие в начальном слоге сохранились, а современные восходящие есть результат сдвига акцентов вперед, к началу, с сохранением долготы на первичном ударном, ставшем теперь постударным.

В 1876 г. Л. Мазинг выдвинул гипотезу о том, что восходящие акценты являются двусложными (высокий тон переходит и на второй слог), а нисходящие, где подъем и падение происходят в пределах одного слога, являются односложными. Второй слог двусложной фигуры повторяет облик нисходящего акцента, но как бы в ослабленном виде. Поэтому нисходящие акценты можно считать первичными, а восходящие суть подступ к нисходящему плюс этот же нисходящий акцент. Спустя 110 лет после опубликования гипотезы Л. Мазинга, И. Лехисте и П. Ивич подтвердили двусложность акцентных конфигураций в сербохорватском языке: «Несмотря ни на что мы продолжаем верить, что среди прочих акустических „ключей“ первое место (наибольшая важность) принадлежит отношению частотных уровней (F_0 levels) тех двух слогов, которые составляют двусложную акцентную последовательность» (Lehiste, Ivić, 1986, p. 170). Правда, оказалось, что для жителей западных регионов существенно движение F_0 в ударном слоге, а для жителей северо-восточных областей — важно отношение F_0 на грани слогов акцентной биссиллабической структуры (там же). Таким образом, это дало возможность Е. Кайспер (Keijspert, 1987) поставить вопрос об относительности самого понятия «пика»: это может относиться к слогу (пик_1), к

конфигурации в целом (пик₂), к гласной (пик₃). Существенно то, что, в зависимости от разности взглядов, получались в данном случае и разные экспериментальные результаты. Сама Е. Кайспер придерживается теории «пик₂», дополняя ее концепцией «пояса» (the belt), т. е. ширина частотного движения при возможном, но обычно мало учитываемом понижении тона в реальном произнесении слова.

Теория Л. Мазинга подрывает идею различия четырех акцентируемых слогов еще глубже. Строго говоря, она ставит под сомнение вообще идею ударного слога в данном случае, т. е. привычную акцентно-просодическую теорию выделения одного слогового элемента в слове. Где же собственно ударный слог при восходящих акцентах, если заударный тоже характеризуется увеличением акустических показателей: долгота, высокая интенсивность и высокая частота. Почему вообще мы имеем право считать слоги под / и \ ударными? Только потому, что так решили в свое время писцы?

Наконец, за двусложной концепцией Л. Мазинга стоит и другая соблазняющая идея — одноФигурности. То есть существует одна двуэлементная фигура, движущаяся по слову: В нисходящих акцентах реализуется только первый элемент, а в восходящих — оба.

В настоящее время наиболее мало охваченным гипотезами является вопрос о том, почему вообще произошел «неоштокавский сдвиг», во-первых, и почему значительная часть сербохорватских диалектов его не узнала, во-вторых. К этому вопросу мы попытаемся обратиться в заключительном параграфе данной главы, целиком посвященном сербохорватским фактам. До этого же необходимо провести сербохорватские данные через общую излагаемую модель просодии балканского слова.

Из-за сложности усреднения просодии сербохорватского слова демонстрируем показатели словесного ударения по четырем каноническим типам акцентов, т. е. сначала как бы закрывая глаза на существующую проблему двусложного единства.

Структуры с начальным ударением:

— fti — 100%

— — fti — 62,5%; fi — 25%; ti — 12,5%.

— — fti — 62,5%; ti — 37,5%

— — fti — 9%; ft — 18,1%; fi — 0; ti — 0; f — 27,2%; t — 36,3%; i — 0; 0 — 9%.

Структуры с неначальным ударением:

$\underline{\underline{--}}$ fti — 0; ft — 0; fi — 33%; ti — 0; f — 33%; t — 33%.

$\underline{\underline{-\underline{\Omega}}}$ fti — 50%; tf — 0; fi — 0; ti — 0; f — 0; t — 0; i — 50%.

То есть можно сказать, что: а) наиболее «обеспеченными» акустически являются структуры с нисходящим долгим, затем — акценты начальные \ \ и / ; б) краткие акценты все равно отмечены длительностью в начальной позиции (\ \ — 75% общего вхождения, \ — 63,6% общего вхождения); в) начальноударный \ практически не отмечен интенсивностью, но только частотой и временем.

Проанализированные языки, кроме с-х, можно классифицировать по следующим основаниям:

		рум.	ново-греч.	алб.	болг.	мак.
1	Тенденция к понижению акцентной кривой несомненна	+	-	+	-	+
2	T-параметр резко усилен в конце	+	-	-	-	+
3	В выражении ударения доминирует f-параметр	+	-	-	-	-
4	В выражении ударения доминирует t-параметр	-	+	+	-	-
5	В выражении ударения сбалансированы t и i	-	+	+	+	+

Из этих данных следуют важные гипотезы:

а) просодическая схема в целом у языков БЯС неединообразна: наблюдается тенденция к отклонению от известного европейского эталона: болгарский, новогреческий.

б) в пределах этой схемы t и i-параметр могут функционировать автономно, например, i — понижается, а t — не продлевается (румынский).

в) доминирование некоего параметра в выражении ударения может как означать его усиление в схеме, так и не означать. Так отличается новогреческий от албанского, оба языка t-ориентированы, но исходы слова по t разные.

г) таким образом, еще раз подтверждается раздельность существования просодии словесной схемы и просодии самого удараения.

§ 2. Количественные характеристики просодии изолированного слова

Слова в языках анализа проверялись на регулярность изменения средней длительности звука (СД) в мсек. Задача — проверить соблюдение тенденции к регулярному уменьшению СД при увеличении слогов, во-первых, существенно изменение и направление изменения при переносе ударения в начало или в конец при сходном или почти сходном фонетико-лексическом наполнении: например *ármē* и *armē* (алб.). Во-вторых, выявление СД как реальных слов, так и обобщенных структур важно для решения другой задачи этого раздела — выявления предела и типа модификации словесной структуры в разного типа фразовых окружениях.

В настоящем разделе будут сообщаться три типа сведений:

- 1) СД разных ритмических структур.
- 2) СД ударного в разных структурах.
- 3) Отношение СД ударного к СД всего слова в разных структурах.

Румынский язык

СД слов:

— : 130,9; — : 123,4;
— : 110,5; — : 102,1;
— : 102,1;

СД ударных:

— : 141,1; — : 142,5;
— : 140; — : 145,5;
— : 168,4;

Отношение СД уд/ СД слова:

— : 1,07; — : 1,15;
— : 1,26; — : 1,42;
— : 1,64.

Эти данные сообщают, как кажется, нетривиальный результат, состоящий в том, что румынское слово по t-параметру имеет тенденцию растягиваться в левой ориентации, т. е. начальная просодическая точка слова при наложении на нее ударения делает длительность слова большей, чем при наложении ударения на конечный слог. Универсалитетом является наблюдение того факта, что слова многосложные имеют меньшую СД, чем слова с меньшим числом слогов. Однако румынские данные говорят о том, что длительность ударного в абсолютных показателях практически не меняется (см. 141,1; 142,5; 140; 145,5), а если и меняется, то даже в многосложном слове может быть большой.

Таким образом, темпоральное варьирование происходит в румынском не за счет ударного гласного, а за счет других звуков слова.

Интересны в данном случае сведения о конкретных t-характеристиках слов, различающихся местом ударения:

		Д ₁	Д ₂	Д ₃	Д ₄ *
<i>ágă</i>	СД	108,3	127	170	150
	Д уд	200	160	220	180
<i>agá</i>	СД	143	144	153	160
	Д уд	140	130	210	230
<i>bábă</i>	СД	125	40	150	135
	Д уд	160	160	210	180
<i>babá</i>	СД	132	95	62	130
	Д уд	150	120	210	220
<i>bárem</i>	СД	116	92	124	120
	Д уд	150	140	220	10
<i>barém</i>	СД	118	84	120	106
	Д уд	140	100	160	140
<i>amáră</i>	СД	112	104	144	122,5
	Д уд	240	180	240	150
<i>amará</i>	СД	126	92	116	124
	Д уд	230	140	240	200

*Д₁₋₄ — номера читающих дикторов

По данным этих серий можно вывести некоторое наблюдение о том, что по дикторам средняя продолжительность звука колеблется гораздо больше, чем длительность ударных (см. частые 140; 160; 210; 240 у разных дикторов при разных словах и разных СД).

Новогреческий язык:

СД слов:

$\dot{\underline{\underline{--}}}$: 131; $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 131,04;
 $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 111,1; $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 113,3;
 $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 123,8

СД ударных:

$\dot{\underline{\underline{--}}}$: 172,5; $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 208,8;
 $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 168,5; $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 195,5;
 $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 187,3

Отношение СД ударного к СД слова:

$\dot{\underline{\underline{--}}}$: 1,31; $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 1,59;
 $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 1,51; $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 1,72;
 $\dot{\underline{\underline{--}}}$: 1,51.

Количественные показатели демонстрируют принципиально иную, чем в румынском, темпоральную структуру новогреческого слова.

Здесь именно ударные варьируют больше, чем безударные звуки слова. (Ср. дистрибуцию длительности ударных и дистрибуцию СД.) Длительность ударных увеличивается к концу слова. Тем самым t-показатели греческого близки к принятой славянской (европейской) модели. Наконец, отношение длительности ударного к СД слова показывает больший вес ударного в слове и тем самым большую скомпрессированность неударных звуков. В этом отношении греческий ближе, например, к восточнославянской t-модели.

Показатели слов с позиционным различием ударения:

	D ₁	D ₂	D ₃		D ₁	D ₂	D ₃
ἄλλα				άρά			
СД	105	110	95	СД	136	193,3	136,6
Д уд	140	220	140	Д уд	220	320	260
ἄλλά				ἄλκη			
СД	110	130	95	СД	110	155	115
Д уд	160	240	160	Д уд	160	210	120
ἄμη				ἀλκή			
СД	153,3	160	140	СД	140	157,5	125
Д уд	200	240	140	Д уд	220	240	180

<i>а́мъ</i>				<i>а́кóπως</i>			
СД	153	173,3	120	СД	126,6	120	113,3
Дуд	160	220	160	Дуд	150	170	120
<i>а́ро</i>				<i>а́кóπος</i>			
СД	140	160	126,60	СД	105	120	95
Дуд	210	260	180	Дуд	130	200	110

Во-первых, очевидна большая вариабельность ударного, чем СД, при мене мест ударения. Во-вторых, видна и предпочтительность у каждого диктора к некоей средней длительности (например, 95 у Д₃; 105 и 110 у Д₁ и т. д.), не соотносящейся с составом слова и местом ударения.

Албанский язык:

СД слов:

- : 153,1; —— : 146,6;
 —— : не было; —— : 132,6;
 —— : 120,1.

СД ударных:

- : 205,7; —— : 203,8;
 —— : не было; —— : 175;
 —— : 196.

Отношение СД ударного к СД слова:

- : 1,34; —— : 1,39;
 —— : не было; —— : 1,31;
 —— : 1,45.

В албанском языке t-показатель слова демонстрирует небольшой сдвиг длительности к началу, т. е. некоторое отклонение от общеевропейской схемы (это видно по показателям СД и СД ударных). Интересно, что вес ударного гласного в слове приблизительно соответствует весу новогреческого ударного (см. выше). То есть оба языка t-ориентированы в выражении словесного ударения.

Данные слов с позиционным различием ударения:

	Д ₁	Д ₂		Д ₁	Д ₂
<i>armé</i>				<i>até</i>	
СД	137,5	122,5		СД	220
Дуд	210	150		Дуд	180
					186,6
					170

<i>ártœ</i>		<i>áte</i>			
СД	180	130	СД	186,6	121
Дуд	240	220	Дуд	190	240

Болгарский язык:

СД слов:

— : 129,7; —— : 130,7;
 —— : 113,3; ——— : 109,4;
 —— : 117,4.

СД ударных:

— : 139,6; —— : 146,4;
 —— : 136,6; ——— : 137,9;
 —— : 149,6.

Отношение СД ударной к СД слова:

— : 1,07; —— : 1,12;
 —— : 1,20; ——— : 1,26
 —— : 1,27.

Слова с позиционным различием ударения:

	Д ₁	Д ₂		Д ₁	Д ₂
<i>бáкан</i>			<i>бýча</i>		
СД	150	124	СД	165	135
Дуд	170	120	Дуд	120	140
<i>бакáн</i>			<i>бучá</i>		
СД	136	128	СД	140	125
Дуд	200	140	Дуд	200	180
<i>áртък</i>			<i>бéден</i>		
СД	136	120	СД	152	96
Дуд	160	130	Дуд	160	120
<i>артък</i>			<i>бедéн</i>		
СД	152	112	СД	148	120
Дуд	100	100	Дуд	190	160
<i>áрка</i>			<i>брáва</i>		
СД	120	130	СД	132	120
Дуд	180	160	Дуд	210	240
<i>аркá</i>			<i>бравá</i>		
СД	135	130	СД	116	128
Дуд	220	180	Дуд	210	240

<i>бліжса</i>		<i>áрмия</i>
СД 132	124	СД 113,3 93,3
Д уд 140	180	Д уд 180 160
<i>ближá</i>		<i>армéя</i>
СД 124	132	СД 120 100
Д уд 220	200	Д уд 320 160

Можно заметить абсолютную регулярность болгарского языка, состоящую в том, что в парах $\underline{\underline{--}}$ и $\underline{\underline{-\underline{-}}}$ ударный гласный всегда длительнее в структуре $\underline{\underline{--}}$, чем в $\underline{\underline{-\underline{-}}}$. СД слова распределяется не столь регулярно по структурам. Более того, у диктора 1 (уроженец Софии) и у диктора 2 (уроженец Шумена) есть тенденция к прямо противоположным результатам. А именно — у D_1 в структуре $\underline{\underline{--}}$ СД больше, чем в $\underline{\underline{-\underline{-}}}$ (NB!). А ударные имеют обратную тенденцию: у диктора 2 СД больше в структуре $\underline{\underline{-\underline{-}}}$. Таким образом у D_2 растянут конец, а у D_1 — начало.

Македонский язык:

СД слов:

- $\underline{\underline{--}}$: 121,2; $\underline{\underline{-\underline{-}}}$: 114;
- $\underline{\underline{-\underline{-}}}$: 103,3; $\underline{\underline{-\underline{-\underline{-}}}}$: 106;
- $\underline{\underline{-\underline{-\underline{-}}}}$: 104.

СД ударных:

- $\underline{\underline{--}}$: 147,3; $\underline{\underline{-\underline{-}}}$: 137,5;
- $\underline{\underline{-\underline{-}}}$: 137,5; $\underline{\underline{-\underline{-\underline{-}}}}$: 116,6;
- $\underline{\underline{-\underline{-\underline{-}}}}$: 152,8.

Отношение СД ударной к СД слова:

- $\underline{\underline{--}}$: 1,21; $\underline{\underline{-\underline{-}}}$: 1,20;
- $\underline{\underline{-\underline{-}}}$: 1,33; $\underline{\underline{-\underline{-\underline{-}}}}$: 1,1;
- $\underline{\underline{-\underline{-\underline{-}}}}$: 1,46.

Создается впечатление, что о какой-то общей закономерности говорить в македонском, по нашим данным, не приходится.

Поэтому в македонском важно было посмотреть вариации ударного и неударных гласных в словах одного корня, но разного по количеству сегментного наполнения.

См. соответствующие серии:

<i>бáка</i>	—	<i>бáкал</i>	—	<i>бáкалан</i>
130—160		140—80		130—120—90
<i>áрка</i>	—	<i>áркач</i>	—	<i>аркáда</i>
140—160		150—130		90—170—140
<i>áро</i>	—	<i>арóма</i>	—	<i>аромáт</i>
140—140		140—150—150		100—100—130
<i>бáло</i>	—	<i>балóн</i>	—	<i>балáда</i>
170—120		150—130		120—150—90
<i>арéна</i>	—	<i>арéнда</i>	—	<i>блáзина</i> — <i>блазíран</i>
100—140—110		100—160—110		150—100—100 100—120—140.
<i>áда</i>	—	<i>áдам</i>	—	<i>бóзов</i> — <i>бозóвица</i>
180—130		120—90		120—140—80—120

С некоторой долей приближенности можно утверждать следующее:

- 1) существует тенденция всякий ударный гласный передавать некоторой постоянной величиной (130 или 150 мсек);
- 2) ударный не всегда более длительный: более длительными могут быть и заударные, и предударные;
- 3) увеличение сегментного состава слова влияет на СД звуков в слове (уменьшает), но не влияет на протяженность ударного.

Сербохорватский язык:

СД слов:

$\dot{\text{A}}$ — : 127,8;	$\ddot{\text{A}}$ — : 78,1;	$\dot{\text{E}}$ — : 114,8;	$\ddot{\text{E}}$ — : 91,7;
$\dot{\text{I}}$ — : 79,5;	$\ddot{\text{I}}$ — : 79,7;		
$\dot{\text{O}}$ — : 123,3;	$\ddot{\text{O}}$ — : 80,3;	$\dot{\text{U}}$ — : 88,3.	

СД ударных гласных по тем же структурам в сербохорватском языке:

$\dot{\text{A}}$ — : 207,5;	$\ddot{\text{A}}$ — : 135;	$\dot{\text{E}}$ — : 231,6;	$\ddot{\text{E}}$ — : 142,8;
$\dot{\text{I}}$ — : 146,6;	$\ddot{\text{I}}$ — : 145;		
$\dot{\text{O}}$ — : 160,0;	$\ddot{\text{O}}$ — : 155;	$\dot{\text{U}}$ — : 127,5.	

Таким образом, по средней продолжительности звука намечается иерархия для бисиллабов: $\dot{\text{A}}$ — > $\ddot{\text{A}}$ — > $\dot{\text{E}}$ — > $\ddot{\text{E}}$ —. Однако, для веса ударных гласных уже получается другая иерархия: $\dot{\text{A}}$ — > $\dot{\text{E}}$ — > $\ddot{\text{A}}$ — > $\ddot{\text{E}}$ —. Именно последний результат приводится

И. Лехисте и П. Ивичем в их книге (Lehiste, Ivić, 1986, p. 61). Таким образом, остается открытым вопрос о темпоральной соподчиненности акцентов \cap и /.

Приводим данные по длительности слов с разными акцентами:

<i>БАБЕ</i>	—	<i>БАБА</i>	—	<i>БАБА</i>
200—100	130—130	240—90		
<i>АБА</i>	—	<i>АБА</i>		
240—100	100—100			
<i>АБАБ</i>	—	<i>АБАВ</i>		
170—140	170—120			
<i>АБАВИЈА</i>	—	<i>АБАВИЛО</i>		
100—190—200	110—130—70—70			
<i>БАБИЋ</i>	—	<i>БАБИЋ</i>		
160—70	230—60			
<i>АБИТ</i>	—	<i>АБЕТ</i>	—	<i>АБЕТ</i>
130—80	240—70	130—70	90—80	100—80

По этим данным видно, что / доминирует над \cap и что " и ' имеют тенденцию совпадать по длительности.

* * *

Содержание этого раздела сводилось к попытке описать темпоральный компонент просодической схемы слова, во-первых, и его корреляции с ударением, во-вторых.

Единственной общей закономерностью рассмотренных балканских языков является то, что во всех языках длительность ударного в структуре —— является очень высокой, даже превышая длительности ударного в структурах типа —. Поэтому очень важными окажутся данные (см. следующие параграфы) о модификации просодии этой структуры во фразе.

По поводу остальных характеристик целесообразно выделить и описать в одной схеме сходство и расхождение по следующим признакам.

- 1) Больше варьирует СД слова, а ударный более стабилен?
- 2) СД варьирует с увеличением влево (т. е. —— больше, чем ——)?

- 3) Ударный варьирует с увеличением влево?
 4) Всегда ли (почти всегда) ударный гласный в слове длительнее неударных?

По этим признакам оценим описанные языки:

		рум.	ново-греч.	алб.	болг.	мак.	с-х.
1	Варьирует СД слова (+) СД уд (-)	+		+	+	-	
2	СД варьирует с увеличением влево	+	-	+	+/-	?	
3	Ударный варьирует с увеличением влево	(-)	-	(+)	-	+	
4	Всегда ли ударный гласный длительнее	?	+	+	-	-	+

§ 3. Изменение показателей словесного ударения во фразовых позициях

Как уже ясно из предыдущих параграфов, просодические схемы слова в балканских языках реальны и объективным путем выводимы. Однако это инвариантные структуры. Их стабильность = варьируемость в рамках только изолированных слов определить невозможно. И дело не только в том, что изолированные слова всегда произносятся с определенным фразово-просодическим заданием, но и в том, что каркас той или иной структуры можно определить, лишь проверяя ее на разного рода заданные воздействия. Наконец, можно определить степень воздействия на словесные просодические отношения и тогда выявить, насколько в данном языке фразовая просодия подавляет словесную и, тем самым — насколько в данном языке она сильна. Наконец, поскольку в заданных фреймах слова должны были произноситься отчетливо, подобное сопоставление дает ключ к зависимости = независимости фигур фразовой просодии от просодии слов, входящих в каденции, и — в случае зависимости — попытаться понять тем самым генезис фразовых рисунков.

Как указывалось в первой главе, было использовано 9 фреймовых структур (вслед за: Светозарова, 1982):

- 1) Это X.
- 2) Это X?
- 3) Это X или нет?
- 4) Как произносится слово X?
- 5) X — это слово.
- 6) Скажи слово X.
- 7) Скажи слово X еще раз.
- 8) Вот так X!
- 9) Когда услышите X, нажмите кнопку.

Таким образом, слово X попадает: в конец повествовательной структуры, в конец императивной, в конец вопросительной с вопросительным словом, в конец общего вопроса, в конец восклицания и в конец полукаденции. Наконец, фреймом являются начало повествования (тема) и середина императива. Таким образом, общие показатели ударения оцениваются не только по отношению к слову, но и по отношению к типу мелодики.

Румынский язык:

Рассматривались слова: *ágă, agá, amáră, amará, áură*.

Всего — fti — 34,6%; ft — 13,3%; fi — 1,5%; ti — 20,4%; f — 0; t — 17,3%; i — 4,7%; 0 — 5,5%.

Общее вхождение: f — 25,2%; t — 43,6%; i — 31,2%.

Эти общие показатели конкретизируются для ритмических структур:

— : fti — 36%; ft — 0; fi — 2%; ti — 34%; f — 0; t — 22%; i — 6%.

Общее вхождение: f — 18,6%; t — 44,1%; i — 37,2%.

— : fti — 60%; ft — 33,3%; fi — 0; ti — 4,1%; f — 0; t — 3,7%; i — 0; 0 — 4,1%.

Общее вхождение: f — 35%; t — 42,1%; i — 22,8%.

— : fti — 11,5%; ft — 3,8%; fi — 0; ti — 34,6%; f — 0; t — 26,9%; 0 — 15,3%.

Общее вхождение: f — 10,5%; t — 47,3%; i — 36,8%.

— : fti — 45,8%; ft — 33,3%; fi — 8,3%; ti — 0; f — 0; t — 8,3%; i — 4,1%; 0 — 8,3%.

Общее вхождение: f — 30,7%; t — 42,3%; i — 53,8%.

Значимость параметров становится гораздо более очевидной, если разделить употребление слов на две группы: слова наклады-

ваются на нисходящую и на восходящую мелодику. Тогда оказывается, что высокий показатель f в структурах $\underline{\underline{—}}$ и $\underline{\underline{—}}$ реализуется только при восходящей мелодике, которая в румынском языке восходит до конца синтагмы (см. следующую главу), а в структуре $\underline{\underline{—}} f$ при нисходящей мелодике не возникает из-за рисунка $\underline{\underline{—}}$. Напротив, при нисходящей мелодике f включается активно как отмеченный показатель ударного слога, поскольку при нисходящей мелодике первый слог двусложной структуры ниже конечного, т. е. $\underline{\underline{—}}$ и $\underline{\underline{—}}$. Интенсивность имеет тенденцию к распределению. Таким образом, наиболее постоянным показателем ударения при всех структурах и в словесной динамике является t -параметр. Для доказательства приводится распределение трех параметров (общее вхождение) при основных типах мелодики:

	Восходящая мелодика			Нисходящая мелодика		
	f	t	i	f	t	i
$\underline{\underline{—}}$:	0(!)	55,8%	44,1%	32,7%	36,2%	31%
$\underline{\underline{—}}$:	37,5%	37,5%	25%	29,4%	52,9%	17%
$\underline{\underline{—}}$:	5%(!)	52,6%	42,1%	15%	50%	40%
$\underline{\underline{—}}$:	38,4%	38,4%	23%	29,4%	41,1%	29,4%

Обращает на себя внимание небольшой процент t -параметра при восходящей мелодике не в начале слова по сравнению с этим же параметром при нисходящей мелодике. Ответ на это будет получен при анализе длительности фразовых структур.

Новогреческий язык:

Рассматривались слова ἄλκη и ἄλκῃ, ἀκόπως и ἄκοπος, а также ἀδελφός.

Приводятся данные распределения показателей словесного ударения в целом, общее вхождение для отдельных структур и общее вхождение для этих же структур при восходящей и нисходящей мелодике.

$fti = 31,5\%$; $ft = 14,2\%$; $f\underline{i} = 4,5\%$; $ti = 19,5\%$; $f = 6\%$; $t = 13,5\%$; $i = 3,7\%$; $0 = 6,7$.

Общее вхождение:

$f = 28,9\%$; $t = 40,5\%$; $i = 30,5\%$.

На уровне абсолютного обобщения употребления три основных параметра в качестве показателей словесного ударения кажутся относительно близкими.

Разницу демонстрируют показатели того же общего вхождения, рассмотренные на фоне восходящей/нисходящей мелодики и с учетом различия ритмических структур.

Восходящая мелодика	Нисходящая мелодика
f t i	f . t i

<u>—</u> <u>—</u>	16,6%	46,6%	36,6%	26%	34,7%	39,1%
<u>—</u> <u>—</u> <u>—</u>	36%	34,7%	28,2%	15,7%	52,6%	31,5%
<u>—</u> <u>—</u> <u>—</u> <u>—</u>	24,1%	37,9%	37,9%	36,3%	36,3%	27,2%
<u>—</u> <u>—</u> <u>—</u> <u>—</u> <u>—</u>	16,1%	41,9%	41,9%	31%	44,8%	44,8%
<u>—</u> <u>—</u> <u>—</u> <u>—</u> <u>—</u> <u>—</u>	50%	43,7%	6,2%	20%	70%	10%

В новогреческом языке, судя по этим развернутым показателям, наблюдается следующее:

1) в структурах с конечным ударным (— и ——) *t* при восходящей мелодике представлено меньше, чем при нисходящей;

2) структура —— наименее зависит от типа мелодики; все параметры в выражении словесного ударения представлены примерно поровну;

3) *f*-показатель встречается и в нисходящих структурах с конечным ударением (— и ——), от 15 до 20%. Это значит, что *f* небезразлично к словесному ударению, но в целом этот параметр в этих случаях много меньше отмечен, чем в румынском;

4) интенсивность не демонстрирует зависимости от мелодики, но определяется типом ритмической структуры; этот параметр наименее зависит от мелодики;

5) при всех вариациях наиболее высокий показатель имеет структура *fi* (31,5%, в румынском 34,6%). То есть в обоих языках по крайней мере в 1/3 случаев ударение подкреплено всеми акустическими параметрами, что дает основания говорить о достаточно слабом влиянии фразовой просодии на словесное ударение.

Албанский язык:

Рассматривались слова *ármë* и *armë́*, *borë* и *bóri*, а также *arómë*.

Общие показатели:

fti — 43%; *ft* — 18,6%; *fi* — 3,4%; *ti* — 17,4%; *f* — 0; *t* — 15,7%; *i* — 2,3%.

Общее вхождение:
 $f = 28,6\%$; $t = 41,7\%$; $i = 29,3\%$.

Более детерминированными оказывались показания основных структур при восходящей и нисходящей мелодике.

	Восходящая мелодика			Нисходящая мелодика		
	<i>f</i>	<i>t</i>	<i>i</i>	<i>f</i>	<i>t</i>	<i>i</i>
$\underline{\underline{—}}$	0	53,8%	46,1%	24%	40%	36%
$\underline{\underline{—}}$	42,7%	47,3%	10,5%	33,3%	38%	28,5%
$\underline{\underline{—}}$	20%	40%	40%	42,9%	57,2%	0

Данные албанского языка показывают:

- 1) отсутствие уменьшения *t*-параметра при восходящей мелодике, как в румынском и греческом языках;
- 2) отсутствие *f*-показателя при восходящей мелодике у структуры $\underline{\underline{—}}$, что говорит о реализации восходящей мелодики фразы в данном случае на последнем слоге;
- 3) наиболее всего оказывается выраженным *t*-показатель;
- 4) *i*-показатель мал при $\underline{\underline{—}}$ в восходящих по мелодике фразах, но выше при $\underline{\underline{—}}$ при нисходящей мелодике (можно бы ожидать обратного);
- 5) необъяснимо, с традиционной точки зрения, отсутствие *i*-показателя в структуре $\underline{\underline{—}}$ при нисходящей мелодике;
- 6) создается впечатление очень слабого воздействия фразовой просодии на словесную.

Болгарский язык:

Анализировались слова *árka* и *аркá*, *búcha* и *бучá*, *ártъk* и *артък*.

Общие показатели:
 $fti = 29,5\%$; $ft = 8,1\%$; $fi = 20,4\%$; $ti = 14,2\%$; $f = 4\%$; $t = 17,3\%$; $i = 6,7\%$.

Общее вхождение:
 $f = 30,8\%$; $t = 34,3\%$; $i = 34,8\%$.

Таким образом, в отличие от приведенных выше фактов албанского, в частности, во фразовых позициях не обнаруживается какого-либо доминирующего параметра выражения словесного ударения в болгарском.

Рассмотрение двух основных структур на фоне восходящей и нисходящей мелодик демонстрирует дистрибутивные возможности акустических показателей словесного ударения:

	Восходящая мелодика			Нисходящая мелодика		
	f	t	i	f	t	i
— :	22,2%	40%	37,7%	36%	22%	42%
— :	35%	35%	30%	33,3%	39,2%	27,4%

Отмечены следующие явления:

- 1) при восходящей мелодике *t*-параметр не уменьшается;
- 2) *f*-параметр присутствует во всех четырех возможных реализациях в достаточно высоком проценте случаев: см. 33,3% при нисходящей мелодике —. Таким образом, *f*-показатель не является только феноменом фразы;
- 3) показатель интенсивности также достаточно активен: он представлен и в — при нисходящей мелодике, хотя по сравнению со структурой — ожидаемая разница есть: 42% и 27,4%;
- 4) *t*-показатель не поднимается выше 40%;
- 5) итак, можно говорить об ударении в болгарском как сильно выраженным и выраженном разнообразно.

Македонский язык:

Рассматривались слова *áрка*, *кáнтата*, *кантáта*, *бáрон* и *барóк*.

Общие результаты:

fti — 31,7%; *ft* — 16,1%; *fi* — 2,4%; *ti* — 24,3%; *f* — 2,4%; *t* — 12,1%; *i* — 14,6%.

Общее вхождение:

f — 23,2%; *t* — 39,5%; *i* — 37,2%.

Распределение восходящей и нисходящей мелодики по отношению к словесному ударению определялось по структурам: — (*áрка* и *бáрон*), — (*барóк*): — (*кáнтата*) и — (*кантáта*).

	Восходящая мелодика			Нисходящая мелодика		
	f	t	i	f	t	i
— :	22,7%	40,9%	36,3%	25%	40%	35%
— :	42,8%	42,8%	14,4%	20%	80%	0
— — :	12%	25%	63%	22,2%	33,3%	44,4%
— — :	37,5%	25%	37,5%	25%	25%	50%

Из этого следует:

- 1) в македонском языке, как в румынском и новогреческом, *t*-параметр представлен при восходящей мелодике меньше, чем при нисходящей мелодике;

- 2) f -параметр дает разнообразные результаты, не позволяющие основания делать какие-либо выводы;
- 3) по всем структурам не проводится доминирующего показателя ударения, сохраняющего свои преимущества при всех фразовых изменениях;
- 4) i -показатель при структуре с конечным ударным минимален, что заставляет говорить о стойком понижении акцентной кривой в слове в македонском языке;
- 5) однако в структуре ——, наименее определяемой априори показателями схемы слова и наиболее диагностичной при выявлении параметров собственно ударения, процент i -параметра резко возрастает. Поэтому можно говорить об i -параметре как опорном параметре ударения в македонском языке.

Факты сербохорватского языка, требующие рассматривания всех данных на уровне двусложной структуры, не могли быть выявлены по указанной выше методике, предполагавшей обращение к одному слогу. Поэтому они будут детально рассмотрены в следующем параграфе.

§ 4. Качественные характеристики просодии слова во фразе

Аналогично тому, как параграфы 1 и 2 данной главы демонстрировали разную степень абстрагированности при решении вопроса о словесном ударении и его преферентных показателях, параграфы 3 и 4 демонстрируют тот же тип абстрагированных отношений в их иерархии, но в центре стоит слово в видоизменяющемся фразовом окружении и с видоизменяющейся фразовой нагрузкой.

В данном случае количественные результаты, как предполагается, являются ответом на следующие исследовательские запросы:

- 1) Как изменяется средняя продолжительность звуков слова во фразе по сравнению с изолированным словом?
- 2) Как изменяется длительность ударного гласного при том же сравнении (при этом важно осознать, что на этом этапе анализа, в отличие от выше описанного, ударный может и не быть самым длительным в слове — здесь важны именно его темпоральные колебания)?

3) Как изменяется интенсивность ударных слогов на тех же основаниях?

4) Для сербохорватского языка — как изменяется пропорция отношения ударного и безударного как по длительности, так и по интенсивности?

Румынский язык:

Слово: *ágă*

Исходная длительность ударного в мсек:

160 (Δ_1); 220 (Δ_2); 180 (Δ_3).

Средняя длительность по фразе: 152,2 (Δ_1); 208,7 (Δ_2), 175,5 (Δ_3).

См. расположенные друг под другом цепочки изменения длительности ударного в девяти рассмотренных в предыдущем параграфе фразовых позициях:

Δ_1 : 160; 100; 120; 180; 160; 210; 140; 160; 140.

Δ_2 : 200; 220; 180; 180; 180; 200; 260; 250.

Δ_3 : 170; 160; 180; 160; 150; 140; 2220; 180; 220.

Очевидно, что общей закономерности нарастания/убывания временных показателей в их дистрибуции по фразам не наблюдается.

Интенсивность ударного (в условных единицах):

Исходная: 60 (Δ_1); 108 (Δ_2); 68 (Δ_3).

Средняя интенсивность по фразе:

69,7 (Δ_1); 69,2 (Δ_2); 75,5 (Δ_3).

Цепочки изменения интенсивности ударного:

Δ_1 : 80; 40; 28; 62; 68; 70; — ; 120; 90.

Δ_2 : 88; 38; 46; 34; 96; — ; 102; 86; 64.

Δ_3 : 96; 118; 44; 50; 64; 106; 68; 74; 60.

Слово: *agă*

Исходная длительность ударного:

130 (Δ_1); 210 (Δ_2); 230 (Δ_3).

Средняя длительность ударного гласного по фразе:

188,7 (Δ_1); 217,7 (Δ_2); 203,7 (Δ_3).

Цепочки изменения длительности ударных:

\bar{D}_1 : 160; 220; 210; 150; 200; — ; 200; 160; 210.

\bar{D}_2 : 260; 220; 220; 170; 160; 210; 200; 280; 240.

\bar{D}_3 : 200; 240; 220; 130; 180; — ; 240; 200; 220.

Румынский язык:

Средние длительности звука в анализируемых словах:

\bar{D}_1 \bar{D}_2 \bar{D}_3

Слово: *ágă*

Исходное 108,3 170 150

СД во фразе 148,8 115,6 104

Слово: *agá*

Исходная 132 153 160

Во фразе 138,7 155,5 141,4

Слово: *amáră*

Исходная 112 144 124

Во фразе 116,2 122,4 114,2

Слово: *amará*

Исходная 126 116 124

Во фразе 110,6 109,1 111,4

Слово: *áură*

Исходная 166,6 180 260

Во фразе 160,2 146,6 150,7

Интенсивность ударного гласного: *agá*

Исходная: 60 (\bar{D}_1); 60 (\bar{D}_2); 52 (\bar{D}_3).

Средняя интенсивность по фразе:

93 (\bar{D}_1); 74,4 (\bar{D}_2); 52,5 (\bar{D}_3).

Цепочки изменения интенсивности ударных:

\bar{D}_1 : 60; 72; 64; 102; 128; — ; 124; 94; 100.

\bar{D}_2 : 60; 72; 64; 102; 78; 60; 80; 74; 80.

\bar{D}_3 : 44; 48; 40; 66; 74; — ; 46; 62; 62.

Слово: amáră

Исходная длительность ударного:

180 (Д_1); 240 (Д_2); 180 (Д_3).

Средняя длительность ударного во фразе:

155 (Д_1); 225,5 (Д_2); 184,4 (Д_3).

Цепочки изменения длительности ударных:

Д_1 : 160; 160; 140; 160; 150; — ; 160; 170; 140.

Д_2 : 200; 230; 240; 190; 200; 210; 240; 220; 300.

Д_3 : 180; 190; 160; 190; 180; 180; 200; 170; 210.

Интенсивность ударного гласного:

Исходная: 54 (Д_1); 66 (Д_2); 46 (Д_3).

Средняя интенсивность по фразе:

84 (Д_1); 75,1 (Д_2); 55,7 (Д_3).

Цепочки изменения интенсивности:

Д_1 : 60; 80; 20; 120; 100; — ; 120; 110; 62.

Д_2 : 76; 66; 60; 64; 80; 90; 96; 54.

Д_3 : 74; 62; 60; 78; 56; — ; 34; 22; 60.

Слово: amară

Исходная длительность ударного:

140 (Д_1); 240 (Д_2); 200 (Д_3).

Средняя длительность ударного во фразе:

155 (Д_1); 192,2 (Д_2); 181,1 (Д_3).

Цепочки изменения длительности ударных:

Д_1 : 140; 210; 160; 140; 200; — ; 140; 160; 180.

Д_2 : 200; 230; 240; 190; 200; 210; 240; 2220; 300.

Д_3 : 140; 230; 220; 100; 210; 110; 210; 180; 230.

Интенсивность ударного гласного:

Исходная: 42 (Д_1); 58 (Д_2); 56 (Д_3).

Средняя интенсивность во фразе:

96,2 (Д_1); 71,7 (Д_2); 55,3 (Д_3).

Цепочки изменения интенсивности по фразе:

Д_1 : 40; 90; 66; 66; 66; 116; — ; 120; 80; 126.

Д_2 : 86; 60; 66; 76; 80; 70; 70; 78; 70.

Д₃: 30; 74; 38; 46; 60; 44; — ; 68; 62; 76.

Слово: *áură*

Исходная длительность ударного дифтонга:

250 (Д₁); 340 (Д₂); 330 (Д₃).

Средняя длительность ударного во фразе:

242,5 (Д₁); 331,2 (Д₂); 310 (Д₃).

Цепочки изменения длительности ударных:

Д₁: 260; 280; 240; 280; 260; — ; 150; 230; 240.

Д₂: 310; 370; 370; 320; 330; 320; 340; 340; 320.

Д₃: 320; 340; 340; 290; 300; 300; 300; 300.

Интенсивность ударного гласного:

Исходная: 66 (Д₁); 84 (Д₂); 68 (Д₃).

Средняя интенсивность во фразе:

79,2 (Д₁); 83,2 (Д₂); 83,1 (Д₃).

Цепочки изменения интенсивности во фразе:

Д₁: 54; 84; 22; 72; 80; — ; 120; 102; 100.

Д₂: 74; 70; 70; 60; 68; 100; 66; 110; 70.

Д₃: 74; 74; — ; 78; 100; 100; 80; 94; 66.

По данным количественных показателей можно говорить о некоторых тенденциях и свидетельствах:

1) Регулярных изменений однопланового характера (например, СД во фразе всегда меньше, чем в изолированном слове) в румынском языке не наблюдается.

2) Не наблюдается этого и для отдельных ритмических структур, будь то с начальным или с конечным ударением. Правда, это сокращение отмечено для двух слов: *amară* (т. е. —— —) и *áură* (т. е. — —).

3) Несомненно выявлялись ограниченные наборы СД для каждого слова (и иногда для разных слов и даже для разных дикторов). Это СД: 126,6; 166,6 для *agă*; 100, 110 — для *amară*, 170, 183,3 — для *áură* и т. д. Эти СД иногда создают серии по 3—4 члена. Создается впечатление, что в речепроизводстве говорящего существуют как бы две модели: а) гибкая времененная варьируемость слова в зависимости от смысловой нагрузки с любой возможной СД и б) несколько заданных СД с небольшим количеством вариантов.

4) Именно такие заданные наборы демонстрируются еще более наглядно цепочками длительностей ударных.

5) Изменения ударных во фразе также не поддаются каким-либо обобщениям, ни по структурам, ни по дикторам. Таким образом, можно делать вывод о слабой смысловой структурированности румынской фразы по длительности.

6) Интенсивность во фразе имеет тенденцию быть выше, чем в изолированных словах. Тем самым она во многих случаях берет на себя свойство быть маркером словесного ударения.

7) Более высокая интенсивность: в седьмой позиции (середина императива), в девятой (конец придаточного) и восьмой (восклицание).

8) Но и в случае интенсивности, несомненно, существуют какие-то предпочтаемые величины, которые также идут сериями. См. слово *amără* 66; 66; 66 (Δ_1); 66 (Δ_2) и под.

Новогреческий язык:

Рассматривались СД в изолированном слове и во фразе:

	Δ_1	Δ_2	Δ_3
ἀλκῆ			
Исходная	110	155	115
Во фразе	116,4	150	104,8
ἀλκή			
Исходная	140	157,5	125
Во фразе	104,9	119,7	113,1
ἄκοπος			
Исходная	105	120	95
Во фразе	93,3	107,4	93,4
ἀκόπως			
Исходная	126,6	120	113,3
Во фразе	98	101,4	99,15
ἀδελφός			
Исходная	116	123,3	82,8
Во фразе	83,6	94,6	87,07

Намечается несомненная тенденция к сокращению слова в пределах фразы (исключение только ἀλκῆ у Δ_1 и ἀδελφός у Δ_3 , при

этом увеличение здесь незначительное). Отчетлива закономерность, согласно которой слова с наконечным ударным сокращаются больше, чем с начальным, т. е. сандхи слов осуществляются за счет временного уменьшения сильной темпоральной позиции конца. Таким образом еще раз подтверждается доминирование *t*-параметра в новогреческом языке.

Слово: ἀλκή

Исходная длительность ударного в мсек:

210 (Δ_1); 160 (Δ_2); 120 (Δ_3).

Средняя длительность во фразе:

202,2 (Δ_1); 137,7 (Δ_2); 111,1 (Δ_3)

Цепочки изменения длительности ударных:

Δ_1 : 360; 200; 200; 160; 190; 160; 190; 160; 200.

Δ_2 : 140; 160; 140; 120; 140; 120; 120; 160.

Δ_3 : 100; 60; 180; 120; 130; 100; 110; 100; 100.

Интенсивность ударных гласных (в мм):

Исходная: 1,3 (Δ_1); 4,5 (Δ_2); 4 (Δ_3).

Во фразе: 1,71 (Δ_1); 3,86 (Δ_2); 1,8 (Δ_3).

Цепочки изменения интенсивности ударных:

Δ_1 : 2,6; 2,8; 1,8; 0,7; 1,7; 1,3; 1,5; 1,7; 1,3.

Δ_2 : 2,8; 2,8; 3,5; 1,7; 5; 4,5; 4,5; 4,8; 5,2.

Δ_3 : 1,5; 2,5; 1,5; 2; 3,5; 1,5; 1,2; 1; 1,8.

Слово: ἀλκή

Исходная длительность ударных:

240 (Δ_1); 220 (Δ_2); 180 (Δ_3).

Средняя длительность во фразе:

172,2 (Δ_1); 150 (Δ_2); 161,1 (Δ_3).

Цепочки изменений ударных во фразе:

Δ_1 : 220; 240; 170; 160; 210; 200; 170; 250; 170.

Δ_2 : 140; 220; 120; 190; 120; 120; 190; —; 100.

Δ_3 : 160; 200; 200; 160; 170; 160; 160; 100; 140.

Исходная величина интенсивности ударных гласных:

1,4 (Δ_1); 5,5 (Δ_2); 2 (Δ_3)

Средняя интенсивность во фразе:

1,88 (Δ_1); 3,48 (Δ_2); 3,3 (Δ_3)

Цепочки изменений интенсивности:

Δ_1 : 1,5; 2,3; 1,8; 1,5; 2,5; 1,4; 1,6; 2,4; 2.

Δ_2 : 1; 3; 4; 2,2; 5,5; 3,7; 5; 3,2; 3,8.

Δ_3 : 4; 4,5; 4,5; 3; 4; 3; 3,5; 1,2; 3.

Слово: *άκοπος*

Исходная длительность ударного:

200 (Δ_1); 130 (Δ_2); 110 (Δ_3).

Средняя длительность во фразе:

157,7 (Δ_1); 122,2 (Δ_2); 134,4 (Δ_3).

Цепочка изменений t ударных:

Δ_1 : 310; 110; 160; 90; 160; 150; 160; 180; 100.

Δ_2 : 140; 140; 100; 100; 120; 120; 120; 140; 120.

Δ_3 : 140; 140; 130; 120; 140; 140; 140; 120; 140.

Исходная интенсивность ударного:

1,3 (Δ_1); 5,5 (Δ_2); 2,5 (Δ_3).

Средняя интенсивность во фразе:

1,92 (Δ_1); 4,13 (Δ_2); 2,2 (Δ_3).

Цепочка изменений интенсивности:

Δ_1 : 3,7; 1,5; 3,8; 1,2; 1,5; 1,2; 1,5; 1,7; 1,2.

Δ_2 : 4; 3; 4,2; 2; 3,5; 3,8; 5,7; 5,2; 4.

Δ_3 : 2; 3,5; 2,2; 1,5; 2; 2,5; 2,5; 2; 1,8.

Слово: *άκόπως*

Исходная длительность ударного:

170 (Δ_1); 126,6 (Δ_2); 120 (Δ_3).

Средняя длительность во фразе:

137,7 (Δ_1); 120 (Δ_2); 111,1 (Δ_3).

Цепочки изменений длительности ударных во фразе:

Δ_1 : 140; 110; 100; 150; 190; 140; 150; 120; 140.

Δ_2 : 100; 120; 100; — ; 100; 100; 140; 140; 160.

Δ_3 : 120; 120; 100; 120; 120; 80; 100; 120; 120.

Исходная интенсивность ударных в слове
(здесь указаны данные в мм):

1,5 (Δ_1); 5,5 (Δ_2); 3 (Δ_3).

Средняя интенсивность во фразе:

1,48 (Δ_1); 3,98 (Δ_2); 3,04 (Δ_3).

Цепочка изменений интенсивности во фразе:

Δ_1 : 1,7; 1,8; — ; 1,5; 2; 2,2; 1,5; 1,5; 1,2.

Δ_2 : 3,3; 2,3; 3,5; — ; 3,5; 4; 4,8; 5; 5,5.

Δ_3 : 3,5; 3,5; 4; 3,2; 3; 1,5; 3; 3,5; 2,2.

Слово: ἀδελφός

Исходная длительность ударного:

240 (Δ_1); 150 (Δ_2); 180 (Δ_3).

Средняя длительность во фразе:

192,2 (Δ_1); 133,3 (Δ_2); 123,1 (Δ_3).

Цепочки изменений ударных:

Δ_1 : 220; 190; 160; 190; 220; 200; 180; 180; 190.

Δ_2 : 100; 160; 70; 100; 140; 120; 140; 150; 160.

Δ_3 : 110; 130; 120; 140; 140; 100; 148; 100; 120.

Исходная интенсивность ударных:

1,0 (Δ_1); 4,5 (Δ_2); 2,3 (Δ_3).

Средняя интенсивность во фразе:

1,03 (Δ_1); 2,75 (Δ_2); 2,15 (Δ_3).

О просодии новогреческого слова во фразе можно сделать следующие выводы:

- 1) длительность ударного во фразе в среднем во всех случаях меньшая, чем в изолированном слове;
- 2) особенно это отчетливо для слов с наконечным ударением;
- 3) цепочки изменений ударных не демонстрируют прямой связи длительности ударного и фразовой позиции; таким образом фразовая структурированность *t*-параметра в новогреческом невысока;
- 4) так же, как и в румынском, намечаются как бы «излюбленные» длительности, дистрибуцию которых уловить не удалось;
- 5) все сказанное относится и к интенсивности ударных, которая подвержена тем же закономерностям (хотя есть отклонения для ḥлкη, ḥлкή, ḥкотоς у Δ_1).

Албанский язык:

Рассматривались слова: *ágmë* и *armë*, *bórg* и *borí*, и *arómë*.

Средняя длительность звуков:

Δ_1 Δ_2

ágmë

Исходная	180	130
Во фразе	124,4	140

armë

Исходная	137,5	122,5
Во фразе	124,6	138,7

bórg

Исходная	192,5	167,5
Во фразе	148,7	140,2

borí

Исходная	192,5	167,5
Во фразе	151,1	143,3

arómë

Исходная	142	116
Во фразе	134,5	123,3

Оба диктора демонстрируют противоположные тенденции: Δ_1 компрессирует слова во фразе, Δ_2 их произносит более отчет-

ливо. Указанная тенденция к избирательности в СД видна в примерах *bóré* и *borí*: оба диктора произнесли эти слова с одной и той же СД (192,5 — Д₁ и 167,5 — Д₂), пренебрегая тем самым расхождением в ритмической структуре слова.

Слово: *ágtmë*

Исходная длительность ударного:

240 (Д₁); 220 (Д₂).

Средняя длительность ударного во фразе:

227,7 (Д₁); 217,7 (Д₂).

Цепочки изменений длительности ударных во фразе:

Д₁: 190; 240; 120; 210; 220; 270; 200; 200; 200.

Д₂: 210; 180; 200; 290; 260; 2200; 210; 230; 180.

Исходная интенсивность ударного гласного
(данные в условных единицах):

1168 (Д₁); 1146 (Д₂).

Средняя интенсивность ударных во фразе:

1019,8 (Д₁); 1076,7 (Д₂).

Цепочки изменений интенсивности во фразе:

Д₁: 950; 1078; 1383; 1270; 744; 1200; 1235; 625; 694.

Д₂: 1205; 1058; 1045; 1114; 939; 905; 1172; 1189; 1021.

Слово: *armé*

Исходная длительность ударного гласного:

210 (Д₁); 150 (Д₂).

Средняя длительность ударного во фразе:

220 (Д₁); 225 (Д₂).

Цепочки изменений ударного по длительности:

Д₁: 240; 210; — ; 250; 150; 220; 230; 250; 210.

Д₂: 250; 190; 260; 100; 250; 250; 220; — ; 280.

Исходная интенсивность ударного:

519 (Д₁); 1310 (Д₂).

Средняя интенсивность ударных во фразе:

925,2 (Д₁); 1042,3 (Д₂).

Цепочки изменений интенсивности по фразе:

Д₁: 1136; 1293; — ; 1182; 1016; 1127; 903; 293; 452.

Д₂: 1275; 733; 1309; 813; 360; 1119; 1380; — ; 1350.

Слово: bōrē

Исходная длительность ударного:

260 (Д₁); 180 (Д₂).

Средняя длительность во фразе:

242,2 (Д₁); 203,3 (Д₂).

Цепочки изменений ударных по фразе:

Д₁: 260; 260; 290; 320; 170; 260; 160; 220; 240.

Д₂: 180; 170; 190; 210; 200; 140; 220; 210; 250.

Исходная интенсивность ударных в слове:

1309 (Д₁); 1322 (Д₂).

Средняя интенсивность ударного во фразе:

1106,4 (Д₁); 1100,4 (Д₂).

Цепочки изменений интенсивности ударных по фразе:

Д₁: 787; 1239; 1278; 1116; 1336; 1314; 1106; 568; 1214.

Д₂: 1117; 1428; 1387; 1390; 1133; 757; 1261; 1210; 1221.

Слово: borí

Исходная длительность ударного:

300 (Д₁); 300 (Д₂).

Средняя длительность ударного по фразе:

201 (Д₁); 208,8 (Д₂).

Цепочки изменений длительности ударного по фразе:

Δ_1 : 180; 170; 230; 270; 190; 220; 170; 180; 200.

Δ_2 : 130; 250; 230; 280; 180; 170; 240; 240; 100.

Исходная интенсивность ударного:

786 (Δ_1); 760 (Δ_2).

Средняя интенсивность ударного во фразе:

962,7 (Δ_1); 1207 (Δ_2).

Цепочка изменений интенсивности ударного во фразе:

Δ_1 : 1127; 1322; 1259; 1198; 571; 453; 1010; 616; 1109.

Δ_2 : 1392; 1112; 1139; 1265; 825; 1232; 1248; 1346; 1316.

Слово: *arómë*

Исходная длительность ударных:

210 (Δ_1); 190 (Δ_2).

Средняя длительность ударных во фразе:

236,6 (Δ_1); 201,1 (Δ_2).

Цепочка изменений длительностей ударного по фразе:

Δ_1 : 320; 200; 230; 420; 140; 190; 180; 220; 230.

Δ_2 : 160; 220; 190; 200; 180; 230; 230; — ; 210.

Исходная интенсивность ударного:

622 (Δ_1); 1237 (Δ_2).

Средняя интенсивность ударного во фразе:

762,9 (Δ_1); 101,3 (Δ_2).

Цепочки изменений интенсивности ударного во фразе:

Δ_1 : 370; 1127; 1294; 1174; 1010; 629; 900; 536; 1323.

Δ_2 : 913; 1086; 1098; 1062; 1319; 1245; 1159; 1049; 801.

Некоторые обобщения по албанскому языку:

1) средняя длительность может быть меньше и больше исходной. Однако оба изменения у обоих дикторов одинаково охватывают те же слова: *árómë* — меньше; *armé* — больше; *bórë* — Δ_1

меньше, Δ_2 — больше; *borí* — меньше, *arótë* — больше. Это не определяется ни ритмикой слова, ни фразовым заданием;

2) цепочки изменений не выявляют закономерностей ни в связи со смыслом высказывания, ни в связи с позицией слова во фразе, ни в связи с типом мелодики;

3) интенсивность во фразе, как представляется по данным, оказывается меньшей там, где исходный уровень был высок (например, *ármë*), и повышается там, где исходный был очень мал (*borí* или *armé* Δ_1 519). Таким образом, в албанской фразе *i*-параметр может быть поднят выше, чем в изолированном слове, особенно с конечным ударением;

4) в албанском языке отчетлива тенденция сохранять некоторые избранные (или предпочтительные) СД в самых разных фразовых позициях;

5) таким образом можно говорить о слабой структурированности воздействия фразовой просодии на словесную.

Болгарский язык:

Рассматривались слова *árka* и *arká*, *búcha* и *buchá*, *ártvk* и *artvk*.

Средняя длительность слова

Δ_1	Δ_2
------------	------------

árka

Исходная	120	130
СД во фразе	112,4	127,5

arká

Исходная	135	130
СД во фразе	123,1	119

búcha

Исходная	165	135
СД во фразе	125,6	130

buchá

Исходная	140	125
СД во фразе	115,5	122,2

ártvk

Исходная	136	120
СД во фразе	103,1	104,4

артък

Исходная	152	112
СД во фразе	111,7	101

Эти данные еще раз подтверждают слабую структурированность *t*-параметра в болгарском языке. Единственной закономерностью является уменьшение СД слов во фразе. Нет явной корреляции СД и типа ритмической структуры.

Тип изменения слова во фразе зависит и от временного соотношения ударных и безударных. Приводим корреляции ударных, причем (+) означает, что данная гласная остается ударной и во фразовой позиции.

Слово: áрка

Δ_1	Δ_2
------------	------------

Ударный: исх.	180	160
Ср.дл. во фразе	142,2	151,1

Цепочки изменений во фразе:

Δ_1 : 160(+); 120(+); 120(+); 160(-); 140(+); 140(+); 140(-); 160(+); 140(+).

Δ_2 : 160(-); 140(-); 140(+); 160(-); 120(-); 160(-); 180(-); 160(-); 140(-).

(+) = 47,8%

Исходная интенсивность

(далее данные в мм):

3,13,5.

Средняя интенсивность во фразе:

2,52,8.

Цепочка изменений:

Δ_1 : 2,8(+); 2,4(-); 2,7(-); 1,8(+); 3,2(-); 1,5(+); 2,7(-); 2,5(+); 3(-).

Δ_2 : 3,5(-); 1,2(-); 2,1(-); 3,7(+); 2,8(+); 4,2(+); 3(+); 2,5(+).

(+) 58,8%.

Слово: аркá

Δ_1	Δ_2
------------	------------

Исходная длительность ударного	220	180
СД во фразе	186,6	188,8

Цепочки изменений:

Д₁: 200(+); 160(+); 180(+); 160(+); 280(+); 180(+); 180(+); 180(+).
 Д₂: 240(+); 160(+); 180(+); 200(+); 180(+); 160(+); 200(+); 180(+); 180(+).

(+) = 100%

Интенсивность:

	Д ₁	Д ₂
Исходная	3,0	2,5
СИ во фразе	3,02	2,22

Цепочки изменений:

Д₁: 3,8(+); 3,2(+); 3,5(-); 21,2(-); 4(+); 2(-); 3,8 (-); 2,8 (+); 2,9 (+).
 Д₂: 3(+); -; 2,3(+); 2,5 (+); 2,5 (-); 3 (-); 1,7 (-); 1,8 (-); 1 (-).
 (-) = 47,7%

Слово: **бýча**

	Д ₁	Д ₂
Исходная длительность ударного	120	140
СД во фразе	125,5	126,6

Цепочки изменений:

Д₁: 120 (-); 110 (+); 120 (-); 120 (-); 120 (-); 160 (-); 100 (-); 160 (+); 120 (-).
 Д₂: 140 (-); 130 (+); 130 (+); 120 (-); 120 (-); 140 (-); 120 (-); 100 (-); 140 (-).
 (+) = 16,6%

Интенсивность:

	Д ₁	Д ₂
Исходная	3,73	
СИ во фразе	3,03	2,22

Цепочки изменений:

Д₁: 3,2 (+); 2,5 (-); 3,1 (+); 2,5 (+); 3,8 (+); 3,1 (+); 2,3 (-); 3,6 (+); 3,2 (+).
 Д₂: 2(+); 1,4(+); 2(+); 1,5(+); 2,7(+); 2,5(+); 3,7(+); 1,7(+); 2,5(+).
 (+) = 88,8%

Слово: **бучá**

	Д ₁	Д ₂
Исходная длительность ударного	200	180
СД во фразе	200	175,5

Цепочки изменений:

Д₁: 240(+); 160(+); 220(+); 200(+); 160(+); 200(+); 200(+); 220(+);
200(+).
Д₂: 180(+); 140(+); 200(+); 260(+); 200(+); 200(+); 200(+); 200(+).
(+) = 100%

Интенсивность:

	Д ₁	Д ₂
Исходная	5,22	
СИ во фразе	3,34	1,98

Цепочки изменений:

Д₁: 3,8(+); 3,8(+); 2,7(+); 3(+); 3,5(+); 2,6(+); 3,5(+); 4(+); 3,2(+).
Д₂: 2,5(+); 3(+); 0,8(-); 0,7(-); 0,7(-); 2(+); 2,2(+); 1,5(+).
(+) = 83,3%

Слово: **áртък**

	Д ₁	Д ₂
Исходная длительность ударного	160	130
СД уд.во фразе	137,7	135,5

Цепочки изменений:

Д₁: 160(+); 140(-); 120(+); 160(+); 140(+); 120(+); 120(+); 140(+);
140(+).
Д₂: 140(+); 120(+); 120(+); 100(+); 180(+); 120(+); 160(+); 160(+);
120(+).
(+) = 100%

Интенсивность:

	Д ₁	Д ₂
Исходная	3,8	3,5
СИ во фразе	3,05	2,6

Цепочки изменений:

Д₁: 3,2 (+); 2,8 (-); 3,2 (+); 2,5 (+); 3,5 (+); 2,2 (+); 3,2 (+); 3,2 (+);
3,7 (+).

Д₂: 3 (+); — ; 1,7 (-); 1,7 (-); 4,5 (+); 3 (+); 3,5 (+); 2,5 (+); 1,5 (-).
(+) = 76,4%

Слово: **артък**

Д₁ Д₂

Исходная длительность ударного	100	100
СД во фразе	87,1	97,5

Цепочки изменений во фразе:

Д₁: 110 (-); 80 (-); — ; 80 (-); 80 (-); — 80 (-); 100 (+); 80 (-).

Д₂: 100 (-); 100 (-); 80 (-); 80 (-); 120 (+); 100 (-); 120 (+); 80 (-).
(+) = 20%

Интенсивность:

Д₁ Д₂

Исходная	4,2	2,7
СИ во фразе	2,9	1,8

Цепочки изменений:

Д₁: 3,2 (+); 3,5 (+); — ; 3 (-); 3,8 (+); — ; 3 (-); 1,6 (-); 2,2 (-).

Д₂: 1,5 (-); 1,7 (-); 2,3 (-); 0,7 (-); 1,5 (-); 2,7 (+); 2,7 (+); 2 (+); 1,1 (+).
(+) = 43%

Македонский язык:

Средние длительности во фразе

Слово: **áрка**

Цепочка изменений:

110; 92; 77,5; 122,5; 80; 107,5; 95; 100; 102,5.

Исходная длительность ударного — 122,5
СД во фразе — 98,5

Слово: **кантáта**

Цепочка изменений:

90; 78,5; — ; 91,4; 94,2; 85,7; 87,2; 87,1; 85,7.

Исходная длительность ударного — 90

СД во фразе — 87,4

Слово: **кáнтата**

Цепочка изменений:

78,5; 100; 67,1; 85,7; 91,4; 82,8; 8,0; 82,8; 81.

Исходная длительность ударного — 82,8

СД во фразе — 83,3

Слово: **бáрон**

Цепочка изменений: 82; 100; 76; 116; 92; 92; 92; — ; 80.

Исходная длительность ударного — 108

СД во фразе — 91,2

Слово: **барóк**

Цепочка изменений: 96; 92; 92; 92; 90; 100; 70; 100; 98.

Исходная длительность ударного — 122

СД во фразе — 92,2

Ни в одном случае не демонстрируются хотя бы попарные совпадения в цепочке изменений. Таким образом о темпоральной структурированности фразовых контуров говорить в данном случае не приходится.

Обращает на себя внимание скомпрессированность слова по отношению к изолированно произнесенному. Однако в македонском языке в еще большей степени выявляется тенденция к сохранению некоторого избранного среднего произнесения звука в слове. Эти совпадения распространяются на слова разной ритмической структуры: см. *кантáта* и *кáнтата*: 78,5; 85,7. См. также *бáрон* и *барóк*, где для обоих слов идут серии СД—92, однако эти серии располагаются на разных местах цепочки и, таким образом, не диктуются фразовым заданием.

Ср. распределение длительности и интенсивности ударного во фразе.

Слово: áрка

Исходная длительность ударного: 140.

СД уд.во фразе: 157,7.

Цепочка изменений: 140; 120; 180; 180; 150; 150; 140; 210; 150.

Исходная интенсивность (данные в условных единицах): 1127.

Средняя интенсивность во фразе: 1177,2.

Цепочка изменений интенсивности: 1089; 1125; 1207; 1298; 1081; 1075; 1319; 1213; 1188.

Слово: бáрон

Исходная длительность ударного: 170.

Средняя длительность во фразе: 163,3.

Цепочка изменений: 130; 200; 190; 200; 210; 130; 150; 120; 140.

Исходная интенсивность ударного: 1259.

Средняя интенсивность во фразе: 1208,3.

Цепочка изменений: 1287; 1123; 1126; 1038; 1317; 1258; 1345; 1149; 1232.

Слово: барóк

Исходная длительность ударного: 160.

Средняя длительность во фразе: 127,7.

Цепочка изменений: 120; 130; 120; 150; 100; 180; 120; 120; 110.

Исходная интенсивность: 994.

Средняя интенсивность во фразе: 969,2.

Цепочка изменений интенсивности: 984; 788; 1086; 990; 963; 847; 1025; 926; 114.

Несохранение единого принципа фразовой модификации заставляет обратиться к словам *кáнтата* и *кантáта* с несколько иным заданием: проверкой того, насколько сохраняется в этих словах разной структуры выделенность ударного гласного по сравнению с безударным. Далее будет ставиться знак +, если данный ударный сохраняет это качество и - — в противоположном случае.

См. *кáнтата*:

t: 110(-); 110(-); 140(+); 140(+); 130(+); 140(+); 130(-); 180(+); 140(-).

i: 1136 (+); 1098 (+); 1217 (+); 1400 (+); 1114 (+); 948 (+); 1063 (+);
1101 (+); 1150 (+).

См. **кантáта:**

t: 120 (-); 110 (-); 100 (-); 130 (-); 200 (-); 130 (-); 140 (+); 130 (-); 130 (-).
i: 991 (+); 1153 (-); 997 (-); 1108 (-); 1086 (-); 903 (-); 1280 (+); 1109 (+);
887 (-).

Эти данные, несомненно, свидетельствуют о слабости ударения в структуре: ——. Они, в то же время, свидетельствуют о большей сохранности ударения в структуре: ——. Объяснить это можно все той же проходящей через всю работу идеей просодической схемы слова (с сильно начальной динамической точкой). Таким образом, в македонском можно говорить о сохранении во фразе ударения, наложенного на сильную просодическую точку, т. е. сильна схема слова, а не ударения.

Наконец, приведенные данные говорят о малой темпоральной гибкости македонского слова: ударение через *t* отмечается знаком + с увеличением протяженности (примерный порог около 140 мсек), тогда как даже небольшой по протяженности ударный слог мог бы стать таковым при сокращении безударных.

Рисунок 1

Изменение кривой интенсивности в изолированном слове

П р и м е ч а н и е: Вертикальная стрелка стоит на ударном гласном (Д — диктор).

1. Румынский язык:

- 1) *ágă* Д₁
- 2) *agá* Д₁
- 3) *ágă* Д₄
- 4) *agá* Д₄
- 5) *bábă* Д₁
- 6) *babá* Д₁
- 7) *bábă* Д₄
- 8) *babá* Д₄

3. Албанский язык. Д₁:

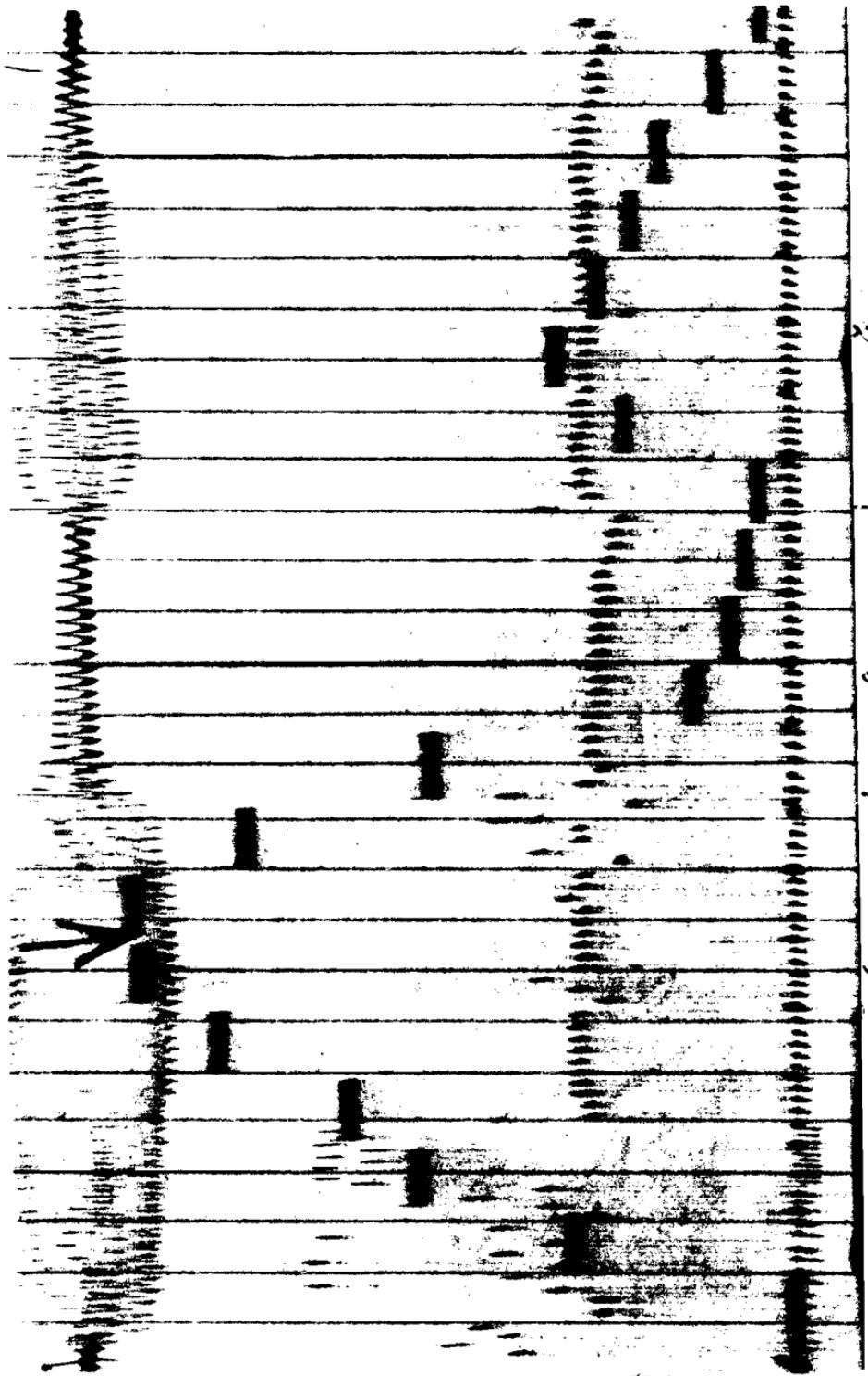
- 12) *bóre*
- 13) *baléne*
- 14) *borí*
- 15) *bakerté*

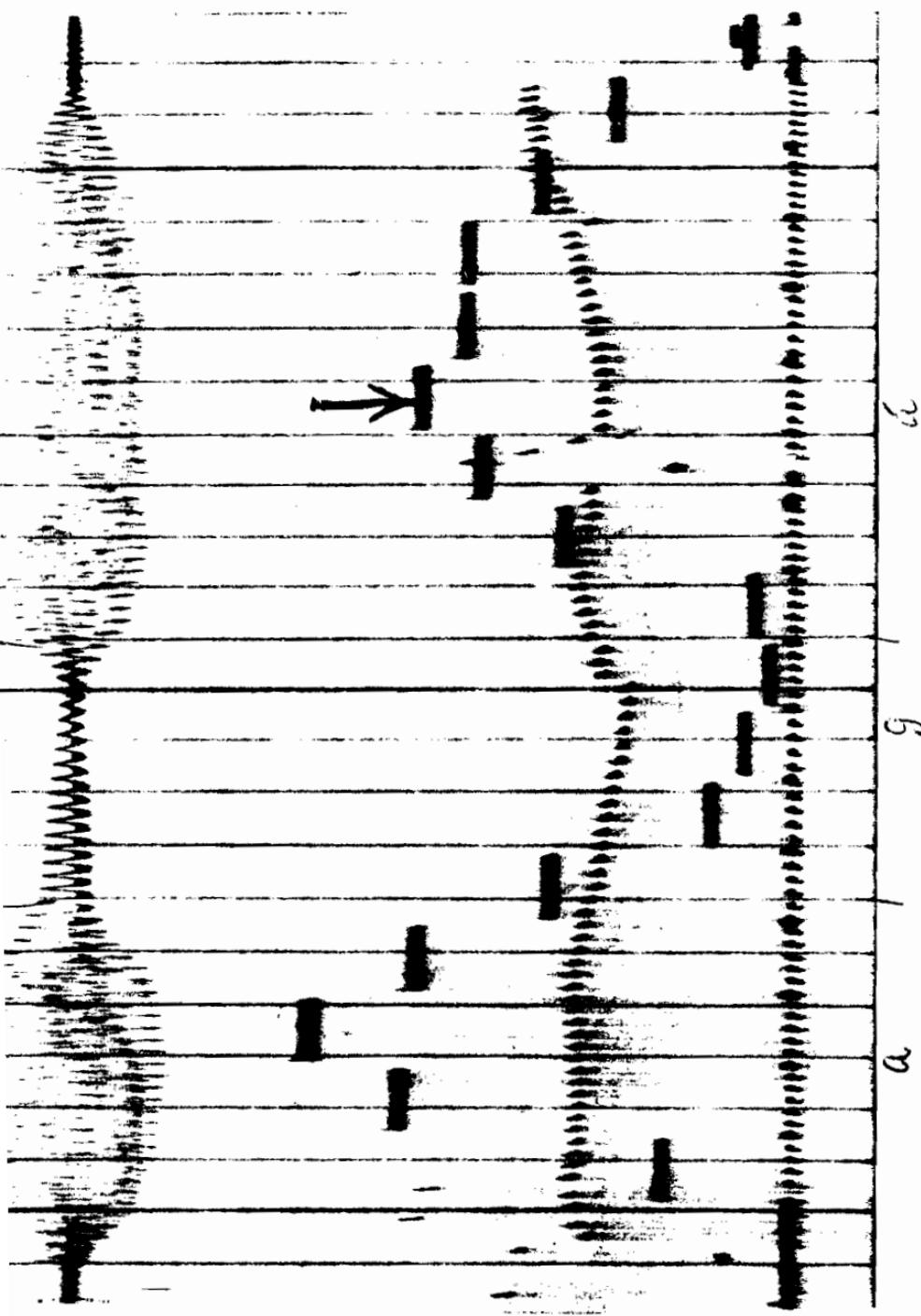
2. Македонский язык. Д₁:

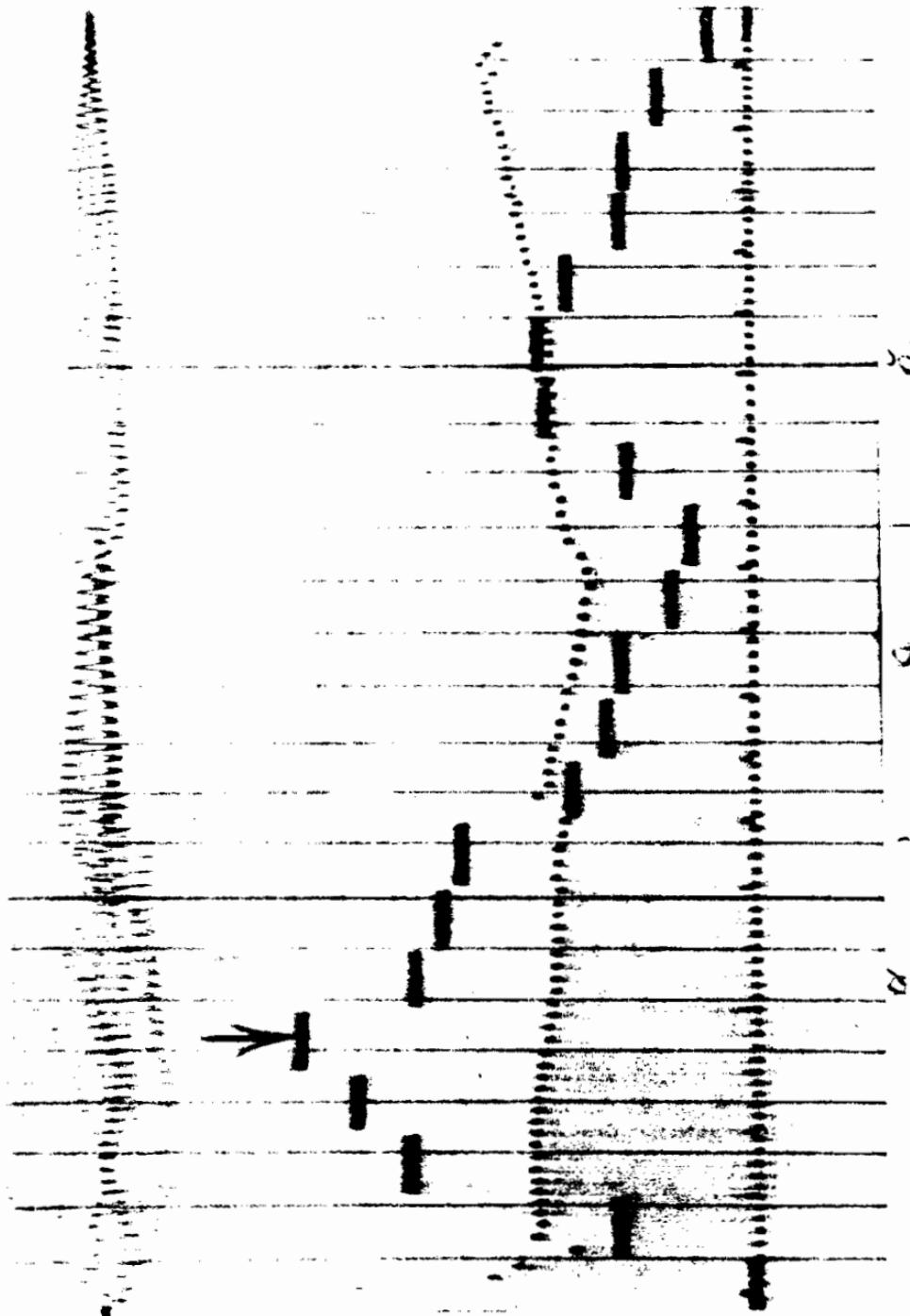
- 9) *бásмен*
- 10) *арóма*
- 11) *балóн*

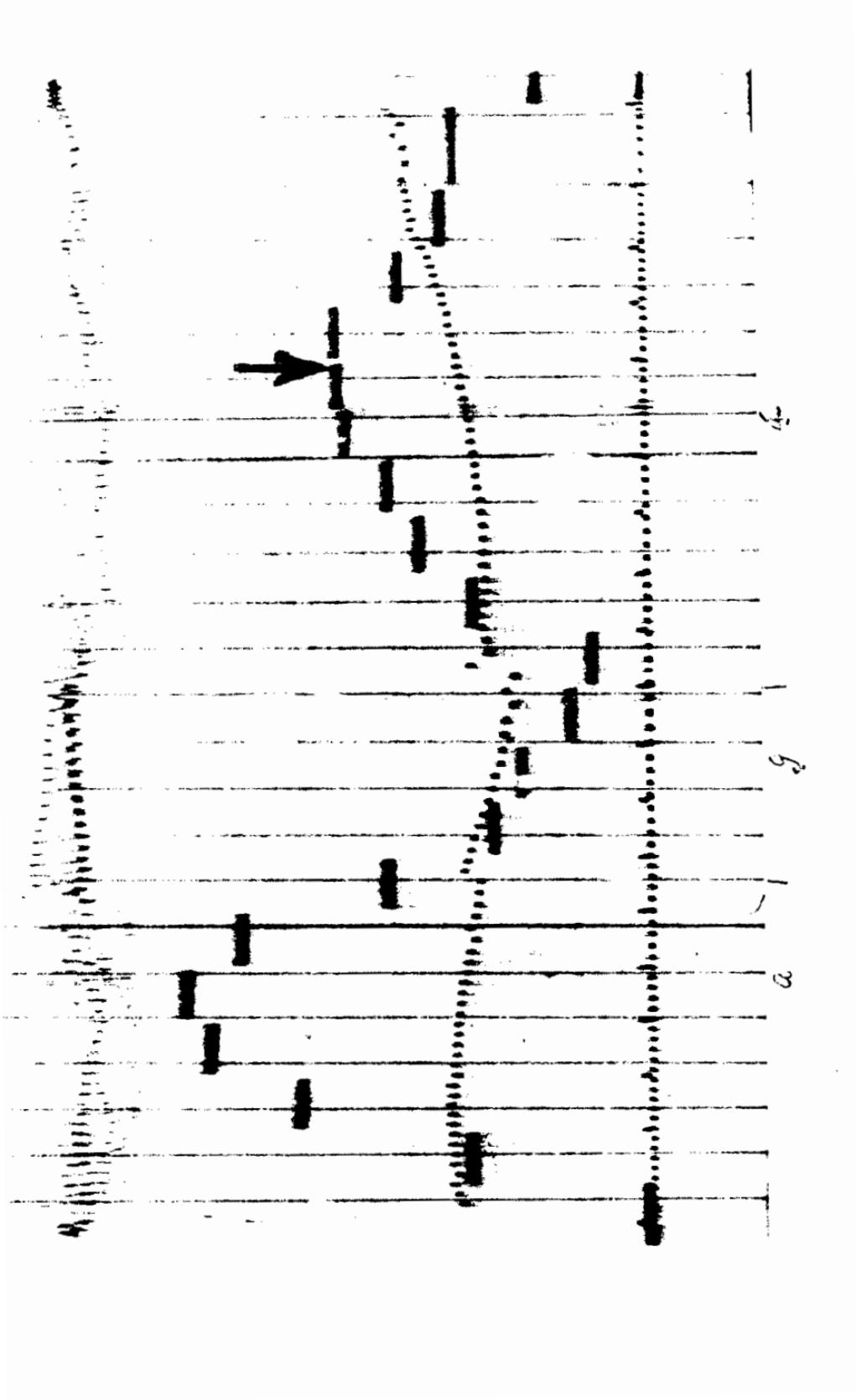
4. Болгарский язык:

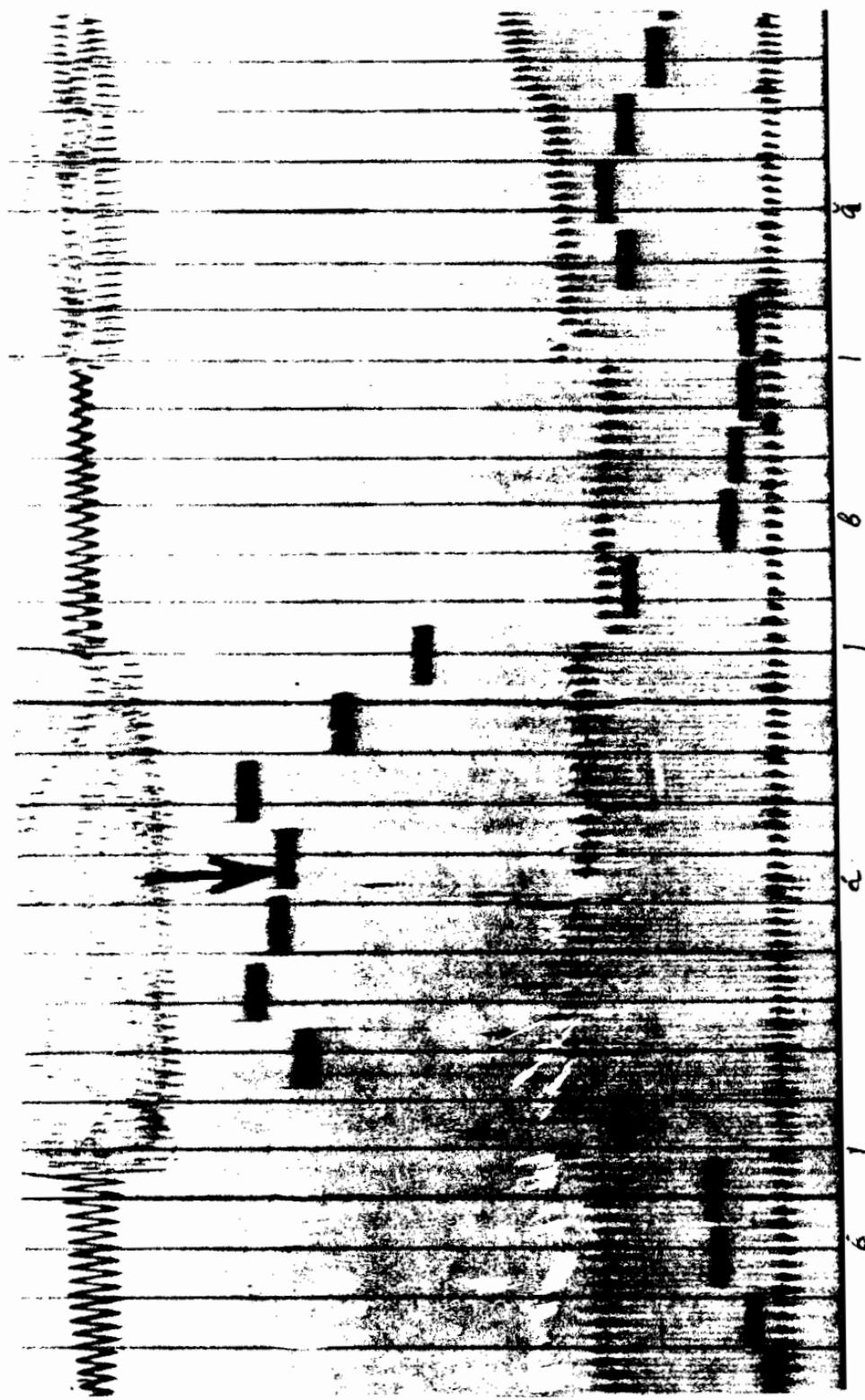
- 16) *барóк* Д₁
- 17) *басéн* Д₂

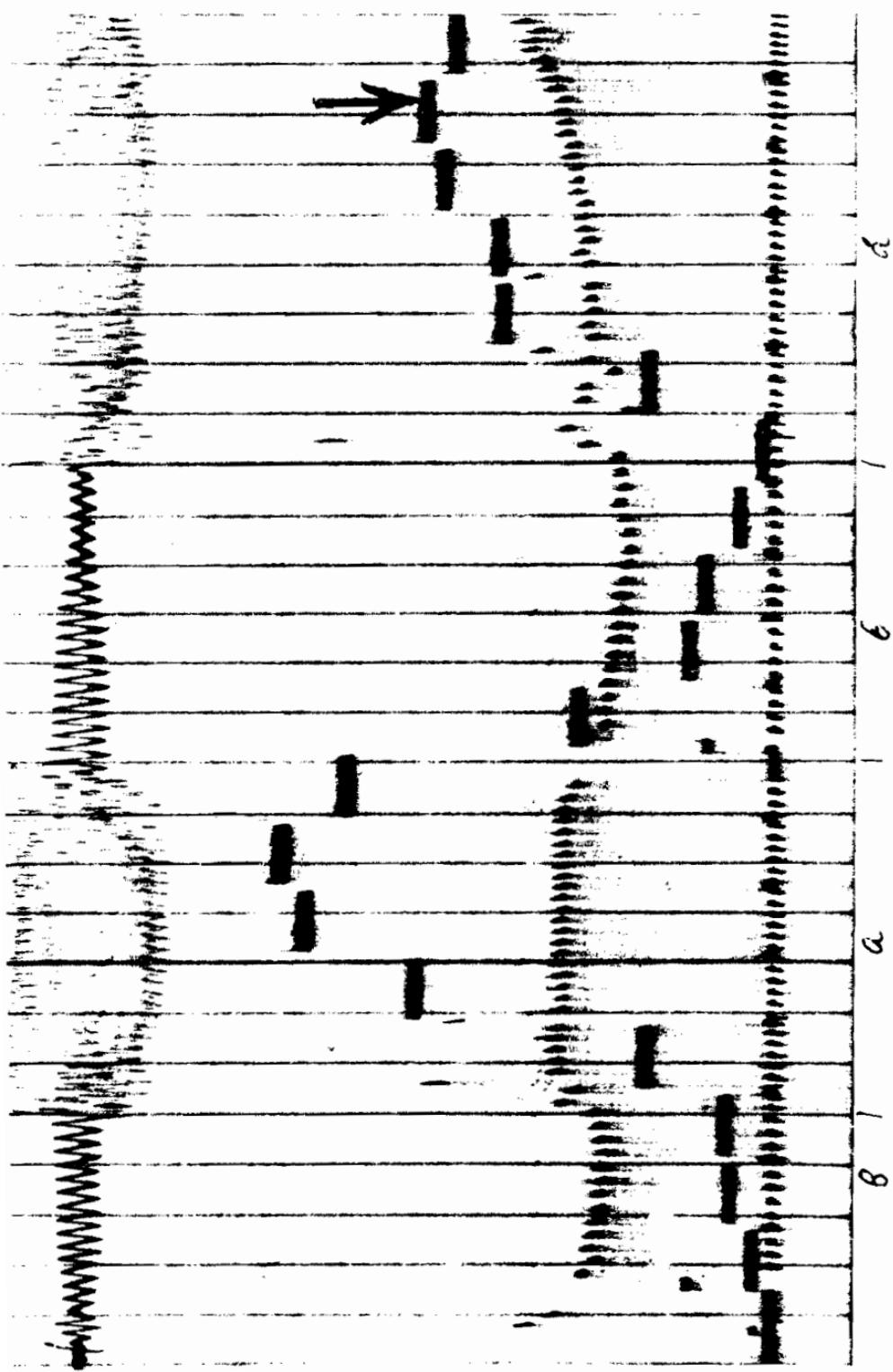

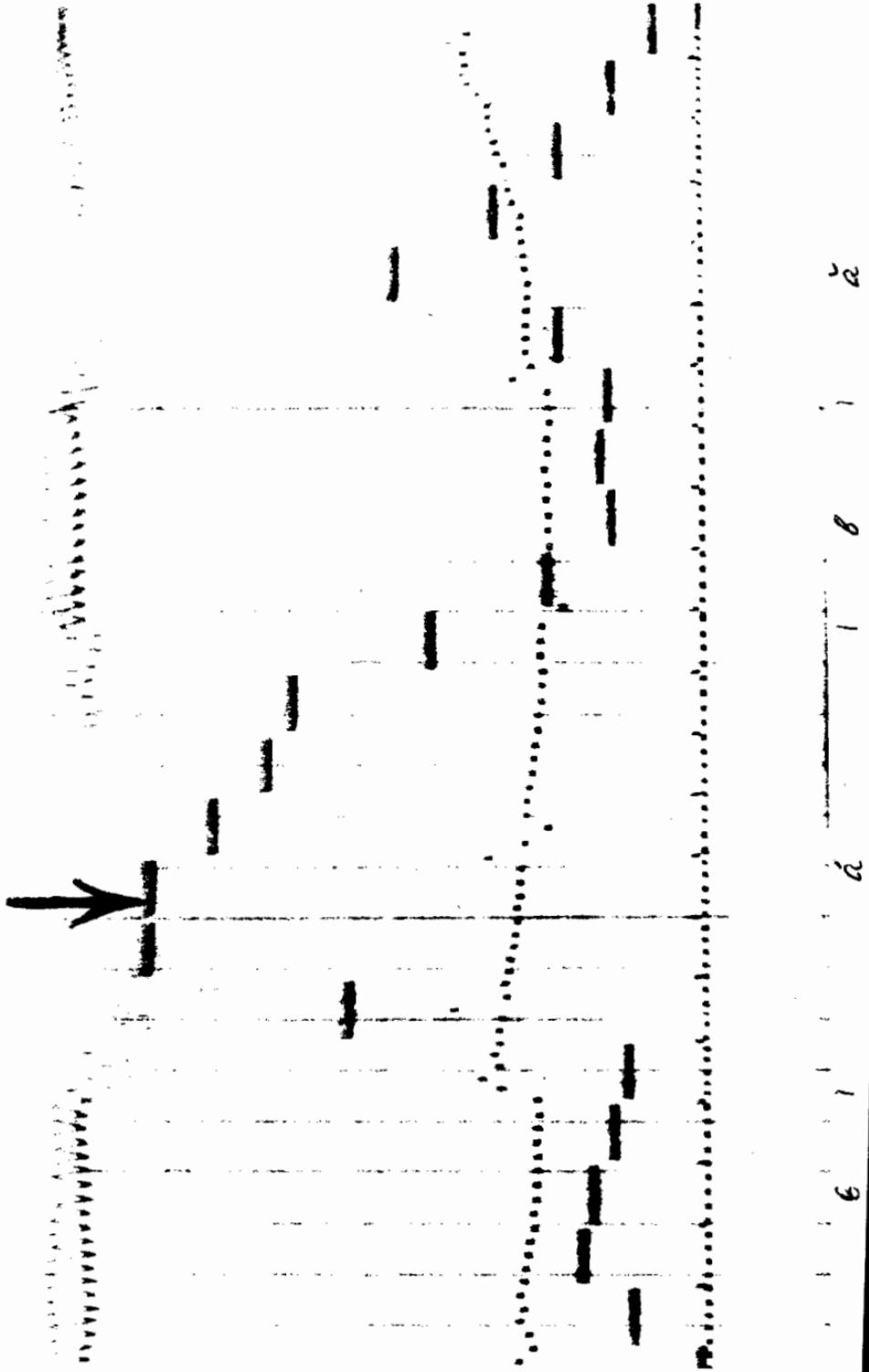

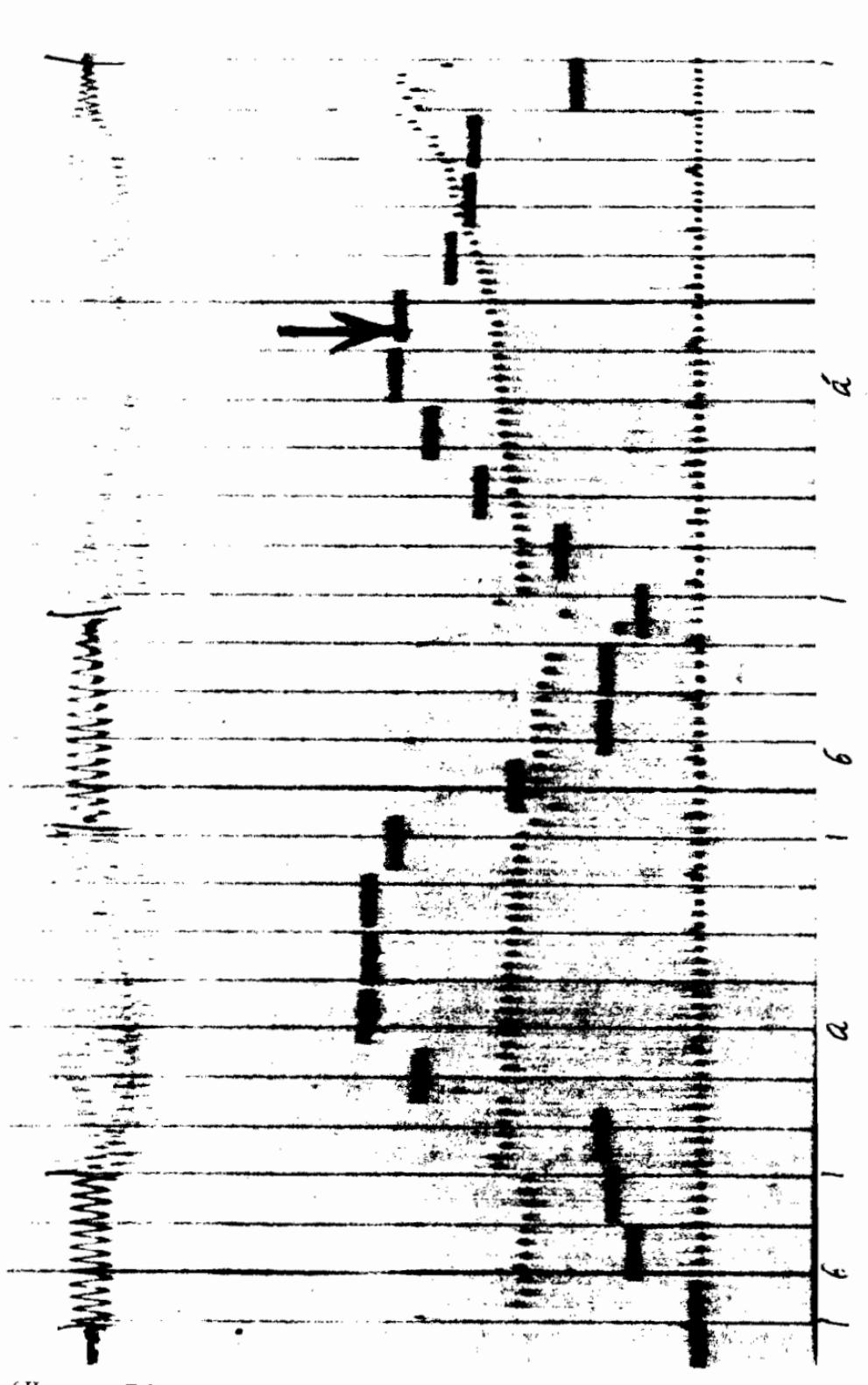

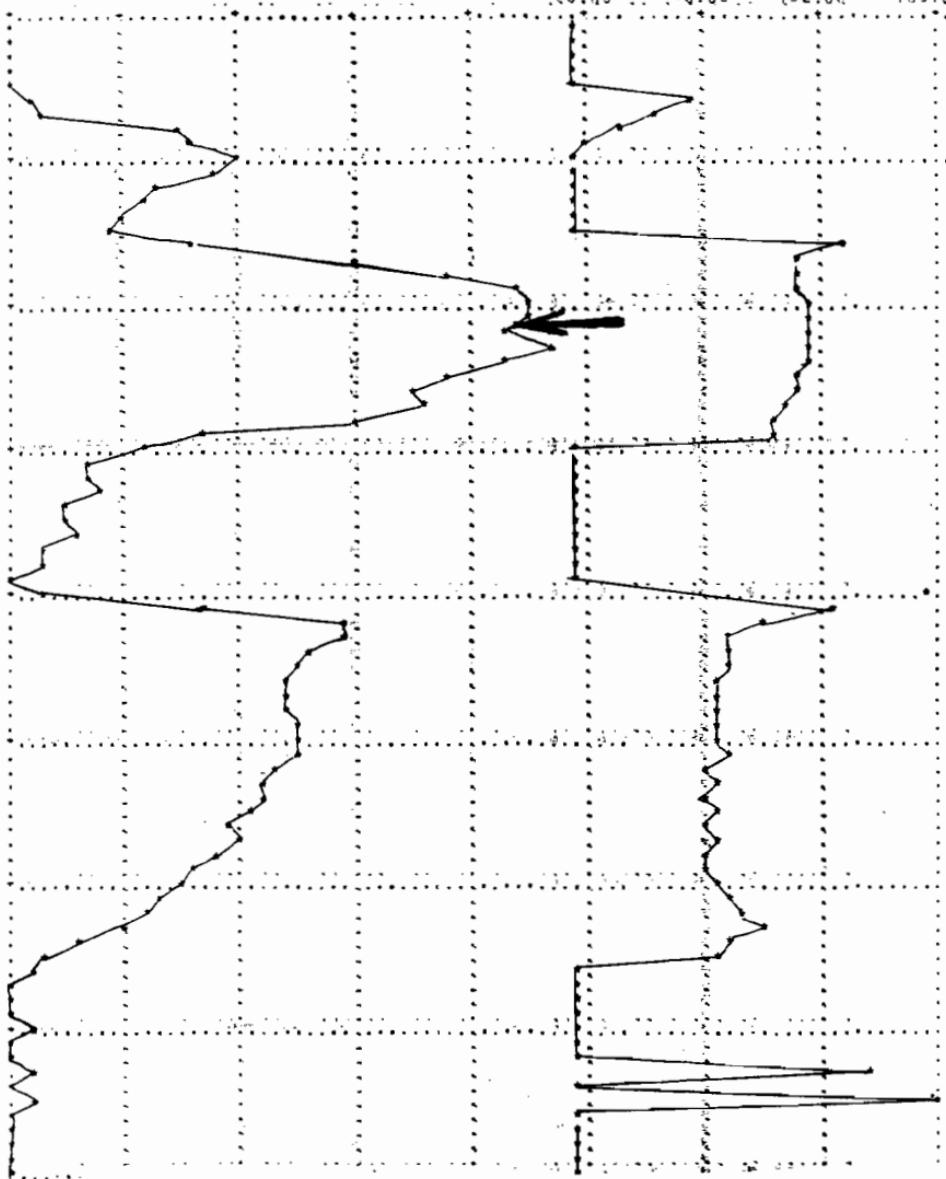

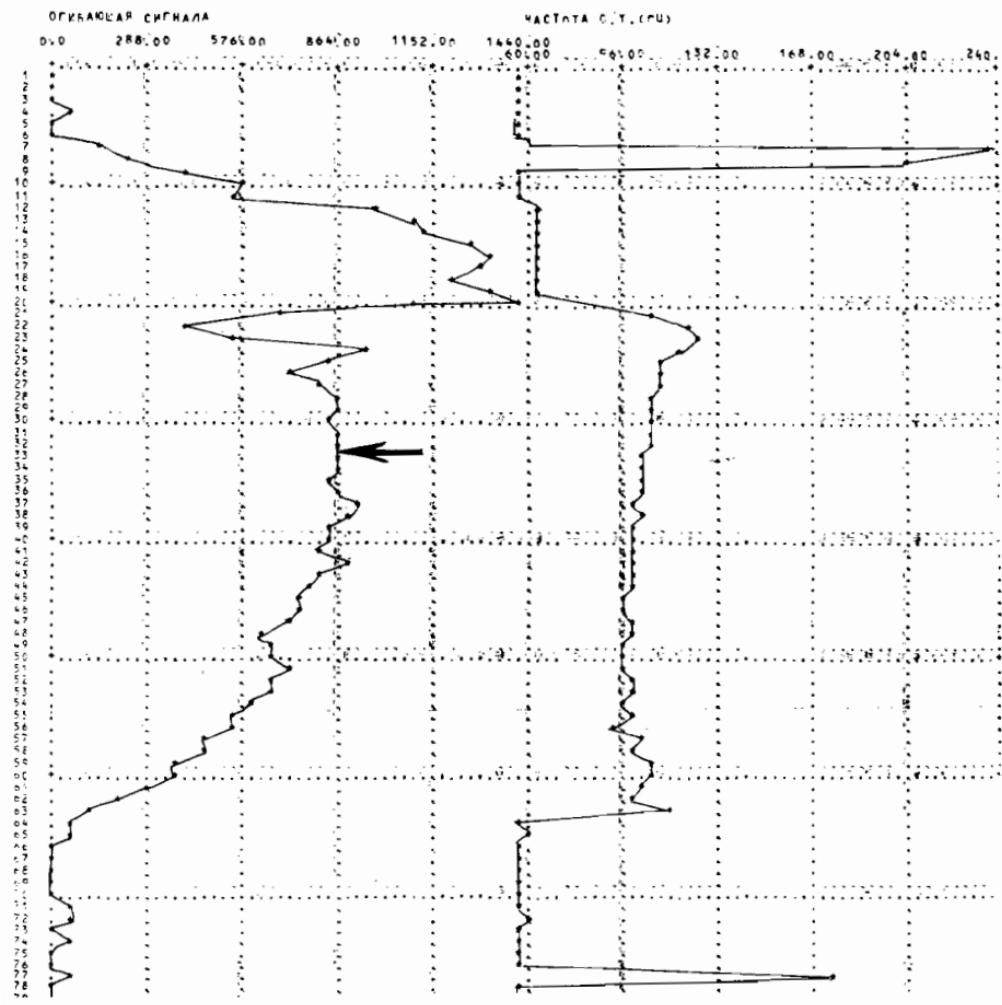
6 Николаева Т. М

СРЕДНЯЯ СИГНАЛА

2.0 288.00 576.00 864.00 1152.00 1440.00
160.00 320.00 560.00 800.00 1040.00 1320.00 1680.00

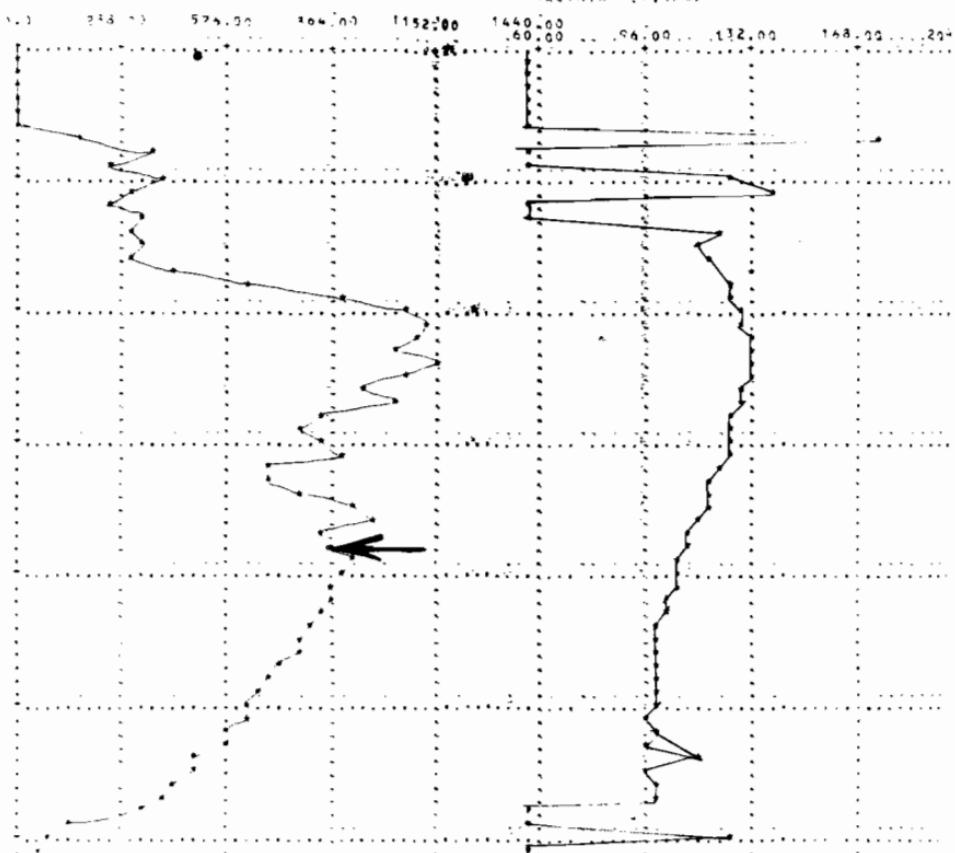
ЧАСТОТА О.Т. (ГГц)

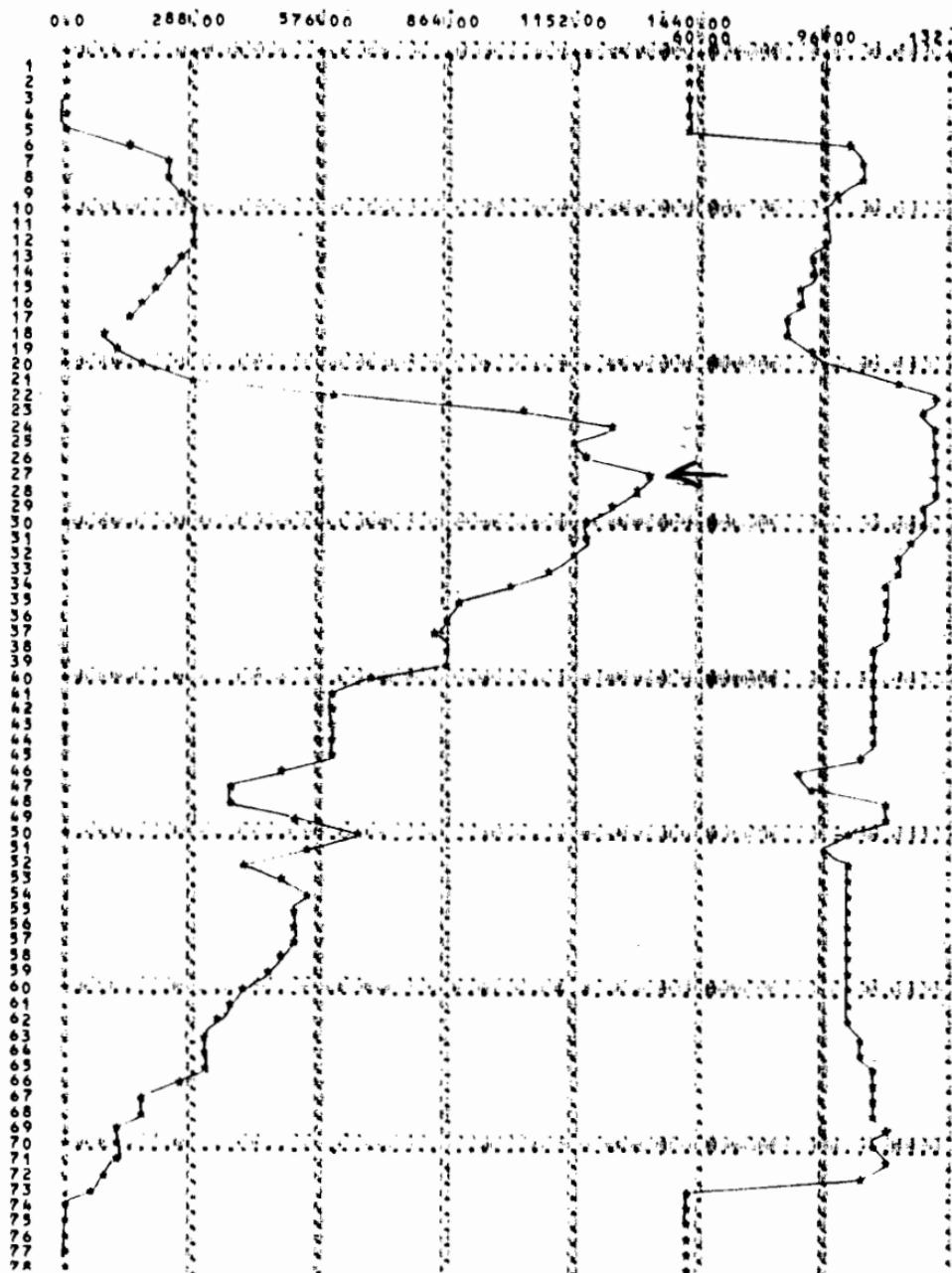
ОПАРАСИЛ ГАРМОНИКА

ЧАСТОТА ω [Гц] (Гц)

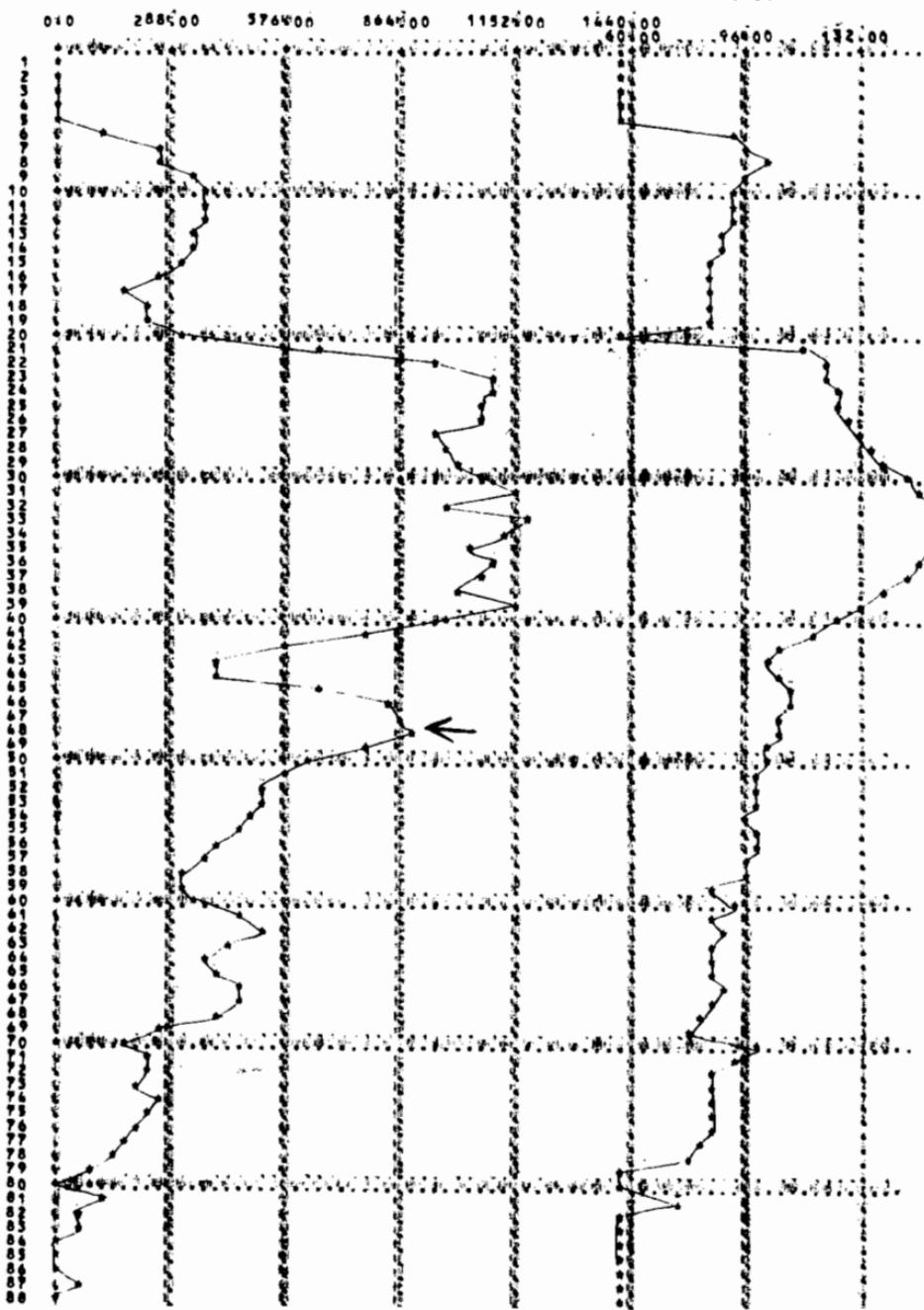
ОГИБАЮЩАЯ СИГНАЛА

ЧАСТОТА ОДЫССИ

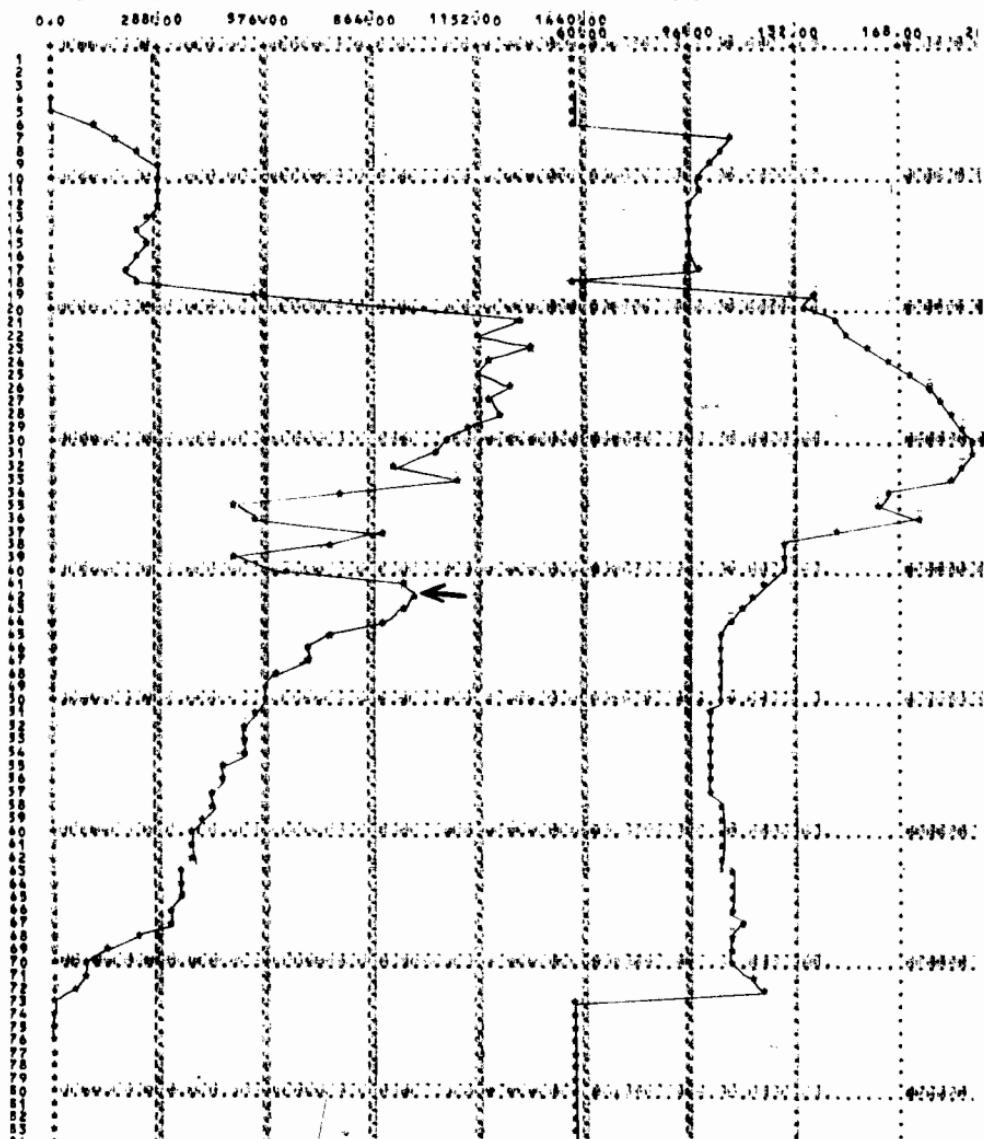
ОГИБАЮЩАЯ СИГНАЛА

ЧАСТОТА О.С.Т. (ГРД)

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СИГНАЛА

ЧАСТОТА ОДТ (ГРЦ)

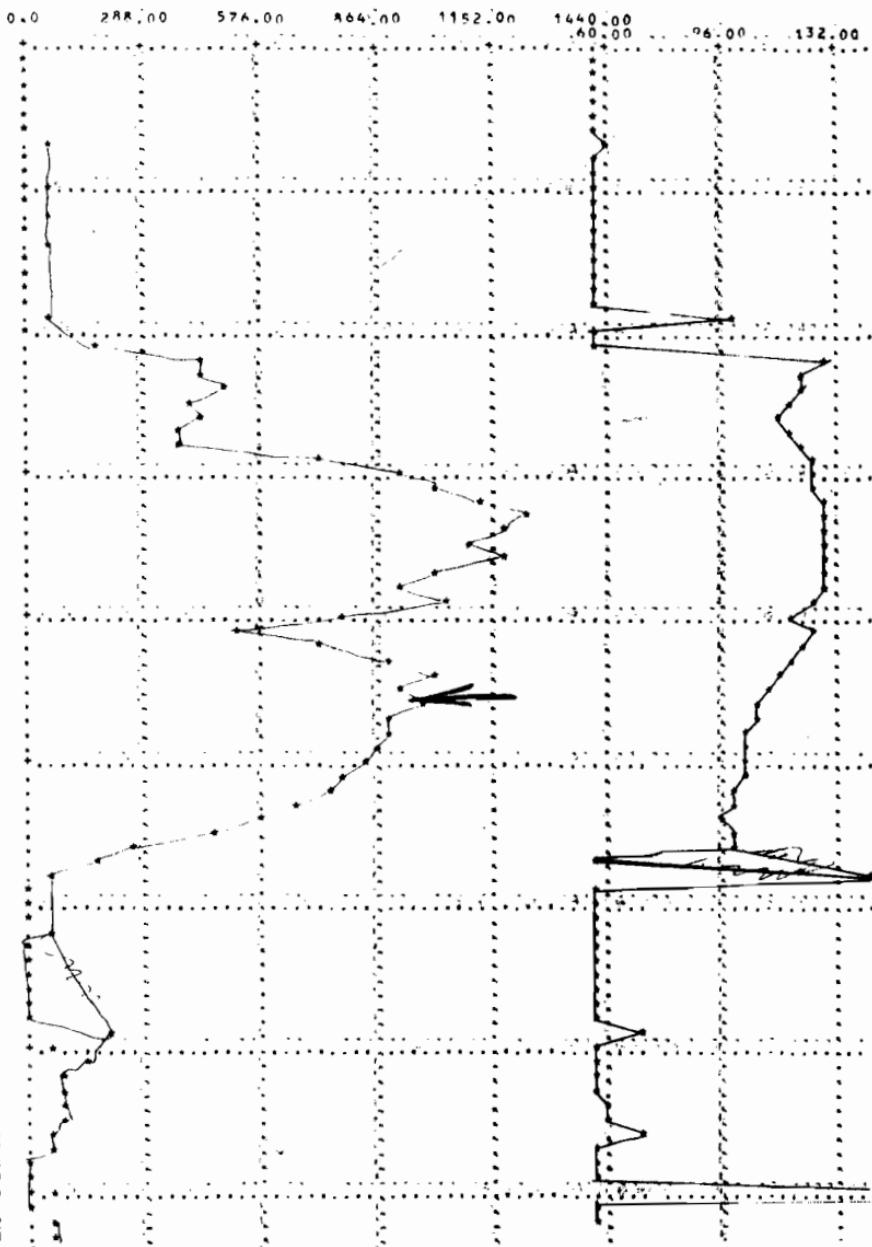
ОГИБАЮЩАЯ СИГНАЛА

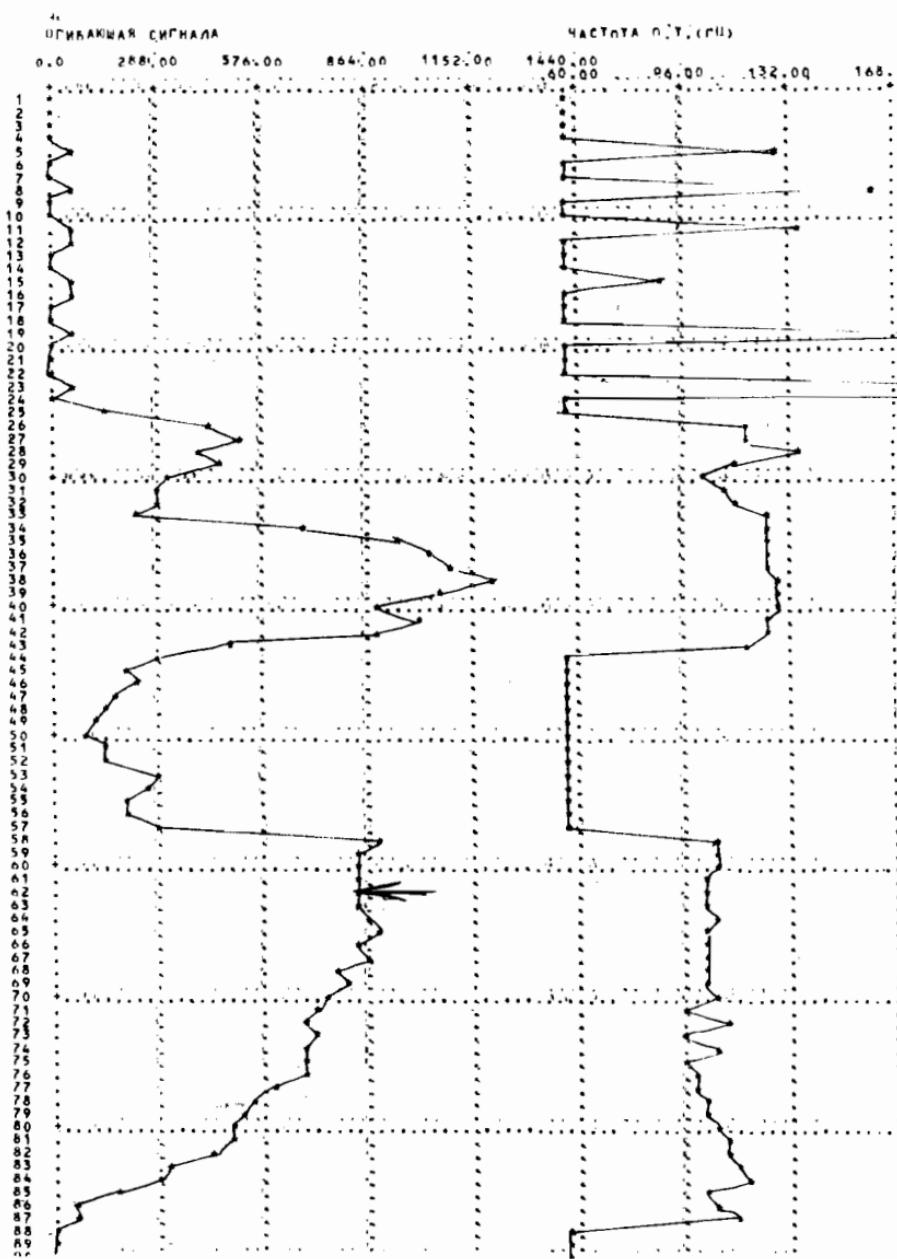
ЧАСТОТА ОЗТ (ГРЦ)

0.0 288.00 576.00 864.00 1152.00 1440.00 1728.00 2016.00 2304.00 2592.00 2880.00 3168.00 3456.00 3744.00 4032.00 4320.00 4608.00 4896.00 5184.00 5472.00 5760.00 6048.00 6336.00 6624.00 6912.00 7200.00 7488.00 7776.00 8064.00 8352.00 8640.00 8928.00 9216.00 9504.00 9792.00 10080.00 10368.00 10656.00 10944.00 11232.00 11520.00 11808.00 12096.00 12384.00 12672.00 12960.00 13248.00 13536.00 13824.00 14112.00 14400.00 14688.00 14976.00 15264.00 15552.00 15840.00 16128.00 16416.00 16704.00 17092.00 17380.00 17668.00 18056.00 18344.00 18632.00 18920.00 19208.00 19496.00 19784.00 20072.00 20360.00 20648.00 20936.00 21224.00 21512.00 21700.00 22088.00 22376.00 22664.00 22952.00 23240.00 23528.00 23816.00 24104.00 24392.00 24680.00 24968.00 25256.00 25544.00 25832.00 26120.00 26408.00 26696.00 27084.00 27372.00 27660.00 27948.00 28236.00 28524.00 28812.00 29100.00 29388.00 29676.00 29964.00 30252.00 30540.00 30828.00 31116.00 31404.00 31692.00 31980.00 32268.00 32556.00 32844.00 33132.00 33420.00 33708.00 34096.00 34384.00 34672.00 34960.00 35248.00 35536.00 35824.00 36112.00 36400.00 36688.00 36976.00 37264.00 37552.00 37840.00 38128.00 38416.00 38704.00 39092.00 39380.00 39668.00 39956.00 40244.00 40532.00 40820.00 41108.00 41396.00 41684.00 41972.00 42260.00 42548.00 42836.00 43124.00 43412.00 43690.00 43978.00 44266.00 44554.00 44842.00 45130.00 45418.00 45706.00 46094.00 46382.00 46670.00 46958.00 47246.00 47534.00 47822.00 48110.00 48398.00 48686.00 48974.00 49262.00 49550.00 49838.00 50126.00 50414.00 50702.00 51090.00 51378.00 51666.00 51954.00 52242.00 52530.00 52818.00 53106.00 53394.00 53682.00 53970.00 54258.00 54546.00 54834.00 55122.00 55410.00 55698.00 55986.00 56274.00 56562.00 56850.00 57138.00 57426.00 57714.00 58002.00 58290.00 58578.00 58866.00 59154.00 59442.00 59730.00 60018.00 60306.00 60594.00 60882.00 61170.00 61458.00 61746.00 62034.00 62322.00 62610.00 62898.00 63186.00 63474.00 63762.00 64050.00 64338.00 64626.00 64914.00 65202.00 65490.00 65778.00 66066.00 66354.00 66642.00 66930.00 67218.00 67506.00 67794.00 68082.00 68370.00 68658.00 68946.00 69234.00 69522.00 69810.00 70098.00 70386.00 70674.00 70962.00 71250.00 71538.00 71826.00 72114.00 72402.00 72690.00 72978.00 73266.00 73554.00 73842.00 74130.00 74418.00 74706.00 75094.00 75382.00 75670.00 75958.00 76246.00 76534.00 76822.00 77110.00 77398.00 77686.00 77974.00 78262.00 78550.00 78838.00 79126.00 79414.00 79602.00 79890.00 80178.00 80466.00 80754.00 81042.00 81330.00 81618.00 81906.00 82194.00 82482.00 82770.00 83058.00 83346.00 83634.00 83922.00 84210.00 84498.00 84786.00 85074.00 85362.00 85650.00 85938.00 86226.00 86514.00 86802.00 87090.00 87378.00 87666.00 87954.00 88242.00 88530.00 88818.00 89106.00 89394.00 89682.00 89970.00 90258.00 90546.00 90834.00 91122.00 91410.00 91698.00 91986.00 92274.00 92562.00 92850.00 93138.00 93426.00 93714.00 94002.00 94290.00 94578.00 94866.00 95154.00 95442.00 95730.00 96018.00 96306.00 96594.00 96882.00 97170.00 97458.00 97746.00 98034.00 98322.00 98610.00 98898.00 99186.00 99474.00 99762.00 99950.00 100238.00 100526.00 100814.00 101102.00 101390.00 101678.00 101966.00 102254.00 102542.00 102830.00 103118.00 103406.00 103694.00 103982.00 104270.00 104558.00 104846.00 105134.00 105422.00 105710.00 106098.00 106386.00 106674.00 106962.00 107250.00 107538.00 107826.00 108114.00 108402.00 108690.00 108978.00 109266.00 109554.00 109842.00 110130.00 110418.00 110706.00 111094.00 111382.00 111670.00 111958.00 112246.00 112534.00 112822.00 113110.00 113398.00 113686.00 113974.00 114262.00 114550.00 114838.00 115126.00 115414.00 115702.00 116090.00 116378.00 116666.00 116954.00 117242.00 117530.00 117818.00 118106.00 118394.00 118682.00 118970.00 119258.00 119546.00 119834.00 120122.00 120410.00 120698.00 120986.00 121274.00 121562.00 121850.00 122138.00 122426.00 122714.00 123002.00 123290.00 123578.00 123866.00 124154.00 124442.00 124730.00 125018.00 125306.00 125594.00 125882.00 126170.00 126458.00 126746.00 127034.00 127322.00 127610.00 127898.00 128186.00 128474.00 128762.00 129050.00 129338.00 129626.00 129914.00 130202.00 130490.00 130778.00 131066.00 131354.00 131642.00 131930.00 132218.00 132506.00 132794.00 133082.00 133370.00 133658.00 133946.00 134234.00 134522.00 134810.00 135098.00 135386.00 135674.00 135962.00 136250.00 136538.00 136826.00 137114.00 137402.00 137690.00 137978.00 138266.00 138554.00 138842.00 139130.00 139418.00 139706.00 140094.00 140382.00 140670.00 140958.00 141246.00 141534.00 141822.00 142110.00 142398.00 142686.00 142974.00 143262.00 143550.00 143838.00 144126.00 144414.00 144702.00 145090.00 145378.00 145666.00 145954.00 146242.00 146530.00 146818.00 147106.00 147394.00 147682.00 147970.00 148258.00 148546.00 148834.00 149122.00 149410.00 149698.00 149986.00 150274.00 150562.00 150850.00 151138.00 151426.00 151714.00 152002.00 152290.00 152578.00 152866.00 153154.00 153442.00 153730.00 154018.00 154306.00 154594.00 154882.00 155170.00 155458.00 155746.00 156034.00 156322.00 156610.00 156898.00 157186.00 157474.00 157762.00 158050.00 158338.00 158626.00 158914.00 159202.00 159490.00 159778.00 160066.00 160354.00 160642.00 160930.00 161218.00 161506.00 161794.00 162082.00 162370.00 162658.00 162946.00 163234.00 163522.00 163810.00 164098.00 164386.00 164674.00 164962.00 165250.00 165538.00 165826.00 166114.00 166402.00 166690.00 166978.00 167266.00 167554.00 167842.00 168130.00 168418.00 168706.00 169094.00 169382.00 169670.00 169958.00 170246.00 170534.00 170822.00 171110.00 171398.00 171686.00 171974.00 172262.00 172550.00 172838.00 173126.00 173414.00 173702.00 174090.00 174378.00 174666.00 174954.00 175242.00 175530.00 175818.00 176106.00 176394.00 176682.00 176970.00 177258.00 177546.00 177834.00 178122.00 178410.00 178698.00 178986.00 179274.00 179562.00 179850.00 180138.00 180426.00 180714.00 181002.00 181290.00 181578.00 181866.00 182154.00 182442.00 182730.00 183018.00 183306.00 183594.00 183882.00 184170.00 184458.00 184746.00 185034.00 185322.00 185610.00 185898.00 186186.00 186474.00 186762.00 187050.00 187338.00 187626.00 187914.00 188202.00 188490.00 188778.00 189066.00 189354.00 189642.00 190030.00 190318.00 190606.00 190894.00 191182.00 191470.00 191758.00 192046.00 192334.00 192622.00 192910.00 193298.00 193586.00 193874.00 194162.00 194450.00 194738.00 195026.00 195314.00 195602.00 195890.00 196178.00 196466.00 196754.00 197042.00 197330.00 197618.00 197906.00 198194.00 198482.00 198770.00 199058.00 199346.00 199634.00 199922.00 200210.00 200498.00 200786.00 201074.00 201362.00 201650.00 201938.00 202226.00 202514.00 202802.00 203090.00 203378.00 203666.00 203954.00 204242.00 204530.00 204818.00 205106.00 205394.00 205682.00 205970.00 206258.00 206546.00 206834.00 207122.00 207410.00 207698.00 207986.00 208274.00 208562.00 208850.00 209138.00 209426.00 209714.00 210002.00 210290.00 210578.00 210866.00 211154.00 211442.00 211730.00 212018.00 212306.00 212594.00 212882.00 213170.00 213458.00 213746.00 214034.00 214322.00 214610.00 214898.00 215186.00 215474.00 215762.00 216050.00 216338.00 216626.00 216914.00 217202.00 217490.00 217778.00 218066.00 218354.00 218642.00 218930.00 219218.00 219506.00 219794.00 220082.00 220370.00 220658.00 220946.00 221234.00 221522.00 221810.00 222098.00 222386.00 222674.00 222962.00 223250.00 223538.00 223826.00 224114.00 224402.00 224690.00 224978.00 225266.00 225554.00 225842.00 226130.00 226418.00 226706.00 227094.00 227382.00 227670.00 227958.00 228246.00 228534.00 228822.00 229110.00 229398.00 229686.00 229974.00 230262.00 230550.00 230838.00 231126.00 231414.00 231702.00 232090.00 232378.00 232666.00 232954.00 233242.00 233530.00 233818.00 234106.00 234394.00 234682.00 234970.00 235258.00 235546.00 235834.00 236122.00 236410.00 236698.00 236986.00 237274.00 237562.00 237850.00 238138.00 238426.00 238714.00 239002.00 239290.00 239578.00 239866.00 240154.00 240442.00 240730.00 241018.00 241306.00 241594.00 241882.00 242170.00 242458.00 242746.00 243034.00 243322.00 243610.00 243898.00 244186.00 244474.00 244762.00 245050.00 245338.00 245626.00 245914.00 246202.00 246490.00 246778.00 247066.00 247354.00 247642.00 247930.00 248218.00 248506.00 248794.00 249082.00 249370.00 249658.00 249946.00 250234.00 250522.00 250810.00 251098.00 251386.00 251674.00 251962.00 252250.00 252538.00 252826.00 253114.00 253402.00 253690.00 253978.00 254266.00 254554.00 254842.00 255130.00 255418.00 255706.00 256094.00 256382.00 256670.00 256958.00 257246.00 257534.00 257822.00 258110.00 258398.00 258686.00 258974.00 259262.00 259550.00 259838.00 260126.00 260414.00 260702.00 261090.00 261378.00 261666.00 261954.00 262242.00 262530.00 262818.00 263106.00 263394.00 263682.00 263970.00 264258.00 264546.00 264834.00 265122.00 265410.00 265698.00 265986.00 266274.00 266562.00 266850.00 267138.00 267426.00 267714.00 268002.00 268290.00 268578.00 268866.00 269154.00 269442.00 269730.00 270018.00 270306.00 270594.00 270882.00 271170.00 271458.00 271746.00 272034.00 272322.00 272610.00 272898.00 273186.00 273474.00 273762.00 274050.00 274338.00 274626.00 274914.00 275202.00 275490.00 275778.00 276066.00 276354.00 276642.00 276930.00 277218.00 277506.00 277794.00 278082.00 278370.00 278658.00 278946.00 279234.00 279522.00 279810.00 280098.00 280386.00 280674.00 280962.00 281250.00 281538.00 281826.00 282114.00 282402.00 282690.00 282978.00 283266.00 283554.00 283842.00 284130.00 284418.00 284706.00 285094.00 285382.00 285670.00 285958.00 286246.00 286534.00 286822.00 287110.00 287398.00 287686.00 287974.00 288262.00 288550.00 288838.00 289126.00 289414.00 289702.00 290090.00 290378.00 290666.00 290954.00 291242.00 291530.00 291818.00 292106.00 292394.00 292682.00 292970.00 293258.00 293546.00 293834.00 294122.00 294410.00 294698.00 294986.00 295274.00 295562.00 295850.00 296138.00 296426.00 296714.00 297002.00 297290.00 297578.00 297866.00 298154.00 298442.00 298730.00 299018.00 299306.00 299594.00 299882.00 300170.00 300458.00 300746.00 301034.00 301322.00 301610.00 301898.00 302186.00 302474.00 302762.00 303050.00 303338.00 303626.00 303914.00 304202.00 304490.00 304778.00 305066.00 305354.00 305642.00 305930.00 306218.00 306506.00 306794.00 307082.00 307370.00 307658.00 307946.00 308234.00 308522.00 308810.00 309098.00 309386.00 309674.00 309962.00 310250.00 310538.00 310826.00 311114.00 311402.00 311690.00 311978.00 312266.00 312554.00 312842.00 313130.00 313418.00 313706.00 314094.00 314382.00 314670.00 314958.00 315246.00 315534.00 315822.00 316110.00 316498.00 316786.00 317074.00 317362.00 317650.00 317938.00 318226.00 318514.00 318802.00 319090.00 319378.00 319666.00 320054.00 320342.00 320630.00 320918.00 321206.00 321494.00 321782.00 322070.00 322358.00 322646.00 322934.00 323222.00 323510.00 323798.00 324086.00 324374.00 324662.00 324950.00 325238.00 325526.00 325814.00 326102.00 326390.00 326678.00 326966.00 327254.00 327542.00 327830.00 328118.00 328406.00 328694.00 328982.00 329270.00 329558.00 329846.00 330134.00 330422.00 330710.00 331098.00 331386.00 331674.00 331962.00 332250.00 332538.00 332826.00 333114.00 333402.00 333690.00 333978.00 334266.00 334554.00 334842.00 335130.00 335418.00 335706.00 336094.00 336382.00 336670.00 336958.00 337246.00 337534.00 337822.00 338110.00 338498.00 338786.00 339074.00 339362.00 339650.00 339938.00 340226.00 340514.00 340802.00 341090.00 341378.00 341666.00 341954.00 342242.00 342530.00 342818.00 343106.00 343394.00 343682.00 343970.00 344258.00 344546.00 344834.00 345122.00 345410.00 345698.00 345986.00 346274.00 346562.00 346850.00 347138.00 347426.00 347714.00 348002.00 348290.00 348578.00 348866.00 349154.00 349442.00 349730.00 350018.00 350306.00 350594.00 350882.00 351170.00 351458.00 351746.00 352034.00 352322.00 352610.00 352898.00 353186.00 353474.00 353762.00 354050.00 354338.00 354626.00 354914.00 355202.00 355490.00 355778.00 356066.00 356354.00 356642.00 356930.00 357218.00 357506.00 357794.00 358082.00 358370.00 358658.00 358946.00 359234.00 359522.00 359810.00 360098.00 360386.00 360674.00 360962.00 361250.00 361538.00 361826.00 362114.00 362402.00 362690.00 362978.00 363266.00 363554.00 363842.00 364130.00 364418.00 364706.00 365094.00 365382.00 365670.00 365958.00 366246.00 366534.00 366822.00 367110.00

СГИБАРНАЯ СИГНАЛА

ЧАСТОТА О [Гц, Гц]

Сербохорватский язык:

Исследовались слова **бáба**, **бáба**, **бáзар**, **бáзár** и **бáзан**.

Средние длительности звуков.

Слово: бáба

Исходная длительность: 130.

СД во фразе: 130,5.

Слово: бáба

Исходная длительность: 110.

СД во фразе: 85,2.

Слово: бáзар

Исходная длительность: 110.

СД во фразе: 103,7.

Слово: бáзár

Исходная длительность: 106.

СД во фразе: 95,5.

Слово: бáзан

Исходная длительность: 126.

СД во фразе: 112,6.

Таким образом: 1) по всем словам, кроме **бáба**, наметилась тенденция к сокращению СД во фразе; 2) иерархия исходных СД: ' > ⋯ > ' > " сохранилась и во фразе.

Существенно в данном случае понять, за счет каких частей просодии слова происходила деформация во фразе. Поэтому для сербохорватского языка исследовались *t* и *i* параметры не только ударных, но и заударных и их процентные соотношения. Также отмечалось, как и для македонского, сохраняется ли свойство ударного быть выделенным в слове.

Слово: бáзар

Исходная длительность ударного: 280

Средняя длительность ударного во фразе: 210

Цепочки изменений: 150 (+); 140 (+); 220 (+); 250 (+); 230 (+);
250 (+); 230 (+); 180 (+); 240 (+).

Таким образом выделенность ударного сохраняется.

Средняя длительность заударного: 95,5

Tз/y : Tu = 45%

Исходная интенсивность ударного: 727.

Средняя интенсивность во фразе: 717.

Цепочка изменений интенсивности ударного: 727 (+); 684 (+);
814(+); 534(+); 803(+); 707(+); 774(+); 933 (+); 772 (+).

Средняя интенсивность заударного: 503,6.

Iз/y : Iy = 70%.

Слово: **бázár**

Исходная длительность ударного: 170.

Средняя длительность ударного во фразе: 146,6.

Цепочка изменений во фразе: 170 (+); 130 (+); 120 (-); 140 (+);
130(+); 110(-); 190 (+); 150 (+); 180 (+).

Средняя длительность (долгого!) заударного: 113,3.

Tз/y : Tu = 77%.

Исходная интенсивность ударного: 1075.

Средняя интенсивность ударного во фразе: 852,1.

Цепочка изменений интенсивности во фразе: 905 (+); 808 (+);
715(+); 1024(+); 887(+); 794(+); 949(+); 809(+); 778(+).

Средняя интенсивность заударного во фразе: 578,1.

Iз/y : Iy = 67%.

Слово: **бáба.**

Исходная длительность ударного: 240.

Средняя длительность во фразе: 202,2

Цепочка изменений: 190 (-); 180 (+); 210 (+); 190 (+); 190 (+);
240 (+); 230 (+); 180 (+); 210 (+).

Средняя длительность заударного: 104,4.

Tз/y : Tu = 51,6%

Исходная интенсивность ударного: 1015.

Средняя интенсивность во фразе: 704,5.

Цепочка изменений: 684 (+); 635 (-); 661 (+); 670 (+); 637 (+);
712 (+); 935 (+); 669 (+); 738 (-).

Средняя интенсивность заударного во фразе: 668,3.

I з/у : I у = 94,8%.

Слово: бâба

Исходная длительность ударного: 130.

Средняя длительность ударного во фразе: 123,3.

Цепочка изменений во фразе: 140 (+); 130 (+); 120 (+); 140 (+); 120 (+); 110 (+); 130 (+); 110 (+); 110 (+).

Средняя длительность заударного: 84,4.

T з/у : T у = 68,4%.

Исходная интенсивность ударного: 1182.

Средняя интенсивность ударного во фразе: 952,4.

Цепочка изменений интенсивности во фразе: 879 (+); 844 (+); 939 (+); 703 (+); 1093 (+); 993 (+); 1004 (+); 1073 (+); 1044 (+).

Средняя интенсивность заударного: 537,4.

I з/у : I у = 56,4%.

Слово: бâзан.

Исходная длительность ударного: 210.

Средняя длительность ударного во фразе: 178,8.

Цепочка изменений ударного: 210 (+); 180 (+); 210 (+); 160 (+); 160 (+); 210 (+); 250 (+); 220 (+); 170 (+).

Средняя длительность заударного: 115,5.

T з/у : T у = 64,5%

Исходная интенсивность ударного: 903.

Средняя интенсивность ударного во фразе: 886,1.

Цепочка изменений интенсивности во фразе: 730 (+); 769 (+); 826 (+); 1044 (+); 885 (+); 1051 (+); 1012 (+); 842 (+); 816 (+).

I з/у : I у = 43,4%.

Эти обобщенные цифры позволяют сделать ряд выводов:

1) полученные результаты полностью согласуются с выводами И. Лехисте и П. Ивича о сути с-х акцентов, нет никаких отклонений от намеченной ими схемы;

2) во всех случаях (!) *t* ударного при заударном без долгот оказывалось больше *t* заударного. Процентное соотношение:

‘ – 45%; и 51,6%; ‘ – 77%; “ – 68,4%; ∩ – 64,5%;

3) таким образом, ‘ превалирует; “ и ∩ дают примерно одинаковый процент; заударная долгота в ‘ – не побеждает ударный, но понижает процентное различие;

4) интенсивность ударного всегда сохраняется при нисходящей мелодике (" — 56,4%; ⚡ — 43,4%);

5) при восходящих акцентах интенсивность второго слога может быть большей.

Таким образом эти вполне современные данные говорят о сохранности некоторой идеальной модели акцентов в нормативном произношении.

В применении к сербохорватским фактам полученные данные и общая теория просодической схемы дают основания для обсуждения фонетических причин неоштокавского сдвига.

Старая штокавская акцентуация знала два акцента: долгий и краткий. В XV в. два старых акцента " и ⚡ не в начале слова перешли на слог к началу слова и создали ' и '.

Почему это произошло? «Зашто је удовица, село, писати, девојка, неправда, руком, планина и сл. дало: удовица, село, писати, девојка, неправда, руком, планина» (Белић, 1960, с. 160). Как пишет А. Белич: «Одговор је врло прост». Тон ударного " и ⚡ не в начале опадал: понижалась и частота, и интенсивность. П. Ивич дает фонологическую трактовку акцентного сдвига: противопоставление ударений по качеству, которое возникло на первом слоге, явилось лишь компенсацией за потерянную возможность акцентировки последнего слога (Ивич, 1958, с. 19). В более поздней статье И. Лехисте и П. Ивич (Lehiste, Ivić, 1982, р. 200) показывают сложность и многоэтапность штокавского акцентного сдвига. В частности, неоштокавский сдвиг, по их описанию, на первом этапе развивал более высокую Fo и большую интенсивность на первом предударном слоге. Повышение этих двух важных для ударения характеристик привлекло к предударному (становящемуся ударным!) две другие необходимые характеристики: темпоральное продление и переход к полному, а не редуцированному, воплощению гласного. В дальнейшем необходимость различать «старые» инициальные акценты и акценты, сдвинутые к началу, привела к перестройке в суперсегментной системе языка: арена акцентной реализации сместились с односложной на двусложную структуру (Lehiste, Ivić, 1982); их исследование части чакавских и кайкавских акцентов демонстрирует как бы состояние штокавских диалектов перед сдвигом, диалекты Славонии осуществляют множество переходных этапов.

В. Вермеер в уже упоминавшейся статье, посвященной так называемому «прогрессивному» сдвигу нисходящего акцента в резьянских говорах словенского (Vermeier, 1987), наметил шесть

этапов этого перехода, который, строго говоря, представляет собой движение, обратное неоштокавскому сдвигу, т. е. движение от начала слова. Существенно то, что он включает в это движение не только словенские, но и чакавские, штокавские и кайкавские говоры сербохорватского языка. Это этапы (см. об этом также на с. 61):

- Со слабых «еров» на открытые конечные слоги (*sъtō*);
- со слабых «еров» на последующие слоги вообще (*sъ bōgom*);
- с гласных полного образования в многосложных словах (*sirōtq*);
- с гласных полного образования в двуслогах с закрытым вторым слогом, не содержащих слабого «ера» между первым и вторым слогом (*oblākъ*);
- с гласных полного образования в двуслогах с конечным закрытым слогом, содержащих слабый «ер» между первым и вторым слогом (*nabъrālъ*);
- с гласных полного образования в двуслогах на открытый второй слог (*oči*).

Иными словами, в словенско-сербохорватском ареале происходило усиление конечной зоны слова. Но, как указывает В. Вермеер, в чакавском и штокавском процесс этот прервался после этапа 1, в кайкавском и резьянских говорах — после стадии 2. К сожалению, неясно, когда же именно с-х говоры прекратили это движение вправо.

Богатый материал по *t*-параметру просодической схемы слова дает описание современных с-х, словенских и македонских говоров по системе ОА (Fonološki opisi, 1981).

Возможные варианты у чакавских говоров.

1) Безударная долгота возможна только в слоге перед ударным. Акцент может быть в любом месте слова. Тоны различаются только в долгих. В слове может быть два долгих: ударный и перед ним (*Žminj, Sali*).

2) Долгие только под ударением: тон — фонологически нерелевантен; ударение может быть в любом месте; долгий в открытом конечном слоге может укорачиваться до квантитета краткого (!). Это — Крес. См. также в этом же регионе описание системы Орлец (Houtsagers, 1985), где нет фонологических долгот и только ударные могут быть долгими/краткими, и лишь долгие различают тон. В более ранней работе П. Хоутзагерс отмечает для этого же

региона (Houtsagers, 1982) поразительное для слуха многообразие долгих акцентов, не доходящее до того, однако, чтобы смешиваться с краткими. В работе о диалектах Креса и Лошинь (Houtsagers, 1984–1985) он окончательно приходит к выводу об отсутствии фонологически безударных долгот.

Сюда же входят Трогир, Чемба.

3) Все гласные могут быть долгими и краткими; фонологически релевантного тона нет; дистрибуция ударения и квантитета в слове свободная — вплоть до последнего слога. Важно, что может быть несколько долгих подряд (Dobrinj).

4) Слоги могут быть долгими (полудолгие) и краткими; акцент может быть на любом слоге; если есть восходящий акцент, то не может быть безударной долготы (Komija, Brbaň).

5) Все слоги могут быть долгими и краткими. Восходящий тон не может быть на последнем слоге. Долгими могут быть три слога подряд: ударный, претоник и постоник (Ластово).

6) Долгие безударные могут быть только перед слогом с кратким и перед ударным с нисходящим акцентом; в последнем слоге возможна только нисходящая интонация (Штињаки).

7) Долгота может быть только после ударного (Пайнърт).

Такова пестрота долготной системы чакавских говоров, демонстрируемая только хотя бы на примере этих семи систем. В кайкавских говорах все же заметно некоторое изменение параметра слова.

1) Ударный может быть долгим и кратким; безударный всегда краток; краткий не бывает на конце многосложного слова (Мочила, Домагович).

2) Долгие и краткие могут быть ударными и безударными; долгий безударный может быть непосредственно перед ударением; в акцентной единице может быть только одна долгая (Домасловец, Зачретје).

3) Краткие могут быть ударными и безударными; долгие гласные — только под ударением; последний слог не может быть ударным (Кубинец).

4) Краткие могут быть ударными и безударными; долгими могут быть только ударные; на последнем слоге может быть только долгий (Прелог) и т. д.

Таким образом, выявляется для чакавских и кайкавских диалектов разнообразие *t*-систем, основывающейся на следующих корреляциях квантитета и ударения:

Квантитет (по типам диалектов)

- 1) Ударный — всегда долгий и наоборот — всегда краткий.
- 2) Ударный может быть и кратким, и долгим, безударные — всегда кратки.
- 3) Ударный — всегда долгий, а безударные могут быть и краткими, и долгими.
- 4) Безударный может быть долгим перед ударным (если ударный краток).
- 5) Безударный может быть долгим перед ударным в любом случае.
- 6) Безударный может быть долгим только после ударного.
- 7) Безударный может быть долгим и перед ударным, и после него; в слове возможен подленный трехсложный ансамбль.

Место ударения (возможные варианты)

- 1) Может быть любым.
- 2) Не может быть конечным.
- 3) Зависит от типа акцента.

Еще более интересными представляются долготно-ударные структуры различных штокавских наречий:

1) Все гласные могут быть долгими и краткими. В словах без восходящего тона ударение автоматически падает на первый слог.

Восходящий тон может быть и на конечном слоге, и в односложных словах.

Долгие безударные могут идти только после ударения (Трновац, Оток).

2) Восходящий тон может быть на любом слоге, кроме последнего, и вообще в односложных словах.

Долгие могут быть ударными или пост-ударными (Мала Пертовица, Вальпово, Губер, Дрветине, Тратошица, Добретичи).

- 3) Все акценты могут стоять на любом слоге.

Долгие могут быть ударными, быть претоником и посттоником (Круч).

- 4) Все слоги могут быть долгими и краткими.

Ударные могут быть долгими и краткими.

Восходящий может быть на любом слоге, кроме последнего и в односложных.

Долгие безударные могут быть и до ударного, и после него.

В одном слове могут быть ударными два контактных слога таким образом, что первый — носитель восходящей, а второй — нисходящей интонации: *žénà, uý:kù, ré:ták* (Buјaka).

5) Все силлабемы могут быть долгими и краткими, акцентированными и неакцентированными.

В просодической единице могут быть два долгих слога.

Однако долгий безударный может быть перед ударным только в предшествующем слоге (*ka:zàli, pi:tàli*), тогда как после акцента он может выступать на любом слоге (*kazí:yo, pòora:la, sùncokre:t*).

Не перебирая все возможности до конца, можем и так убедиться, что сербохорватские говоры демонстрируют тенденцию к долготному усилинию словесного анлаута. Но только в чакавских и кайкавских говорах это выразилось в усиленной долготе предударного слога, а в штокавских — в постударной долготе. Примечательно, что хорошо известен факт очень длительного предударного в русских словах типа *водá*, «сохранивших» исконное место ударения. Таким образом, по нашему мнению, в этом регионе широко осуществлялось долготное равновесие двух контактных слогов. В одном случае первый из них так и оставался долгим предударным, в другом — его долгота перешагивала порог перцепции, необходимой для фонологизации ударения, т. е. восприятия сильной просодической точки именно как ударения, и этот слог становился «ударным», а второй в долготном ансамбле — долгим посттоником. Это движение, безусловно ориентированное к началу, и было той причиной, которая приостановила для с-х говоров движение регressiveного, т. е. правоориентированного сдвига, о котором писал В. Верmeer и который полностью осуществил словенский язык.

Таким образом, мы считаем основой акцентного сдвига долготное дисбалансирование *t*-параметра просодической схемы слова. Прояснение долготы до перцептивного порога ударности и сделало этот слог «ударным» и, в свою очередь, «прояснило» движение тона на нем, не выделив из слова новый ударный настолько, чтобы он оторвался от своего контактного соседа — посттоника; в результате чего образовалась, как писал еще Л. Мазинг, двусложная структура восходящих тонов.

Глава четвертая

Просодия высказывания

§ 1. Основные интонационные типы и их просодическая структура

В последнем параграфе предыдущей главы слова языков балканского ареала рассматривались в движении: в разных рамочных позициях внутри синтаксических конструкций заданного типа (9 конструкций). Между тем этот же материал дает интересные и вполне объективные показания для анализа просодического этапа в структуре высказывания. При этом, как будет показано ниже, связь просодии высказывания со словом не теряется, а, наоборот, рассматривается как бы с новой стороны — как и в предыдущих разделах — с дальней установкой на просодическую реконструкцию и/или на установление пути развития просодических структур высказывания.

Как уже указывалось ранее, трудности заключались и в том, что языки БЯС имеют слишком не сводимую друг к другу научно-исследовательскую традицию. Так, полиакцентность сербохорватского языка неизбежно приводила к тому, что во всех исследованиях по интонации фразы в центре внимания оказывается поведение во фразе разноакцентных ритмических структур (хотя, конечно, можно еще и еще раз восхититься фундаментальностью последних исследований И. Лехисте и П. Ивича). Пожалуй, на данном этапе в наибольшей степени исследованы интонационные структуры болгарского языка (работы Д. Тилкова, Т. Бояджиева, Й. Пенчева, А. Мишевой и др.); румынский язык на интонационном уровне (в основном, вопросительных предложений) последние два десятилетия успешно исследуется Л. Дэскалу; существует несколько работ по новогреческому языку и минимально представлены албанский и македонский языки.

Кроме того, к сожалению, некоторые исследователи принимают такую парадигму представления материала, в рамках которой специфика просодии данного языка никак не обнаруживается. Например, А. Джоунз (Jones, 1967), описывая просодию афинского греческого, резюмирует свои наблюдения следующим образом: я выявляю следующие просодические факты в афинском греческом — переход (т. е. подъем/понижение тона. — Т. Н.), ударение, три высотных уровня и два конечных контура: повышение и понижение (Jones, 1967, р. 262). Поистине трудно подобрать индоевропейский язык, к которому не подходило бы такое не просто общее, а, мягко говоря, обобщенное заключение.

Синтаксические структуры анализировались в следующем наборе (см. главу III):

- 1) Повествовательность, утверждение — «Это X».
- 2) Общий вопрос — «Это X?».
- 3) Альтернативный вопрос: «Это X или нет?».
- 4) Вопрос с вопросительным словом: «Как произносится слово X?».
- 5) Утверждение, инверсивное по отношению к 1: «X — это слово».
- 6) Краткий императив: «Скажи слово X».
- 7) Развернутый императив: «Скажи слово X еще раз».
- 8) Восклицание: «Вот так X!».
- 9) Конец придаточного: «Когда услышите X, нажмите кнопку».

Как уже указывалось, были использованы фреймовые конструкции, предложенные Н. Д. Светозаровой (Светозарова, 1982). Все данные по этим типам предложений подвергались анкетированию с установкой на три основных параметра: длительность, интенсивность и частоту основного тона.

Длительность

- 1) Исследовалась средняя продолжительность звука (СД) по всем указанным типам.

То, что этот показатель небезразличен к типу синтаксической структуры, уже отмечалось для некоторых балканских языков. Например, А. Аврам приводит для румынского данные о том, что вопросительные высказывания длительнее повествовательных в интервале от 1,09 до 1,36 (Avram, 1970). Напротив, А. Мишева для болгарского описывает сообщение как более медленное (Мишева, 1987, с. 24).

2) Определялось отношение длительности начального ударного высказывания к конечному ударному (Н/К). Это отношение помогает ответить на вопрос о том, как распределяется долготная ориентация высказывания — что ярче по длительности: начало или конец.

3) Вычислялось отношение конечного ударного к абсолютно конечному слогу (если такие слоги есть): К/Кзу. Как показали данные славянских языков (Николаева, 1977), это различие оказывается типологически очень значительным. Ряд соответствующих данных уже есть и по собственно языкам БЯС. Так, И. Лехисте, П. Ивич отмечают, что в сербохорватском языке самое большое продление конечного слога в препозитивном придаточном. На втором месте — вопрос, затем — утверждение. При этом большее продление конечного слога отмечается после нисходящих акцентов, меньшее — после восходящих (Lehiste, Ivić, 1986, р. 210–211).

А. Мишева делает вывод, что самым продолжительным для болгарского языка является конечный слог при общем вопросе (Мишева, 1987, с. 24).

4) Для каждого типа высказывания выявляется, сколько слов в нем отмечено продленностью ударного слога и какие это именно слова.

Интенсивность

1) Исследуется средняя интенсивность (по гласным и сонантам) по всем указанным типам (СИ).

2) Исследуется отношение интенсивности начального ударного слога к конечному ударному слогу (Н/К). Этот параметр позволяет определить, какой тип акцентной кривой (понижаящийся, повышающийся, ровный) соответствует каждой из анализирующихся конструкций.

3) Определяется, какие слова в данном высказывании выделены интенсивностью в ударном слоге и сколько этих слов. Иначе говоря, для каждой конструкции, во-первых, определяется корреляция общего числа «слов» и числа слов с выделенным ударением; во-вторых, сопоставляется по языкам семантика выделенных слов.

Сопоставление этих данных по интенсивности и по длительности отдельно позволяет сделать некоторые выводы по типологии *t*- и *i*-параметров для языков БЯС и для конструкций.

Мелодика

Несмотря на многолетние дискуссии о том, что же именно является значимым для типологического описания мелодики — контур, набор уровней, конечная конфигурация и т. д., приведшие к умножению значимых для восприятия и синтезирования признаков, проявляющихся на всем протяжении высказывания, можно согласиться с тем, что типологически достаточными являются два признака:

- 1) Общий контур высказывания.
- 2) Мелодическая фигура зоны конечного ударного слога (см. об этом: Българско-полска съпоставителна граматика, 1988, с. 147).

Относительно последнего признака необходимо сказать следующее. В нашей работе конфигурация последней мелодической зоны связывается с типом слова, которое является ареной реализации этой конфигурации, с его ритмической структурой. Для сербохорватского языка это детально описано в (Lehiste, Ivić, 1986). Оказалось, что возможны три принципиально различных феномена.

1) Мелодическая фигура — одна и та же — реализуется всегда на одном и том же участке фразы, например в конце, абсолютно независимо от того, какое слово или какой слог при этом представлен на сегментном уровне.

2) Мелодические фигуры, реализующиеся для — и для — —, несхожи по рисунку.

3) Реализуется одна и та же по рисунку мелодическая конфигурация, но — в пределах ударного слога, как бы он ни был расположен.

Таким образом, вполне можно говорить о большей или меньшей обусловленности (или о большей или меньшей связи) просодии слова и просодии высказывания в той или иной конструкции или в том или ином языке.

1. Повествование -1

Румынский:	<i>E un ágă (agá).</i>
Новогреческий:	<i>Αυτό είναι ἄλκη (άλκη)</i>
Болгарский:	<i>Това е арка (аркá).</i>
Албанский:	<i>Kjo eshtë ármë (armë).</i>
Македонский:	<i>Ова е кáнтата (кантáта).</i>
Сербохорватский:	<i>To je bâba (bába).</i>

Длительность

СД всех конструкций будет сопоставлена в конце раздела, так как имеет смысл лишь их серийная регулярность.

Отношение Н/К.

Румынский:	0,76:1; 0,80:1; 0,80:1; 0,90:1.
Новогреческий:	0,45:1; 1,4:1; 1,62:1.
Болгарский:	1:1; 1,12:1.
Албанский:	1,1:1; 1,54:1.
Македонский:	0,64:1.
Сербохорватский:	0,83:1.

Таким образом, по этому критерию языки четко делятся на две группы.

1) Языки с большей продленностью начальной точки (албанский, болгарский и, вероятно, новогреческий) и 2) языки с продленным конечным ударным слогом (румынский, македонский и сербохорватский). В этой связи существенно замечание А. Мишевой о том, что доминантность последнего слова, обычно описываемая для европейских языков, «не е валидна за българския език» (Мишева, 1987, с. 44), где одинаково значимы начало и конец высказывания.

Отношение К/Кз-у.

Румынский:	1,13:1; 1,23:1; 1,11:1; 1,06:1.
Новогреческий:	1,25:1; 2,25:1.
Болгарский:	1,14:1; 0,88:1.
Албанский:	1:1; 1:1.
Македонский:	1,2:1.
Сербохорватский:	1,2:1.

Таким образом, практически все языки анализа не демонстрируют продленность абсолютно конечного слога, которая иногда — в польском и украинском, например, — превышает длительность ударного.

Во всех языках выделенными оказываются регулярно не три слова: 'Это' + 'есть' + 'Х', а непременно два, причем одно из них — это Х. То есть были представлены комбинации типа: *Je + bába* или *Kjo + ármé*.

Интенсивность

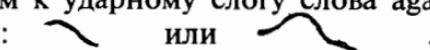
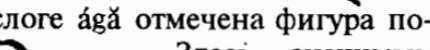
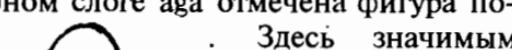
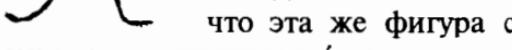
Критерий Н/К.

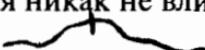
Румынский:	1:1; 0,52:1; 0,68:1; 1,2:1.
Новогреческий:	1,13:1; 3,2:1; 1,37:1.
Болгарский:	0,71:1; 1,14:1.
Албанский:	1,48:1; 1,08:1.
Македонский:	1,04:1.
Сербохорватский:	96,1:1.

На этом уровне наблюдаются отдельные случаи (румынский, болгарский) повышения акцентной кривой.

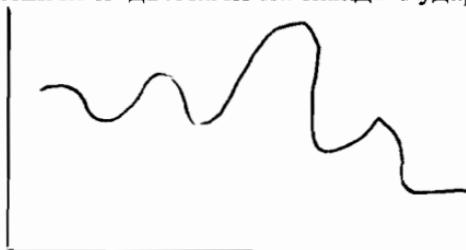
Интенсивностью выделяется также не более двух слов в высказывании, но возможно выделение одного слова. Это — *ágă* в румынском, связки: *e* (болг.), *εῖναι* (греч.), *je* (сербохорватский) или указательного местоимения: *αὐτό* (греч.), *ова* (макед.).

Мелодика

В румынском языке данная конструкция представлена двумя фигурами: медленным понижением к ударному слогу слова *ágă* или подъемом и затем понижением: или . Существенно то, что на ударном слоге *ágă* отмечена фигура повышение-понижение: *á-a* . Здесь значимым является то обстоятельство, что эта же фигура с повышением-понижением возникает на ударном *a-á* . Таким образом, мелодическое завершение привязывается именно к ударному слогу.

Новогреческий демонстрирует иную картину мелодики данной конструкции: подъем до ударного слога *αὐτό*, а затем постепенное понижение с более крутым падением на словах *ἄλκη* и *ἄλκῃ* (греч.), при том, что место ударения никак не влияет на рисунок мелодической фигуры. Фигура: .

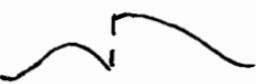
Болгарский язык демонстрирует как бы изрезанный ландшафт мелодики с резкими подъемами на каждом ударном и начальным понижением:

Примечательно, что эта последняя фигура: подъем-падение перемещается на ударный слог в слове *аркá*, обнаруживая и по облику, и по типу смещения очень большое сходство с румынским типом завершения. Это совпадает с общими замечаниями Эттмайера (Ettmayer, 1925) о том, что румынский язык характеризуют сильные перепады мелодических интервалов и что румынский имеет много общего в типе каденции с болгарским языком.

Албанский язык демонстрирует очень большое сходство с новогреческим в общей линии: подъем до конца местоимения *kjo* + понижение. Однако на самом последнем слоге был второй подъем мелодики с последующим падением. Эта фигура выполнялась независимо от положения ударного слога. Таким образом, албанская модель реализации конечной зоны оказывается сходной с новогреческой, несмотря на буквальное различие мелодических рисунков.

Македонский язык — подъем на *ova*, потом понижение, затем резкий подъем на первом слоге слова *кáнтата* с дальнейшим столь же резким понижением: *кáнтата* или *кантáта*. Место уда-
рения: *кáнтата* или *кантáта* не оказывает влияния на мелодическую фигуру.

В сербохорватском языке осуществляется слабый подъем на *то je* с резким выделением последнего слова. При этом несомненно, что рисунки мелодических фигур конечной зоны различны и определяются типом акцентно-ритмической структуры последнего слова.

Как согласуются наши данные с данными других авторов?

Й. Пенчев определяет два типа сообщения в болгарском языке: при одном происходит повышение к концу ремы, затем резкое понижение: 3 + 3 + 1 или 2 + 3 + 1 при уровневой записи (возможно, и 2 + 3 + 3); второй отличается высоким началом и постепенным понижением: 431 и 321 (Пенчев, 1980, с. 99). Приводимые им графики также демонстрируют сильную изрезанность мелодического контура болгарского утвердительного предложения.

Д. Тилков (Тилков, Бояджиев, 1977) говорит о постепенном и плавном понижении тона в болгарском сообщающем высказывании. Только в случае, если последний слог является ударным, на нем происходит резкое понижение тона (Тилков, Бояджиев, 1977, с. 175).

Т. Бояджиев в работе по сопоставительной болгарско-польской фонетике (Българско-полска, 1988, с. 148) также описывает по-

степенное понижение тона без резких интервалов. На предударном слоге может повышаться интенсивность. Ударение на последнем слоге задерживает тон на более высоком уровне.

А. Мишева (Мишева, 1987) также отмечает возможности колебаний движения F_0 на последнем ударном слоге, когда возможен и резкий подъем к ударному слогу. Интересно, что она говорит о симметричности темпоральной структуры в этом виде болгарской интонации (Мишева, 1987, с. 25), см. выше наши данные. Акцентная структура определяется ею как «ретрессивная интонационная сила, которая помещает максимум звуковой энергии на начало фразы».

Подробные данные И. Лехисте—П. Ивича относятся ко всем компонентам фразовой интонации сербохорватского языка. Так, они считают, что наименьшая возможность нейтрализации акцентов — в начале сообщающих предложений, в конечной же позиции возможна нейтрализация. Наиболее интересными для общей характеристики сербохорватского сообщающего высказывания являются, по нашему мнению, их данные по высказываниям, сплошь состоящим из слов с одним и тем же акцентом, например, *Márko grádi právu bárku* и *Tása dáje Pánti čámac*. Эти общие модели резко отличаются. Так, нисходящие акценты порождают контур,

а восходящие

(Lehiste, Ivić, 1986, p. 201).

Интересно и важно, что, по их выводам, в случае восходящей структуры максимум F_0 расположен на втором слоге, т. е. на первоначальном (до сдвига!) ударном, а в нисходящей — на первом ударном. Таким образом, несмотря на внешнее несходство, обе структуры демонстрируют пик F_0 на первом ударном и понижение к третьему слогу. Однако контуры с нисходящими акцентами в целом имеют более высокие подъемы F_0 и более низкие терминальные понижения.

2. Общий вопрос

В нашей работе [Николаева, 1989а] была высказана гипотеза о неравномерности интонационной нагрузки, накладывающейся на разные типы высказываний. Высказывания разделялись при этом на три части: повествовательные, наиболее интонационно «рыхлые», вопросительные, с более компактным и четким интонационным контуром, и реплики-ответы, по существу, демонстрирующие всю гамму интонационных возможностей данного языка.

Третий параграф настоящей главы будет целиком посвящен интонационной парадигме вопросительных предложений с ее типологическим решением в рамках БЯС. В данном же разделе вопрос входит в другую систему — анализа просодии фразы на фоне просодии одних и тех же слов.

Длительность

Отношение Н/К.

Румынский язык:	1,3:1; 0,77:1; 0,55:1; 1,1:1.
Новогреческий язык:	0,25:1; 0,37:1; 1,2:1.
Болгарский язык:	1,33:1; 1,28:1.
Албанский язык:	1:1; 1,25:1.
Македонский язык:	0,61:1.
Сербохорватский язык:	1:1.

По этому критерию намечаются четко левоориентированные по длительности языки: болгарский, албанский, правоориентированные — македонский, колеблющиеся — румынский, новогреческий, сербохорватский.

Отношение К/Кз-у.

Румынский:	0,9:1; 0,66:1; 1,12:1; 1:1.
Новогреческий:	1,2:1; 0,37:1.
Албанский:	заударного в этой структуре нет.
Македонский:	1,54:1.
Сербохорватский:	1,25:1.

Выделено длительностью в общем вопросе меньшее число ударных слогов. Выделено часто одно слово — указательное местоимение, или два слова — связка и повторяющееся во всех высказываниях слово.

По интенсивности — отношению начального слога к конечному — балканские языки демонстрируют следующие показатели:

Румынский:	1,42:1; 1,02:1; 1,12:1; 1,36:1.
Новогреческий:	1,73:1; 1,16:1; 1,3:1.
Болгарский:	1,41:1; 2,91:1.
Албанский:	1,35:1; 1,10:1.
Македонский:	1,54:1.
Сербохорватский:	1,23:1.

Таким образом, несмотря на конечное повышение мелодики во многих случаях (структура общего вопроса), общая акцентная линия во всех случаях понижающаяся. Как же сочетать это с парадоксальным, на первый взгляд, и не всегда регулярным акцентным понижением в предыдущей повествовательной структуре.

Как представляется, это объясняется тем, что, по справедливо-му замечанию А. Мишевой (Мишева, 1987); мелодика является сферой и ареной реализации вопросительных предложений, тогда как повествование определяется темпорально-динамической структурой. В повествовании активно выделялось последнее слово. В вопросе же имеет место большая степень глобального оконтурирования.

Например, для румынского повышенную роль интонации при вопросе подчеркивает Л. Дэскалу (Dăscălu, 1976), для новогреческого — об этом пишет Т. Малвакис (Malvakis, 1987).

Уже говорилось, что И. Лехисте и П. Ивичем был предложен на обсуждение новый «балканизм» — модель общего вопроса с понижением на ударном, дальнейшим повышением и конечным вторичным понижением — «reverse pattern» (Lehiste, Ivić, 1980).

В румынском языке схема общего вопроса имела единообразное решение в первой части: подъем к связке и затем значительное понижение к последнему слову

Решение же антикаденции (второй части) было двояким:

1) реализация «reverse pattern» именно по схеме И. Лехисте—П. Ивича:

2) понижение с последующим резким повышением без вторичного понижения:

Примечательно, что обе эти модели реализовались на последнем слове (*ágă/agă*) безотносительно к позиции ударения. Л. Дэскалу, описывая восприятие вопроса, показала, что именно такая «ямка» в мелодической фигуре является перцептивно значимой (Dăscălu, 1979).

Новогреческий общий вопрос демонстрирует такое же повышение к связке — *εῖναι* с последующим абсолютным и единообразным воплощением балканской «reverse pattern». Существенно, что и в новогреческом мелодическая фигура не привязана к ударному слогу слова. Т. Малвакис исследовал корреляцию типа ритмической структуры слова и мелодики общего вопроса (Malvakis, 1987). По его данным, окситонные слова давали восходящий контур, парокситонные — восходящее-нисходящий. Однако в нашей работе все три диктора — двое из Афин и один из Салоник — произносили эту модель абсолютно идентично для обеих структур.

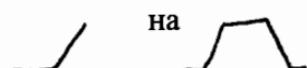
Албанская модель отличалась абсолютным конечным повышением с регулярным повышением и понижением, так что слово было оформлено целиком: именно это отмечал Х. Зайлер (Seiler, 1959) для греческих диалектов. Резким было и начальное повышение к *eshtē* (125–217 hz D_1 и 126–227 hz D_2) и конечное повышение.

В болгарской фразе было представлено два повышения: первое — на *árka* (*аркă*) без привязанности к ударному слогу, в полном соответствии с моделью reverse pattern и второе — абсолютное конечное повышение на *ли e*:

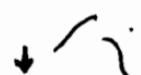
Эта специфика болгарского отмечена Т. Бояджиевым (Българско-полска, с. 151) как черта, отличающая болгарский язык от польского, где reverse pattern неизвестна и движение всегда до конца восходящее. Но там же (с. 150) все же говорится о влиянии ритмики слова на конечную реализацию общего вопроса: если ударный последний, то восходящее движение осуществляется до конца, если есть заударный — на нем осуществляется понижение.

Д. Тилков (Тилков, Бояджиев, 1977, с. 177) также подчеркивает важность наличия-отсутствия заударного, что меняет тон с

В работе по интонации славянских языков (Николаева, 1977) болгарская вопросительная интонация была восходящей и не совпадала с reverse pattern. Й. Пенчев (Пенчев, 1980, с. 107) спрашивливо полагая, что интонация болгарского вопроса не столь функционально важна, поскольку редко бывают болгарские вопросительные предложения без сегментных показателей, считает, что болгарскому вопросительному предложению вообще свойственна нисходящая интонация, а восходящая бывает редко и в маркированных случаях.

А. Мишева анализирует мелодику тех предложений, где общий вопрос выражается без помощи частиц: слово *Атака* (. ?!). По ее мнению (Мишева, 1987, с. 25), основной мелодический показатель общего вопроса — повышение в постударном слоге:

Различие интонации повествования и общего вопроса в сербохорватском языке И. Лехисте и П. Ивич изучали на перцептивной основе. Слушающие практически безошибочно определяли разницу между этими предложениями. В основном, по мнению авторов, фокусом различия был предикат вопроса, в котором содержалась фигура reverse pattern. И. Лехисте—П. Ивич говорят о нейтрализации словесных акцентов в конечной позиции сербохорватского общего вопроса: «Оппозиция восходящих и нисходящих акцентов нейтрализуется, когда „reverse pattern“ накладывается на слово. Систематических различий F_0 контура нет» (Lehiste, Ivić, 1986, с. 190). Между тем различия финальных контуров общего вопроса при *баба* и *бáба* очевидны.

Общий вопрос демонстрирует последовательное решение мелодической фигуры безотносительно к типу слова в македонском. Здесь реализуется как бы вариант «reverse pattern»: без конечного понижения — но с несомненным понижением к ударному слогу. Таким образом, македонский принадлежит к языкам с типом мелодической фигуры, не зависящей от структуры слова, но привязанной именно к ударному слогу как к арене воплощения и реализации.

3. Альтернативный вопрос

Длительность

Отношение Н/К.

Румынский:	1,75:1; 1,5:1; 0,6:1; 1:1.
Греческий:	0,66:1; 1,5:1; 1,1:1.
Болгарский:	1:1; 0,9:1.
Албанский:	1:1; 1,9:1.
Македонский:	0,6:1.
Сербохорватский:	1:1.

В этих достаточно пестрых данных обращает на себя внимание отчетливая тенденция симметрии длительности начального и конечного ударных слогов (отношение 1:1). По нашему мнению, это связано с семантикой высказывания с альтернативностью, предполагающей внутренний баланс.

Отношение: К/Кз-у.

Здесь конечной является практически во всех случаях частица негации: *ни, не*, несущая на себе ударение и односложная. В греческом $\delta\chi\iota$ отношение К/Кз-у = 0,66 : 1 и 1 : 1.

Показатели интенсивности

Н/К:

Румынский:	3:1; 3,2:1; 2,5:1; 1:1.
Греческий:	0,88:1; 1,16:1; 1,52:1.
Болгарский:	1,6:1; 1,75:1.
Албанский:	1,17:1; 1,44:1.
Македонский:	0,78:1.
Сербохорватский:	1,48:1.

Таким образом, акцентная структура этого типа — понижающаяся (в румынском — резко). Исключения: македонский и одно произнесение греческого — объясняются резким подчеркиванием отрицательной конечной частицы.

Мелодика румынского альтернативного вопроса подробно описана Л. Дэскалу (Dăscălu, 1983). Она доказывает упрощенность положения румынских грамматистов о том, что первый член альтернативного вопроса резко повышен, а второй — понижен и не выделяется. По сравнению с финальным мелодическим контуром

повествования, второй член вопроса, как пишет Л. Дэскалу, также повышен. Наконец, неясно, с чем сравнивать эту конструкцию в первую очередь — с повествованием, включающим альтернативность, или с вопросительной структурой без альтернации. Особую интонационную модель румынского альтернативного вопроса Л. Дэскалу называет «восходяще-нисходящей»:

Bei vin și bere

Особую роль играет союз *ori*: в этом случае высота первого пика оказывается большей. *Bei vin ori bere*

Л. Дэскалу видит здесь сходство с мелодикой французского альтернативного вопроса. Л. Дэскалу возражает также против идеи «комбинированности» рисунка альтернативного вопроса: восходящая + нисходящая мелодика, считая этот рисунок единым. Существенно, что и ею отмечается «вогнутая» фигура мелодики первого члена альтернативного вопроса. Все наши данные (4 диктора) демонстрируют идентичную картину мелодической реализации альтернативного вопроса: *E un ágă (agă) sau nu?* В начале осуществляется небольшое повышение на *e*, затем понижение-повышение на первом члене, затем ступенчатое понижение с резким спадом на негативной частице:

Однако у всех дикторов фигура понижение-повышение первого члена альтернации реализовалась на всем слове, безотносительно к ударному слогу: т. е. этот тип мелодики уже более «свободен» от ритмики слова.

Мелодический рисунок греческого альтернативного вопроса: *Αὐτό ἔιναι ὅλκη (ὅλκή) η ὅχι οἶνος*. Прежде всего, подъемом в конце отмечается второй член (*όχι*) с вариантом в виде абсолютного подъема или абсолютно конечного понижения. Во-вторых, фигура понижение-подъем на первом члене привязана к ударному слогу альтернативного компонента. Точно так же привязана к ударному слогу фигура понижение-подъем-понижение на ударном слоге: в абсолютном конце (второе небольшое понижение представлено в абсолютном конце на ударном слоге второго альтернативного компонента в албанском языке).

В болгарском языке конструкция альтернативного вопроса: *Това арка (аркá) ли е или не?* строится при помощи трех повышений: небольшого начального на указательном местоимении, затем фигуры: понижение + подъем + понижение, т. е. reverse pattern на первом альтернативном члене вопроса, затем небольшое понижение и высокое конечное понижение на частице *не* — втором альтернативном члене. Мелодический рисунок первого альтернативного члена не привязан к ударному слогу, но характеризует слово в целом.

Мелодика македонского альтернативного вопроса представляет собой следующее решение фигуры первого альтернативного члена: понижение + подъем + резкое дальнейшее понижение. В общем виде это есть и у слова *кáнтата* и у слова *кантáта* (*Ова е кантата или не?*). Однако на самих слогах движение тона осуществляется по-разному:

кáнтата

и

кантáта

,

т. е. на ударном слоге осуществляется подъем; положение же самого ударного слога диктуется фигурой, привязанной к слову в целом. В конце осуществляется легкое повышение на отрицательной частице.

Сербохорватский альтернативный вопрос представляет собой три достаточно отдельных по рисунку компонента:

- 1) как бы общий вопрос: *је ли то* с резким подъемом на *је*;
- 2) альтернативный первый член (*бáба* и *бáба*), оформленный различно в зависимости от типа слова; подъем с высокого положения + падения в заударном (т. е. нечто близкое к русскому вопросу): *бá-ба* или понижение + подъем на ударном с более высоким ударным: *бá-ба*. Так что относительно близок к reverse pattern только второй тип;
- 3) резкое конечное повышение + понижение на втором члене альтернативы — *или не?* Этот тип вопроса в литературе о сербохорватской интонации не описывался.

4. Специальный вопрос (вопрос с вопросительным словом)

Длительность

Отношение Н/К.

Румынский:	0,42:1; 0,50:1; 0,33:1; 0,25:1.
Греческий:	0,43:1; 0,42:1; 0,50:1. .
Болгарский:	0,62:1; 0,75:1.
Албанский:	0,54:1; 0,65:1.
Македонский:	0,52:1.
Сербохорватский:	0,83:1.

Из приведенных данных видно, что первый ударный слог, во всех примерах принадлежащий вопросительному местоимению, не является фразовопродленным, составляя примерно половину от конечно ударного; тем самым в этой конструкции начало фразы темпорально не усилено.

Отношение К/Кз-у:

Румынский:	1,16:1; 1,63:1; 1,38:1; 1,14:1.
Греческий:	1,2:1; 1,45:1; 1:1.
Болгарский:	0,88:1; 0,72:1.
Албанский:	1:1; 1,08:1.
Македонский:	1,58:1.
Сербохорватский:	1,09:1.

Таким образом, в конечном бинарном ансамбле: ударный + заударный по длительности может доминировать ударный, а конечная часть слова сокращена (румынский, македонский, отчасти греческий), либо эти части стремятся быть равновесными (албанский, сербохорватский), либо может доминировать и заударная часть (болгарский).

Интенсивность.

Отношение Н/К.

Румынский:	0,32:1; 1,42:1; 1,7:1; 1,28:1.
Греческий:	1,2:1; 1,36:1; 1,5:1.
Болгарский:	1,77:1; 0,70:1.

Албанский:	1,63:1; 1,26:1.
Македонский:	1,003:1.
Сербохорватский:	1,008:1.

В этой структуре представлены акцентные линии понижающиеся, стремящиеся к равновесности, и повышающиеся. Различные модели представлены и в пределах одного языка (см. болгарский и румынский).

Как показала работа над фразовой интонацией славянских языков (Николаева, 1977), именно эта вопросительная является во многом типологически диагносцирующей. Так, языки разделяются на группу языков, в которых в вопросе с вопросительным словом осуществляется последовательное понижение мелодики (таково большинство европейских языков в целом), и группу языков, в которых в конце этого типа вопроса имеет место вторичное (обычно небольшое) повышение. В румынском языке вся эта конструкция в целом понижающаяся. Однако мелодическая финаль различается по тому, слово какой ритмической структуры располагается на конце. При $\downarrow-$ (*ágá*) осуществляется перепад на ударном в рамках общего понижения и затем последующее понижение:

, при $- \downarrow$ (*agá*) перед ударным имеет место

подъем с последующим понижением:

. Таким

образом, мелодически эта конструкция оказывается связанной с типом ритмики финального слова.

В румынском языке этот тип описан М. Попеску-Марин (Popescu-Marin, 1961). Она также описывает его как глобально понижающийся, противопоставленный этим понижением переспросу с тем же сегментным составом.

Л. Дэскалу посвятила специальное исследование интонации вопросительных слов типа *care*, *cine*, *ce*, *cî*, *cînd*, *cum*, *unde* etc., открывающих структуру специального вопроса (Dăscălu, 1980). По ее данным, различаются два варианта мелодики вопросительного слова:

(*atac absolut*) и (*urgare de atac*)

и два вида дальнейшего понижения: нейтральное постепенное (о *coborîtreptă*) и маркированное, резкое (о *coborîre abruptă*): *Cînd va veni?*

Греческий язык ярко и последовательно демонстрирует второе, конечное повышение, далеко превосходящее конечный подобный подъем в славянских языках. Конечная фигура греческого специального вопроса представляет собой понижение + резкий подъем. Эта фигура привязана к слову и не зависит по рисунку ни от его ритмической структуры, ни от места ударного по расположению.

ἀλκῆ /ἀλκή. О размерах конечного повышения можно судить по его сопоставлению с первым, на вопросительном слове. Так, первый подъем (Δ_1) 150–180 hz и второй 80–180 hz, т. е. оба кончаются на одном уровне (но первый высоко начинается!).

Точно такой же резкий подъем в конце и с точно такой же тенденцией оканчивать его на уровне высокого начала мы видим в албанском языке. Однако рисунок этого подъема, в отличие от греческого, определяется типом ритмической структуры конечного слова. Причем эта дистрибуция типологически оригинальна. В случае структуры —— (*ármē*) к ударному происходит понижение и он начинается низко, а в заударном имеет место резкий подъем. При структуре —— (*armē*) предударный слог начинается высоко, а на ударном происходит дальнейшее повышение + падение тона.

Оба диктора воспроизвели эти мелодемы абсолютно идентично.

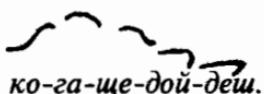
Конечное вторичное повышение было представлено и в болгарском языке (*Как се произнася думата арка (аркá?)*).

Идентичное у двух дикторов произнесение в первой части было: повышение к *се*, затем постепенное понижение с подъемами на ударных слогах вплоть до конечного слова *аркá*.

Сходным было и произнесение в македонском языке. Конечное вторичное повышение абсолютно совпадало по рисунку с указанной выше мелодической конфигурацией македонского альтернативного (см. выше) первого члена, где ритмическое различие влияло лишь на движение тона внутри слогов, но не на их взаимное высотное расположение.

Й. Пенчев (Пенчев, 1980, с. 107) описывает болгарский специальный вопрос как постепенно, «каскадно» понижающуюся

линию вплоть до самого низкого уровня, т. е. конфигурация 4321. Однако, отмечая максимум F_0 на вопросительном слове, он пишет, что оно «има по-силно ударение от останалите словни ударения». Такое же понижение в этом типе отмечает Д. Тилков (Тилков, Бояджиев, 1977, с. 179), без какого-либо конечного повышения:

О нисходящей интонации пишут и авторы болгарско-польской сопоставительной фонетики (Българско-полска, 1988, с. 149). Ст. Стойков вообще описывает мелодику этого типа вопроса как идентичную мелодике изъявительного предложения (Стойков, 1966, с. 157). Более подробно причины подобных расхождений наших данных и данных других авторов, как и расхождения самих этих авторов, будут обсуждаться в § 3 настоящей главы.

Так же построена мелодическая модель специального вопроса в сербохорватском языке. Но здесь тип конечного повышения не определяется типом акцента в слове, т. е. действительно происходит финальная нейтрализация. Единственным различием является более высокий подъем на ударном и заударном при восходящем акценте (*bába*). Необходимо сделать типологическое замечание о том, что во всех анализировавшихся языках БЯС контур вопроса с вопросительным словом не напоминает ту сглаженность ударных и монолитную оконтуренность, которую описала для русского языка, например, Н. Д. Светозарова (Светозарова, 1982). Контур очень изрезан и, кроме последнего слова, во всех языках отчетливо выделяются ударные слоги и/или сами слова 'произносится' и 'слово'.

5. Утверждение-2: X — это слово

Длительность

Отношение Н/К.

Румынский:	1,9:1; 1,25:1; 1,22:1; 2:1.
Греческий:	1,5:1; 2,12:1; 1,6:1.
Болгарский:	1:1; 1,2:1.

Албанский: 0,86:1; 21,6:1.

Македонский: 1:1.

Сербохорватский: 1:1.

Здесь определяется тенденция правоориентированной длительности (албанский), левоориентированной (румынский, греческий) и равновесности (болгарский, македонский, сербохорватский, т. е. славянские языки БЯС).

Отношение К/Кз-у.

Болгарский: 1:1; 0,5:1.

Албанский: 1,93:1; 1,25:1.

В остальных языках лексема 'слово' оканчивается на ударный.

Данные интенсивности

Отношение Н/К.

Румынский: 1:1; 1,25:1, 2,11:1; 2,48:1.

Греческий: 2,08:1; 4,5:1; 3:1.

Болгарский: 0,85:1; 0,84:1.

Албанский: 2,11:1; 0,91:1.

Македонский: 1,25:1.

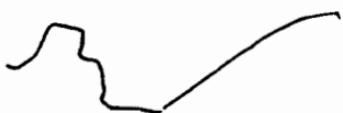
Сербохорватский: 1,13:1.

Мелодика подобных предложений специально не описывалась; важно в данном случае описать два феномена: совпадает ли восходящая мелодика на теме с другими типами восходящей мелодики в данном языке и то, насколько именно в данном случае этот тип определяется структурой самого слова.

В румынском языке начальная фигура демонстрирует как бы два варианта reverse pattern, определяющихся типом слова. При *ágă e în cîvînt* на ударном осуществляется небольшой подъем, затем он продолжается на заударном, на котором и происходит следующее понижение:

При *agá* на предударном происходит подъем-понижение, на заударном — резкий подъем без понижения в пределах этого слова:

В греческом представлен один тип: подъем на первом слоге и дальнейшее повышение на втором безотносительно к ритмическому облику слова.

Албанский и болгарский языки повторяют румынскую модель.

В македонском языке типы восходящей мелодики полностью соответствуют типам македонской мелодики при первом альтернативном члене и вторичному повышению при вопросительным словом.

В сербохорватском языке со всей очевидностью выявлялась зависимость типа мелодики от акцента.

Если в других языках внешне мелодика темы и выглядела как восходящая, но ее воплощения варьировались, то в сербохорватском при нисходящем акценте (*bába*) она имеет вид нисходящей, при восходящем (*bába*) напоминает румынскую, албанскую и болгарскую фигуры при ударении на конечном слоге (см. выше).

Во всех случаях выделены первое слово + слово «слово».

6–7. Императивы

Рассматривались два вида императива: краткий ('Скажи слово *X*') и подробный ('Скажи слово *X* еще раз'). Таким образом определялись ответы на два вопроса:

- 1) какова общая структура императива в данном языке;
- 2) какова зависимость оформления этой структуры от ритмики слова *X*.

Длительность

Отношение Н/К: Императив краткий / долгий

Румынский: 0,87:1; 1,54:1; 1,2:1; 1:1 / 0,78:1; 0,91:1; 0,38:1.

Греческий: 0,45:1; 0,66:1; 0,87:1 / 0,5:1; 0,80:1.

Болгарский: 0,78:1; 0,75:1 / 1,33:1; 1,6:1.

Албанский: 1,3:1; 1,19:1 / 0,88:1; 0,92:1.

Македонский: 0,87:1 / 0,84:1.

Сербохорватский: 1,54:1 / 0,91:1.

Большинство данных, как видно, говорит о правоориентированности этой конструкции, хотя некоторые данные, см. болгарские, необъяснимы. Создается также впечатление, что большая развернутость императива увеличивает вес конечного ударного.

Отношение К/К₃-у:

Императив краткий / долгий.

Румынский: 1,5:1; 0,77:1 / 1,07:1; 1,2:1; 1,5:1.

Греческий: 1,25:1; 1,13:1; 1,4:1 / 1,3:1; 1,9:1; 1,5:1.

Болгарский: 1,16:1; 0,8:1 / 0,83:1; 0,92:1.

Албанский: 1:1; 1,25:1 / 1,08:1; 0,92:1.

Македонский: 1,11:1 / 0,86:1.

Сербохорватский: 1,57:1 / 1,2:1.

Интенсивность.

Отношение Н/К:

Императив краткий / долгий.

Румынский: 1,5:1; 0,77:1 / 0,96:1; 0,78:1.

Греческий: 1,28:1; 1,02:1; 1,66:1 / 3:1; 1,44:1.

Болгарский: 1,86:1; 0,47:1 / 2,15:1; 1,66:1.

Албанский: 1,08:1; 1,44:1 / 1,7:1; 3,4:1.

Македонский: 1,13:1 / 1,22:1.

Сербохорватский: 0,88:1 / 1,22:1.

Отчетливо виден разрыв начального и конечного ударных слогов по интенсивности при увеличении объема высказывания, т. е. конечная интенсивность уменьшается.

В румынском языке краткий императив имеет резко понижающуюся форму с небольшим начальным понижением на первом ударном (*Sprüne*). Но при форме *ágá* идет последовательное понижение, при форме *agá* перед ударным происходит повышение, а затем понижение. Таким образом, обе формы восходящей мелодики, отмеченные выше в языках БЯС, действительно являются «перевернутыми» по отношению к отмеченным двум нисходящим структурам. Именно в этом абсолютно зеркальном пере-

вернутом отображении предстают эти же слова в развернутом императиве, где они оказываются в середине фразы на восходящем тоне (*ágă*: и *agă*:).

В развернутом императиве идет подъем до слова *înca*, а затем падение.

В греческом языке краткий императив демонстрирует ровно нисходящее мелодическое движение с легким подъемом на первом слоге. Движение в finale никак не зависит от типа ритмики конечного слова. Развернутый императив в целом имеет ту же конфигурацию, но слова *ᾶλκῃ* и *ᾶλκῇ* в центре реализуются при восходящей мелодике с подъемом на ударном слоге.

Императив албанского языка представляет собой резко изрезанный контур, по-словно реализующийся с подъемами на ударных слогах. Это хорошо видно на общей понижающейся линии. Выделенность ударных особенно видна на конечных словах. Эти же различия видны и в мелодике развернутого императива, где представленная выше словесная мелодика выглядит так же, но на восходящем контуре.

Такую же мелодику демонстрирует императив болгарского языка: общим понижением и конечными подъемами на ударных слогах и таким же точно типом реализации мелодики развернутого императива.

Д. Тилков (Тилков, Бояджиев, 1977, с. 180) описывает императив в болгарском языке как последовательно нисходящую конфигурацию с большим контрастивным интервалом между высоким и/или повышающимся началом и низким концом.

Й. Пенчев (Пенчев, 1980, с. 114) описывает мелодику императива как существенно не отличающуюся от мелодики повествования, кроме сильно повышенного начала высказывания.

А. Мишева говорит о более быстром темпе в императиве и не о тоне, нисходящем постепенно, а о восходяще-нисходящем движении. В ее обобщенном воспроизведении повествование, вопрос и повеление (слово *атáка*) выглядят как:

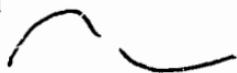
(Мишева, 1987, с. 25).

В македонском языке в финальной части изрезанного нисходящего контура отчетливо мелодическое разрешение, зависящее от типа ритмики конечного слова: при *кантата* ударный слог вогнутый, за ним понижение:

при *кантата* — первый слог выпуклый, а за ним также осуществляется понижение: В развернутом варианте обе эти морфемы как бы «перевернуты» и ложатся на восходящий контур.

В сербохорватском языке краткий императив демонстрирует сильный вторичный подъем нисходящего контура перед конечными словами. Но *баба* дает в соответствии со всеми описаниями тип

бѣ-ба

бѣ-ба

Интересно то, что оба эти типа совпадают с указанными выше македонскими финалями, но не совпадают с ритмикой представляющих их слов. Так *баба* по рисунку равно *кантата*, а *бѣба* — *кантата*.

8. Восклицательная структура (*Вот так X!*)

Длительность

Отношение Н/К.

Румынский: 0,80:1; 0,68:1; 0,38:1; 0,66:1.

Греческий: первое слово не выделено.

Болгарский: 0,62:1; 0,87:1.

Албанский: 0,86:1; 0,63:1.

Македонский: 0,72:1;

Сербохорватский: 1,08:1.

Отношение К/Кз-у.

Румынский: 1,2:1; 1,6:1; 1,44:1; 1,5:1.

Греческий: 1,6:1; 0,9:1; 1:1.

Болгарский: 1,6:1; 0,72:1.

Албанский: ключевое слово не является конечным.

Македонский: 1,2:1.

Сербохорватский: 0,91:1.

Таким образом, практически во всех языках анализа последний ударный слог в этой структуре продлен и во многих случаях он не оказывается короче абсолютно последнего.

Интенсивность

Отношение Н/К.

Румынский: 0,65:1; 1:1; 0,86:1; 1,21:1.

Греческий: 1,2:1; 0,78:1; 3:1.

Болгарский: 1,6:1; 0,95:1.

Албанский: 2,75:1; 2,08:1.

Македонский: 1,15:1.

Сербохорватский: 0,86:1.

Несомненно, что восклицание в языках БЯС является собой наименее устоявшуюся интонационную структуру (или архаичную и потому неграмматикализованную), что соответствует данным и других языков.

В русском языке восклицание обычно описывается как некое дугообразное (или петлеобразное) образование. Такой же тип был отмечен нами для белорусского, украинского, польского, чешского, словенского и отчасти сербохорватского языков. Примечательно, что тогда иная структура была у болгарского, македонского и словацкого языков, т. е. у двух языков БЯС (Николаева, 1977, с. 251).

В исследовавшихся языках мелодику этой конструкции можно характеризовать как многоцентровую, слабо понижающуюся и высоко начинающуюся.

В румынском языке тип ритмики конечного слова не влияет на общее понижение тона в финале только у одного диктора (Δ_1). Три остальных диктора представили следующую картину мелодики: понижение перед ударным, высокий подъем + понижение на нем, затем последующее понижение.

В греческом языке конечный слог выделен небольшой дугой безотносительно к типу ритмики слова.

В албанском языке мелодические контуры слов *ármë / armë* близки к фигурам румынского языка, а именно имеет место очень сильное повышение тона на ударном слоге с дальнейшим понижением.

Такая же структура представлена и в болгарском, Й. Пенчев, правда, показывает богатое разнообразие типов мелодики восклицания в болгарском языке (Пенчев, 1980, с. 113–115).

В македонском языке на ударных слогах представлен перепад тона к еще более низкому на фоне общего понижения (т. е. конечного повышения нет).

В сербохорватском языке представлены типичные, без нейтрализации, воплощения нисходящего и восходящего акцентов.

9. Интонация препозитивного придаточного

Длительность

Отношение Н/К.

Румынский: 0,42:1; 0,71:1; 0,60:1; 0,22:1.

Греческий: 0,47:1; 0,6:1; 0,5:1.

Болгарский: 0,85:1; 0,71:1.

Албанский: 0,80:1; 0,83:1.

Македонский: 0,62:1.

Сербохорватский: 0,72:1.

Единообразие темпоральной правоориентированности объясняется и общеязыковой краткостью инициального союзного слова 'когда'.

Отношение К/Кз-у.

Румынский: 1,05:1; 0,77:1; 1,56:1; 1,29:1.

Греческий: 1,25:1; 1,6:1; 1,6:1.

Болгарский: 2,33:1; 0,63:1.

Албанский: 0,87:1; 1,6:1.

Македонский: 1:1.

Сербохорватский: 1,22:1.

Данные свидетельствуют, что в пределах всех анализировавшихся языков намечаются два типа (независимо от языка): ударный длительнее заударного и наоборот.

Интенсивность

Отношение Н/К.

Румынский: 1,23:1; 1,33:1; 1,45:1; 1,66:1.

Греческий: 1,25:1; 1,44:1; 1:1.

Болгарский: 1,4:1; 0,88:1.

Албанский: 1,64:1: 1,6:1.

Македонский: 1,03:1.

Сербохорватский: 0,52:1.

Таким образом, в румынском, албанском и греческом акцентная кривая понижающаяся, несмотря на повышающуюся мелодику (см. ниже); в славянских языках БЯС она может быть равновесной и даже повышающейся. Л. Дэскалу (Dascalu, 1980) описывает тип подчиненного придаточного с *cînd*, как заканчивающийся подъемом, независимо от того, является ли глобальное значение утверждением или вопросом:

Cînd va veni vom vedea,

Cînd va veni vom afla?

В анализировавшихся фразах (*Cînd voi auzi ágă/agă*) был подъем на *cînd*, затем понижение, после чего повышение на ударном слоге *auzí*, после чего понижение к терминальному контуру, ложащемуся на последнее слово. Рисунок последнего слова был структурно идентичным и мелодически к ритмике слова не привязанным: перепад к понижению на первом слоге, затем резкий подъем (например, от 100 до 250 hz при мужском голосе и от 160 до 400 hz при женском голосе) на конечном слоге:

. Однако в зависимости от места ударного менялось распределение этой фигуры, т. е. большая или меньшая ее часть падала на первый слог.

Все три диктора-грека дали разные варианты решения полукаденции. В первом случае восходящая мелодика реализовалась как понижение на первом слоге слова с резким подъемом на втором конечном безотносительно к ритмике слова:

понижение:

позиции, а к ударному слогу.

В албанском языке реализовалась первая из фигур полукаденции, описанных для греческого, безотносительно к ритмике слова.

Болгарский контур полукаденции являл собой повторение дистрибуции рисунков мелодики третьего диктора-грека, а именно фигура

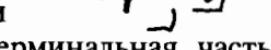
и фигура

для арка.

В македонском языке была использована общая модель, но в зависимости от ритмики слова менялось высотное расположение слогов, движение тона в них и диапазон этого движения.

Это различие контура, обусловленное местом ударения в болгарском слове, описывает и Д. Тилков (Тилков, Бояджиев, 1977). Он также отмечает зависимость этого от величины интервала в каждом слоге. Д. Тилков характеризует полукаденцию с

конечным ударением как , а с пенультильным — как или

В сербохорватском языке терминальная часть восходящей мелодики была оформлена уже описанным ранее способом с каноническим различием нисходящего и восходящего акцентов.

Удивительным является то, что тип в сербохорватском сохраняет рисунок, отмеченный в других языках для структуры , т. е. фразовая мелодика как бы «помнит» первоначальное место ударения.

И. Лехисте и П. Ивић не отмечают, правда, конечного подъема в полукаденции, но в их примерах фигурируют трехсложные слова (*kártice* и *národom*). Если же в рисунке (Lehiste, Ivić, 1986, p. 205) снять последний слог, то фигура преобразуется, как в нашем материале.

* * *

На основании описанных данных можно сделать следующие краткие выводы.

Длительность

Средняя длительность звука во фразе демонстрировала те же закономерности, что и СД слова во фразе, описанная в предыдущей главе.

Во-первых, существуют как бы «излюбленные» средние длительности, переходящие от диктора к диктору и от языка к языку и не связанные с коммуникативным типом высказывания. Это следующие СД: 95,7; 87,5; 85,7; 82,7 мсек, т. е. в диапазоне от 82 до 95 мсек. Причину выбора именно этих показателей объяснить трудно.

Во-вторых, строгой иерархии СД по типам высказываний установить не удалось. Можно только с определенностью сказать, что самой краткой является конструкция: вопрос с вопросительным словом, затем — придаточное препозитивное с 'когда', остальные имеют достаточно свободное варьирование.

В-третьих, можно установить общий диапазон СД в языках анализа: от 60,6 мсек до 190 мсек.

Критерий Н/К (отношение длительности начального слога к конечному).

В албанском языке:

- левоориентированность (т. е. продлено начало) — в утвердительном предложении, в общем вопросе, в альтернативном вопросе, в кратком императиве, в утверждении;
- правоориентированность — в вопросе с вопросительным словом, в развернутом императиве, в восклицании, в придаточном предложении.

В румынском языке:

- левоориентированность — отчасти в общем вопросе, в альтернативном вопросе, в утверждении-2; в кратком императиве;
- правоориентированность — в утвердительном предложении, отчасти в общем вопросе, в вопросе с вопросительным словом, в развернутом императиве, в восклицании, в придаточном;
- равновесность — отчасти в общем вопросе.

В греческом языке:

- левоориентированность — в утвердительном предложении, отчасти в общем вопросе, в альтернативном вопросе, в утверждении-2;
- правоориентированность — в общем вопросе, в вопросе с вопросительным словом, в кратком императиве, в развернутом императиве, в придаточном предложении.

В болгарском языке:

- левоориентированность — отчасти в утверждении, в общем вопросе, в утверждении-2; в развернутом императиве;
- правоориентированность — отчасти в общем вопросе, в вопросе с вопросительным словом, в кратком императиве, в восклицании, в придаточном;
- равновесность — отчасти в утверждении, отчасти в альтернативном вопросе, в утверждении-2.

В македонском языке:

- правоориентированность — в утверждении, в кратком императиве, в развернутом императиве, в восклицании, в придаточном, в общем вопросе, в вопросе с вопросительным словом;

- равновесность — в альтернативном вопросе, в утверждении-2.

В сербохорватском языке:

- левоориентированность — в кратком императиве, в восклицании;
- правоориентированность — в утверждении, в общем вопросе, в вопросительным словом, в развернутом императиве, в придаточном;
- равновесность — в альтернативном вопросе, в утверждении-2.

Эти данные дают возможность выделить язык максимально левоориентированный (албанский: 5 структур из 9), с явной тенденцией к левоориентированности (румынский, греческий, болгарский: 4 структуры из 9), мало-ориентированный влево (сербохорватский: 2 из 9) и правоориентированный (македонский). Небезынтересно, что равновесность проявляется явно у славянских языков БЯС.

Эти же данные говорят не только о языках, но и о синтаксических структурах.

Так, к левоориентированности тяготеет утверждение-2 (Х — это слово) — краткий императив, альтернативный вопрос.

К правоориентированности — вопрос с вопросительным словом, развернутый императив и придаточное предложение.

Остальные структуры варьируются самым различным образом.

Отношение: К/Кз-у (т. е. отмечается то, что длительнее, ударный или заударный). Р — равновесны.

	Утверждение	Общий вопрос	Альтерн. вопрос	Вопрос с вопр. словом	Утверждение-2	Краткий императив	Развернутый императ.	Воскликнание	Придаточное
Румын.	К	Кз-у К Р		К		К Кз-у	К	К	К
Греч.	К	К Кз-у	К Р	К Р		К	К Кз-у Р	К	К
Албан.	К Кз-у			К Р	К	К Р	К Кз-у		К Кз-у
Болгар.	К	Р		Кзу	Р Кз-у	К Кз-у	Кз-у	К	К
Макед.	К	К		К		К	Кз-у	К	Р
С-х.	К	К		К	К	К	К	Кз-у	К

Таким образом, можно говорить, что в конечном темпоральном кортеже в одних языках отчетлива тенденция к доминированию ударного слога (румынский, македонский, сербохорватский), в других — чередуется вес К и Кз-у (наиболее тяготеет к Кз-у болгарский). Общее количественное распределение: К — 36 позиций, Кз-у — 17, Р — 10. Таким образом, все же можно говорить о преобладании в БЯС длительности ударного слога над заударным.

Каково распределение этого параметра по смысловым структурам? К чистому К тяготеет утверждение, вопрос с вопросительным словом, утверждение-2. Остальные колеблются; таким образом можно говорить о том, что в восходящей мелодике, скорее, наблюдается продление заударного.

Интенсивность

Данные средней интенсивности оказались типологически несостоятельными по одной весьма серьезной причине. Дело в том, что интенсивность фразы, вообще стремящаяся к деклинации, в то же время наиболее активно реагирует на подчеркивание, смысловую весомость компонентов фразы. Во многих случаях именно интенсивность является для диктора средством смыслового манипулирования. Усредненная интенсивность, таким образом, практически ни о чем не свидетельствует. Правда, возможна такая ситуация, когда акцентная воплощенность как просодический параметр высказывания настолько грамматикализована, что четко дистрибуирована по смысловым структурам. В языках БЯС, анализировавшихся нами, такая серийная дистрибуция обнаружена не была.

Более значим формальный критерий Н/К, т. е. также отношение: левоориентированность (Л), правоориентированность (П) и равновесность (Р) динамического движения.

	Утверждение	Общий вопрос	Альтерн. вопрос	Вопрос с вопр. словом	Утверждение-2	Краткий императив	Разворнутый императ.	Восклицание	Придаточное
Румын.	Р П Л	Л	Л Р	Л (П)	Р Л	Л П	П	П Р Л	Л
Греч.	Л	Л	Л П	Л	Л	Л	Л	Л П	Л Р
Албан.	Л	Л	Л	Л	Л П	Л	Л	Л	Л
Болгар.	Л П	Л	Л П	Л П	П Л	Л П	Л	Л П	Л П
Макед.	Л	Л	П	Л	Л	Л	Л	Л	Л
С-х.	П	Л	Л	Л	Л	П	Л	П	П

Общее вхождение выявляется как: Л — 47; П — 17; Р — 5. Таким образом, в целом можно говорить об акцентной кривой фразы БЯС как о понижающейся.

Как эти параметры распределяются по языкам? Чисто Л-языки: албанский, македонский. Р-показатель представлен в неславянских языках БЯС — румынском (особенно!) и греческом.

Чистых П-языков нет, но наибольшее число П представлено в болгарском, затем — румынском, сербохорватском и греческом.

Мелодика

Как уже было высказано ранее, основная сфера мелодических реализаций — вопросительные предложения, они будут подробно рассматриваться в этом плане в § 3 настоящей главы.

Поэтому в данном заключительном разделе будут сделаны выводы:

- 1) по вопросу о том, как связаны тип терминального мелодического контура и тип ритмики опорного для него слова;
- 2) какие именно типы терминальных решений при этом выявились в анализировавшихся языках БЯС.

I. Как уже говорилось, по первому вопросу могут быть следующие решения:

- 1) контур представлен одной структурой, не зависящей от ритмики слова, и закреплен за позицией (словом или, например, последним слогом);
- 2) контур представлен более, чем одной структурой, но они не зависят от слова и привязаны к позиции;
- 3) контур представлен одной фигурой, но она привязана к ударному слогу слова;
- 4) контур представлен несколькими фигурами, их дистрибуция определяется типом ритмики слова.

Все эти четыре возможности представлены в общей таблице, аналогичной таблицам данных по длительности и интенсивности. Решения индексируются номерами вышеуказанных вариантов.

	Утверждение	Общий вопрос	Альтерн. вопрос	Вопрос с вопр. словом	Утверждение-2	Краткий императив	Развернутый императ.	Восклицание	Придаточное
Румын.	3	2	1	4	4	4	4	3	1
Греч.	1	1	3	1	1	1	1	1	1/4
Албан.	1	1	3	4	4	3	3	3	1
Болгар.	3	1	1	1	4	3	3	3	4
Макед.	1	1	4	4	4	4	4	1	1
С-х.	4	4	4	1	4	4	4	4	1

Внешнее разнообразие полученных данных дает, однако, основание для некоторых обобщающих выводов.

Общее вхождение: 1 — 22; 2 — 1; 3 — 11; 4 — 21. Таким образом, представлены два основных типа:

1) существует некая фигура, реализующаяся в терминальной позиции и не зависящая от слова;

2) существует не одна фигура (в наших данных обычно две), разного рисунка; дистрибуция определяется типом ритмики слова;

3) одна фигура как бы прикрепляется к ударному слогу слова.

Как это распределение связано с языками БЯС?

Первый тип характеризует греческий (мелодика оформлена и от слова не зависит).

Второй тип — это сербохорватский, где все зависит от оппозиции акцентов, и македонский.

В остальных языках наблюдается сложное смешение возможностей.

Какие структуры тяготеют к тому или иному типу?

Четкого ответа нет, но можно сказать, что: общий вопрос стремится к единобразию; слабее эта тенденция выражена в придаточном; тенденцию привязки контура к ударному слогу обнаруживают более эмоционально окрашенные смысловые структуры — императивы обоих видов, восклицание и альтернативный вопрос.

Чисто типологические кросс-пересечения в остальных случаях, как видно по таблице, весьма разнообразны.

II. За указанными номерами стоят, однако, совершенно разные физически мелодические воплощения. Поэтому модель может быть одна, но цифре 3, например, т. е. одной фигуре, воплощающейся на ударном слоге, может быть поставлен в соответствие самый разный реальный рисунок. Поэтому ниже будет перечислен инвентарь основных мелодических финалей с указанием того, в каком языке и в какой структуре они употребляются.

Всего нами было выявлено семь терминальных фигур (не общих контуров!), которые описываются в порядке убывания их частотности:

1

Румынское окончание придаточного
Греческое окончание придаточного
Албанское окончание придаточного
Румынский развернутый
императив при ——
Румынский общий вопрос
Македонский общий вопрос
Болгарский спецвопрос
Албанский спецвопрос при ——
Румынское утверждение-2 при ——
Албанское утверждение-2 при ——
Болгарское утверждение-2 при ——
Болгарское придаточное при ——
Сербохорватское утверждение-2 при
Сербохорватское восклицание при ’

2

Румынский общий вопрос
Греческий общий вопрос
Болгарский общий вопрос
Болгарский альтернативный вопрос
Македонский альтернативный вопрос
Македонский вопрос с вопр. словом
Македонское утверждение-2
Македонское окончание придаточного
Румынское утверждение-2 при ——
Албанское утверждение-2 при ——
Болгарское утверждение-2 при ——
Сербохорватский императив при ’

3

- Албанский общий вопрос
Греческий развернутый императив
Греческий вопрос с вопр. словом (конец)
Сербохорватский вопрос
с вопр. словом (конец)
Греческое утверждение-2
Румынский развернутый
императив при ‘—’
Сербохорватское придаточное при ‘—’
Сербохорватский альтернативный
вопрос при ‘—’

4

- Греческое придаточное при ‘—’
Болгарское придаточное при ‘—’
Македонский императив при ‘—’
Албанский вопрос с вопр. словом при ‘—’
Македонский альтернативный вопрос
Македонское придаточное
Сербохорватский общий вопрос при “—”
Сербохорватский альтернативный
вопрос при “—”
Сербохорватское придаточное при “—”
Сербохорватское восклицание при “—”

5

- Румынское утверждение
Болгарское утверждение
Греческий альтернативный вопрос
Албанский альтернативный вопрос
Румынское восклицание
Греческое восклицание
Болгарское восклицание
Албанский краткий императив
Греческий краткий императив
Албанское восклицание
Румынский краткий императив при ‘—’

6

- Румынская финаль утверждения при ‘—’
Болгарский вопрос с вопр. словом при ‘—’
Сербохорватская финаль
утверждения при ‘—’
Македонское придаточное
Сербохорватское придаточное при “—”

- Греческое утверждение
Албанское утверждение
Румынский императив при ——
Сербское утверждение при “”

Обращает на себя внимание следующее.

При восходящей мелодике сербскому типу при ' соответствует мелодика при ——. Сербскому типу при " " соответствует в других языках мелодика при ——.

При нисходящей мелодике сербскому типу при ' соответствует мелодика при ——.

Сербскому типу при " " соответствует мелодика при —— (кроме албанского языка).

Таким образом, во всех случаях сербский —— соответствует ——. Но сербскому —— соответствует в языках БЯС (там, где она зависит от типа слова!) мелодика при структуре ——. Это значит, что сербский язык как бы сохраняет общую модель до неоштокавского сдвига. Это наблюдение можно считать очень важным для славянской просодической диахронии.

Последний вопрос: как соотносятся восходящие и нисходящие структуры?

— при нисходящем (тип 7) — это тип ;
при восходящем (с-х ') Тип 3.

— при нисходящем (тип 5) — это ;
при восходящем (тип 1).

Остальные три типа можно представить как усложнение этих четырех.

§ 2. Типология акцентного выделения в языках БЯС

В первой главе обращалось внимание на некоторое нетривиальное обстоятельство. А именно, близкими к универсальности оказывались явления подчеркивания, которые, из-за своей привычности, в течение долгого времени никак не оказывались в центре внимания интонологии. Самым привычным примером, приводящимся практически всегда, когда речь идет об интонации, является акцентное выделение контрастивного типа: *Вам бы я этого не доверил!* (т. е. другому доверил).

Время показало, что акцентное подчеркивание не всегда не доставляет трудности для лингвиста. Уже с конца 60-х годов стали активно обсуждаться примеры типа: *Слышали? Король умер*, где подчеркнутое слово король не являлось ни новым, ни единственным важным, ни неопределенными с точки зрения жестких канонов царившей тогда теории актуального членения предложения. Эти примеры часто анализировались (см. Schmerling, 1976). В нашей работе (Николаева, 1979) подобные примеры трактовались как случаи «экстренного» введения в ситуацию, выражаяющиеся инверсией некоторого *ordo naturalis* с исходным VS типа *Наступила весна* (см. *Весна наступила!*).

Еще менее поддавались трактовке случаи акцентного выделения на глаголах в примерах типа: *Читал ли Джон «Бойню № 5»? — Нет, он не читает романов* (подчеркнут глагол, но не предполагается, что он что-то с романами делает другое: он просто их не читает).

Почти столь же тривиальными казались случаи акцентного выделения слов при особого рода частицах типа *даже, только*, которые часто так и назывались «акцентирующими»: *Даже Мания поняла ситуацию*.

Между тем в работе (Николаева, 1989) был поднят вопрос о том, почему, собственно, некоторые коммуникативно-языковые ситуации уж так непременно связаны с подчеркиванием слова. Ведь как будто бы смысл высказываний с частицами был бы ясен и из лексико-сегментного состава без непременного подчеркивания?

Кроме того, лингвистически интересен тот факт, что сходство подчеркивания и ситуаций подчеркивания выявляется у языков, интонационные системы которых совсем не близки и резко отличаются — как по экспериментальным данным, так и просто на слух. Может быть выдвинута гипотеза, что существует некий функциональный интонационный слой «подчеркивания», близкий к универсальному и независимый от других просодических показателей.

Именно это и проверялось в настоящей работе. Ставились следующие вопросы:

- 1) Действительно ли эти инвариантные коммуникативные ситуации влекут за собой непременное подчеркивание?
- 2) Единообразны ли эти ситуации? То есть, может быть так, что в одних случаях все языки отреагируют единообразно, а в других — нет?

3) Как реально выражаются эти подчеркивания просодически? Дело в том, что перцептивное ощущение подчеркнутости может быть вызвано разными комбинациями акустических средств, а само выражение «акцентное выделение» употреблялось в строго фонологическом смысле, а вовсе не как обязательная отсылка к интенсивности.

4) Как связаны — функционально и по воплощению — акцентное выделение и позиция выделяемого компонента, т. е. отличается ли чем-либо *Даже Мания поняла ситуацию* и *Ситуацию поняла даже Мания*.

Разумеется, выявить, имеет ли место подчеркивание, можно, лишь сопоставив это чтение с чтением других коммуникативно-направленных примеров с тем же лексико-сегментным составом.

В соответствии с этим и был подобран материал, представляющий собой три группы.

В **первой группе** осуществлялась проверка на «введение в ситуацию».

Пример первый: *Тише! Папа спит*. Сопоставлялся с *А где папа?* — *Папа спит* и *Что у нас?* — *Папа спит, а мамы нет дома*.

Пример второй: *У Вас болит горло?* — *Нет, горло не болит, голова болит*. Сопоставлялось с *Что с Вами?* — *Голова болит*.

Таким образом глобальная ситуация в первом примере сопоставлялась с тема-рематической и с синтагматически противопоставленной ситуацией.

Во втором примере глобальная подчеркнутая ситуация сопоставлялась с контрастивной (не горло, а голова).

Вторая группа примеров — это примеры на подчеркивание глагола, когда ситуация либо отрицается, либо подтверждается. В данном случае было важно определить, имеет ли место подчеркивание или нет, во-первых, и как именно оно выражается в данном языке, во-вторых.

Примеры этой группы:

- а) — *Пете нравится роман Гроссмана?*
— *Нет, он не читает романов.*
- б) — *Почему бы ему не продавать галстуки?*
— *Он продает их.*

Третью группу примеров составляли высказывания с «акцентирующими» частицами *даже*, *только*, и в инициальной/финальной части высказывания: *Даже Петя не решил задачу* — *Петя не решил даже задачу*. Проверялась при этом не только подчеркну-

тость-неподчеркнутость слова при частице, фонетика этого подчеркивания, связанность-несвязанность всего этого с синтаксической позицией, но и единообразность-неединообразность присодического разрешения всех частиц этой группы.

Типология первой группы:

- a) 1) *Папа спит* (< Тише!)
- 2) *Папа спит* (< Где папа?)
- 3) *Папа спит* (< Что у нас?)

В румынском языке сопоставлялись, таким образом, три реализации *Tata doarme*.

Соотношение СД трех предложений:

$\Delta_1 = 114:96:76;$	$\Delta_3 = 80:76:80;$
$\Delta_2 = 80:80:82;$	$\Delta_4 = 66,6:66,6:66,6.$

Длительность ударного слога *Tata* в отношении к заударному:

$\Delta_1 = 2:1,2:1;$	$\Delta_3 = 1,62:1,5:2,5;$
$\Delta_2 = 0,9:0,66:1;$	$\Delta_4 = 1,28:0,95:1,6.$

Намечается нерегулярность тенденции к доминированию ударного слога в слове *Tata* в ситуации экстренного выделения.

Реальные темпоральные показатели ударных слогов:

$\Delta_1 = 200:120:120;$	$\Delta_3 = 130:90:100;$
$\Delta_2 = 90:100:100;$	$\Delta_4 = 90:80:80.$

Таким образом (кроме Δ_2) это слово выделено длительностью.

Интенсивность ударного и заударного слогов в слове *Tata*:

$\Delta_1 = 58/52:40/50:60/50;$	$\Delta_3 = 62/50:38/38:70/42;$
$\Delta_2 = 48/106:120/120:100/60;$	$\Delta_4 = 45/26:44/28:66/58.$

Интересующее нас слово в румынском языке интенсивностью не выделено.

Считаем, что в румынском языке выделение не осуществлялось.

В греческом языке (пример 'Ο μάτης κόσμαται') более выделенным по всем параметрам оказалось слово *μάτης* из второго примера, где первое слово является темой (Που ειναι ο μάτης).

В албанском языке также выделенным по всем параметрам оказалось слово *Babi* из второй ситуации.

Во всех трех указанных языках в ситуации 1, несомненно, более подчеркнут глагол, а не имя. 'Отец спит', хотя сама ситуация разъяснялась: «Вы входите, не зная, кто дома и что там происходит и, например, сразу же громко включаете телевизор...».

В болгарском языке *Татко* из ситуации 1 отмечен длительностью — как первого, так и второго слога, а у Δ_2 еще и интенсивностью. Интересно то, что, в случае одной и той же СД предложения *Татко спи* (Δ_1 — 107,5 и 107,5), в первом случае растянуты гласные, а во втором та же СД достигается за счет согласных.

В македонском языке в ситуации 1 (*Tame спије*) выделенность первого слова по сравнению с *Tame* из ситуации 2 и 3 несомненна.

Ср. показатели этих слов в ситуациях 1 и 2:

D	I	F
<i>Tame₁</i> 130—80;	1113/950;	91—92/106—116.
<i>Tame₂</i> 100—60;	980—586;	153—166/208—166.

Ср. также показатели предиката *спије*:

D	I	F
<i>Спије₁</i> 150—70;	812—380;	142—116/116—67.
<i>Спије₂</i> 120—70;	687—280;	111—103.

Таким образом, нельзя говорить о выделенности только слова *Tame*, но о более подчеркнутом произнесении всего первого предложения.

Ср. аналогичные показатели сербохорватского языка (*Tama спава*):

Ситуация 1

	D	I	F
<i>Tama</i>	110—90;	854/858;	185—156/192—129.
<i>спава</i>	170—110;	943/272;	163—101.

Ситуация 2

	D	I	F
<i>Tama</i>	100—60;	672—462;	178—147/136—105.
<i>спава</i>	90—100;	676—251;	178—120.

Таким образом, данный пример не продемонстрировал во всех языках анализа выделения первого имени в ситуации 2. В случае выделения было отмечено либо все предложение в целом (через увеличение параметров), либо глагол-сказуемое первого высказывания.

б) Во втором примере первой группы было существенно по-
нять, выделено ли имя в примере с глобальной ситуацией,
т. е. сравнивалась голова из *Голова болит* (а не горло) и голова из
Что с Вами? — Голова болит.

Румынский язык

/2/ *Vă doare gîțul?* — *Nu mă doare gîțul, mă doare capul;*
/1/ *Ce-i cu dumneata?* — *Mă doare capul.*

Сравниваем показатели слова *capul* в ситуации 1 и ситуации 2.

	D	I	F
Δ_1	<i>capul₁</i> , 140/200	40/22	250/230/150—60
	<i>capul₂</i> , 140/160	40/10	280—250/120—70
Δ_2	<i>capul₁</i> , 190/80	80/10	250—200/100—80
	<i>capul₂</i> , 120/70	120/30	270—250/200—150
Δ_3	<i>capul₁</i> , 70/80	40/4	270—60/150—100
	<i>capul₂</i> , 70/100	44/26	270—200/160
Δ_4	<i>capul₁</i> , 74/120	20/8	270—200/200
	<i>capul₂</i> , 70/100	22/6	250—220/120

Сравниваем СД *capul-1* и *capul-2*:

Δ_1 — 100/99; Δ_2 — 58/67; Δ_3 — 82/82; Δ_4 — 59/58,1.

Аналогичные данные в греческом языке (Το κεφάλι μου πονάει).

	D	I	F
Δ_1 κεφάλι ₁	50—100—80	1,5—1,5—1,2	130/120—80
	κεφάλι ₂	1,9—2,5—2	120/140—100/100
Δ_2 κεφάλι ₁	60—200—80	21,3—0,2	220/220—120
	κεφάλι ₂	1,5—1,7—1,6	180/220—200
Δ_3 κεφάλι ₁	60—140—70	2—4,8—0,2	
	κεφάλι ₂	1—5,8—0,12	

Средние длительности в греческом (по двум дикторам):

СД ситуация 1: Δ_1 — 61,25; Δ_2 — 76;

СД ситуация 2: Δ_1 — 55; Δ_2 — 76,6.

Данные албанского языка (*Me dhemb koka*):

	D	I	F
Δ_1 кóка ₁	120/200	670/310	109—92/75—67
	кóка ₂	911/251	120—100/76

D_2	$k\ddot{o}ka_1$	220/170	113/356	222–107/97–61
	$k\ddot{o}ka_2$	300/180	1174/912	119–103/128–135

В болгарском языке сопоставлялись фразы *Главата ме боли* в ситуации 1 и в ситуации 2:

D_1	<i>глáвата₁</i>	140–140–50; 3,6–4–1,5	140/220–130/100
	<i>глáвата₂</i>	120–120–70; 3,2–3,6–1,3	120–180/160

D_2	<i>глáвата₁</i>	120–140–100; 2–2,8–1,7	100–160/220–100
	<i>глáвата₂</i>	100–120–80; 2,2–4–1,5;	100–200/220–100

СД фразы 1: D_1 – 81,5

СД фразы 2: D_2 – 76,9

Таким образом в болгарском языке можно говорить о легком выделении (средствами длительности) слова *главата* в ситуации 1.

Македонский язык (Глава ме боли):

глáва₁, 120/70 810/271 128–149/151–156

глáва₂, 160/90 1157/996 105–19/175–101

СД₁ – 66,3; СД₂ – 70.

Более выделенным является и слово *глава*, и сама фраза в ситуации 2.

Сербохорватские данные (Глава ме боли):

D	I	F
---	---	---

глáва₁, 170/80 603/518 129–155/142–128

глáва₂, 100/50 417/284 107–153/153–140

СД₁ – 73,6; СД₂ – 49.

В сербохорватском языке можно говорить о выделенности *глава* в ситуации 1.

Как видно из этих примеров, просодическое решение этого рода примеров не является даже фреквенталией, как можно подумать на основании фактов английского, немецкого и русского языков, столь часто обсуждаемых в интонологической литературе. В первом примере заложено противопоставление глобальности — темарематическому подчеркиванию, во втором — подчеркиванию

контрастивному. В обоих случаях просодическое оформление в языках БЯС глобального подчеркивания не было регулярным и/или было минимальным.

Типология примеров второй группы

Примеры были подобраны для проверки на универсальность/неуниверсальность подчеркивания глагола при противопоставленности одной ситуации в целом другой ситуации в целом. Глаголы были представлены с отрицанием и без него.

Пример первый, с отрицанием: 'Пете нравится роман Гросмана? — Он не читает романов.'

В румынском языке резко подчеркнутой оказалась отрицательная частица *ni* (*El ni citește romane!*). Выделенность осуществлялась на всех уровнях: перепад f от 140—250, D_1 с понижением далее до 120 hz, продлением примерно в 2 раза по сравнению с меньшей длительностью ударного слога *u* *citește* и интенсивностью. Подчеркивание было единообразным и однотипным у всех дикторов.

В греческом языке точно так же и такой же конфигурацией была отмечена отрицательная частица *δεν* (*Αυτος δεν διαβασει μυθιστορηματα*), подъемом f и резким повышением интенсивности: примерно от 2 до 2,5 раз больше, чем интенсивность окружающих слогов.

Такую же картину продемонстрировал и болгарский язык: *Tой не чете романи* — *не* выделено всеми средствами, особенно интенсивностью: повышением от 2,5 до 3 раз. Однако в болгарском отмечен был повышенной длительностью и ударный слог глагола.

Сильное подчеркивание именно частицы, а не глагола было и в македонском. Отношение *i* частицы *не* к *чита* определяется как 1:0,60:0,78. Длительность гласной в *не* — 170 мсек (ср. 80 мсек в *чита*).

В сербохорватском языке *не* выделено длительностью, но интенсивность меньше, чем в ударном слоге глагола.

Резко подчеркнута частица отрицания *nuk* в албанском (*Ai i nuk lexon romani*). D_1 , огибающая интенсивности: *nuk*, где *nuk* = 1340 / 650 в ударном слоге глагола.

Таким образом, резкое подчеркивание отрицательной частицы было отмечено во всех языках анализа.

Второй пример — пресуппозиции первой реплики при отсутствии отрицания во второй фразе: *Почему бы ему не продавать галстуки? — Он продает их.*

В румынском языке глагол (*cumpără*) подчеркнут резким подъемом F_0 с дугообразным перепадом как в конструкции восклицания. Именно этот вид подчеркивания был представлен у всех дикторов единообразно.

В греческом языке подчеркивание ударного слога сказуемого (*τις πούλαει*) осуществляется либо таким же дугообразным и резким подъемом на ударном слоге глагола (D_1 и D_3), либо, напротив, резким падением тона на ударном слоге с одновременным всплеском максимума интенсивности.

В болгарском языке в реплике-ответе *Че той продава* ударный слог глагола отмечен и дугообразным подъемом F_0 и тах интенсивности, и тах длительности в пределах высказывания.

Албанский глагол-сказуемое в этом предложении (*Ai i shet ato*) выделен всеми параметрами: интенсивностью, длительностью и резким подъемом F_0 .

В македонском языке глагол *продава* заканчивал предложение, на ударном слоге осуществлялось резкое понижение тона (перепад), длительность оказывалась максимальной.

В сербохорватском языке глагол (фраза *Он их продaje*) был выделен посредством резкого усиления ударного слога через F_0 , и увеличения длительности.

Таким образом — в отличие от примеров первой группы — все носители балканских языков анализа продемонстрировали полное единообразие фонолого-просодического разрешения именно этих репликообразных высказываний с определенной коммуникативной нагрузкой.

Пример второй имел практический и единообразную фонетику: дугообразный подъем F_0 и увеличение t и i , если глагол не был конечным, и резкий перепад (понижение) F_0 и увеличение t — если глагол был в конце.

Более своеобразным и пока неясным в типологической интерпретации было подчеркивание, когда всеми ярко выделялась негативная частица, предваряющая глагол. Между тем, это явно не случайное совпадение. Автору этой главы, в частности, многократно приходилось слышать в речи русских эмигрантов в Югославии и в речи билингвов произношение *Не знаю* — в русской речи и *Не знам* — сербской.

Типология примеров третьей группы:

Примеры единообразной структуры с частицами *даже, только,* и в инициали, и финали, т. е. всего шесть примеров с единым сегментным составом, прочитывались с целью проверить однотипность просодических реакций, однотипность частиц и однотипность просодической реализации в зависимости от позиции.

Румынский язык

- 1) *Nici Petru n-a rezolvat problema.*

СД: Д₁ — 85; Д₂ — 58; Д₃ — 68; Д₄ — 59.

Выделено *nici* ('даже') — повышением интенсивности, длительностью (200 мсек, Д₁ при 100 в *Petru*). Однако резкий подъем мелодики осуществляется на ударном слоге *Pétru* с последующим резким падением на заударном, переходящим затем в ровное понижение: *Petrù*, т. е. осуществляется reverse pattern.

El n-a făcut nici problema.

СД: Д₁ — 92; Д₂ — 61; Д₃ — 71; Д₄ — 65.

Подъем интенсивности и мелодики на слоге *pro-* с дальнейшим повышением и падением, т. е. та же модель, но без продления, т. е. declination.

- 2) *Numai Petru a rezolvat problema.*

СД: Д₁ — 74; Д₂ — 59; Д₃ — 71; Д₄ — 60.

В данном чтении было всеми параметрами, при той же reverse pattern, подчеркнуто слово *Petru* (один вариант); другой — точное повторение модели с *nici*.

El n-a făcut numai problema.

СД: Д₁ — 82; Д₂ — 62; Д₃ — 71; Д₄ — 68.

Полное повторение чтения с *nici problema.*

- 3) *Și Petru a rezolvat problema.*

СД: Д₁ — 62.

Полное повторение моделей с *nici* и *numai.*

Petru a rezolvat și problema.

СД: Д₁ — 61.

Выделение длительности в ударном слоге *problemă* было большим.

Греческий язык

- 1) *Άκομπ καὶ ο Πέτια δεν έλυσε το πρόβλημα.*

Выделено акцент *και* — подъемом F_0 , интенсивностью и длительностью.

При финальном 'даже' выделение через F_0 не отмечено.

2) *Μόνο ο Πέτια δεν έλυσε το πρόβλημα.*

Резко выделено монотонно всеми параметрами (вариант 1) или интенсивностью и длительностью выделено монотонно, а резкий подъем — падение мелодики на ударном слоге слова *Πέτια*.

О *Πέτια δεν έλυσε μόνο το πρόβλημα*

выделение отмечено небольшое. См. например, данные (Δ_2) по ударному слогу:

то πρόβλημα (< монотония) $t: 120(280); i-0,7; f-150.$

то πρόβλημα (< монотония πρόβλημα) $t: 160(280); i-1,3; f-180.$

3) *Και ο Πέτια έλυσε το πρόβλημα*

— повторение чтения с примерами с акцентом *και*, монотонно

О *Πέτια έλυσε και το πρόβλημα*

— ударный слог последнего слова отмечен увеличением длительности и интенсивности и резким перепадом мелодики на понижение, без петлеобразного всплеска. Таким образом, греческая просодическая реализация сочетаний с частицами аналогична румынской для инициальной части высказывания и расходится с ней в финальной части: румынский повторяет петлеобразную фигуру как в начале, так и в конце, греческий же в конце в ударном слоге реализует не подъем-понижение, а резкое понижение.

Болгарский язык

1) *Даже Петя не реши задачата.*

Оба диктора реализовали резкий всплеск всех параметров на слове *Петя*.

Петя не реши даже задачата — через интенсивность и длительность выделено слово *даже*, мелодика понижающаяся.

2) *Само Петя реши задачата* — повторение структуры с *даже*.

Петя реши само задачата — подъем интенсивности и продолжение на слове *само*, подъема мелодики в финальной части нет.

3) *И Петя реши задачата* — полное повторение структур с *даже* и *само*.

Петя реши и задачата — резкий подъем интенсивности и увеличение длительности в ударном слоге слова *задачата*.

Македонский язык

1) *Дури ни Петја не ја решил задачата* — резкое подчеркивание всеми акустическими параметрами частицы *дури ни*.

Петја не ја решил ни задачата. Усилены слова: *дури + ни задачата* без петлеобразного подъема. См. показатели слова *задачата* из ситуации 1 и 2.

t *i* *f*

задачата₁: 60—100—80—80; 728—741—423—286; 125—89.

задачата₂: 110—120—110—100; 896—839—322—122; 75—109—95—90.

2) *Само Петја ја решил задачата* — повторение модели с *дури не*.

Петја ја решил само задачата — подъем всеми акустическими средствами составляющей *само задачата*.

3) *И Петја ја решил задачата* — резкий подъем мелодики и ее понижение на слове *Петја*, резко увеличенная интенсивность на ударном слоге этого слова.

Петја ја решил и задачата — увеличение всеми акустическими средствами первых двух слогов слова *задачата*.

Сербохорватский язык

1) *Чак ни Пеђа ни је решио задатак* — всеми акустическими средствами выделено слово *Пеђа*. См., в частности, мелодику ударного слога в сравнении с предшествующим и последующим (hz): 178—204—238—178.

При конечной постановке частицы выделено всеми параметрами слово *чак* (например, подъем мелодики от 140—192 hz с последующим опять 140 hz).

2) *Само је Пеђа решио задатак* — усиlena вся составляющая — *само је Пеђа* — т. е. она как бы поднята, усиlena и растянута по сравнению с последующей частью предложения.

Пеђа је решио само задатак — усилен через интенсивность ударный слог слова *задатак*, изменение в мелодике через повышение.

t *i* *f*

См. *задатак₁*: 130—100—160; 521—457—276; 136—119—109.

задатак₂: 130—100—160; 554—571—305; 172—131—121.

3) *И Пеђа је решио задатак* — резко выделено слово *Пеђа*.

Пеђа је решио и задатак — усилено через мелодику и интенсивность слова *задатак*.

Албанский язык

1) *Bile Petja nuk e zgjodhi detyrën* — резко выделена составляющая — *Bile Petja*, вторая часть как бы ослаблена. Особено выделено всеми параметрами с петлеобразным подъемом мелодики слово-частица *bile*.

Petja nuk e zgjodhi bile detyrën

— резко выделено интенсивностью слово *bile*. См. показатели *i* этого слова: 1350—1288 (Δ_1) и следующего непосредственно слова *detyrën* — 770—519—173.

2) *Vetëm Petja zgjodhi detyrën*

— повторение чтения модели *bile Petja*.

Petja zgjodhi vetëm detyrën

— повторение модели с *bile*. Основной параметр выделения — интенсивность.

3) *Edhe Petja zgjodhi detyrën*

— выделено *edhe Petja*.

Petja zgjodhi edhe detyrën

— выделено резко *edhe* интенсивностью.

* * *

Резюмируя данные этого параграфа, можно сказать следующее.

Примеры первого цикла (*Тише! Пана спит*) не выявили особой просодической специфики в пределах языка анализа. Причины этого объяснить трудно. Во всяком случае, они коренятся не в наличии артикля в одних языках, не в более жестком порядке слов в других — единообразность русского, немецкого и английского языков это опровергает. Трудно отнести это и к неудачному экспериментальному заданию. Так примеры: *Что с Вами?* — *У меня голова болит* и *У меня не горло болит, у меня голова болит*, на наш взгляд, достаточно коммуникативно информативны. Возможно, это связано с состоянием оформленности в данных языках категории глобального состояния (см. об этой категории: Николаева, 1982).

Единодушным и типологически своеобразным было выделение *не* в *Он не читает романов*. Можно предположить, что *не + V* является единственным фонетическим словом с перетяжкой подчерк-

нутого ударения на проклитику. Во всяком случае, предикат здесь выделен, как и в случае *Он продает их*.

В книге (Николаева, 1985) была предложена классификация частиц, согласно которой они делились на четыре группы по притягиванию акцентного выделения:

- 1) неакцентирующие и неакцентируемые — *ведь*;
- 2) неакцентирующие и акцентируемые, например: *еще* в смысле «опять это же» — *еще чаю!*
- 3) акцентирующие и неакцентируемые — *и* в смысле: *И Петя пришел*;
- 4) акцентирующие и акцентируемые — *даже, только, уже* и др. Ср. *Только военные заполняли парк* и *Только военные заполняли парк.*

Эта классификация тогда не соотносилась с типологией и не соотносилась с синтаксической позицией словосочетания с частицами.

Между тем оказалось, что языки БЯС предлагают для этих ситуаций довольно четкие решения.

В начальной позиции возможны четыре реализации. Первое — резко выделено всеми параметрами слово-частица. Второе — резко выделена частица интенсивностью и длительностью, а подъем мелодики — на слове, связанном с частицей, т. е. мелодика и интенсивность резко расходятся. Третье — выделено только слово при частице (*Петя*). Четвертое — усиlena вся составляющая: частица + *Петя*.

Первое решение — греческий, македонский;

Второе — румынский, греческий;

Третье — румынский, болгарский, сербохорватский;

Четвертое — сербохорватский, албанский.

Не создавалось впечатления, что тип частиц оказывал какое-либо влияние. Необходимо заметить только, что *и*, в нашей классификации неакцентируемое, и было таковым только в славянских языках.

Более сложной для реализации оказалась конечная позиция.

Здесь было возможно:

- 1) повторение той же фигуры, что была в начале, т. е. с петлеобразным подъемом мелодики — румынский, македонский, сербохорватский, албанский;

- 2) не выделено ничего — греческий;
- 3) поднята вся составляющая — македонский;
- 4) поднята частица — болгарский (через *t* и *i*), македонский (*t* и *i*), албанский (*i*);
- 5) поднято слово при частице — румынский (через длительность), греческий (резкое понижение мелодики, увеличение *t* и *i*), македонский (*t* и *i*, и *f*), сербохорватский (*t, i, f*).

§ 3. Мелодика вопросительных предложений

Уже неоднократно повторялся тезис о том, что доменом мелодики являются вопросительные предложения (а более точно — не-повествовательные, если учитывать еще гипо- и парапаксис). Оконтуривание имеет место именно при передаче вопросительной семантики. В соответствии с общей нашей идеей эволюции как стремлении языка передавать все больше информации в единицу времени и основными средствами передачи этой тенденции: компрессией и суперсегментизацией — именно в вопросительных предложениях эти явления могут быть выражены с наибольшей интенсивностью.

То, что по степени слитности вопросительные предложения отличаются от повествовательных, с одной стороны, и различаются между собой, во-вторых, уже отмечалось в научной интонологической литературе, в частности, для русского языка — Н.Д. Светозаровой (Светозарова, 1982). Наши экспериментально-типологические наблюдения (см. главу вторую) привели еще и к гипотезе о том, что разные типы вопросительных предложений имеют разную степень универсализации. Например, окончание специального вопроса (т. е. вопроса с вопросительным словом) в одних языках понижено, в других — имеет вторичное повышение (см. § 1), тогда как переспрос произносится более или менее единообразно во всех языках.

В первом параграфе настоящей главы рассматривались все просодические характеристики основных типов высказываний и определялась их связь с просодией слова на терминальном участке. Во втором параграфе определялась типология *vs*, универсализация отношения акцентного выделения к смыслу и структуре высказывания.

В настоящем разделе речь будет идти о мелодике только вопросительных предложений следующих типов.

- I. Общий вопрос.
- II. Вопрос с вопросительным словом.
- III. Переспрос.
- IV. Уточняющий вопрос.
- V. Альтернативный вопрос.

Смысловая структура вопросов идентична тем, которые использовались при эксперименте с финно-угорским материалом (см. главу вторую).

I. Общий вопрос

Румынский язык

'Вы были в Ленинграде?' — вопрос, предполагающий однозначный ответ: да — нет.

Ați fost la Leningrad?

Общая модель единообразна: начальный подъем — понижение — резкий подъем к началу слова *Leningrad* — ступенчатое понижение.

'Вы были раньше в Москве?' — *Ați mai fost la Moscova?*

— фигура, повторяющая предыдущую с резким подъемом на первом слоге слова *Moscova*.

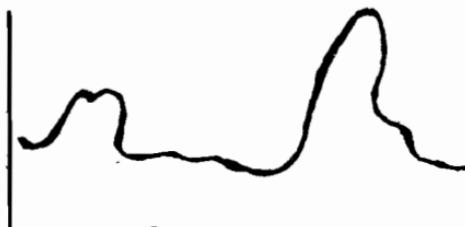
'Вам здесь нравится?' — *Vă place munca dumneavoastră?*

— два подъема: на *place* и на ударном слова *dumneavoastră* с последующим резким понижением.

'Вы мне еще раз не прочитаете?' — *N-ați putea să citiți încă o dată?*

— сглаженный подъем на *n-ați* с резким подъемом на *dată* с последующим понижением.

Таким образом, мелодическая модель румынского общего вопроса, удивительно единообразная у всех дикторов, предстает как потенциально двувершинная, причем сглаженность первого подъема обратно пропорциональна общей протяженности высказывания. Заключительный подъем велик, с резким последующим падением; подъем начинается на первом слоге финального слова

Греческий язык

Έχετε πάει στο Λειτουργάντ;

Резкий подъем на первом слоге слова Λειτουργάντ с последующим резким понижением на уровень значительно ниже начального.

Έχετε επισκεφτεί παλιότερα τη Μόσχα;

— та же модель с резким подъемом на Mo- и очень резким понижением. У одного из дикторов наблюдался второй подъем на επισκεφτεί.

Σας αρέσει εδώ;

— резкий подъем на последнем слоге εδώ с последующим резким падением на этом же слоге.

Μου το διαβάζετε ακόμη μια φορά

— резко выделено слово фора (подъем-понижение).

Модель греческого общего вопроса напоминает румынскую, но отличается большей слаженностью в нецентровой части, контрастирующей с более резким подъемом и падением в центре вопроса

Албанский язык

Ju keni genë në Leningrad?

Модель нисходяще-восходящая с абсолютным конечным повышением до конца и понижением на Ju ke-.

Ju keni genë më pare në Moskë?

— в начале нисходящая модель с резким подъемом на Mo- с последующим неглубоким понижением.

Jure Ju pëlgen këtu?

— модель, повторяющая предыдущую.

A do të më lexoni edhe një herë?

— в конце осуществляется подъем до последнего звука. Таким образом, албанский общий вопрос имеет как бы две модели:

Болгарский язык

Били ли сте в Ленинград?

- резкий подъем осуществляется в центре высказывания на *ли сте* с последующим понижением. Модель воплощалась единообразно.

Били ли сте други път в Москва?

- прочитано в двух вариантах: повторение предыдущей модели и возникновение абсолютного небольшого подъема в конце.

Харесва ли ви тук?

- резко повышенная зона на участке *-ресва* с последующим понижением у одного диктора; та же модель на участке *-ва ли ви* — у другого.

Ще ми прочетете ли още веднъж?

- повышенный центральный участок *ли о-* в одном прочтении и *-тете ли* — в другом. В обоих случаях перед повышением отмечается легкое понижение.

Таким образом, болгарская модель оказывается не конечно, а центрально ориентированной

Сербохорватский язык

Били сте у Ленинграду?

- резкий начальный подъем на *Били* и второй подъем с последующим понижением на ударном слоге слова *Ленинграду*.

Били сте рани е у Москви?

- повторение предыдущей модели.

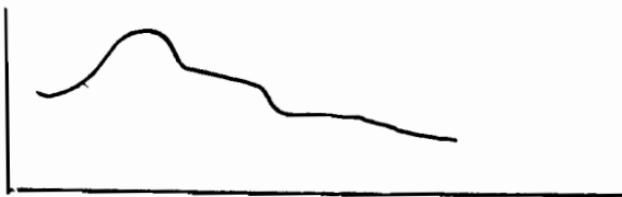
Свића ли Вам се овде?

- резкий начальный подъем на глаголе с последующим понижением.

Не бисте ли ми прочитали још једном?

- начальный подъем на *бисте* с последующим плавным понижением.

Сербохорватская модель напоминает болгарскую, но с большей левоориентированностью. В огрубленном виде она как бы зеркальна по отношению к неславянской балканской конструкции. Однако участок: подъем-понижение здесь более плавен:

Македонский язык

Сте били ли во Ленинград?

- резкий подъем на участке *били ли* с последующим понижением.

Сте били ли порано во Москва?

- воплощаются два повышенных участка: *били ли* — как в предыдущем примере, и конечная часть (ударный слог) слова *Москва*.

Ви се допаѓа тука?

- подъем в центральной части слова *допаѓа* с последующим понижением.

Нема уште еднаш да ми прочитате?

- два подъема — понижения: на *нема* и на *прочитате*.

Итак, македонский общий вопрос представляет следующие модели:

модели 2 и 2а отличаются понижением конечного ударного слога — абсолютным (2а) и с наличием заударных (2).

II. Вопрос с вопросительным словом (специальный вопрос)

‘Когда Вы первый раз были в Москве?’

Румынский язык

Cînd ați fost primă dată la Moscova?

— единообразная модель прочтения с сильным подъемом на ударном слоге вопросительного слова и постепенным ступенчатым понижением до низкого уровня.

‘Где Вы учитесь?’ — *Unde ați făcut studii?*

— та же единообразная модель.

‘Какие языки Вы учите?’ — *Ce limbi ați invacat?*

— подъем на *Ce* с дальнейшим резким понижением; таким образом, ‘какие языки’ не воспринимаются в качестве единой составляющей вопроса.

‘Куда еще Вам хотелось бы поехать?’ — *Unde ați vrea să mai mergeți?*

— два варианта прочтения: 1) постепенное ступенчатое понижение и 2) резкое понижение после вопросительного слова.

Таким образом, румынский специальный вопрос отличается:

1) отсутствием повышения в конце; 2) подъемом на ударном слоге вопросительного слова; 3) понижением всей мелодической линии:

Греческий язык

Πότε επισκεφήκατε για τη πρώτη φορά τη Μόσχα;

В мелодической модели два повышения: на ударном слоге вопросительного слова и в конце, после общего понижения в абсолютно конечном слоге.

Που σπούδαζετε;

— та же модель, конечное повышение может по уровню приближаться к высокому началу.

Τι γλόσσες μαθαίνεται;

— та же модель.

Пон Ѹа Ѹелате акбрса уа уате;

— та же модель.

Единообразно произнесенная модель греческого специального вопроса имеет, таким образом, два максимума: в начале и в абсолютном конце (последний не сопровождающийся дальнейшим понижением):

Болгарский язык

Кога сте били за първи път в Москва?

— повышение к ударному слогу вопросительного слова, затем повышение на участке *-га сте би* с последующим понижением. В абсолютном конце — второе повышение. Отмечен вариант без конечного повышения.

Къде учите?

— подъем на участке *-де у* — с последующим понижением и абсолютно конечный подъемом.

Какви езици учате?

— подъем на участке *-ви е* — дальнейшее понижение вплоть до конца (в одном прочтении) и конечный подъем (во втором прочтении).

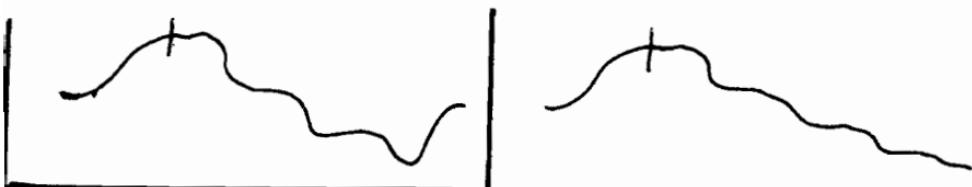
Къде още бихте искали да отидете?

— резкий подъем на участке *-де о*, а конечное повышение осуществляется на слове *о-ти-дете*.

Итак, болгарская модель специального вопроса осуществляет первичный подъем на участке, состоящем из двух слогов: ударного слога вопросительного слова и следующего за ним слога. Конечное повышение может осуществляться или не осуществляться.

Модель 1

Модель 2

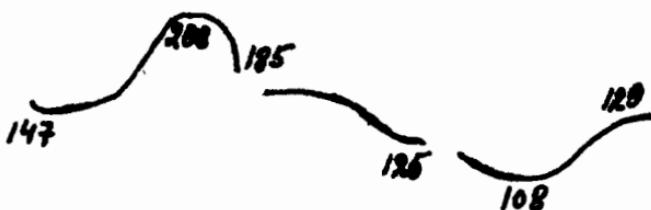
Сербохорватский язык

Када сте први пут били у Москве?

- высокое положение вопросительного слова в зоне ударного, затем ровное понижение.

Где студирате?

- повышение-понижение на ударном слоге вопросительного слова, затем понижение и в конце абсолютное повышение тона.

Које језики учите?

- подъем на *ко-је*, затем понижение, после него подъем на ударном начальном слоге слова *језики*, затем понижение и в конце небольшое повышение.

Куда бисте још желели да отпуштујете?

- в прочтении наблюдается несколько подъемов: *ку-*, *би-сте* и конечный подъем.

В соответствии с указанными типами прочтения вывести сербохорватскую модель специального вопроса, не ориентируясь на акцентную структуру слова, затруднительно.

Македонский язык

Кога сте били првпат во Москва?

- резкий подъем к ударному слогу вопросительного слова, затем резкое понижение, ровный тон и в абсолютном конце — вторичное резкое повышение.

Каде учите?

- та же модель.

Кои јазици єи учите?

- очень резкий подъем на первом слоге вопросительного слова и затем резкое понижение с небольшим подъемом в абсолютном конце.

Када уште би сакале да патувате?

- высокое положение вопросительного слова — (подъем на первом слоге от 200 до 240 гц), затем понижение в абсолютном конце

опять повышение (т. е. перепад от 135 гц до 192–227 на конечном слоге).

Таким образом, македонская модель специального вопроса может быть представлена как

Албанский язык

Kur Ju keni qenë për herë të parë në Moskë?

— начальный подъем на вопросительном слове, затем постепенное понижение и повышение в конце.

Ku mësoni Ju?

— высотный максимум отмечается на вопросительном слове, в абсолютном конце представлено вторичное повышение.

Cfarë gjuhe mësoni Ju?

— та же модель.

Ku keni dëshirë të shkonit akoma?

— очень резкий подъем в конце, так что он даже превышает максимум начала.

Албанский язык также знает, таким образом, два повышения в специальном вопросе, причем последнее (конечное) повышение может быть очень сильным:

III. Переспрос

В работе (Николаева, 1977) демонстрировалась важность мелодики переспроса для типологической характеристизации. Славянские языки разделились на две группы, сохраняя отношение дополнительной дистрибуции в оппозиции: общий вопрос/переспрос. Кроме того, как указывалось выше, мелодика переспроса обычно характеризуется наибольшим интонационным сходством по языкам.

В данном параграфе анализируется мелодика трех вопросительных слов, повторяющих вопросительное слово предыдущей реплики, но уже в функции переспроса: 'Когда?', 'Где?', 'Какие?' из бинарных конструкций:

- (1) — *Когда Вы первый раз были в Москве?*
— *Когда?*
- (2) — *Где Вы учитесь?*
— *Где?*
- (3) — *Какие языки Вы учите?*
— *Какие?*

Румынский язык

- (1) — *Cind?*
— имеет единообразное мелодическое воплощение: очень сильный подъем на гласном и последующем сонанте от низкого начала звучания.
- (2) — *Unde?*
— три диктора воспроизвели ту же модель, что и (1), но четвертый диктор произнес модель с конечным понижением на заударном.
- (3) — *Ce aștute?* — представлено три варианта произнесения:
1) модель типа *cind*;
2) вышеуказанная модель четвертого диктора с повышением и понижением на заударном конечном слоге;
3) модель специального вопроса (см. выше).

Таким образом, в румынском языке было представлено три типа произнесения переспроса:

Л. Дэскалу, специально занимаясь мелодикой изолированных вопросительных слов в румынском языке (Dăscălu, 1980), к сожалению, не анализирует их в функции переспроса.

Греческий язык

Пότε;

— резкий подъем на первом слоге, понижение и резкое понижение в абсолютном конце, т. е. как бы компрессия двух типов вопроса — специального и общего;

Пόιες;

— резкий подъем до конца гласного в одном варианте чтения и повторение предыдущей модели — в другом;

Пοιές;

— первая модель произнесения.

В греческом языке доминирует модель:

1

параллельно
с ней

2

Болгарский язык

Кога ли?

— резкое повышение на ударном слоге вопросительного слова, затем понижение и второй резкий подъем на конечном гласном (частица *ли*); второй вариант чтения — понижение после *кога* без вторичного подъема.

Къде ли? — повторение указанных выше вариантов.

Какви ли? — то же самое.

Болгарский язык, таким образом, представлен двумя вариантами переспроса:

1

2

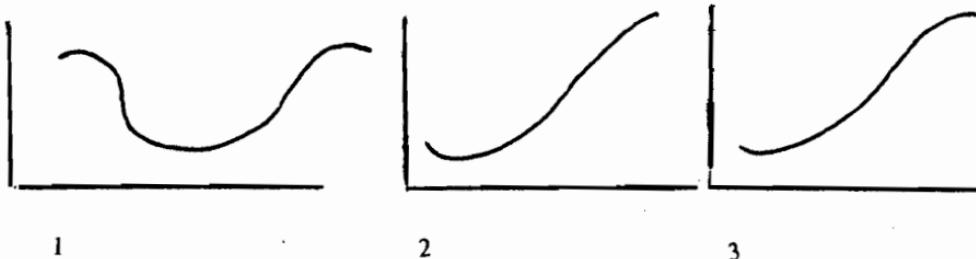
Албанский язык

Kur? — понижение от высокого уровня и повышение с абсолютно конечным понижением; второй вариант — повышение с конечным понижением.

Ku? — та же модель; второй вариант — повышение до абсолютно конца.

Çfarë? — Первая модель: как в *kur*, вторая модель — абсолютное повышение.

Албанские мелодические варианты переспроса:

1

2

3

Сербохорватский язык

Када? — понижение от среднего уровня, потом повышение с абсолютно конечным понижением.

Где? — та же модель.

Kоje? — та же модель.

Сербохорватская модель переспроса:

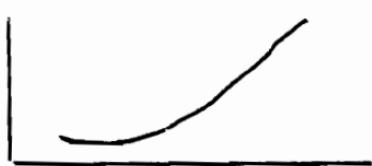
Македонский язык

Кога? — резкий абсолютный подъем на конечном ударном слоге.

Каде? — та же модель.

Kou? — резкий подъем на ударном слоге с последующим понижением.

Таким образом создается впечатление двух вариантов одной модели, определяющихся акцентной структурой слова, т. е. местом ударения

1a

1б

IV. Уточняющий вопрос

В эту группу мы относим два вида вопросительных предложений. Это, во-первых, предложения с *A*, хорошо известные в русской интонологии по работам Е. А. Брызгуновой (см. ее пример *A Наташа?*), определившей, что в примерах подобного типа господствует особая интонационная конструкция ИК-4, характеризующаяся низким положением ударного слога с последовательным дальнейшим повышением. Мелодические совпадения этого типа семантики высказывания, с одной стороны, и функциональные схождения этого интонационного контура, с другой стороны, в славянских языках (см. Николаева, 1977) очень разнообразны. В одних уточняющий вопрос совпадает по форме с переспросом, в других — с общим вопросом. Наконец, указанная конструкция может функционировать в одних языках в вышеописанном употреблении, т. е. быть уточняющим вопросом, а в других языках соответствовать общему вопросу.

В эту же группу вошли и две фразы, уточняющие, какие именно языки человек учит: 'Итальянский? Французский?'

То есть анализировалась мелодика трех предложений:

- (1) 'А русский?"
- (2) 'А в Киеве?"
- (3) 'Итальянский? Французский?"

Румынский язык

(1) *Darrusa?*

— единообразное воспроизведение в виде фигуры с резким подъемом на первом слоге и последовательным понижением после резкого перепада к rusa.

(2) *Dar la Kiev?*

— та же модель; причем существенно, что понижение произошло сразу же после dar, таким образом, место ударного слога оказалось нерелевантным.

(3) *Italiana? Franceza?*

— совершенно другая модель: низкое начало, еще более пониженное положение ударного слога, после чего резкий подъем на заударном с небольшим понижением на нем же.

Итак, эти два типа оказались различными и по функции, и по форме.

Румынская конструкция с 'A':

Румынская конструкция собственно уточнения:

Греческий язык

Как роотка;

- низкое начало, понижение после рф, затем резкий подъем на последнем слоге с понижением на нем. Вариант чтения — та же модель без конечного понижения.

Сто Кіро;

- низкое начало, подъем, начинающийся на Кі и продолжающийся до конца; вариант — резкий подъем на конечном слоге без понижения.

Італіка; Галіка;

- модель с небольшим повышением-понижением на первом слоге, затем низкий тон и резкий подъем в конечном слоге с глубоким понижением на нем же.

Другой вариант — еще более резкий подъем на конечном слоге, без конечного понижения. В отличие от румынского, в греческом языке эти оба уточняющих типа вопроса оказываются интонационно близки.

Таким образом, можно говорить о двух вариантах одной модели безотносительно к ее сегментному составу:

1а

1б

Болгарский язык

А руски?

- соответствие русской конструкции ИК-4, по Е. А. Брызгуновой: с низкого по тону ударного слова начинается резкий и доходящий до конца подъем.

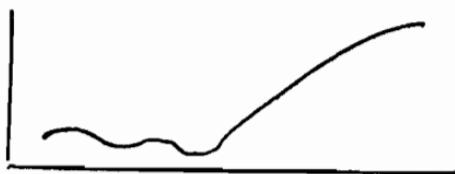
А в Киев?

- та же модель.

Италиански? Френски?

- та же модель, но с некоторым понижением у одного диктора в абсолютном конце слова *италиански*.

Итак, в болгарском языке представлена только модель:

Македонский язык

А руски?

— та же модель, близкая ИК-4.

А во Киев?

— та же модель.

Италијански? Французски?

— та же модель.

То есть в македонском это модель:

Сербохорватский язык

А руски?

— понижение к ударному слогу, затем резкий подъем к последнему слогу и небольшое понижение на нем.

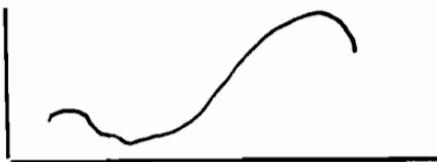
А во Киеву?

— та же мелодика как бы распределяется по двум последним слогам.

Италијански? Французски?

— повышение начинается на ударном слоге.

Единая модель для сербохорватского языка:

Албанский язык

Ju jeni rus?

— подъем от ударного слога до самого конца.

Po nё Kijev?

— та же модель.

Italichten? Frengjishten?

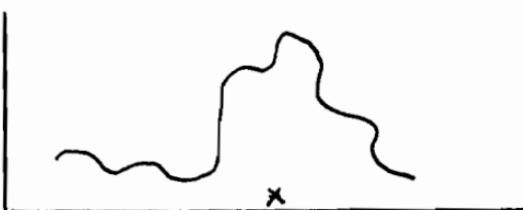
— совершенно отличная от А-модели мелодика с высоким и поднимающимся ударным и низким и понижающимся заударным.

Это значит, что оба семантических типа выделенной нами группы албанских предложений не пересекаются и интонационно, как и в румынском языке.

Модель с 'A' в албанском языке:

Модель собственно уточнения:

V. Альтернативный вопрос

В параграфе первом настоящей главы альтернативный вопрос (как и некоторые другие типы вопроса) рассматривался в совокупности основных просодических структур. Однако при этом в центре внимания был не мелодический контур именно этого типа вопроса в его парадигматическом противопоставлении другим мелодическим контурам вопросительных высказываний, а то, как ведет себя при этом определенное заданное фонетическое слово, противопоставляемое такому же сегментно слову, но с другим ме-

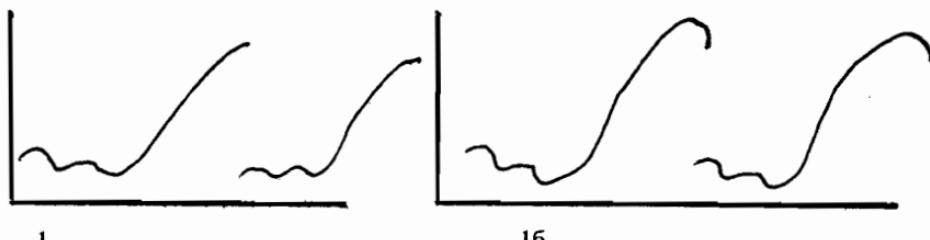
стом ударения в той же позиции. Поэтому, в основном, анализировалась терминальная часть первого члена альтернативного вопроса.

В настоящем же параграфе рассматривается только мелодический контур альтернативного вопроса, но обоих его членов. При этом в качестве второго члена в одном случае выбрано отрицание: 'Это интересно или нет?', во втором — полностью семантически равны оба члена: 'Итальянский или французский?' (естественно, что структура второго примера, в свою очередь, сопоставляется с уточнением — 'Итальянский? Французский?').

Румынский язык

В румынском языке в первом альтернативном члене имело место понижение на ударном слоге, затем повышение до конца (вариант — с небольшим понижением в конце). Существенно, что эта модель повторялась и во втором члене. Так произнесены были оба примера: *E interesanta său nu?*; *Italiana său franceza?*

Общая модель румынского альтернативного вопроса:

Греческий язык

Είναι ευδιάφερον η όχι; ..

— в произнесении имеют место три мелодических подъема: в начале на участке *-vai εv-*, в зоне ударного слога предикатива в первом компоненте с последующим понижением и в абсолютном конце на *-χι*. В другом прочтении последний максимум приходится на ударные *ο-(χι)*.

Вариант — второй член произносится без мелодического подъема на понижении.

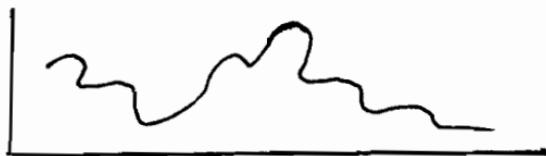
Ιταλικά η Γαλλικά;

— та же модель с повышением на *I-, η-* и на последнем слоге *κα-*. Другой вариант — второй член произносится без подъема и с последовательным понижением. Таким образом, в греческом языке допускаются две модели.

Модель 1

Модель 2

2

Болгарский язык

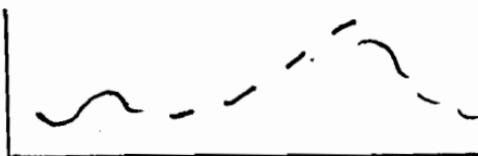
Това интересно ли е или не?

— два мелодических подъема: на ударном слоге местоимения *това* и сильный подъем в конце слова *интересно* (от ударного и далее), затем идет плавное абсолютное понижение на *е или не?*

Италиански или френский?

— высокое положение на начальном слоге *италиански*, затем очень высокий и осуществляющийся до конца подъем на *-ански*, далее — плавное понижение тона.

Итак, болгарская модель единообразна:

Сербохорватский язык

(1) *Је ли то интересантно или не?*

— модель достаточно сложная: высокий подъем на *је ли*, низкое положение ударного слога в *интересантно*, затем резкий подъем, после чего — понижение и незначительное повышение на *не*.

(2) *Италијански или французски?*

— оба альтернативных члена оформлены с подъемом-понижением на ударных слогах, но второе повышение мелодически расположено ниже.

Две модели сербохорватского языка:

Македонский язык

(1) *Toa je интересно или не?*

— подъем на *тоа*, затем понижение, потом высокий подъем-понижение на ударном слоге первого члена, после чего — плавное понижение.

(2) *Италијански или французски?*

— та же модель, только роль первого подъема играет высокое положение *и-тали-ански*.

Единообразная модель македонского языка:

Албанский язык

(1) *A është interesant kjo apo jo?*

— высокое положение первого слова, понижение, после повышение на ударном первом члене, а затем — плавное понижение. Другой вариант — небольшое повышение в конце на отрицательной частице *jo* (см. выше сербохорватскую аналогичную реализацию).

(2) *Italishten apo frëngjishten?*

— та же модель, что и в сербохорватском языке, т. е. оба альтернативных члена выражены через подъем-понижение на ударных

слогах, однако второе повышение находится мелодически в более низком регистре. У одного из дикторов второй альтернативный вариант расположен в том же регистре.

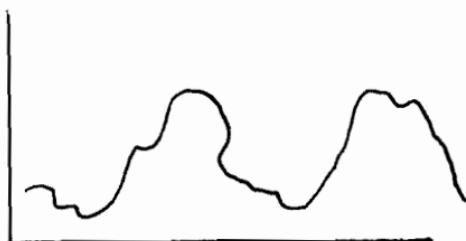
Албанские модели:

1

1a

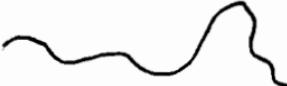
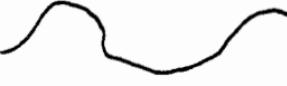
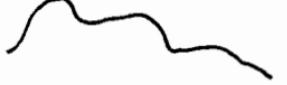
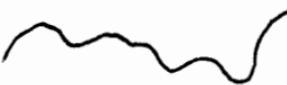
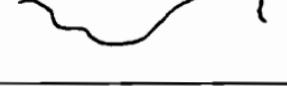
2

Из сопоставления всех данных по мелодике вопросительных предложений балканских языков, рассмотренных в настоящей работе, можно сделать некоторые обобщающие выводы. Они сделаны в табличной форме.

Существенным в выводах является тот факт, что на основании функционального анализа всех контуров мы не можем ни расчленить эти языки по какому-то признаку, ни объединить их по другому. Таким образом, существует некоторое общее ядро контуров, которые могут в каждом языке БЯС иметь разные функции. При этом возможна и синонимия, и омонимия. Из этого следует, что интонационная система БЯС как целого находится в состоянии становления, поскольку нет ни единобразия отношения: форма/функция, ни каких-то ярких особенностей, присущих только одному языку. Именно такое разнообразие отличает креолизованные структуры.

Что же отличает интонационную систему БЯС от других интонационных систем Европы?

Таблица 2

Тип контура	Общий вопрос	Вопрос с вопр.сл.	Переспрос	Уточнение	Альтернат. вопрос
	алб.			греч. болг. алб.	
	рум. греч.			алб.	с-х.
	алб. макед.		с-х. алб.	рум. греч. с-х.	рум. алб.
		рум. болг.		греч.	алб. болг. макед.
	греч. с-х. алб. макед. болг.		греч. болг.	макед. греч. алб. болг.	алб. рум. греч.
			рум. греч. алб. макед.		с-х.
	болг. с-х. макед.		болг.		
			рум. макед. алб.		

Это: тенденция к высокому подъему в конце специального вопроса (все языки, кроме румынского), тенденция помещать центр общего вопроса в середину контура или даже влево (славянские языки БЯС), не-по-словное выделение поднимаемого центра (а как бы некоторым куском; это тоже в славянских языках БЯС). Иначе говоря, славянские языки БЯС обладают контурами более рыхлыми, менее сглаженными и меньше выделяющими центр.

Глава пятая

Просодия текста

§ 1. Темпоральные характеристики балканских текстов

В главе III и IV демонстрировались средние показатели продолжительности слова/звука в балканском слове и синтаксической единице/звука в балканском высказывании. Отмечались как парадигматические (языковые) регулярные ряды, так и абсолютные регулярные ряды, и абсолютные преференции: дикторы стремились произносить с одной и той же скоростью звуки и ритмические единицы.

Анализ темпоральных характеристик, полученных из обработки текстовых данных (интонографирование производилось в Лаборатории экспериментальной фонетики Университета дружбы народов им. П. Лумумбы) показал, что диктор имеет дело с многими временными программами, иерархическую дистрибуцию которых оказалось не всегда возможным выявить.

1. Первая рассматриваемая характеристика — это средняя продолжительность звука в тексте. Как уже указывалось, анализировались три вида текстов: художественный текст, сказка и народный стих.

Результаты получились абсолютно единообразные: минимальная средняя продолжительность звука представлена в чтении текста, затем в сказке и самая большая — в народном стихе.

Приведем полученные данные:

Средняя продолжительность звука (в мсек)

Текст Сказка Стих

Сербохорватский	72,56	76,67	81,48
Македонский	75,23	76,01	82,69

Болгарский	77,09	81,89	90,69
Греческий	61,25	67,48	70,25
Албанский	97,01	114,94	129,83
Румынский	73,22	74,05	87,42

Данные дикторов усреднялись. Замеченная закономерность была единообразной по всем языкам и по всем дикторам, кроме двух дикторов — румын, у которых средняя длительность звука в художественном тексте была выше, чем в сказке: $D_1 = 83,8/79,9$; $D_2 = 71,6/70,8$. Поэтому, при усреднении румынских данных, разница оказалась небольшой. Народный стих все читали единообразно, с максимальной средней продолжительностью.

Возвращаясь к двум высказанным ранее положениям: о том, что при чтении текста эксплицируется максимум отточенных в данной культуре возможностей просодической выразительности, и о том, что языковая эволюция связана с компрессированием звуковой цепи при установке передать больше информации в единицу времени, мы находим, что они взаимоподтверждаются в свете указанных выше средних данных по звуку. Естественно, что средняя продолжительность звука по тексту (как более позднему жанру) и должна быть меньшей, а длительность в народном стихе должна быть наибольшей. Однако и на этот раз мы вынуждены отказаться от соблазна считать просодию сказки реликтом более древней формы просодии, поскольку с абсолютной достоверностью мы можем говорить лишь о более древнем жанре, сохранившем свою просодическую модель. Архаические формы просодии в целом должны опираться на комплекс признаков, реконструируемый в целом. Что касается временного аспекта, то он, как видно, полностью предсказуем.

Второй группой характеристик являются данные по средней продолжительности речевой единицы в указанных жанрах:

	Текст	Сказка	Стих
Сербохорватский	1355,67	1119,47	1656,20*
Македонский	1175,54	1035,93	1458,14
Болгарский	2149,44	1866,90	1673,79
Греческий	1416,46	1326,55	2408,03
Албанский	1257,38	1121,03	2039,44
Румынский	1976,3	1864,77	1148,75**

*Учитывалась продолжительность уже заданной стихотворной строки.

**Румынский стих «Miorița» сам по себе линейно краток: от 12–16 звуков и потому и его длительность не может быть большой.

В связи с этим нас заинтересовал вопрос о средней продолжительности ритмической единицы в стихотворной строке, поскольку выше были приведены суммированные данные по строке, в реальном же чтении цезуры (или паузы) разделяли строку на две части. Поэтому для стихотворной строки в остальных языках были подсчитаны средние длительности первой половины строки, средние длительности постцезурной части и отношение между ними.

	Строка		
	Первая часть	Вторая часть	Отношение перв. ко втор.
Сербохорватский	677,3	1064	0,63
	767,1	758	1,01
	860	860	1,00
	1225,75	1171,87	1,04
	957,3	991,4	0,96

Таким образом; в среднем (кроме сербохорватского) отношение колеблется от 0,96 до 1,04, т. е. цезура делит строку примерно пополам.

2. Выше говорилось о средней продолжительности звука в речевых единицах по жанрам и о средней продолжительности самих этих единиц. Между тем реальный набор средних продолжительностей звука в пределах каждой единицы демонстрирует не менее интересные и более нетривиальные результаты. А именно: оказалось, что существуют некоторые предпочтаемые, «любимые» скорости, которые можно расположить в определенной иерархической последовательности.

Предпочтаемой скоростью для всех дикторов явились следующие абсолютные показатели (в мсек):

66,6 — Эта скорость полностью соответствует приведенным В. Левелтом (Levelt, 1989) средним скоростным показателям общечеловеческой речи. Это примерно 15 звуков в секунду.

Другие общие показатели для всех языков:

68,5; 70; 74,2; 75; 77,7; 80; 83,3; 88,8; 100.

Для каждого языка, помимо указанных, были также очевидны свои предпочтаемые скорости:

Сербохорватский:	68,8; 73,3; 91,4;
Македонский:	63,7; 64,5; 73,6; 91,0.
Болгарский:	68,2; 68,4; 72,9; 91,4.
Греческий:	58,8; 60,0; 67,5; 73,3.
Албанский:	73,3; 87,5; 102,2; 120,0.
Румынский:	68,1; 73,1; 91,0; 117,0.

Кроме того, предпочтаемые абсолютные скорости есть и у каждого диктора. Эти данные, для облегчения текста книги, мы здесь не приводим.

Сложно ответить на вопрос, есть ли свои излюбленные скорости у разных жанров. Здесь можно сказать следующее. Та скорость, которая в одном языке (или у одного диктора) используется, например, для сказки, в другом языке (или у другого диктора) используется при чтении текста и т. д. Это же относится и к скорости стиха. Например, скорость 96,6 мсек, характеризующая стих в сербохорватском, в македонском и болгарском встречается, в основном, в тексте сказки.

Эти цифровые данные приводились, в основном, для того, чтобы обратить внимание на тот феномен, что в языке существуют не только относительные структурно-реляционные отношения, но и какие-то абсолютные квантитативные единицы, интерпретировать которые пока еще не пытались. Еще раз вернемся к этим показателям. Практически средняя скорость укладывается в диапазон от 60 до 100 мсек. Можно представить себе, поскольку подсчет осуществлялся до сотых долей миллисекунды, что результатом будет колоссальный по вариативности континуум скоростей в этом диапазоне. Однако это не так — предпочитается примерно десять основных вариаций.

Сказанное относится и к средней протяженности речевых единиц. Приведем некоторые данные.

Общие для всех величины:

560; 600; 1000; 1060; 1520; 1640; 1920.

Однако необходимо заметить, что средние продолжительности речевых единиц в гораздо большей степени совпадают, чем средние продолжительности звуков. В последнем случае все же могут обнаруживаться какие-то индивидуальные скорости, которые встречаются только у этого человека. Для скорости речевых единиц такого практически нет. Например, при чтении греческого стиха, «Баллады о мертвом брате», «излюбленной» протяженностью первой, до цезуры, половины строки было 880 мсек. Эту же единицу мы часто встречаем в сербохорватском

тексте, сербохорватском стихе (вторая половина), албанской сказке, первой половине албанского стиха, в македонском тексте, греческой сказке, румынской сказке. И так можно сказать о каждой речевой темпоральной протяженности. Таким образом, речевая единица имеет меньше склонности к чисто индивидуальному варьированию. Это заставляет предположить, что время речевой единицы и набор единиц является более заданным и человек подстраивается к ним со своей индивидуальной скоростью.

Не имея в своем распоряжении данных о других языках, мы не можем сказать, в какой степени эти цифровые показатели характеризуют именно балканские языки.

Более специфичным в этом смысле является другой абсолютный показатель, обнаруженный при чтении текста и особенно рассказывании сказки. Это предпочтение определенного числа звуков в речевой единице, т. е. человек останавливается не только после прохождения определенного времени, но и после прохождения определенного числа звуков. Эти две программы могут частично пересекаться. Излюбленными являются две последовательности: 10–11 звуков и 16–17 звуков. Приведем иллюстративный материал (10–11 звуков):

Сербохорватский: *њего ме носи; и избеглица; и чује у шуми; преко ватре; кућ моме оцу; змијини цар; а она му каже; тице и траве* и т. д.

Албанский: *pas takimit; nga lokalet; flisnim për; ne dere hyne; çuditë risht, ujë nde krua; i thotë plaka; e doi furënë; të dy duartë.*

Македонский: *и самиот бог; помисувам; од мој от нам; еден арслан; го попрашал; сеа да видиш.*

Болгарский: *а той ги зема; на кум Милен; и ще ни видят.*

Греческий: *δέ σού τὴν εἴδε; γάρ χαρά πούσ.*

Румынский: такого не встретилось.

Примеры были приведены с целью показать, что подобные речевые отрезки могут быть любой синтаксической структуры.

Это же относится и к отрезкам в 17 звуков. См. только у одного диктора (македонский): *по младинска задача; ёавол нека ја однесе; и со прст се заканува; со своите заискрени; де еднама, де другата; за да го врзат појако; и внатре еден глушец; му се фрлил на вратот; то прегризал јажето.*

В наибольшей степени эти отрезки представлены в сербохорватском, македонском и албанском, меньше в болгарском, совсем мало — в греческом и абсолютно случайно — в румын-

ском. С осторожностью можно высказать предположение, что именно эти два отрезка встречаются неслучайно. Они соответствуют основным типам славянского народного стиха. А именно — нерасчлененному восьмисложнику (17 звуков) и половине десятисложника с цезурой (10–11 звуков). Это предположение очень заманчиво и заставляет думать, что некоторые предпочитаемые временные исходные единицы в синтаксически мало ограниченном повествовании совпадают с средней стихотворной строкой народного стиха. Не слишком целесообразно ставить здесь вопрос о первичности. Несомненна архаичность этой структуры, вероятно, восходящей к господству изохронной тенденции. (К сожалению, мы не располагаем данными об албанском стихе.)

3. Естественно, говоря о временных характеристиках, поставить вопрос о том, каково распределение этих характеристик на синтагматической оси, иначе говоря, каковы ритмические закономерности текста. Для этой цели были построены графики распределения средних длительностей звука и средних длительностей речевых единиц по жанрам. Для каждого жанра проводилось сопоставление по языкам, сравнивалась средняя длительность речевой единицы в болгарском, македонском и сербохорватском языках. Прежде чем сравнивать эти данные, необходимо напомнить, что во всех трех случаях текст был примерно равен одной странице, т. е. около 30 строк письменного текста. К сожалению, ритмических закономерностей нам вывести не удалось, вероятно, были необходимы тексты большей протяженности. Можно заметить только, что текст сказки во всех языках кончается короткой речевой единицей: см. понижение к концу графика. Художественный текст и стихотворение кончаются длительным отрезком — повышение в конце графика. Таким образом, можно считать, что временные программы конца по жанрам различаются.

Рисунок 2 (см. с. 258–259) показывает чтение четырьмя дикторами-румынами стихотворного текста «Миорица». Определялась ритмичность средних длительностей звука и средних длительностей речевых единиц. Видно, что совпадения здесь только попарные, причем в разной дикторской комбинации.

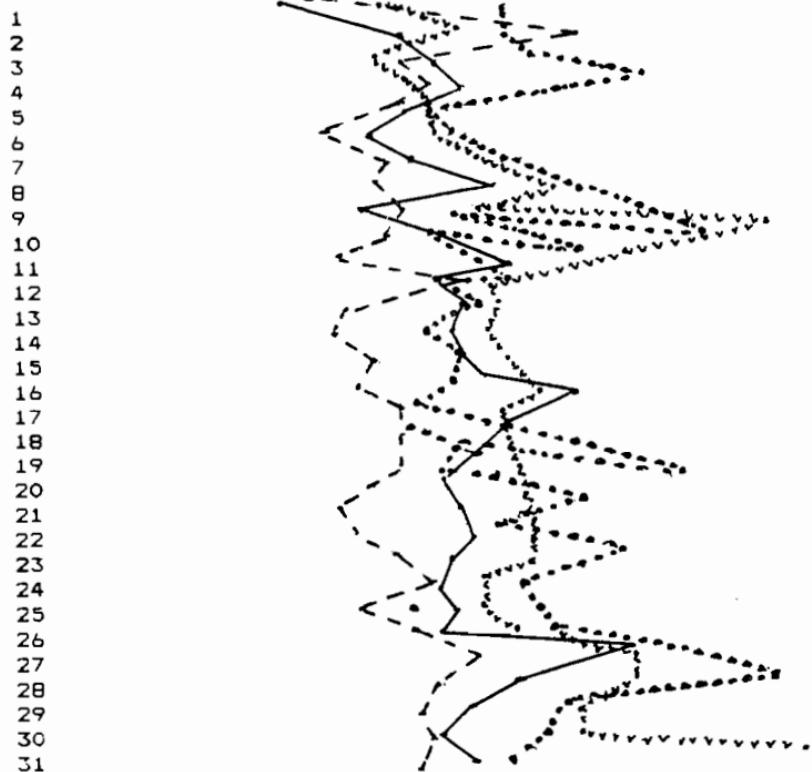
Наиболее напоминающим ритмическую упорядоченность является текст сказки. Приведем в качестве примера румынскую сказку (диктор 4, данные в мсек) в виде цепочки длительностей последовательных речевых единиц:

Рисунок 2
Средняя продолжительность звука и строки в стихе (в мсек)

График № 1

Средняя продолжительность звука в румынском стихе «Миорица»

№ строки 60 70 80 90 100 110 120 130 140 (в мс)

D_1 — ; D_2 --- ; D_3 • • • ; D_4 $\vee \vee \vee \vee$

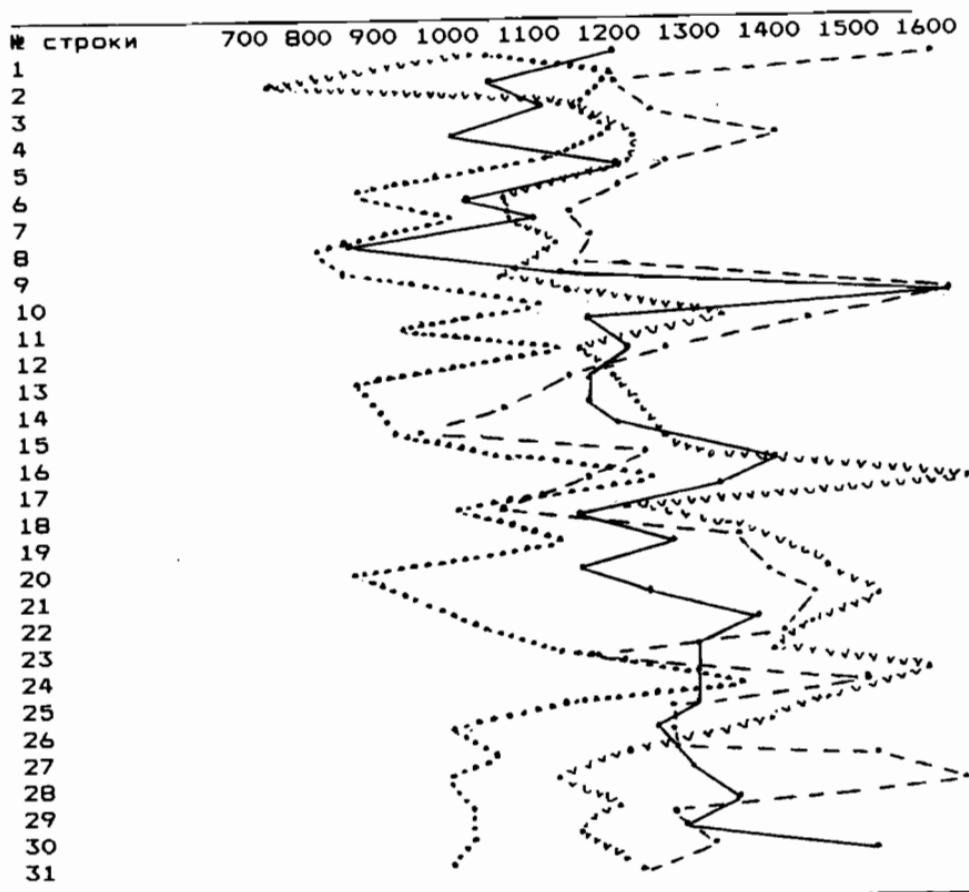
Типичная СД звука: D_1 — 91 мсек; D_2 — 77 мсек; D_4 — 87 мсек

Пики подъемов (по строкам):

D_1 — 2, 7, 10, 16, 19, 27, 29, 31; D_2 — 2, 12, 27;

D_3 — 4, 8, 10, 16, 20, 23, 29; D_4 — 4, 8, 11, 17

График № 2
Средняя продолжительность строки в румынском стихе «Миорица»

Д₁ — ; Д₂ --- ; Д₃ ••• ; Д₄ √ √ √ √

1020—1020—1160—1260—880—1340—1920—1360—1180—720—
1280—1220—1680—1060—420—1160—680—1410—2200—700—100—
760—126—480—1760—880—1260—980—1560—1280—1180—1540—
1080—2120—520—860—1840—1780—940—1780—940—700—720—
520—700—1800—920—660—960—420—740—2000—1140—1280—940—
740—1120—1840—720—1480—1280—1040—940.

Всего здесь в цепочке 61 речевая единица. Из них повторяются:
1020 — 2; 1260 — 3; 880 — 2; 1180 — 2; 720 — 2; 1060 — 2; 1280 — 4;
420 — 2; 700 — 2; 520 — 2; 940 — 3; 720 — 2; 740 — 2.

Таким образом, через 13 отрезков времени описывается 30 единиц, т. е. половина текста.

Приведенный текст начинается с бинарной последовательности 1020—1020. На этом считаем необходимым остановиться.

Именно такая бинарная изохрония, относящаяся как к речевым последовательностям, так и к средним продолжительностям звуков, была отмечена для всех языков БЯС.

Приведем некоторые примеры (в мсек).

Последовательности речевых единиц:

Сербохорватский

900—900 — *опколио пожар / и како је чобан;*
1600—1600 — *и почну се разговорати / својими језиком говорећи.*

Болгарский

1120—1120 — *рече плахо Янка / и се притисна до него;*
1360—1360 — *Недей, Стойчо, ще ни видят / Не сме в село да ни
видят.*

Албанский

1200—1200 — *në një tavolinë / në goshe s'paskan ardhur,*
960—960 — *nuk kishin ndruar / edhe kafeja.*

Как видно по примерам, представлен и синтаксический параллелизм.

Обратимся к бинарным последовательностям средней продолжительности звуков.

Сербохорватский

70—70 — *шта се њиме добило / Дали је разумно торећи и вечерас?*
75—75—75 — *«За Бога, синко! Где су?» / А она му каже све по реду,
како је био / опколио пожар и како је чобан;*
73,3—73,3 — *има у земли пун подрум / сребра и злата.*

Македонский

92—92 — *рикал, копал / и се ишо му препречило.*

Болгарский

66—66 — *че не може стигна / Стойчо дръпна оглавниците.*

Греческий

60—60 — *νά προχωρήσημε / Γιατί*

Албанский

100—100 — *gjatë këtyre tre vjetëve! / Ata tre pleqtë.*

Румынский

73—73 — *pentry copri / și le dă cîte un crîmpei de nărav;*

73—73 — *răsturnînd iarna cîte un pietroi de bîrloaga / spălindu-i în somn.*

Возможно, что здесь имеет место инерция программы речеговорения, возможно и совпадение скорости, поскольку эти же длительности звука повторяются и в других местах текста. Важно, однако, заметить, что бинарная последовательность речевых единиц встречается, в основном, в сказке, а бинарная последовательность средней длительности звука представлена больше при чтении художественного текста.

4. Все характеристики, о которых говорилось выше, относились к собственно просодическим единицам: речевому отрезку и звуку. Между тем текст состоит из слов и высказываний. В главе III анализировалась просодия изолированных слов, в главе IV проверялась их деформация /консервация в высказывании. В настоящем разделе осуществляется двойная возможность: определить модификации слов в тексте и проследить просодическое движение самого текста — на материале высказываний. В связи с этим анализировались следующие временные показатели:

- 1) сохранение ударного слога в слове как самого длительного (в тех языках, где это отмечалось для изолированного слова);
- 2) длительность конечного заударного по отношению к ударному внутри текста и в предпаузальной позиции;
- 3) величина предударных слогов в тех же позициях;
- 4) изменения всех этих характеристик в разных участках текста;
- 5) членение высказываний в текстах разного жанра; модификации типа членения по мере развития текста;
- 6) изменение темпоральных характеристик высказываний внутри текста.

Художественный текст

Многообразие временных программ слова воплотилось и в чтении текста.

Сербохорватский язык

Отчетлива тенденция к различному воплощению соотношения ударных и безударных в отношении к одной и той же функциональной позиции. В нашей нотации / справа означает внутреннее положение слова в синтагме, // — слово в конце синтагмы, но не в абсолютном конце, /// — слово находится в абсолютном конце.

Например, *пýтање* //, *колоvóза* // — заударный

110—90—160 120—160

длительнее ударного, но ср. *опráвда* //, *бóлнице* //, *дрvéћe* //

140—120 160—80 70—60

и т. д. Одни и те же слова широко варьируют длительность ударного: ср. *рат* — 100 /; 120 // и 100 ///; *бóлнице* // — 160, но *у бóлници* // — 100 и т. д. Внутреннюю временную структуру текста выявить не удалось. Безударные слоги начала (и конца — в ряде случаев) имеют характерную длительность 80 мсек, но эту длительность выбирают и ударные слоговые сонанты. Длительность ударного не определяется ни типом гласного, ни типом акцента, ни протяженностью слова. Ср.: *вóйске* /// — 130, *прóзор* / — 100; *бóтац* // — 140; *кáзати* //, *генерација* / — 140; // *как* — 60; /// *прáво* — 140; /// *Вáльда* — 100; *пýтање* // — 110; // *официýри* — 140; *сúтоном* // — 120; *улицу* // — 140; *изгубио* — 160 и т. д.

Македонский язык

В македонском языке наблюдается та же вариативность распределения временных структур слов в разных фразовых позициях и отсутствие видимых признаков временной рамки текста.

Ср. отношение ударных и заударных слогов в одинаковых фразовых позициях:

<i>задáча</i> //	<i>бéше</i> /	<i>лýце</i> ///
120—140	110—80	120—40
<i>блáго</i> //	<i>погléдом</i> /	<i>глáва</i> ///
200—120	120—70	100—60
<i>ўште</i> //	<i>подíгната</i> /	<i>трýпнати</i> ///
140—90	60—100—100	120—100—60

<i>смёшка //</i>	<i>сáкаше /</i>	<i>се срётнам //</i>
120–80	80–80–80	60–80–100
<i>вáшето //</i>	<i>другárка /</i>	<i>да се пойде //</i>
140–60–80	80–100	140–70
<i>кóса //</i>	<i>зaboráвам /</i>	<i>бóга //</i>
120–80	100–100	120–120
<i>другáри //</i>		
80–130–140		

Но в то же время структура одного и того же слова не сохраняется. Ср. //Прóпаст// и /прóпаст//
100–80 100–100

Небезынтересно, что и в македонском языке 80 мсек являются самым частым показателем длительности безударного; вторым таким показателем является 120 мсек.

Болгарский язык

Эти же тенденции сохраняются и в чтении болгарского текста.

Ср.: <i>колáта //</i> и <i>колáта //</i>
120–120 140–100
<i>ни вíдят //</i> и <i>ни вíдят //</i>
120–100 120

Ударный слог может превышать безударный:

<i>звéздíте /,</i>	<i>младíте //</i>
100–80	120–100

быть равным ему: *лíце* и уступать ему: *снáга //*

120–120	120–180.
---------	----------

Так же длительность ударного не определяется ни типом гласного, ни позицией его в слове.

Ср. <i>оглáвициte /;</i> <i>исплáва /;</i> <i>дакáши и да ýска;</i> <i>всýчко //</i> ; <i>мíг //</i>
200 140 160 200 100 100

и т. д.

Величина ударного в 120 мсек в болгарском представлена еще больше, чем в сербохорватском и македонском, и также не зависит от качества и позиции ударного гласного:

<i>Стóйчо //</i> (3 раза); <i>младíте //</i> ;	<i>подслúшвam //</i> ;	<i>сéло //,</i>
120	120	120

снáга //; *лíце /;* *ни вíдят* (2 раза) // и т. д.

120	120	120
-----	-----	-----

Эта величина представлена и в греческом тексте: *μέντη,* *κόρη*
120 120

Албанский язык

Несомненна структурированность по времени речевых отрезков и временна́я структурированность самого текста. Речевая единица оказывается продленной к концу. Таким образом, не только абсолютно конечный заударный, но и служебное односложное слово, оказавшееся в конце, могут быть почти в два раза длительнее ударного. Длительность самих ударных увеличивается в направлении от начала к концу речевого отрезка. В речевых отрезках также увеличивается протяженность конечного ансамбля к концу всего текста. Таким образом максимальной длительностью должен обладать ударный гласный конца. Это и подтверждается: см. *shkélma* ///.

200

Приводим некоторые албанские примеры:

<i>me sheger anës</i> //	<i>të teperuar</i> ///
70 70 80–160	140
<i>porosita</i> //	<i>të dashur</i> ///D ₁
160–180	160–140
<i>kafe</i> //	<i>të dashur</i> /D ₂
160	160–140
<i>tre pleqtë</i> //	<i>ardhur</i> /D ₂
160	260
<i>e mediton</i> //	<i>çuditërisht</i> //
180	180
<i>standart</i> //	<i>u ktheva</i> //
180	140–180
Но: <i>përséri</i> /,	<i>kur isha</i> /,
120	90
	70

Сравним с этим показатели длительности в начальной части отрезков: после длительной паузы (///), после конца предыдущего отрезка (//), внутри речевого отрезка (/):

<i>/// Pas takimit</i> //	<i>/huk</i> //
140	80
<i>/// Kafe «Tirana»</i> //	<i>/flisnim pér/</i>
70–80–100	90
<i>/// Kur isha</i> /	<i>/a Kiço Pela</i> //
70–90	70–60
<i>/// Në dere hynë</i> //	<i>/fytyra të panjo hura/</i>
80	60–70–60
<i>/// Pastaj kur hyra</i> /	<i>/Kafe «Tiranen»/</i>
130–80–130	80–80–100

В румынском языке отношение гласных в конечном двусложном ансамбле в конце речевой единицы при чтении текста чаще, чем в других балканских языках, строится на модели 1 : 1, т. е. заударный равен по величине ударному. По нашим славянским данным и наблюдениям, сходные структуры наблюдаются в украинском языке. См. румынские примеры:

de-o-parte; în cîtea; joş in casă; ciocolata;
90—90 50—50 100—100 80—80—120—120
in singurătate; englezest.

130—130 130—130

Существенным в целом является четкое различение ударных и безударных не в абсолютном конце; при этом безударные и в румынском языке также тяготеют к количеству 80 мсек. См., например:

Ursul statuse joş în casă.
110—80 80—90—100—80—100—100

Сказка

Сербохорватский язык

Как уже говорилось, речевая единица членения в сказке гораздо менее протяжenna, чем при чтении текста (ближе к разговорной речи). Временине же семантическое манипулирование свойственно сербохорватской сказке в гораздо меньшей степени, в меньшей же степени оказывается возможным выделить здесь начало, середину и конец речевой единицы. Можно говорить здесь о меньшем варьировании временной структуры слова. Ср. *чобан* (ударная гласная) в разных произнесениях:

чобан//, чобан/; чобан/; //чобан; чобан//.

80 60 60 80 60

Однако представлены и примеры типа

срέбра, злáта//,

80—120 180—120

срéбра// и злáта//,

80—120 80—80—140,

где обращаем внимание на странную краткость последнего ударного в сравнении с предыдущим произнесением слова *злáта*. Практически основными временными показателями являются 80 и 120 мсек. Но довольно странно, что они могут «меняться» при выражении ударного и заударного. См. примеры:

јéзик///; срéбра, злáта///; óпem; у двóр, свe порéду/;
120 80–120 120 80 80 120
је бýо/; ///чóбан; тýце//, на бróju//, лéже/; ///téк;
120 80 80–120 120 80 80
лéгне; чóбан//, пóдруm; срéбра//, ъéкаква//; чóбан//,
80 80 80–120 80–120 80 80
навéрно//, за бвцама//, пýску//, да вýди; запожáрило//,
80 120 120–80 80 80
ráдити//, вáтре///; свój//; вáтре//, до вráта//,
80 80 80 80 80
то вýди//, у чýду//, у чýду//, ja//; сe нíшта//, цар///;
120 120 80 120 120 120
мблицi//, за бвце/// бити нíшта.
80–80 120 80

Третьей популярной скоростью является 100 мсек; эта скорость также характеризует и ударные, и заударные слоги.

Однако нельзя абстрагироваться от специфики сербохорватского ударения. Параллельно с некоей, не совсем ясной нам, программой, согласно которой имеется набор «излюбленных» длительностей и их (видимо!) или случайное или, напротив, очень сложное, но пока неясное распределение, в сербохорватском тексте, несомненно, сохраняется и различие других и кратких ударных слогов.

См.: дођe//; дођ//; дођемо//; кад дођe//.

160 170 180 200

В исполнении македонской сказки создается впечатление малой вариативности слова в пределах текста.

Например: дýпка//и дýпка тa///; глúшец//и глúшeцом и т. д.

100 100 100 80 120 120

Так же, как и в сербохорватском языке, представлены три предпочтаемых скорости: 80, 120 и 100. Можно определить так, что 80 характеризует безударные слоги, 120 — ударные, а 100 — и те, и другие. Однако эта тенденция может нарушаться. См.:

врéме//, áрслан//, дáбот//, дýпка///; глúшец///;
100 100 120 80 100 120
глúшeцом//, вýдит//, опáшката//, дýпката///; мáка///;
80–80 80–80 120 80 100 100 80 120 80
макáта///; куртúлиса///; вráтом//, слóбоден//, áрслан//,
100 80 150 80 80 80 60 120 80 80–80–100 120

глущéон///; бил бóрчија// и т. д.

100—80 80 100

Иные временные характеристики редки,

например: *сýнцири//, даб* и под.

120—120—40 150

Отчетливо впечатление отсутствия временной структурированности текста как целого: абсолютное продление конца слова в сказке еще менее выражено, чем в тексте, исключение составляет конец общевопросительного предложения: *Toa ти было маката?* Здесь *маката* — 100—80—150.

Такое же слабое манипулирование темпоральными характеристиками слова в сказке мы находим и в болгарском языке. Предпочитаемыми показателями являются: 120, 140, 160 и 180 мсек. Величина 160 мсек характеризует ударные гласные любого качества, 140 — ударные и безударные, 120 — обычно заударные. См.:

réка///; лóвеха/; бахчеванджýата//, тóй//, на нéго///;

180 180 180 180 180

цár///; аджамýя//, по рекáта//, вéзме/; цárют///;

180 160 160 160 160

кáрайте/; млóго/; нéго//, бéше/; хóдеше/; кráют/; зéма//;

160 140 140 140 140 140

на лüдето/; да лóвиме/; лáмета///; му стáна/; двáта//;

160—140 140 140 140 140

jabалки///; да занесé/; как го видé/ и т. д.

120 120 120—160

Одно и то же слово может менять длительность ударного, например:

цар///; цар///; цар///

180 140 160

или сохранять, см.:

цárют///; цárют/; //цárют//, /цárют/; цárют///.

160 160 160 160 160

Текстовой особенностью сказки является тенденция к изохронии ударных в контактных словах любой грамматической принадлежности. Обычно эта бинарная структура возникает к концу или началу речевого такта:

млого ги арэсал//; и //цáрют млóго/; се наўчи цáрют//;

140 140 160 160 160

стóри негов зéнт///; бéше ергéн цár/// и т. д.

160 160 160 160

Таким образом, скорее представлена установка на ритмическое выравнивание, чем на смысловое варьирование.

Значительно большее смысловое варьирование было отмечено для албанской сказки. Так, продление ударного и/или заударного слогов увеличивалось в еще большей степени в абсолютном конце высказывания. Ср.:

që plakë/; një plakë//, të plaka//.

160–160 160–120 240–100

Но, как и в других предыдущих языках анализа, краткие незнаменательные слова и безударные слоги тяготели к величине 80 мсек:

//atje tek/; //I thotë/; //se kam/; të pres//, nga të//, e vetë//;

100 80 80 80 80 80

//E tek vate Marua.

80 80 140–100–180

Таким образом, создавалось впечатление, что речь может идти как минимум о трех темпоральных тенденциях:

1) использовать репертуар предпочитаемых временных характеристик; 2) увеличивать заударные слоги в слове и ударные вместе с заударными к концу речевого такта; 3) широко манипулировать временными показателями в зависимости от смысловой нагрузки. О первой программе мы будем говорить в заключении. Третья программа, отличающая именно албанское воспроизведение, может быть связана с тем, что исполнителями в этом случае были профессиональные радиодикторы.

Греческий язык в наибольшей степени отмечается стремлением к временной изохронии. См.:

ράβει

240–160

ράβει

240–160

ράβει

240–160

или для целого отрезка по ёвостке.

80 50 50 50

Ударные слоги так же часто отмечаются продолжительностью 120 мсек: μένη, безударные — 80 мсек — ταρνάνια.

120

130–60–80

Особая картина наблюдается в румынском языке, где можно говорить о большой темпоральной вариативности в пределах речевых отрезков. Эта произносительная манера оказалась присущей в равной степени всем четырем дикторам. Например,

Era odată o babă (D₁).

Era (105+150) + *odată* (70+70+40) + *o babă* (30+160+140).

Care avea trei feciori naști ca niște brazi și tari de virtute.

...și tari de virtute.

Конечное *de virtute* (Д₁ — 90+100+120+140; Д₂ — 70+100+100+120; Д₃ — 60+80+160+110).

Слитность, отличающая все романские языки, включая и румынский, проявляется и в исполнении сказки: слабая тенденция к изохронии всех возможных видов, и, соответственно, большая вариативность продолжительности речевых отрезков, с одной стороны, и наличие внутреннего временного структурирования, с другой.

Темпоральные характеристики стиха

Вопрос о просодических характеристиках стиха связан с важной для просодической диахронии проблематикой, а именно с тем, параллельны ли были в своих истоках стихотворная и сентенциальная просодии или одна выводится из другой. Дополнительной является при этом и другая проблема: сохраняет ли стихотворный текст более архаические формы просодического воплощения или его чтение тоже проделало многовековую эволюцию? Наконец, существенен и вопрос: верно ли читают народный стих носители современного литературного языка, дают ли адекватное воплощение коммуникативно-звуковым интенциям? Ведь по отношению к позднему авторскому стихотворению этот вопрос правомерен.

В определении темпоральных характеристик пословного и послогового воплощения стиха существенно ответить на следующие вопросы:

1) Как модифицируется ритмика слова в пределах стихотворной строки?

Ответив на этот вопрос, мы тем самым получим представление о внутренней организации самой строки. Решение проблемы во многом облегчает то, что в народном стихе часты лексические по-

вторы (или повторы словосочетания), в результате чего одна и та же единица текста оказывается в разных позициях внутри стихотворной строки.

2) Выявляется ли внутренняя просодическая организация не только строки, но и самого текста? При этом возможно получить ответ и о микроструктурах внутри текста, например о попарном объединении строк и о тексте в целом как макроструктуре.

В сербохорватском стихе (речитативный стих, эпос Косовского цикла) временная структура выявляется очень четко: стих разбивается в соответствии со смысловым членением на единицы от 2 до 4 строк. Например:

- 1) *Ураница Косовка девојка,
ураница рано у недељу,
у недељу прије јарка сунца;*
- 2) *засукала бијеле рукаве,
засукала до бели лаката,
на плећима носи леба бела,
у рукама два кондира златна;*
- 3) *у једноме лађане водице
у другоме руменого вина.*

Каждая из подобных единиц оформляется следующим образом: в начале идут краткие изохронные слоги с выравненными акцентами, в середине возможны более разнообразные отношения между ударными и безударными слогами, к концу слоги удлиняются, с возможным сохранением (или стиранием) различия ударных и безударных. Все это повторяется и в пределах целого текста изоморфным образом, т. е. начало всего текста более монотонно и «укорочено», середина более вариативна, конец больше растянут. Таким образом, сербохорватский стих отчетливо демонстрирует правоориентированность во времени линейных единиц. См., например, начало единицы (в мсек): *Ураница Косовка девојка* (100–90–80–100/100–100–80/ 100–120–120//), *ураница рано у недељу* (100–80–80–90/100–90/90–100–100–100//) и конец единицы: *засукала до бели лаката* (80–140–80–80/70–100–120/ 120–180–160//).

Такие же предсказуемые структуры находим и далее. То есть первая половина со слогами краткими и выравненными, вторая — растянута к концу с четким выделением ударных. См. единицу центра:

*Намера је намерила била
на јунака Орловића Павла,
на књежева млада барјактара.*

Характеристики начала: *Намера је намерила била на јунака* (100–80–120/80/60–60–60/100–70/80–80–90–60/) и конец: *на књежева млада барјактара* (90–110–60–60/160–60/70–100–200–70//).

Движение текста видно по характеристикам одних и тех же слов, находящихся в разных фразовых позициях:

<i>/// Ураница:</i> 100–90–80–100	<i>/по разбоју/:</i> 70–180–120–40
<i>//ураница:</i> 100–80–80–90	<i>/по разбоју/:</i> 60–140–90–180
<i>у недељу///:</i> 90–100–100–100	<i>/у животу/:</i> 100–80–100–120
<i>//у недељу:</i> 60–80–60–80	<i>у животу///:</i> 60–60–100–70.
<i>/// засукала:</i> 80–120–80–70;	
<i>//засукала:</i> 80–140–80–80.	

В болгарском стихотворении был представлен другой исконный славянский речитативный размер — восьмисложник (см. Гаспаров, 1989, с. 20). Несмотря на большую краткость сегментной стихотворной единицы, болгарская просодическая модель сходна с сербохорватской. Это — обязательное чередование краткого уравненного стиха и стихотворной строки с четко выраженнымми ударными и удлинением вправо. Отличие болгарского языка от сербохорватского, т. е. отсутствие в нем тональных акцентов, обеспечивает еще одну характерную черту болгарского стиха. Это выравнивание по времени ударных гласных независимо от их качества.

См. примеры:

Начало:

*Пофали се момина майка
с нощи вечер на кладенец
пред момите, пред момците*

1-я строка: 120–120–120–100/120–100–80/120–80//

2-я строка: 140–100/120–100/100–160–100–100//

3-я строка: 120–100–120–180/100–80–100–120.

Вторая половина речевой единицы:

*че си имала малка мома,
от слънцето ѹ по-хубава
от месяца ѹ дваж гиздава!*

1-я строка: 100–80–80–80/120–80/120–80//
 2-я строка: 100–180–60–60/90/140–120–100//
 3-я строка: 80–160–60–140/80/140–80–180–160///.

Видно, как во второй части «набирают силу» ударные и как осуществляется конечное продление. В первой же части величина 120 мсек относится и к ударным, и к заударным слогам. Демонстрируем просодию тождественных единиц в разных позициях стиха:

*малка мома//120–80/120–80; равни двори//140–100/200–140
 малка мома//160–60/200–120; равни двори//180–80/140–120
 малка мома//160–80/140–180; у момини//120–120–160–160
 малка мома//180–60/180–100 //,умомини 100–100–60–80
 ясна зора// 100–120/160–160
 //ясна зора 220–180/100–160
 //ясна зора 200–120/120–100
 ясна зора/// 140–100/160–120.*

В начале и конце стиха повторяется строка:

Пред момите, пред момците/

1-й раз: 120–100–120–80/100–60–100–120//
 2-й раз: 60–100–140–80/80–100–80–120//

Для болгарских прозаических текстов отмечались излюбленные показатели: 120, 80, 100. Они остались предпочтительными и в стихе. Несмотря на иную реальную расстановку ударений, при восприятии создается отчетливое ощущение четырехстопного ямба.

Восьмисложником был представлен и **македонский** материал. Здесь отмечена, по экспериментальным данным, та же просодическая закономерность: выделяется стихотворная единица из 2–4 строк, первая половина монотонна (монохронна), вторая — расщупана к концу. Ударные выделяются во второй половине. Эта закономерность может воплощаться и в одной строке: *ете иде турска војска*: 100–100 100–100/150–80/160–100. В исходе возможны варианты: продлен ударный и/или заударный, однако начало всегда монотонно с укороченными ударными. См.:

*Изникнала јаболкица:
 на две гранки две јаболки,
 на третата славеј пее:*

1-я строка: 110—110—80—80/80—120—80—120
 2-я строка: 80—100—140—100/120—100—120—100
 3-я строка: 60—100—80—100/100—130—200—80///.

Ямбическая тенденция проглядывает, но эта ритмическая безупречность может вовсе не соответствовать реальным ударениям. Параллельно с ямбическим чередованием наблюдается и тенденция к бинарной изохронии, т. е. равному количеству двух примыкающих слогов безотносительно к их ударности. См.: *стара Југро, чудовиште*: 120—120/120—120/80—100—100///. Подобных примеров много. Создается впечатление, что темпоральные характеристики слова варьируют не многообразно, а в рамках нескольких вариантов. См. слово *Турци* (турки) в разных позициях:

///*Турци* : 80—100
Турци// : 120—120
 /*Турци*/ : 80—100
 //*Турци*// : 120—120.

Другие примеры: *тенка Јана*/// 160—100/60—130
 ///*тенка Јана* 160—100/120—80
 ///*Јанко* 160—140
Јанко// 140—160.

Абсолютный конец сильно продлен.

Албанский стих представляет собой чередование шести-, семи- и восьмисложных строк. В этом исполнении (напоминаю, что это были профессиональные радиодикторы) структура стихотворной строки выглядела иначе, чем в славянском стихе. Однако необходимо заметить, что в стихе слоги представляют более краткими, чем в чтении текста и в сказке у этих же дикторов. Было впечатление правоориентированности албанского слова и выскакивания — к концу растягиваются ударные и заударные. См. (D_2):

Kom ni fijal fort ith,
Memed begut kush i thot,
Qi po t'pret veziri sod.

1-я строка: 90—80—120—120—160—140
 2-я строка: 90—80—140—100—60—140—160
 3-я строка: 60—80—120—120—120—100—160.

Как видно по приведенным показателям, границы слова в тексте не обозначаются, основной единицей является строка.

Характерно выравнивание ударных и заударных вплоть до возникновения серии гласных, см. 120–120–120. В албанском стихе возникают те же величины, что и в славянском: 80–100–120–160. Серийность появляется на уровне всех этих величин. См.:

veziri mue// faroa zot para tua!
120–80–80–80–120 80–140–140–140–140–80–120 и т. д.

При разбиении строки конечное продление осуществляется и в конце внутристочных отрезков. Например,

Memed begut /i kishin iħon//
120–80 200–140 100 60–120 240.

Последние две строки были произнесены с большей длительностью, чем середина стиха, начальные строки также несколько продлены.

Выше говорилось о малой сохранности албанского слова на синтагматической оси; этот же феномен обнаруживается и при сопоставлении просодии одного и того же слова, оказавшегося в разных стиховых позициях. См.:

//Memed kater plumbe//
120–80 110–80 200–120
//Memed//kater plumbe
80–120 80–50 160–110
Memed//
100–80.

Румынским образцом стиха был выбран отрывок из «Мирицы». М. Л. Гаспаровым этот текст приводится в качестве типичного примера румынской народной силлабики шестисложного стиха (Гаспаров, 1989, с. 238). Краткость строки обеспечивает большую слитность ее прочтения всеми дикторами, поэтому в известном смысле этот текст несопоставим с анализировавшимися выше.

Чтение во всех вариантах шло по одной модели: от сокращенного начала строки к растянутому концу. При этом возможны были следующие варианты, реализующиеся в конце строки: ударный > заударного, заударный > ударного, ударный ≥ заударному. Эта яркая продленность конца часто обеспечивается в стихе и на сегментном уровне. А именно:

1) ударный располагается в абсолютном конце, и тогда, по универсальным законам автосегментной фонетики, он должен быть длительнее, чем ударный неконечного слога: *invățăt, bărbat;*

- 2) этот конечный ударный приходится на слог с дифтонгом: *plai, rai, miei, ciobanei, zavoi, de noi, se voi;*
 3) конечный ударный приходится на слог, оканчивающийся легко продлеваемым сонорным: *moldovan, ungurean, vrîncean, ortoman;*
 4) пенультиимное ударение падает на слог с дифтонгом: *-zile-ncoace; oile ncoace;*
 5) за пенультиимным ударением идет сонант: *se vorbiră, laie;*
 6) оба приема объединяются: *sfătuiră, soare, omoare, bolnăvioară, mioară.*

Продемонстрируем начало отрывка в прочтении трех дикторов-румын (в виде исключения здесь приводятся и временные показатели согласных, которые еще нагляднее демонстрируют общее продление к концу):

Pe un//picior//de//pl ai

Д₃: 40—60—60 80—80—90—50—60—100 130—380

Д₄: 120 60—120—40—50—80—80—40—280

Д₁: 80—40—40—60—80—60—50—60—80—90—90—200

Pe//o//gură de rai

Д₃: 50—60—80—110—30—100—80—140—60—280

Д₄: 40—50—70—80—20—100—60—130—20—320

Д₁: 50—50—90—80—40—80—60—120—80—360

Ia//tă//vin în//cale

Д₃: 60—140—80—70—80—70—60—80—80 280—100—100

Д₄: 40—140—90—120 300 100—160—50—100

Д₁: 40—120—80—70—60—70—50—80—60—80—200—70—130

Se//cobor//la//vale

Д: 70—60 70—80—140—40—80—190—400

Д₃: 70 100—80—60—120—60—80—80—190—70—120

Д₁: 60 75—70—100—100—40—70—110—100—180—250

Trei//turme//de//miei

Д₄: 60—110—40—120—60—60—80—80—140 320

Д₃: 40—140—40—150—50—80—120—40—50—60—270

Д₁: 50—110—30—90—50—70—90—70—80—240

Cu//trei//ciobanei

Д₄: 70—60—60—120 70—80—600

Д₃: 50—90—60—120 100—60—80—100—90—200

Д₁: 60 50 150 70—90—50—420

Совершенно очевидно, что внутристочную ритмику долготные показатели не обеспечивают, поскольку ударные слоги могут быть равны заударным. Какова же функция столь резкого продле-

ния конца строки? Вероятно, это делимитативная функция (подкрепленная в данном случае и рифмой), эти финальные продления способствуют и ритмическому рисунку всего стиха как текста. Ту же функцию выполняют и отмеченные в прочтении «Миорицы» совпадения по длительности конечных ударных гласных. Например, (D_3): *rai; in cale; moldovan.*

280 280 280

С другой стороны, слово в разных позициях не сохраняет свою ритмику и может быть сильно деформировано (D_3):

laie//; *laie; (D₁):* *laie//;* *//laie.*
320–220 170–220 260–160 140–140

В греческом стихе «Балладе о мертвом брате» (Τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ) различия ударных и заударных, даже в конце речевого такта, сохраняются, см. κόρη//, μαλλιά τῆς.

180–120 160–100

Средние величины ударных: 160, 180, 200 мсек. Однако эти же продолжительности могут характеризовать и безударные: ср.

χρονῷ и τῇ χτενίζει/.
160 160

Одно и то же слово в тексте меняет длительность ударного:

γῇ χαρά//, γῇ χαρά //, γῇ χαρά //.
180 160 200

В то же время имеет место подстраивание по длительности ударного и безударных слогов: см.

'Αναθεμά σε/ и καὶ μυριανάθεμά σε//.
140 140 140 140 140 140

Таким образом, новогреческий стих демонстрирует параллельность нескольких временных программ.

§ 2. Мелодические характеристики текстов

Как свидетельствовали данные предыдущего параграфа, темпоральные характеристики балканских языков не были единообразными. Они не являлись также регулярными признаками ударных в тексте. Очевидно, что тексты сказок отличались в этом плане от художественного текста, а оба этих вида — от стихотворного текста. Кроме того, очевидным было, особенно в стихе, увеличе-

тие длительности к концу речевых отрезков, к концу же и наблюдалось более явное выделение ударных через их большую длительность. По сходной модели описываются здесь и мелодические характеристики. Цель описания — получить ответ на следующие вопросы:

- 1) Каковы основные типы мелодических фигур, используемых в трех анализировавшихся типах текста? При этом существенным является и общий тип мелодического контура, и рисунок коммуникативно важных интонационных центров.
- 2) Как используется мелодический (высотный) показатель для передачи словесного ударения в разных позициях слова?
- 3) Имеется ли некая тональная структурированность текста как целого?
- 4) Наблюдаются ли, при сопоставлении всех указанных характеристик, различия по языкам описываемого ареала?

Как и в предыдущем разделе, описание начинается с характеристик художественного текста.

Художественный текст

Сербохорватский язык

Мелодика сербохорватского текста — это чередование подчёркнутых участков с монотонизированными.

В каждом выбранном тексте, по условию, обязательно должно было быть несколько вопросов разного типа. Есть они и в сербохорватском тексте. Специальный вопрос оформляется несколькими яркими дугами: в начале с монотонной второй частью, идущей на постепенном ровном понижении, и вторым подъемом в конце.

Како Милена живи тамо?

В целом, ударные слоги регулярно отмечаются повышением основного тона. Однако создается впечатление, что основная форма выделения — поднятая дуга и акцентные различия могут смешиваться. Фигура конца, т. е. условного центра, может не быть ярче, чем в начале или в середине:

Нема разлога да се радује миру

В синтаксической функции незавершенности, при восходящей мелодике, представлены три мелодических фигуры:

Их дистрибуция, примерно, соответствует акцентам \cap , $\backslash\backslash$. Двуухпиковость наблюдается и в общем вопросе:

Да ли jeвечерас?

Итак, сербский текст представляет собой графически изрезанную дугами-подъемами на ударных и часто примыкающих к ним слогах поверхность с нечастыми монотонизированными участками. Примечательно, что во многих случаях конец дуги приходится точно на тот же мелодический уровень, что и начало. Например:

Болгарский текст близок по рисунку к сербохорватскому, но отличается мелодически рядом особенностей. Прежде всего, монотонные участки по протяженности оказываются значительно более длительными. Совершенно определенно они возникают в большом повествовательном отрезке перед его окончанием, т. е. перед точкой. То есть повествовательное распространенное предложение обычно выглядит как:

и с любов загледаха греховна земя

Но монотонный участок может быть и перед придаточным предложением, т. е. при незавершенности:

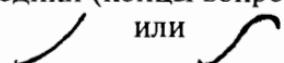
От небето хиляди звездици, като

Дугообразное выделение ударных, в отличие от сербохорватского, является более компактным, концентрируясь на ударном слоге: *Стойчо дръпна*

т. е. ударный слог может оформляться и вогнутой, и выпуклой дугой.

Интонационные центры восходящей мелодики (концы вопросов) отмечаются четкой восходящей линией:

Македонский текст близок к обоим указанным славянским. Однако в нем отмечалось еще больше (как по количеству, так и по протяженности) участков монотонности, особенно перед точковым понижением. Точно также меньше был диапазон дугообразных повышений в местах ударных словов слова (это можно считать индивидуальными особенностями). Но с несомненностью можно утверждать, что и в македонском осуществляется конечное возвращение дугообразного подъема на тот же уровень, что и его начало.

Общий вопрос оформлен двумя подъемами, с конечным в форме ИК-4, по терминологии Е. А. Брызгуновой, или в форме долгого восходящего в понятиях сербохорватских акцентов. Специальный вопрос, как и для отдельных высказываний, оформлялся общим понижением тона.

Ту же мелодическую модель представил, по нашим данным, и новогреческий язык. Все три диктора воплощали повествовательную модель как двукомпонентную: с резким повышенным началом с яркими дугами и монотонизированной второй частью. При этом не обязательно самым высоким был абсолютно первый ударный слог, часто именно им был второй ударный. Положение ударного может быть низким, и подъем таким образом начинается на нем. Например,

Ζήτησα νὰ τὸν (в общем произнесении)

Специальный вопрос кончается вторым, дугообразным, пиком.
См. например, Ποῦ πολέμουσε

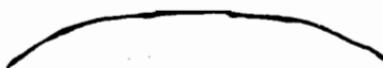

Интонационное завершение восходящей мелодики оформляется как , , , так что внешний рисунок всего предложения выглядит как .

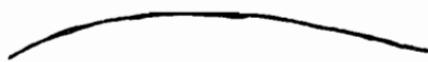
Точная дистрибуция этих фигур неясна, но можно сказать, что фигура появляется перед сочинительным союзом καὶ.

В представленной в тексте прямой речи наблюдается несколько иной рисунок фраз: нечто вроде симметричной дуги, высокий центр которой не определяется местом ударных слогов слова. Это относится и к оформлению вопроса, и к оформлению повествования. См.:

— Γιατὶ εἴσαι ξυπόληπτος;

— Με πονοῦν πολὺ τὰ πόδια μου

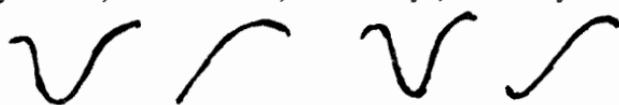

Попытка понять дистрибуцию полукаденций в полном объеме привела к выявлению только некоторого списка слов — носителей интонационной конечной фигуры, которые были всеми произнесены единообразно. Так с были произнесены: βουνά; δύοριάς; ποῦ; χιόνια; μεραρχίας; с — Ζήτησα; τὰ νύχια.

Так же изрезан дугами и албанский текст. Монотонных участков в нем меньше, чем в славянских, особенно в македонском, но на участке, ведущем к точке, обязательно представлено ровное, без подъемов, постепенное понижение. Подъем начала осуществляется к первому ударному. Так же, как и в других языках, дуга-ударный возвращается к начальному частотному уровню. Иногда (это есть и в сербохорватском) в абсолютно начальной ударной позиции реализуется не дуга, а резкий подъем. Полукаденции оформлены через фигуры

(т. е. без конечного понижения и с низким начальным положением ударной). Одни и те же слова могут быть оформлены в этой позиции по-разному: *shaka*, *chaka*; *kafe*, *kafe*

Сама структура текста менялась таким образом, что монотонность возрастала к середине. В середине было и больше дугообразных полукаденций с конечным понижением.

Таким же волнообразным выглядит и румынский текст. Яркое начало повествовательного предложения оформляется примерно двумя-тремя дугами и затем монотонным участком, поникающимся к точке. Однако специальные вопросы (например, *Cine a mîncat ciocolata?*) не имели вторичного конечного повышения. Отмечались оба вида выделения ударного: с низким его положением и высоким. Полукаденция оформлялась обычно конечным абсолютным повышением: , монотонные участки перед таким повышением были в среднем невелики. По всем четырем дикторам создавалось впечатление, что в тексте существует некое ритмическое чередование фраз типа

и фраз типа

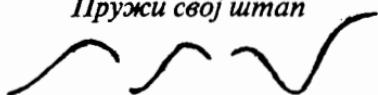

Возможно, это связано с общеуниверсальным ритмом восходящих и нисходящих мелодических конструкций в тексте.

Сказка

В сербохорватском языке мелодический рисунок текста сказки принципиально не отличается от мелодики чтения. Однако ряд различительных черт все же можно назвать. Прежде всего это обилие дуг выпуклого рисунка , равно употребляющихся для слов с разными словесными акцентами. Вогнутая фигура встретилась только однажды.

Пружси свој штап

Рисунки мелодики в конце речевого отрезка меньше по диапазону перепадов, чем начальные. Монотонизированные участки перед точкой в сказке еще более продолжительны. При дугообразном подъеме понижение точно до начального уровня сохраняется.

Этот рисунок: высокая часть + несколько равных по диапазону дуг + монотонный участок сохраняется и для описания мелодики болгарской сказки. При восходящей мелодике в конце осуществляется подъем типа . Таким образом, схематически оба основных типа можно представить как:

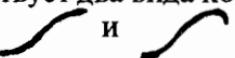
1.

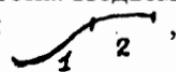
2.

Абсолютно первый подъем может быть во втором типе значительно выше конечного. Монотонных участков не в конечной части высказывания при исполнении сказки значительно больше, чем при чтении текста.

Сходная система выявлена и для македонского мелодического рисунка сказки. Однако в македонском существует два вида конца незавершенности при восходящей мелодике: и .

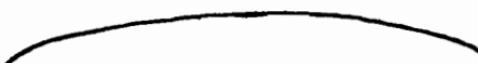
Их различие определяется наличием/отсутствием заударных слогов, т. е. на заударных слогах происходит понижение тона. Подъем на ударном слоге иногда захватывает и соседний слог:

т. е. вся фигура напоминает по рисунку сербохорватский акцент /. В отличие от болгарского, в македонской сказке было гораздо больше вогнутых дуг при выделении ударного.

Вопросы были оформлены слабым повышением в центре и дальнейшим ровным понижением, т. е. по рисунку было нечто сходное с финно-угорским вопросом (см. главу первую). Например:

Белки можам да ти помогна?

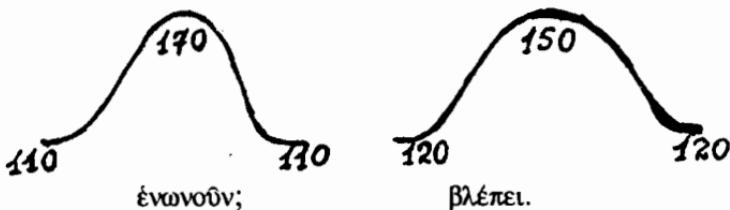

Еще в большей степени вогнутые дуги, выделяющие ударные, характерны для мелодики греческой сказки. Именно так, в частности, оформляются начала высказываний:

То χέρι; 'Н τρίτη

Однако обильно представлены и выпуклые дуги. Монотонные участки увеличиваются по мере движения текста. Сохраняется отмеченная для других языков тенденция возвращаться при понижении дуги над ударным слогом на тот же уровень, что и начало: см.

Албанский сказочный текст также как бы расчерчен многими дугами. К точковому концу идет ровное низкое понижение тона. Если кончался большой отрывок, то осуществлялся большой перепад тона:

Специальный вопрос оканчивался вторичным понижением с фразой типа : *Cé e doi furënë?* . Во-

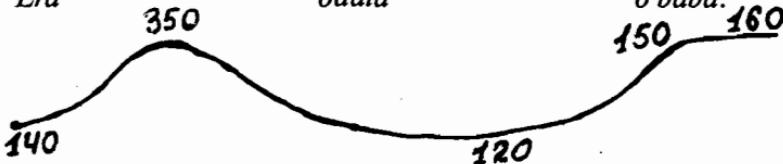
общее окончание выполняло в сказке, скорее, синтаксическую функцию связи незавершенных высказываний, а выпуклые дуги подчеркивали ударные слоги. Так же, как и в других языках анализа, второй дугообразный подъем во многих случаях был выше первого. Перед точкой также были монотонные участки, при этом монотонность в ряде случаев была практически абсолютной, даже без легкого понижения.

Волнообразный рисунок присущ и тексту румынской сказки. См. например: *O vie cu livadă frumoasă?*

Таким образом, в румынском языке может быть более одной дуги в одном фонетическом слове: *de virtute* и под. Выс-

казывания отличаются высоким абсолютным началом (см. выше иные данные в других языках), подъемом к первому ударному слогу: *Era* *odař* *o babā.*

К концу осуществляется ровное понижение. Монотонные участки достаточно велики.

Народный стих

Данные темпоральные характеристики как будто бы достаточно определенно свидетельствовали о внутренней структуре стихотворной строки, но, судя по всему, не они доминировали в создании стихотворного ритма. Каково же мелодическое устройство балканской стихотворной строки?

В сербохорватском языке в стихотворной строке отчетливы акцентные реализации. Стого говоря, представлено два вида мелодии:

дических фигур и . Безударные слоги монотонны.

Монотонными могут быть более протяженные участки, например: *руменого вина* или *цигерице беле*; *вином цвением* и т. п. Начало строк часто имеет следующий вид: высокое начало, затем — в случае любого акцента — ударный слог начинается низко и тон идет вверх (ср. у *неделью*; *засукала*; *уранила* и т. д.). Далее в строке представлено сочетание выпуклых и вогнутых дуг на ударных; часто распространение при акценте / высокого тона переходит на ближайший заударный слог, при этом, поскольку слова в стихе достаточно кратки, это придает очень яркий изрезанный вид сербской стихотворной строке.

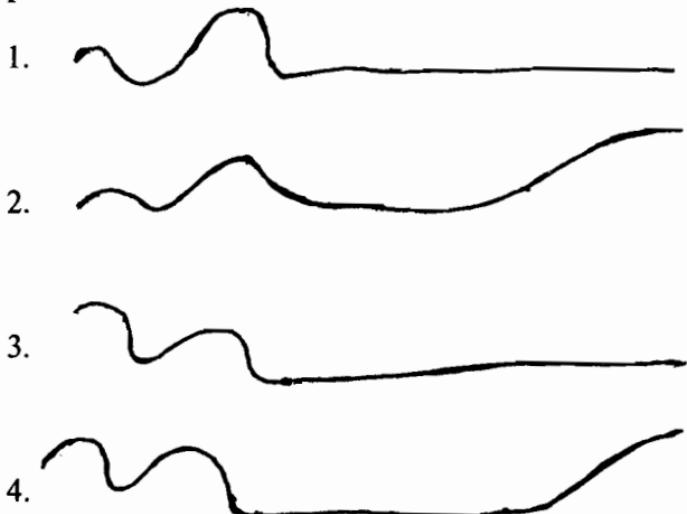
Сходным образом выглядит болгарский стих. Прежде всего, выделяются три типа мелодического оформления ударных слогов.

1. т. е. начинается на высоком. Например:
да калéса;
2. *пред момýте*;
3. *нофáли се* и под.

Легко заметить, что 1-я фигура напоминает мелодику сербохорватского \\\, 2-я — / и 3-я — с-х акцента ⌂. Таким образом, еще раз на этом примере можно убедиться в различии инвентаря реального фонетического арсенала и набора фонологизированных единиц. Однако в случае болгарского стихового мелодического воплощения ударного можно, вероятно, уже говорить о дефонологизации, так как современный болгарский не демонстрирует столь четкого различия оформления слогов; чтение же болгарской сказки характеризуется дугообразными подъемами на ударных.

Абсолютно другая мелодическая модель представлена при чтении македонского стиха. Первая половина строки определяется резким подъемом к первому ударному слогу. При этом первый ударный слог может быть самым высоким; возможен и вариант, когда более высоким является второй ударный слог. Вторая половина строки может быть абсолютно монотонной или иметь легкий подъем в конце.

Таким образом, возможны четыре варианта мелодических оформлений строки:

Примеры (в гц)

изникнала јаболкница

100 100 220 200–170 100–100 100–100 (№ 3)

на две гранки две јаболки

100 100 220 180 180 100 110 100 100 (№ 3)

старо југро, чудовиште

150 180 150 220 200 110–100–100–100 (№ 1)

уште речта не изрече

150 110 100–220 170 100 100 100 170–20 (№ 2)

што је старо, погубиле

180 120 180–200–150 100 100 200 170 (№ 2)

Јанко ми го однесоа

120–200 120 180 120 120 120 170 180 (№ 4)

В конце стихотворения монотонные части строк уменьшаются, и ударные выделяются.

Греческий стих пересекается построчной цезурой. Перед ней осуществляется полукаденционная фигура с обязательным конечным абсолютным восхождением. Эта же фигура может быть и в конце строки. Конечное понижение постепенное. Как и в других языках анализировавшегося ареала, абсолютное начало стиха представляет собой понижение + повышение в зоне первого ударного: , дальнейшее движение есть ритмическое чередование.

вание вогнутых и выпуклых дуг. Таков, примерно, рисунок первого полустишия:

Конец резко отличается своей монотонностью.

C_M..

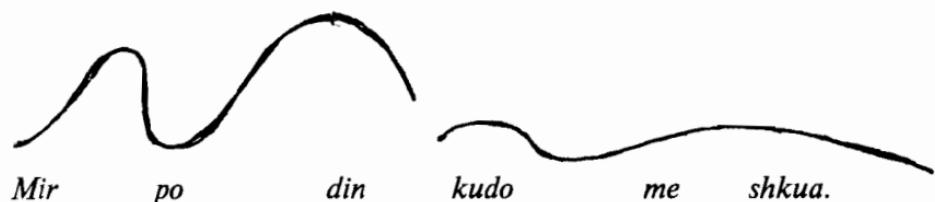
‘Οι οχτώ ἀδερφοί δε θέλουντε κι ὁ Κωσταντῖνος θέλει

К центральной части стиха выделение ударных чаще оформляется выпуклыми короткими дугами, и только в предцезурной части сохраняется то, что можно назвать мелодической фигурой, полукаденцией. Наиболее характерная фигура — это, как указывалось, , но встречалась и фигура , даже в тех случаях, когда последнее слово не имело заударных, например *перчаток*.

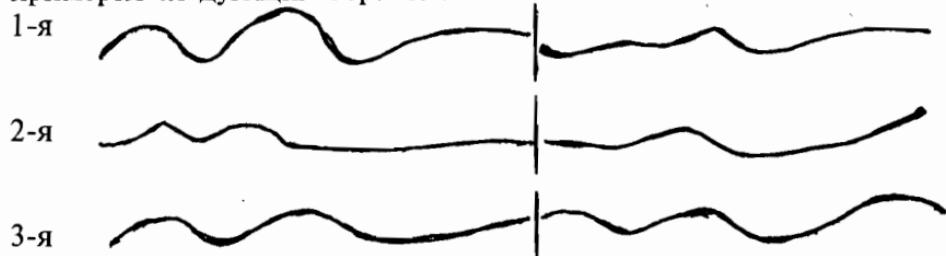
Дикторские варианты в чтении стиха были дифференцированы мало. Совершенно единообразно монотонно читаются отрывки-заклятия в прямой речи:

Αναθεμά σε, Κοσταντή, και μυριανάθεμα σε
и абсолютный конец:
Και τὸ φεγγαρί συντροφία και πάει νά τῇ φέρει

Албанский стих по модели мелодического воплощения близок к славянским. А именно — в начале строки осуществляется несколько ярких дугообразных подъемов на ударных, причем второй подъем может быть выше первого, начального; вторая часть строки менее вариативна и часто близка к монотонности:

Однако монотонные участки могут быть протяженными, так что целая строка может быть монотонной. Сам стих структурирован примерно следующим образом:

4-я — максимально монотонизирована.

Но эта модель может нарушаться, одни и те же отрезки могут иметь идентичное мелодическое воплощение в разных позициях внутри строки. Например, *der te külles*.

«Миорица», в отличие от всех других видов стиха, имеет самую определенную и ясную внутреннюю структуру.

Первый отрезок состоит из 2 строк, оформленных по «балканскому» образцу, т. е. подъемы в первой половине строки и монотонность во второй части. Третья и четвертая строки монотонны. Цикл повторяется, только с добавлением еще одной монотонной строки.

Третий цикл идет на резких выделениях ударных в первых двух строках: *Mări, se vorbiră/ Ei se sfătuira*,
затем также имеет место дальнейшая монотонизация.

Таким образом, стихотворная баланская строка обладает мелодической моделью, обратной, или антитетичной, темпоральной. А именно: в темпоральной модели нивелировано начало с укороченными ударными и ярок конец с продленным абсолютным концом и подчеркнутыми ударными. Мелодическая модель как бы зеркальна: подчеркнутое начало и монотонизация конца.

§ 3. Акцентные характеристики текстов

Как и предыдущие две характеристики, интенсивность в тексте на самом деле представляет собой сумму гетерогенных данных. Остановимся хотя бы на четырех из них.

Первая относится к просодии слова. Это сохранение в тексте акцентной кривой, во-первых, и выраженность-невыраженность через интенсивность словесного ударения, во-вторых.

Вторая — это просодия высказывания. Как именно оформляет интенсивность его начало, конец, середину?

Третья характеристика — это определение фонетических максимумов интенсивности в высказывании, т. е. особо подчеркнутых, выделенных через интенсивность слов, акцентно выделенных. Существенно при этом понять, есть ли какая-либо ритмичность в этом выделении или оно определяется смысловой нагрузкой текста и/или лексической принадлежностью выделяемых слов.

Наконец, все указанные результаты нуждаются в сопоставлении по жанрам, с одной стороны, и, с другой стороны, в сопоставлении языков изучаемого ареала.

Получение необходимых результатов по интенсивности было связано со многими техническими и методическими трудностями. Прежде всего, акцентно-просодические данные не имеют такой дробной функциональной таксономии, как мелодика и

длительность. Мы знаем, что интенсивность начала как слова, так и высказывания обычно в индоевропейских языках бывает выше, чем интенсивность конца. Известно также, что в ряде языков интенсивность передает, в качестве основного средства, словесное ударение. Наконец, интенсивностью подчеркиваются какие-то важные для смысла элементы текста. При этом интенсивность может вносить принципиально иные смыслы. Например: *Он был там пять раз* / = не знаем, как к этому относиться / и *Он был там пять раз* / = это очень много!/. Однако на более дробном уровне прочитывать акцентные флюктуации мы пока не умеем, и представления о них очень далеки от многомерной и тонкой структурированности темпоральных характеристик, легко укладывающихся в типологическую анкету, и от функционально-семантического набора мелодических фигур, объединяющих и смысл, и форму. Трудно пока сказать, определяется ли спорадичность знаний об интенсивности несовершенством методов или недостаточной систематичностью объекта. Поэтому и в настоящем разделе сведения об интенсивности будут тоже более эпизодическими, скорее, наблюдениями, чем описанием. В полном и единообразном виде, пожалуй, можно говорить только о представлении акцентной системы балканского стиха.

Художественный текст

В сербохорватском художественном тексте выразительные возможности интенсивности, в основном, сводились к функции делимитативной, т. е. четкого очерчивания слов. Особенно это было видно на фоне монотонизации высотных показателей. Интенсивность как бы «спасала» цельность слова. На протяжении текста абсолютные показатели менялись мало. Подчеркнутыми были, в основном, глаголы результативного статуса: *минула су*; *изгуби* и т. д. (см. об этом явлении: Николаева, 1982); в некоторых случаях подчеркнутыми были актанты: агенты и пациенты. Например: *Официри ће расстргнути* или *Једна нација изгуби своју интелигенцију*.

Иной оказалась структура болгарского текста в единообразном исполнении обоих дикторов. Интенсивность в ее максимальном воплощении выполняла функции некоей рамки синтаксической ориентации, очерчивающей начало и конец речевых отрезков. Поясняя свою мысль, приведем отрывок из текста, подчеркивая выделенные интенсивностью слова:

Тиха нощ галено прегръна всичко. От небето хиляди звездици, като ангелски очици, устремиха взор надолу и с любов заглядаха греховната земя. Пълнолика мясечинка изплава зад ридовете, засмя се сладко, и, като спря за миг, разгледа — разгледа, па спокойно ртъчна след звездите, като млад овчар след вакло стадо.

Оказалось, что в болгарском языке абсолютный показатель словесного ударения при выделении через интенсивность стремится к некоторому единому воплощению. Это было 4,2 мм (в этой системе измерений). См.:

<i>Двамата;</i>	<i>с любов;</i>	<i>Янка;</i>	<i>Кой;</i>	<i>И Стойчо;</i>	<i>Не сме</i>
4,2	4,2	4,2	4,2	4,2	4,2

Все эти слова — разной микроструктуры и находятся в разных фразовых позициях.

Однообразным рисунком интенсивности отмечен и македонский текст.

Сходно оформляет максимумы интенсивности новогреческий художественный текст. В целом выделение через интенсивность осуществляется в четырех ситуациях:

1) Подчеркиваются начала больших синтаксических отрезков (но не концы, как в сербохорватском), в том числе и вопросительные слова типа *коб*; *уаті*; 2) слова-интенсивы типа *полұ*; 3) частица *уà*; 4) глагольные формы, в том числе и причастия: *порољұбеi*; *сүүкоңушеi*; *полембe*; *пoюбu*; *катаљбаще* и под. Естественно, что наиболее предсказуемым, таким образом, оказывается подчеркивание глагола в абсолютно первой позиции. (Вспомним, что, строго говоря, это мы имеем и в русском языке, считая инверсионным выделением.)

Похожим было оформление албанского текста, однако, в данном случае, тот факт, что оба диктора были профессиональными дикторами радио, возможно, способствовал более обильному подчеркиванию — ради усиления общей выразительности текста.

Необходимо упомянуть также, что во всех языках анализа ярко выделена через интенсивность отрицательная частица, что уже отмечалось для отдельных высказываний в главе четвертой. При чтении русского текста и в кодифицированном варианте русской разговорной речи такое подчеркивание не считается нормативным, однако в разговорной речи такое подчеркивание отрицания отмечалось.

Все сказанное относится и к румынскому тексту. Это подчеркивание начал глаголов и отрицаний: *ne văzut*, *nevoit* и т. д. В румынском языке интенсивность подчеркивала начала слов, не совпадающих с ударением, например: *mirosea*, *pictroi*, *birloage*, etc.

Сказка

В сербохорватской сказке все, сказанное выше о художественном тексте, выражено еще отчетливее: очерчены границы отрезков, а поскольку отрезков больше, то и звучание кажется более интенсивным, не пропускаются слова-интенсивы типа *много* и т. д.

То же можно повторить и о македонском тексте сказки.

Особенно явно подчеркнут глагол в болгарской сказке: *излезоха*, *беше видел*, *ходеше*, *везми* и т. д. Абсолютное начало: *По едно време* выделено ярко. Гораздо слабее и не во всех случаях отмечены интенсивностью концы синтагм — *сос него*, *царют*, *ябалката* и т. д. Таким образом, акцентным центром речевого отрезка болгарской сказки во многих случаях оказывается глагол. Отмеченный для болгарского художественного текста предпочтительный максимум — пик интенсивности 4,2 мм — повторялся и во многих речевых тактах сказки:

По едно; беше видел; сал царют; царют и т. д.

4,2 4,2 4,2 4,2

Помимо глагола, в болгарском тексте сказки, как и в других языках, выделяются наречия-интенсивы: *далеко*, *хубаво*, *млого* и под. Иногда, в тех случаях, когда интенсивность подчеркивает не глагол (или не только глагол), а начала и концы отрезков, абсолютные показатели интенсивности идентичны. Например:

Той като отде праве горе и т. д.

3,8 3,8

В албанской и греческой сказке интенсивность в целом довольно низкая. Выделяется вопросительное слово в специальном вопросе и чаще всего первое знаменательное, полновесно семантическое слово.

Все сказанное можно легко проиллюстрировать примерами из румынской сказки:

O răzeșie destul de mare, o vie cu livadă frumoasă, vite și multe păsări alcătuiau gospodăria babei. Pe lîngă acesta mai avea <...>

Aşa făcu; şi-i rîdea inima babei le bucurie cînd gîndeau cît de fericită are să fie, ajutată le feciori şi mîngăjată de viitoarele nurogi. Ba de multe ori zicea în sine...

Стихотворный текст

В сербохорватском стихе функция интенсивности есть не функция строки, ее просодического оформления, не функция выделения словесного ударения, а функция выделения слова из стихотворного потока. При этом разница между началом и концом слова невелика, но она, несомненно, существует. Например:

*ураница/рано/у недељу — 4,2—4—4—3,5/3,7—3,7/4—4—3,8—3,7
у/једном/лађане/водице — 4,2/5—4,3—3,2/4—3,8—3/3,8—3,7—3,2
у другоме/руменога/вина — 4,5/4,5—3,8—3,7/4,2—3,1—3,1—3/3,2—2,2.*

Примечательно то, что предлоги в стихотворной строке не призывают к знаменательному слову, и не образуют с ним единое фонетическое слово. Например:

<i>у/недељу</i>	<i>до/бели</i>	<i>на/плечима</i>	<i>у/руками</i>
<i>3,8/4—4,3—4,2</i>	<i>3,8/4,3—3,8</i>	<i>4,2/4,3—4—4</i>	<i>3,8/4,8—3,8—3,8</i>
<i>у једноме</i>	<i>по/крви</i>	<i>у/животу</i>	<i>на/књежева</i>
<i>4,2/5—4,3—3,2</i>	<i>3,2/3,6—3,2</i>	<i>4,6/4,6—4,8—4,2</i>	<i>4,2/4,5—4—4</i>
<i>у/животу</i>	<i>до/кољена</i>		
<i>3,2/3,6—3,1</i>	<i>3,1/3,8—4—3,5—2.</i>		

В акцентных характеристиках намечаются две тенденции:
 1) разное выделение интенсивностью слогов в одной лексеме;
 2) серии идентичной интенсивности: *ураница* — 4—4—4—3,5; *у недељу* — 4—4—4—3,8; *рукаве* — 3,5—3,5—3,5; */на плеч/има носи* — 4,1—4,1—4,1—4,1; *леба бела* — 4—3,8—4—4; *у руками* — 3,8—4,8—3,8—3,8; *по разбоју* — 3,8—3,8—3,8—3,8; *вином црвенијем* — 4—4—3,8—3,8—3,8—3,8. Диапазон изменений интенсивности невелик (несопоставим с данными художественного текста): от 4,8 до 3 мм:

намераје намерила — 4—4—4—4—4,2—4—3,8.

Функции интенсивности в болгарской стихотворной строке иные. Интенсивность выполняет две задачи. Во-первых, она выделяет ударные слоги слова, а не очерчивает слово в целом, как в сербохорватском языке. Поэтому на границах слов осуществляются как бы акцентные сандхи, когда конечный слог предыдущего слова может быть равен начальному слогу следующего слова. На-

пример: *Пред момите, пред момице/2,5–2,5–3,5–2,5/2,5–1,5–3,5–1,5/*. См. и другие примеры, где выделенность ударного слога слова несомненна:

то провόди ясна зорá // ясна зорá калéсничка – 3,5–2,2–3,2–2/4,2–2,2/2,5–4 //4–2,5/2–3,8/2–4–3–1;

ближе к концу:

Tý ли си се пофáлила // с нóщи вéчер на клáденче – 9,2–2,5–2–1,8/3,1–4–2,5–2,5 //4–2/3,8–2–1,8/3,7–2,2–1,8.

Вторая функция интенсивности в болгарском стихотворении — выделение иктовых компонентов строки. Этими иктовыми точками являются первый ударный слог строки и ее последний ударный.

Например:

*Дé я зачú ясно слýнце
4,8–4–2–3,5–3–2,2–2,7–2
да се с слýнчом надгрéова и т. д.
2,6–1,6–4–3–3–3,7–1,5.*

При этом оба ударных могут быть равными по интенсивности, но чаще первый бывает более ярким, чем второй.

Более сложную (или менее устоявшуюся?) картину представила акцентная структура македонского стиха. Здесь уже можно говорить как минимум о пяти тенденциях. Это:

- 1) выделение ударных слогов;
- 2) создание серий ударных слогов;
- 3) создание серий безударных слогов;
- 4) создание серий безотносительно к ударению;
- 5) преферентное употребление одной постоянной акцентной величины.

Под серией ударных мы понимаем ту ситуацию, когда в достаточно длинной цепочке все ударные имеют идентичную интенсивность. Примеры (в мм):

јаболкнýца//на дvé грánки//дvé јаболки//; на трéтата/;
4 4 4 4 4 4

Кléти Турци/Арнаути, Jánко ми го однесоа//дека сонце/
4 4 4 4,2 4,2 4,2

што изгрева//а Jана јо однесоа//дека сонце/ параснáле//
4,2 4,2 4,2 4,2 4,2

израснáле и под.

4,2

Серии безударных:

на трéтата славеј пе. Бéгај, бегај, стара Јúгро// што е млáдо/
 3,8—3,8 3,8 3,8 4,3 4,3 4,3 4,3—3,7 3,8—3,8 3,8
поробиле и т. д.
 3,8 3,8

Общие серии:

стáра Југро, чудовиште//дéца сарачина тéнка Jáна//
 4,5—4,5 4,5—4,5—4,5 4,5—4—4—4—3,8 4,3—4,3 4,3—3,5
тенка Jáна и Jánкула а Jáна ja однесоá// и т. д.
 3,5—3,5—3,5—3,5—3,2—3 4,2—4,2—4,2—4,2—3,8

Наиболее предпочтаемыми акцентными величинами для ударных слогов были 4,2 и 4 мм (эти же величины могли характеризовать и безударные слоги).

Греческий стих в чтении всех трех дикторов практически не имел внутристиховых выделений. Только в прямой речи есть очень резкое (12 мм!) выделение *тòв оύρανó*. В основном интенсивность служит созданию рамки из двух выделений. Первое выделение осуществляется на ударном слоге первого знаменательного слова. Важно, что знаменательное слово выбирается вполне сознательно, предлоги и артикли как бы в расчет не принимаются. Второе подчеркивание имеет место в зоне ударного слога последнего слова, иногда начинаясь и раньше. Вот типичный пример (подчеркиваются пики интенсивности).

Οί ὄχτις ἀδερφοὶ δὲ θέλουνε κί ὁ Κοσταντῖνος θέλει

В некоторых случаях возможно расхождение пика интенсивности и ударного слога. Например *τρόπων* или *κατάρα*. Яркой рамкой интенсивности отмечены не все стихотворные строки; кроме того, за исключением заканчивающего восклицание *ε!δε!*, второй пик обычно бывает ниже первого.

Такие же два иктуса характеризуют и албанский восьмисложник; при этом второй пик интенсивности, в конце, может быть даже выше первого:

Çik ne more të ka pas çua.
 4,5 4,6

Албанский стих как бы делится на два небольших полустишия, к концу первого из которых интенсивность несколько повышается. В конце строки возможно и повышение, и понижение. Произнесение стиха близко к пословному, однако не-интенсивность очерчивает границы слова. И в албанском языке предпочтаемым

и акцентными показателями являются 4,2 и 4 мм. При этом этими показателями могут отмечаться и ударные и заударные гласные. Например:

<i>Mir</i>	<i>po</i>	<i>din</i>	<i>kudo</i>	<i>te</i>	<i>shkua.</i>
4 4	4,2	4,2	4	4,2	4—4,2

Иногда создается впечатление свободного оформления конца слов: или с повышающейся, или с понижающейся интенсивностью.

Акцентная кривая строки «Миорицы» создает впечатление внутренней структурированности стихотворного текста в целом. Первые две строки оформлены, точнее, обрамлены в начале и конце: *Pe.... rai*. Далее идут подчеркнутые концы: *cale, vale*, затем середина, причем в расхождении с ударением: *ungurean*. После чего, опять конечное усиление на шесть строк. Переход к началу: *mindre, cai, cîne* опять сопровождается переходом к центру — *iarba, ești, oile, negru* и т. д.

§ 4. Краткое заключение

1. Обращение к повествовательному тексту, как представляется, было удачным в том смысле, что позволило выявить некие закономерности, не имевшие возможности проявиться при анализе просодии изолированного слова или клишированных вопросительных предложений.

Наиболее интересным в данном случае считаем выявление абсолютных преферентных показателей. Факты микропросодии не фонологического плана уже давно известны и определены для сегментных единиц: существуют таблицы абсолютной высоты, абсолютной интенсивности и длительности звуков и их языковая типология. В отношении макропросодии издержки фонологической относительности были слишком велики. Наши данные позволили обнаружить предпочитаемые всеми дикторами величины речевых единиц, средние продолжительности звуков, предпочитаемые длительности ударных и безударных, показатели интенсивности. Всякие проявления жизни не только структурированы, но и оцифрованы. Это относится и к интонации.

2. Удалось обнаружить и сосуществование многих речевых программ, осуществляемых не всегда строго дистрибуировано.

Это:

- 1) тенденция к длине отрезков 10/11 и 17/18 звуков, т. е. к частям реконструируемого стиха: восьмисложнику и десятерцу (его полустишию);
- 2) тенденция к бинарной изохронии;
- 3) тенденция к изохронии ударных;
- 4) тенденция к изохронии безударных;
- 5) тенденция к серийности ударных-безударных;
- 6) все указанные тенденции в отношении к интенсивности.

Все эти программы кажутся слишком многочисленными. Однако никого не удивляет вся сложность коммуникативных намерений, скажем, при построении предложения: нужно и лексику продумать, и порядок слов выполнить, и не ошибиться в управлении. Просодия кажется слишком многомерной, если ее воспринимать как дополнение к графике. Но можно встать и на противоположную точку зрения: многолетние занятия просодией излечивают от графического гипноза.

3. Во всех языках БЯС были обнаружены фигуры мелодики как с высоким, так и с низким положением ударного. Сведения о других языках позволяют считать это явление, создающее своеобразную волнообразность текста, балканским. Фонологизацию этого явления имеем, однако, только в сербохорватском.

4. Просодия жанров анализа различалась. Речевые единицы текста были длительнее сказки, а скорость — меньше. То есть чтение художественного текста свидетельствует о более долговременной и вариативной программе. Просодия сказки приближалась к известным и по другим языкам описаниям спонтанной речи и была в наибольшей степени и однообразна, и предсказуема.

В чтении, кроме, может быть, румынского, не отмечалась высокая функциональность просодических средств, чувствовалась большая вариативность и малая упорядоченность. Во всех данных были (больше или меньше) длительные монотонные участки, особенно в сказке. Интенсивность, в основном, выполняла две функции: очерчивание начала и конца отрезков и подчеркивание слов трех категорий — отрицания, интенсивов-наречий и глаголов (особенно результативов и/или причастных форм); особенно глаголы подчеркнуты в сказке. К точковому концу часто идет слабое монотонное понижение тона. Напротив, именно длительность к концу отрезка увеличивается с более ярким выде-

лением ударных. С другой стороны, мелодика стремится выделять ударные слоги в начале отрезка, причем высоким часто бывает второй пик.

5. Все указанные особенности особенно ярко проявляются в стихе. Но в стихе проявляются и специфические особенности. Начальные строки формируются понижением с высокого уровня на первом ударном, затем повышением. Именно в стихе наблюдается чередование выпуклых и вогнутых дуг.

Начало мелодики стиха яркое, середина и конец более монотонны. Зато длительность более яркая к концу.

В разных языках стих может разбиваться на единицы по несколько строк, по две строки, по одной. Но их структура сохраняется. Таким образом, ударность слова в слове в начале может выделяться мелодией, а в конце — длительностью.

Все изохронные феномены (см. выше) в стихе особенно активны.

Интенсивность в стихе меняется в зависимости от языка. В сербохорватском очерчивает слово (причем без проклитического предлога). Болгарский и македонский выделяются интенсивностью не слова, а ударных слогов. В албанском, греческом и болгарском интенсивность четко выделяет начальный и конечный иктусы.

Наиболее сложной оказалась акцентная фигура «Миорицы»; в целом румынский язык демонстрировал наименьшее число просодических балканализмов.

Все максимумы акустических параметров не всегда приходились на ударный слог, но на ударный слог приходился хотя бы один максимум. Таким образом, ударный слог оказывался подкрепленным. Необходимо сказать также, что на слух часто стих производил впечатление ямба.

6. Наконец, необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что только сопоставление наших данных с данными широкого диапазона языков, позволит ответить на вопросы:

1) не имеем ли мы дело с универсальными фактами?

2) не имеем ли мы дело с фактами креолизации (или даже пиджинизации)?

Только получив ответы на эти вопросы, мы можем говорить о собственно балканских феноменах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Греческий язык

I

ἄγαν	ἄρα
μπαγαπόντης	ἀβολία
ἄκρος	μπαγδίσας
μπαταρία	ἀβάρα
ἄμη	ἄρα
μπαταριά	ἀδέλφι
ἄλλα	ἀκόπως
μπάκας	ἄλκη
άγαλλιώ	ἄλκή
μπαμπάς	μπουζί
άγάλια	ἄβατον
μπάκα	μπάζωμα
άγρις	ἄκοπος
μπούκα	ἀδελφός
ἄγανο	ἀγαθόν
μπουγάς	μπουκαβάς
άμή	ἀγαπῶ
μπακιρώνω	μπάκακας
ἄλλα	ἀδελφή
μπαμπάκι	μπαδατί

II

1

Αυτό ειναι ἄλκη.
Αυτό ειναι ἄλκη.

Αυτός είναι ἄκοπος.
Αυτό είναι ἀκόπως.
Αυτός είναι αδελφός.

2

Αυτό είναι ἀλκή;
Αυτό είναι ἄλκη;
Αυτός είναι ἄκοπος;
Αυτό είναι ἀκόπως;
Αυτός είναι αδελφός;

3

Αυτό είναι ἀλκή η όχι;
Αυτό είναι ἄλκη η όχι;
Αυτός είναι ἄκοπος η όχι;
Αυτό είναι ἀκόπως η όχι;
Αυτός είναι αδελφός η όχι;

4

Πώς προφέρεται η λέξη ἀλκή;
Πώς προφέρεται η λέξη ἄλκη;
Πώς προφέρεται η λέξη ἄκοπος;
Πώς προφέρεται η λέξη ἀκόπως;
Πώς προφέρεται η λέξη αδελφός;

5

Ἄλκη είναι μια λέξη.
Ἄλκη είναι μια λέξη.
Ἄκοπος είναι μια λέξη.
Ἀκόπως είναι μια λέξη.
Ἄδελφός είναι μια λέξη.

6

Πες τη λέξη ἀλκή.
Πες τη λέξη ἄλκη.
Πες τη λέξη ἀκόπως.
Πες τη λέξη ἄκοπος.
Πες τη λέξη ἄδελφός.

7

Πες τη λέξη ἀλκή ἄλλη μια φορά.
Πες τη λέξη ἄλκη ἄλλη μια φορά.
Πες τη λέξη ἄκοπος ἄλλη μια φορά.
Πες τη λέξη ἀκόπως ἄλλη μια φορά.
Πες τη λέξη ἀδελφός ἄλλη μια φορά.

8

Τι ἀλκή!
Τι ἄλκη!
Τι ἄκοπος!
Τι ἀκόπως!
Τι ἀδελφός!

9

Μόλις ακούσετε ἀλκή, πατήστε το κουμπί.
Μόλις ακούσετε ἄλκη, πατήστε το κουμπί.
Μόλις ακούσετε ἄκοπος, πατήστε το κουμπί.
Μόλις ακούσετε ἀκόπως, πατήστε το κουμπί.
Μόλις ακούσετε ἀδελφός, πατήστε το κουμπί.

III

Ησυχία! Ο μπαμπάς κοσμάται.
Που είναι ο μπαμπάς; Ο μπαμπάς κοσμάται.

Πέθανε ο Πετρόφ.
Ο Πετρόφ πέθανε (Какая неожиданность!).
Ο Πετρόφ πέθανε (Отмучился, бедный).

Στον Πέτια αρέσει το μυθιστόρημα του Γρόσμαν;
— ‘Οχι, αιντός δεν διαβάσει μυθιστορηματα.

Και γιατί να μην πουλάει γρασάτες;
Μα, τις πουλάει.

Σας πονάει ο λαιμός;
— ‘Οχι, δεν μου πονάει ο λαιμός, το κεφάλι μου πονάει.

Τι σας συμβαίνει; — Μου πονάει το κεφάλι.

“Ακόμη και ο Πέτια δεν έλινσε το πρόβλημα.
Ο Πέτια ούτε το πρόβλημα δεν έλινσε.

Μόνο ο Πέτια έλινσε το πρόβλημα.
Ο Πέτια μόνο το πρόβλημα έλινσε.
Και ο Πέτια έλινσε το πρόβλημα.
Ο Πέτια έλινσε και το πρόβλημα.”

IV

Είχατε επισκεφτεί παλιότερα τη Μόσχα;
Ναι.

Πότε επισκεφτήκατε για τη πρώτη φορά τη Μόσχα;
Πότε;

Που σπούδαζετε;

Που;

Σας αφέσει εδώ;

Είναι ενδιάφερον η όχι;

Τι γλώσσες μαθαίνεται;

Ποιές?

Ιταλικά; Γαλλικά;

Ιταλικά η Γαλλικά;

Και ρωσικά;

Έχετε πάει στο Λενινγράντ;

Στο Κίεβο;

Που θα θέλατε ακόφα να νάτε;

Μου το διαβάζετε ακόμη μια φορά.

V

Παραμονὴ Χριστουγέννων τοῦ 1940. Πυκνὸ χιονὶ σκέπαζε ἀπὸ πολλὲς μέρες τὰ βουνὰ καὶ τὰ φαράγγια τῆς Ἦπειρου. Ὁ μανιασμένος βοριδὸς εἶχε παγώσει τὸ χιὸνι καὶ παραλύσει τὶς συγκοινωνίες τοῦ στρατοῦ μας, ποὺ πολεμοῦσε κεῖ πάνω ἐναυτίον τῶν Ιταλῶν.

Τὴν παγερὴ ἔκείνη μέρα τῆς παραμονῆς, ὁ διοικητὴς μιᾶς μεραρχίας ξεκίνησε μὲ τὸ ἐπιτελεῖο του γιὰ τὶς πρώτες γράμμεις τοῦ μετώπου. Ζήτησαν τὸν συνοδέψω καὶ μοῦ τὸ ἐπέτρεψε.

Ή πορεία μας ήταν πολὺ δύσκολη. Τὰ δυστυχισμένα τὰ μουλάρια μας σωριάστηκαν μέσα στὰ χιόνια καὶ ἀναγκαστήκαμε να προχωρήσουμε πεζοί. Ἡταν τόσο ποκνὸ τὸ χιόνι καὶ τόσο δυνατὸς ὁ βοριάς, που μόλις προχωρούσαμε ἔνα χιλιόμετρο τὴν ὥρα.

Στὴν ἀνηφοριὰ ἐνὸς δρόμου συναντοῦμε ἔνα στρατιώτη. Ἡταν φορτωμένος ἔνα δοχεῖο μὲ χαλβὰ καὶ ἀγωνιζόταν νὰ προχωπήσῃ μέσα στὰ χιόνια.

— Γιατὶ εἶσαι ξυπόλητος; τὸν ωτᾶ ὁ στρατηγός.

— Με πονοῦν πολὺ τὰ πόδια μου, λέει ὁ στρατιώτης, καὶ δὲν μπορῶ νὰ φορέσω ἄρβυλα.

Κοιτάξαμε τὰ πόδια του. Ἡταν μελανιασμένα καὶ πρησμένα καὶ ἀπὸ τὰ νύχια τους ἔτρεχε πύο. Καταλάβαμε ἀμέσως, πὼς βρισκόταν σὲ πολὺ κακὴ κατάσταση, με προχωστημένα κρυοπαγήματα.

VI. Παραμύθιον

Παίζανε στὸ δάσος τρεῖς κόρες. Ἡ μιὰ στὴν ἀστημένια ρεματιά, που γλυκομουσιόριζε, ἔσκυψε κι ἔβλεπε τὸ χιονάτο τῆς λαιμὸ καὶ τὰ χρυσᾶ μαλάκια τῆς.

— Σ' εὐχαριστῶ, Θεέ μου, που καθρέγτες μου ἑτοίμασες παντοῦ καὶ βλέπω τὴν ὄμορφιὰ μου, που εἶναι σικό σου ἔργο.

Ἡ ἄλλη ἄκουε τ' ἀηδονιοῦ τὸ γλυκὸ, λάλημα καὶ τὴ φλογέρα τοῦ βοσκοῦ, που ἔβοσκε ἐκεῖ κοντ;! τ' αρνάκια του. Ἀκούε καὶ ἔβλεπε τὰ δένδρα τὰ ψηλὰ νὰ ἐνωνούν τις περήφανες κορυφές τους.

Τό χέρι τῆς τρεχει ἀπάνω στὸ χαρτὶ καὶ γράφει τραγούδια.

Ἡ τρίτη ράβει, ράβει, ράβει. Καμμιὰ φορὰ σταματᾷ τὸ βελόνι καὶ βλέπει τὴν ἀσμένια ρεμπιά.

— Α, πόσοι διψασμένοι βρῆσκαν δροσιά σ' αὐτὸ τὸ κρυσταλλένιο νερό! Λέει ἡ κόρη δακρυσμένη.

— Περνᾶς, ἀδιάκοπα περνᾶς, εὐλογημένη ρεματιά, καὶ χωρὶς ὑπερηφάνεια βρέχεις τὰ καίταξερα χείλη τοῦ περαστικοῦ, ποτίζεις τ' ἀρνάκια τὰ χιονάτα καὶ δίνει ἡ δροσιά του ζωὴ σ' αὐτὰ τὰ ἀνθάκια, που δὲν τὰ φύτεψε κανεῖς.

VII

Μάννα με τοὺς ἐννιά σου γιους καὶ μὲ τὴ μιὰ σου κόφη
τὴν κόφη τη μονάκριβη τὴν πολναγαπημένη,
τὴν εἶχες δώδεκα χρονῶ κ' ἥλιος δε σοῦ τὴν εἰδε!
Σ τὰ σκοτεινὰ τὴν ἔλουξε, 'ς τ' ἄφεγγα τὴ χτενίζει,

5. 'ς τ' αστρι καὶ τὸν αὐγερινὸν ἔπλεκε τὰ μαλλιά τῆς.
 Προξενιτᾶδες ἥρθανε ἀπὸ τὴν Βαθυλῶνα,
 να πάρουνε τὴν Ἀρετὴν πολὺ μακριὰ 'ς τὰ ξένα.
 Οἱ όχιώ ἀδερφοὶ δε θέλουνε κι ὁ Κωσταντῖνος θέλει.
 "Μάννα μου, κι' ἀ'ς δώσωμε τὴν Ἀρετὴν τὰ ξένα,
 10. 'ς τὰ ξένα κεῖ ποῦ περπατῶ, 'ς τὰ ξένα ποῦ πηγαίνω,
 ἀν πάρι ἐμεῖς 'ς τὴν ξενιτειά, ξένοι νὰ μὴν περνοῦμε.
 — Φρόνιμος εἶσαι Κωσταντή, μ' ἀσκῆμα ἀπιλογήθης.
 Κι' ἀ' μ' ὅρτη, γιέ μου, θάνατος, κι ἀ' μ' ὅρτη, γιέ μου, ἀρρώστια
 κι' ἄν τύχῃ πίκρα γῆ χαρά, ποιὸς πάει νά μοῦ τὴ φέρη;
 15. — Βάλλω τὸν οὐρανὸν κριτή καὶ τοὺς ἀγιοὺς μαρτύρους,
 ἀν τύχῃ κέρτη θάνατος, ἀν τύχῃ κέρτη ἀρρώστια,
 ἀν τύχῃ πίκρα γῆ χαρά, ἐγὼ νὰ σοῦ τὴ γέρω".
 Καὶ σὰν τὴν ἐπαντρέψανε τὴν Ἀρετὴν τὰ ξένα,
 κ' ἐμπήκε χρόνος δίσεχτος καὶ μῆνες ὡργισμένοι
 20. κ' ἔπεσε τὸ θανατικό, κ' οἱ ἐννιὰ ἀδερφοὶ πεθάναν,
 βρέθηκε ἡ μοναχὴ σὰν καλαμιὰ 'ς τὸν κάμπο.
 'Σ ἄλλα τὰ μνήματά, ἐκλαιγε. 'Ζ ὅλα μοιρολογετάταν,
 'ς τοῦ Κωσταντίνου τὸ μνημεῖδ ἀνέσπα [...] τὰ μαλλιά τῆς.
 "Αναθεμά σε, Κωσταντή, καὶ μυριανάθεμά σε;
 25. ὅποῦ μοῦ τὴν ἔξωρζες τὴν Ἀρετὴν τὰ ξένα!
 τὸ τάξιμο ποῦ μοῦ 'ταξες, πότε θὰ μοῦ το κάμης;
 Τὸν οὐρανὸν βαλες κριτή καὶ τοὺς ἀγιοὺς μαρτύρους
 ἀν τύχῃ πίκρα γῆ χαρά, να πᾶς νὰ μου τὴ γέρτης".
 'Απὸ τὸ μυριανάθεμα καὶ τὴ βαρειὰ κατάρα,
 30. ή γῆς ἀναταράχηκε κι ὁ κωσταντής ἐβγῆκε.
 κάνει τὸ συγγνεφο ἄλογο καὶ τ' ἄστρο χαλινάρι,
 καὶ τὸ φεγγαρι συντροφιὰ καὶ πάει νὰ τῇ φέρει.

Болгарский язык

I.

албúм	базár
бáкан	аскéрин
анáлиз	бедéн
бýча	аромáт
áрмия	бучá
бакáн	áрка
áртьк	брáва
барабáн	аскéр
афéкт	бравá
бáлана	аргáт
ананáс	блíжа
бичé	аркá
артýк	ближá
бéден	акáция
афéра	баджанáк
бáза	андáрт
албумýн	баджá
бýча	áндjak
армéя	баджák

II.

I.

Това е áрка.
Това е аркá.
Това е бýча,
Това е бучá.
Това е áртьк.
Това е артýк.

II.

Това áрка ли е?
Това аркá ли е?
Това бýча ли е?
Това бучá ли е?
Това áртьк ли е?
Това артýк ли е?

III.

Това áрка ли е или не?
Това аркá ли е или не?
Това бýча ли е или не?
Това бучá ли е или не?

IV.

Как се произнася думата áрка?
Как се произнася думата аркá?
Как се произнася думата бýча?
Как се произнася думата бучá?

Това àртък ли е или не?
Това артък ли е или не?

Как се произнася думата
àртък?
Как се произнася думата ар-
тък?

V.

Àрка е дума.
Аркà е дума.
Бúча е дума.
Бучà е дума.
Артък е дума.
Артък е дума.

VI.

Кажи думата àрка.
Кажи думата аркà.
Кажи думата бúча.
Кажи думата бучà.
Кажи думата артък.
Кажи думата артък.

VII.

Кажи думата àрка още веднъж.
Кажи думата аркà още веднъж.
Кажи думата бùча още веднъж.
Кажи думата бучà още веднъж.
Кажи думата артък още
веднъж.
Кажи думата артък още
веднъж.

VIII.

Его така àрка!
Его така аркà!
Его така бùча!
Его така бучà!
Его така артък!
Его така артък!

IX.

Когато чуете àрка, натиснете копчето.
Когато чуете аркà, натиснете копчето.
Когато чуете бùча, натиснете копчето.
Когато чуете бучà, натиснете копчето.
Когато чуете артък, натиснете копчето.
Когато чуете артък, натиснете копчето.

III.

По-тихо! Татко спи.
А къде е татко? – Татко спи.
А какво става в къщи? – Татко спи, а мама я няма.

На Петя харесва ли му романът на Гросман?
– Не, той не чете романи.

А защо пък да не продава вратовръзки?

– Че тъй продава.

Гърлото боли ли Ви?

– Не, гърлото не ме боли, главата ме боли.

Какво Ви е?

– Главата ме боли.

Даже Петя не реши задачата.

Петя не реши даже задачата.

Само Петя реши задачата.

Петя реши само задачата.

IV.

Били ли сте други път в Москва?

Да, сум бил.

Кога сте били за първи път в Москва?

Кога ли?

Къде учите?

Какви езици учите?

Къде ли?

Харесва ли ви тук?

Това интересно ли е или не?

Какви езици учите?

Какви ли?

Италиански? Френски?

Италиански или френески?

А руски?

Биле ли сте в Ленинград?

А в Киев?

Къде още бихте искали да отидете?

Ше ми прютете ли ошу веднъж?

V.

Чичо Дражо прегледа още веднаж колата, погледна и своя млад Стойчо, млад – още хлапе, и рече бащински:

— Па си отваряй очите, да не стане пакост, че не мож стигна...
Ха сега! Тегли!

Стойчо дръпна оглавниците, прекръсти се и пойде. Янка целуна ръка на свекъра и на свекървата и последи колата, изпращана от старците с благословия и триста заръки за много здраве на кум Милен.

Безшумно излезе колата от тесните улици и спря зад село. Двамата се качиха въз меката постилка от сено. Стойчо смуши воловете и колата тръгна по-бързо, затрака и заприказва нещо на младите.

Тиха нощ галено прегърна всичко. От небето хиляди звездици, като ангелски очици, устремиха взор надолу и с любов загледаха греховната земя. Пълнолика месечинка изплава зад ридовете, засмя се сладко и, като спря за миг, разгледа-разгледа, па спокойно тръгна след звездите, като млад овчар след вакло стадо.

Те за тая нощ Янка и Стойко са мечнали цял ден! Самички в колата, из пустия път! Мрак и тишина! Няма ни стар свекър да кашли, ни ревнива свекърва да подслушва. Кой по-голямо блаженство от това може да иска?

И Стойчо подвикна на воловете, замаха заканително остан и метна юнашка ръка през равна Янкина снага.

— Недей, Стойчо, ще ни видят, — рече плахо Янка и се притисна до него.

— Не сме в село да ни видят, — отговори Стойчо, и почна да я милва по младото червено лице.

VI

Ерген цар и златна яблка

По едно време имало един ерген цар. И много аджамия беше. Един ден зема негови люде сос него, беше излязал по внука, да се шета, да лови. И като ловяха, излезоха на една голяма река. Ерген цар аджамия, като ходеше по реката, на крают беше видел да носи реката три златни ябалки. И накарал от людето му един да а везми ябалкита, да му а даде на него. А той ги зема, му а даде на царют. И като ги зема царют ябалките, много ги аресал и рекъл на людето му:

— Карайте, мол люде, по реката да ловиме, да найдеме коренот на тия ябалки!

И они тръгнали по реката да ловят. Отидоха мошне на далеко. Та му беха нашли една хубава бахча, щото имало на бахчата от секакво емиш – и от златните ябалки. И като ги виде ерген цар, и рекъл на бахчеванджиата да му даде неколко оки ябалки, да занесе на конакют му, за да се нават за приятелето. Тога бахчеванджиата му вели:

- Не се продават тия ябалки на секой човек. Сал царют ги яде. И той му вели на бахчеванджиата:
 - И дека е царют, що ги яде ябалките?
- Бахчеванджиата му вели:
- Царют седи ето на онia конаци.
 - Тогаз и ерген цар рече:
 - И язе за пода на чести у него.

Бахчеванджиата му вели:

 - Да не пош, че има у конакют нетре една страшна ламя, тя ке те изяде!

Ерген цар не послуша на бахчеванджиата, що му рече. Току оставил людето му тамо на бахчата да го чакат, пък той отиде праве на царските конакя. Влезе нетре. Като го виде ламята, му стана права и се поклони на него. Той като отиде праве горе, царют, как го виде, са почуди как е проминал от ламята. Така стореша двата здравоживо. Седнаха двата, фатиха да зборуват. И царют много икрам му чини на ерген цар. Като са питаха един друг, се научи царют, че он беше ерген цар. Фати му даде неговата мома, та го стори негов зент. Нез час го сториха бракот, са венчаха.

VII

Пофали се момина майка
снощи вечер на кладенец
пред момите, пред момците,
че си имала малка мома,
от слънцето ѝ по-хубава
от месеца ѝ дваж гиздава!
Де я зачу ясно слънце,
то проводи ясна зора
ясна зора калесничка,
да калеса малка мома,
да се с слънчом надгреова,

та да видим кой кого ще,
кой кого ще да надгрее.
Ясна зора реч прифана,
тя си наля крондир с вино,
че отиде у момини,
у момини, в равни двори,
равни двори, чешшир порти,
че почука, хем повика:
— Излез, излез, малка моме!
Не излезе малка мома,
най излезе момин майка.
Отговаря ясна зора:
— Ти ли си се пофалила
снощи вечер на кладенче
пред момите, пред момците,
че си имаш малка мома
от слънцето по-хубава,
от месеца дваж гиздава?

Албанский язык

I.

agá	ballkaník
báker	ató
ágón	ballkón
bakérté	atóm
armé	bórë
baktér	abetáre
ármë	borí
bálle	akórd
armén	búkur
balét	akrobát
arómë	bukurí
balénë	akrobatík
áté	áfer
ballkánaš	afró
atë	afróhem

II.

Kjo është ármë.	A është ármë kjo?
Kjo ështe armé.	A është armé kjo?
Kjo ështe bórë.	A është bórë kjo?
Kjo ështe borí.	A është borí kjo?
Kjo ështe arómë.	A është arómë kjo?

Kjo është ármë apo jo?	Ármë është fjale.
Kjo është armé apo jo?	Armé është fjale.
Kjo është bórë apo jo?	Bórë është fjale.
Kjo është borí apo jo?	Borí është fjale.
Kjo është arómë apo jo?	Arómë është fjale.

Si shqiptohet fjala ármë?	Thuaj fjalën ármë.
Si shqiptohet fjala armé?	Thuaj fjalën armé.
Si shqiptohet fjala bórë?	Thuaj fjalën bórë.
Si shqiptohet fjala borí?	Thuaj fjalën borí.
Si shqiptohet fjala arómë?	Thuaj fjalën arómë.

Thuaj fjalën ármë edhe një hërë.	Çfarë ármë qenka kjo!
Thuaj fjalën armé edhe një hërë.	Çfarë armé qenka kjo!
Thuaj fjalën bórë edhe një hërë.	Çfarë bórë qenka kjo!
Thuaj fjalën borí edhe një hërë.	Çfarë borí qenka kjo!
Thuaj fjalën arómë edhe një hërë.	Çfarë arómë qenka kjo!

Kur do të dëgjoni fjalën **ármë**, shtypni çustën.
Kur do të dëgjoni fjalën **armé**, shtypni çustën.
Kur do të dëgjoni fjalën **bórë**, shtypni çustën.
Kur do të dëgjoni fjalën **borí**, shtypni çustën.
Kur do të dëgjoni fjalën **arómë**, shtypni çustën.

III.

- Hesht! Babi fle.
- Po ku është babi? — Babi fle.
- Pra, ç 'keni? — Babi fle, kurse mami nuk është në shtëpi.

- Petjës i pëlqen romani i Grosmanit?
- Jo, ai nuk i lexon romane.

- Po pse të mos shesë ai kravatat?
- Ai i shet ato.

- Ju dhëmb fytì? — Jo, nuk më dhëmb fytì, më dhëmb koka.

- Ç 'keni? — Më dhëmb koka.

Bile Petja nuk e zgjodhi detyrën.
Petja nuk e zgjodhi bile detyrën.

Vetëm Petja zgjodhi detyrën.
Petja zgjodhi vetëm detyrën.

Edhe Petja zgjodhi detyrën.
Petja zgjodhi edhe detyrën.

IV.

Ju keni qenë më pare në Moskë?
Po, kam qenë.
Kur Ju keni qenë për hërë të parë në Moskë?
Kur?
Ku mësoni Ju?
Ku?
Jure Ju pëlqen këtu?
A është interesant kjo apo jo?
Çfarë gjuhe mësoni Ju?
Çfarë?
Italishten? Frëngjishten?
Italishten apo frëngjishten?
Ju jeni rus?
Ju keni qenë në Leningrad?
Po, në Kijev?
Ku keni dëshirë të shkonit akoma?
A do të më lexoni edhe një hërë?

V

Pas takimit me B alin u ktheva në kafe "Tirana", në një nga lokatalet e mij të preferuar. Kur isha student nuk e kisha qejf kafe "Tiranën", por kafe "Florën", pasi kjo e fundit më dukej më rinore. Pastaj kur hyra në punë në ministri, fillova të frekuentoj kafe "Tiranën". Dukepirë si një kafe më shokët, diku në një tavolinë të rrumbullakët, flisnim për politikën, letërsinë, ekonominë; tregonim ngjarje e anekdota, pinim ndonjë gotë fërnet më sheqer anës, pagonim kamarjeren dhe delnim. Atëhere i njihja me emër të gjitha kamarjeren dhe banakieret, bille isha familjarizuar aq shumë me to, sa bëja edhe ndonjë shaka të tepëruar. Tani, pas the vjetëve, hyra përsëri në kafenënë time të dashur. U ula në një tavolinë të lirë, porosita kafe, ndeza një cigare dhe fillova të meditoj. Si është njëriu! Rri e mediton për gjithshka! Sa njerëz kanë hyrë e kanë dalë nga kjo kafe gjatë këtyre tre vjetëve! Ata tre pleqtë që i shihja gjithnjë bashkë në një tavolinë në qoshe, s'paskan ardhur. Ku ta dish, edhe mund të kenë vdekur. Uleshin dikur dhe bisedonin me zë të ulët. Me një kafe mund të rrinë edhe pesë orë të tëra.

Duke thithur cigaren shikoja kamarieret. Të gjitha ishin ftyra të panjohura pér mua. Vetém banakuerët nuk kishin ndruar, edhe kafeja nuk kish ndruar. Ishte po ajo shije e tre vjetëve të shkuar.

Në derë hynë dy të njohur të mij. Ata u përshëndetën me mua, më pyetën se si vija me punë në Mollas, bëmë pak shaka dhe u ulën në një tavolinë tjetër.

Eh, unë mund të rrija bashkë me Verën në këtë tavolinë, por a Kiço Pela u dha shkelnën të gjithave!

Çuditërisht më erdhi pér të qeshur pas mendimit – “u dha shkelnën të gjithave”! Ky është mendim standart, por në këtë rast është original se Kiçua llagapin e ka Pela dhe Pela doemos godit me shkelma. Ha, ha.

VI.

Vajza e sygenëza.

Qe dhe s' qe. Qe një hëré vaizë e martuarë ndë një vënd të huaj, pa vaturë ndë njërez të saj pesë vjet.

Një ditë tek mirte ujë ndë krua, rënkonte pér njerëz të saj; atje tek rënkonte erdhi një plakë (e ajo qe syqèneza), që qe me katrë sy, dy prapa dy rëpara, po vaiza s' e njohu, se të dy te prapësmitë i kish lighurë me shami e i tha: pse qa biro?

I thotë: qa o zonjë, se kam pesë vjet që s' kam parë babanë e mëmën time, udha ishtë e largë e s' kam njeri të vete.

I thotë plaka: unë të shpie biro, se kam punë gjer atje, po hajde, ormisu e këtu të pres.

Vate vaiza ndë shtëpi të saij, u ormis e çpejtoi te plaka, që e prit ndë krua.

Muarë një a dy sahat udhë, e u arruanë ndë një vënd të fshehurë, që atje qe shtëpi e syqènezësë, e vaizë e saij, që e thoshnë Maro, rinte brënda.

Aryere e kupëtoi vaiza, që plaka qe syqèneza, po s' kish nga të ikën.

Si ryjti brënda syqèneza, porsiti vazën e saij Maronë të dhiste furënë, e vetë dolli jashtë pér të mbëjdhurë dру.

Si iku syqèneza, pyeti vaiza Maronë: “çë e doi furënë?”

I thotë kjo: “të të pjekëmë tyj të të hamë”.

“Morë mua doi të më hai, po zjari mi shuhetë”.

“Unë i fryi e dhizetë”.

E tek vate Marua t' i fryn zjarrit, i dha vaiza të dy duartë prapazëne e këceu ndë furë brënda, e i mbylli derën' furësë.

Sa të ktheneij syqëneza, iku vaiza, e me të çpeijtë e me frikë shumë u kthve ndë fshat të saij, e mollois zonjësë saij gjithë këto që hoqi. E kush e dëgjoi u çudit për trimëri tö saij, që dëftoi tek vuri ndë furë vaizën e syqënezës. Atje jeshë e gjë s' gjetçë.

VII.

Çou ti, Mem, shilom' atin,
Për te gjon po e mar sokakon.
S' po le ati me u shilua,
Mir po din kudo me shkua.
Kom ni fijal fort ith,
Memed begut kush i thot,
Qi po t' pret veziri sod.
— Nu me pret veziri mue,
Çe m' thot kom degua
Çik ne More më ka pas çua,
Paska desht me m' farua,
Faroa zot para mua!
Memed begut i kishin thon:
Ta u bo prita der te kullës,
Der te kullës tu xhamija,
S' kom çka boj, vete di.
Memed begu me dy kubura:
“Llezni mir mori te lume!”
Se u kom bush me kater plumbe,
Kater plumbe lidh me tele,
Si n' gjerlli, kuku sod për tevabi,
Memed begu po i përbi,
Si kulshedra kur bje shi,
Kur gje shi, bubullon;
Memed begu na capton.
Memed begu holla i gat,
Dron vezir, he budall!
P' u st' i dua urumesha,
Tu i pas kadijesha.

Румынский язык

I.

Aur	Alunát
Babadám	Bábiță
Ágă	Aurár
Badaná	Barém
Alún	Amáră
Bábă	Balcánic
Áugust	Amará
Babáca	Cádmium
Agá	Alúngul
Babá	Áură
	Bárem

II.

1.

E un ágă.
E un agá.
E un amáră.
E un amará.
E un áură.

2.

E un ágă?
E un agá?
E un amáră?
E un amará?
E un áură?

3.

E un ágă sau nu?
E un agá sau nu?
E un amáră sau nu?
E un áură sau nu?
E un amará sau nu?

4.

Cum se pronunță cuvîntul ágă?
Cum se pronunță cuvîntul agá?
Cum se pronunță cuvîntul amáră?
Cum se pronunță cuvîntul amará?
Cum se pronunță cuvîntul áură?

5.

Ágă e un cuvînt.
Agá e un cuvînt.
Amáră e un cuvînt.
Amará e un cuvînt.
Áură e un cuvînt.

6.

Spune cuvîntul ágă.
Spune cuvîntul agá.
Spune cuvîntul amáră.
Spune cuvîntul amará.
Spune cuvîntul áură.

7.

Spune cuvîntul *ágă* incă o dată.
Spune cuvîntul *agá* incă o dată.
Spune cuvîntul *amáră* incă o dată.
Spune cuvîntul *amará* incă o dată.
Spune cuvîntul *áură* incă o dată.

8.

Uite ce *ágă!*
Uite ce *agá!*
Uite ce *amáră!*
Uite ce *amará!*
Uite ce *áură!*

9.

Cînd vei auzi *ágă*, apasă pe buton.
Cînd vei auzi *agá*, apasă pe buton.
Cînd vei auzi *amáră*, apasă pe buton.
Cînd vei auzi *amará*, apasă pe buton.
Cînd vei auzi *áură*, apasă pe buton.

III.

Liniște! Tata doarme.
Unde-i tata? – Tata doarme.
Ce-i mai nou pe la voi? – Tata doarme, mama nu-i acasă.

A murit Petrescu.
Petrescu a murit.
Petrescu a murit!

Lui Petru i-a plăcut “Centaurul” lui Updike?
– Nu, el nu citește romane!

Da ce să mu cumpere cravate?
– El le cumpără.

Vă doare gîtul?
– Nu mă doare gîtul, mă doare capul.

Ce-i cu dimneata?
– Mă doare capul.

Nici Petru n-a rezolvat problema.
El n-a făcut nici exercitiile.

Numai Petru a rezolvat problema.
Numai exercițiile n-a făcut.

Și Petru a rezolvat problema.
Petru a rezolvat și problema.

IV.

Ați mai fost la Moscova?
Da, am fost.
Cînd ați fost prima dată la Moscova?
Cînd?
Unde ați făcut studii?
Unde? N-am auzit bine.
Vă place munca dv?
E interesantă sau nu?
Ce limbi ați învățat?
Ce anume?
Italiana? Franceza?
Italiana sau franceza?
Dar rusa?
Ați fost la Leningrad?
Dar la Kiev?
Unde ați vrea să mai mergeți?
N-ați putea să citiți încă o dată?

V.

Ursul stătuse jos, în casă, doi ani întregi, și ajunsese atît de stricător, încît am fost nevoie să-l pui deoparte, în singurătate, și el s-a terit în cutia de pălării, numai după ce încercasem zadarnic fel de fel de mijloace de îndreptare. Croind ursul din fața unei scurteici, moșteniță de la o cucoană bunică, croitoreasa nu se gîndise că, fără să vrea, îi dă, prin potrivirea mădușelor, niște năravuri pe care nici scurteica, nici catifeaua nu le avuseseră în timpul lor. Tatăl urșilor, care umblă nevăzut prin lume și îngrijește în munți de copii lui, săpîndu-le peșteri, răsturnînd iarna câte un pietroi pe bîrloage, spălîndu-i în somn, pietânîndu-i și tăindu-le unghile cu în fierăstrău

de argint, face ce face și trece și pe la urșii de pîslă, pentru copii, și le dă cîte în crîmpei de nărvă.

Ursul nostru se nărvise să fure, și nu fura altceva decît bomboane, ciocolată, dulceață, fructe și rahat. Cînd Tătuțu aducea o cutie cu lucruri dulci, ursul mirosea și golea numai decît cutia, fără să-l vadă nimeni.

- Cine a mîncat ciocolata?
- U' su, răspundeau băiatul, ridicînd din umeri. Nu mai e.
- Dar cutia cu bomboane englezesti?
- U' su, răspundeau fata și băiatul.

VI.

Era odată o babă, care avea trei feciori nalți ca niște brazi și tarî de virtute, dar slabî de minte.

O răzeșie destul de mare, casa bătrînească cu toata pojijia ei, o vie cu livadă frumoasă, vite și multe păseri alcătuiau gospodăria babei. Pe lîngă acestea mai avea strînse și păraluțe albe pentru zile negre; căci legă paraua cu zece noduri și tremura după ban.

Pentru a nu răzleți feciorii de pe lîngă sine, mai dură încă două case alături, una la dreapta și alta de-a stînga celei bătrînești. Dar tot atunci luă hotărîre nestrămutată a țină feciorii și viitoarele nurori pe lîngă sine – în casa bătrînească – și a nu orîndui nimic pentru împărțeală până aproape de moartea sa. Așa făcu; și-i rîdea inima babei de bucurie cînd gîndeau numai cît de fericită are să fie, ajutată de feciori și mîngajată de viitoarele nurori. Ba de multe ori zicea în sine: "Voiu privighea nurorile, le-oiu pune la lucru, le-oiu struni și nu le-oiu lasa nici pas a ieși din casă, în lipsa feciorilor mei. Soacrămea – fie-i țărna ușoară! – așa a făcut cu mine. Și barbatu-meu – Dumnezeu să mi-l ierte! – nu s-a putut plînge că l-am înșelat, sau i-am risipit casa; ...deși cîteodată erau bănuiele... și mă probozea... dar acum s-au trecut toate!"

Tustrei feciorii babei imblau în cărăușie și cîstigau mulți bani. Celui mai mare îi veni vremea de însurat, și baba, simțind asta, umbla valvîrtej să-i găsească mireasă; și în cinci-șese sate, abiè-abiè putu nimeri una după placul ei: nu prea tînără, naltă și uscățivă, însă robace și supusă. Feciorul nu ieși din hotărîrea maică-sa, nunta se făcu, și baba își luă cămeșa de soacra, ba încă netăiată la gură, care însemnează că soacra, nu trebuie să fie cu gura mare și să tot cîrtea-scă de toate cele.

VII.

Pe-un picior de plai,
Pe-o gură de rai,
Iată vin în cale,
Se cobor la vale
Trei turme de miei
Cu trei ciobănei.
Unu-i moldovan,
Unu-i ungurean
Și unu-i vrîncean,..
Mări, se vorbiră
Ei se sfătuiră
Pe l-apus de soare
Ca să mi-l omoare
Pe cel moldovan
Că-i mai ortoman,
Ş-are oi mai multe
Mîndre și cornute,
Și cai învățăți
Și cîni mai bărbăți!...
“— Mioriță laie,
Laie, bucaliae,
De trei zile-ncoace
Gura nu-ți mai tace!
Ori iarba nu-ți place,
Ori esti bolnăvioară,
Drăguță mioara?”
“— Drăguțule bace!
Dă-ți oilo-ncoace
La negru zăvoi,
Că-i iarbă de noi
Și umbră de voi.

Македонский язык

I.

абажúр	бáло
бáзика	áда
абéрдарка	балóн
базýра	áдам
áбдал	актýва
бáка	бáрон
áван	алáрм
бáкал	барóк
áвра	áргач
бáкалан	бáсмен
автобúс	арéна
балáда	басéн
áгапак	арéнда
аркáда	блáзина
бозóвица	áрка
арбóма	блазýран
аромáт	áркач
áро	бóзов

II.

Ова е кáнтата.

Ова е áрка.

Ова е кантáта.

Ова е бáрон.

Ова е барóк.

Ова е кáнтата или не?

Ова е áрка или не?

Ова е кантáта или не?

Ова е бáрон или не?

Ова е барóк или не?

Како се изговара зборот кáнтата?

Како се изговара зборот áрка?

Ова е кáнтата?

Ова е áрка?

Ова е кантáта?

Ова е бáрон?

Ова е барóк?

Кáнтата – тоа е збор.

Áрка – тоа е збор.

Кантáта – тоа е збор.

Бáрон – тоа е збор.

Барóк – тоа е збор.

Каки го зборот кáнтата.

Каки го зборот áрка.

Како се изговара зборот кантáта?	Кажи го зборот кантáта.
Како се изговара зборот бáрон?	Кажи го зборот бáрон.
Како се изговара зборот барóк?	Кажи го зборот барóк.

Кажи го зборот кáнтата уште еднаш.	Ете тоа е кáнтата!
Кажи го зборот áрка уште еднаш.	Ете тоа е áрка!
Кажи го зборот кантáта уште еднаш.	Ете тоа е кантáта!
Кажи го зборот бáрон уште еднаш.	Ете тоа е бáрон!
Кажи го зборот барóк уште еднаш.	Ете тоа е барóк!

Кога ќе чуете кáнтата, притиснете го копчето.
Кога ќе чуете áрка, притиснете го копчето.
Кога ќе чуете кантáта, притиснете го копчето.
Кога ќе чуете бáрон, притиснете го копчето.
Кога ќе чуете барóк, притиснете го копчето.

III.

- Потивко! Тата спие.
- А каде е тате? — Тате спие.
- Па, што има кај нас? — Тате спие, а мама неје дома.

Умре Петров.
Петров умре.
Петров умре!

- На Петја му се допаѓа романот на Гросман?
- Не, тој не чита романи.

- А зошто тој не би продавал кравáти?
- Тој ги продава.

- Ве боли грлото? — Не, не ме боли грлото, главата ме боли.
- Што Ви е? — Главата ме боли.

Дури ни Петја не ја решил задачата.
Петја не ја решил дури ни задачата.

Само Петја ја решил задачата.
Петја ја решил само задачата.

И Петја ја решил задачата.

Петја ја решил и задачата.

IV.

Сте биле ли порано во Москва?

Да, сум бил.

Кога сте биле првпат во Москва?

Кога?

Каде учите?

Каде?

Ви се допаѓа тука?

Тоа е интересно или не?

Кои јазици ги учите?

Кои?

Италијански? Француски?

Италијански или француски?

А руски?

Сте били ли во Ленинград?

А во Киев?

Каде уште би сакале да патувате?

Нема уште еднаш да ми прочитате?

V.

...Беше тоа за време на големите празници. По младинска задача бев определен да вардам во црквата кој сè ќе намире за да се провериме колку ѝ сме верни на линијата. Ги набљудувам сите присутни и најлуту ги пшујам во душата. Сите го кријат погледот од мене, да, предавниците немаат чисто лице. Се чини и самоит бог се наоѓа во многу тесно. Но, нека повели да дискутираме за религијата. Само нека повели ако има смелост, помислуваам важно сиркајќи леводесно низ црквата со подигната глава. Но, таа, Итрина, гавол нека ја однесе, како да не сакаше да знае за сето тоа – јас еднаш погледнувам кон неа, а таа трипати. Јас се муртам, а таа се смешка толку благо и толку топло и ме гледа точно во очи. Пропаст. Таа уште и со прост се заканува и полека се приближува кон мене. Вистинска пропаст, помислуваам отстапувајќи во темниот агол на црквата. Забравам за директивите и со најтивок глас ги молам светците да ме избават

од тоа проклето момичиште. Но таа сè така топло и толку благо се смешка, со своите заискрени очи. — Не, Итрина, не кметово девојче, шепотам, далеку е твојот од мојот пат. Никогаш тие не ќе се сртнат. Готово е вашето, вие гадови, вие убијци, мислам, а сепак толку ми е мило да погледам во тие светли, зелени очи. Рацете, де едната, де другата ми се згрчуваат, гледам јас дека сакаат тие да се допрат до нејзината густа и светла коса, што мириса на сончогледово семе. Помислувам дури и косата да ѝ ја изгризам. Но зар може, добри другари, всушност, коса да се гризе? Но, ете, и тоа е можно. Каде да се појде?

— Така ти Аргилче, ме тргнува нејзиниот глас, така ти, значи, почна да веруваш во бога.

— Знаеш, другарке, велам јас, потоа кашлам за да се исправам, за да докажам дека е тоа грешка, дека таа не е никаква наша другарка и дека таа сето тоа не го заслужува, та затоа почнувам збор по збор да цедам.

Арсланот и глушецот.

Едно време едни ловции фатиле в планина еден арслан, го врзале со јажиња и пратиле едного од другите в град, да донесит синцири, за да го врзат појако и да го носат без страв. Арсланот бил врзан за некој даб; рикал, копал и сé, што му препречило пред очи, искорнал.

До дабот имало една дупка и внатре еден глушец. Коа чул рикањето, глушецот излегол да видит што је тоа и, коа го видел арсланот, го попрашал, што му је. Арсланот кренал опашката и му рекол:

— Мани се, гадино ниедна? И ти сеа ќе ми додеаш?

Глушецот си се скрил в дупката. Втори пат излегол, и арсланот пак го избркал. По малу време пак излегол и му рекол:

— Кажи ми, џанам, од што имш мака? Белки можам да ти помогна?

Арсланот му одговорил:

— Али не глеаш, што мије? — Ме фатија ловции, ме врзаа овде и пратија едного од нив да земит синцири, да ме врзат и да ме носат по градишчана за да се бијат шега со мене, и да ме мачат! Што ќе мојш ти да ми поможиш?

— Тоа ти било маката? — рекол глушецот. Ато, што не ми кажа од преѓе? Сеа да видиш, као ќе те куртулиса.

Му се фрлил на вратот и – крц, крц, крц! дури да плуниш,
то прегризал јажето!

– Бегај, сега! – му рекол.

И арсланот, коа се видел слободен, избегал, чудејќи се:

– Ја, коцамити арслан, ишло по некој пат време, да сум бил
борчлија и на глушецон!

Клети турци земја поплениле.

Изникнала јаболкница:
на две гранки две јаболки,
на третата славеј пее:
– Бегај, бегај, стара Југро,
стара Југро, чудовиште,
со две деца сирачиња,
ете иде турска војска;
Турци земја ќе попленат!
Уште речта не изрече,
исполннија клети Турци,
клети Турци, Арнаути!
Што е старо погубиле,
Што е младо поробиле!
Запленила тенка Јана,
тенка Јана и Јанкула.
Јанко ми го однесоа
дека сонце што изгрева,
а Јанаја однесоа
дека сонце што заога.
Па раснале, израснале:
Јана, мома за давање,
Јанко, момче за женење.
Тога стана млади Јанко,
ујана си врана коња
од град на град лико бара.
Па отиде на далеку,
дека сонце што заога.

Сербохорватский язык

абулија	абат
баба	базан
абукат	абат
баба	базар
аба	абет
бабаја	базање
аба	абет
бабак	базговина
абаб	абит
бабе	базговка
абав	базар
Бабилон	абитати
абавија	базирати
Бабић	ава
абавило	базичност
Бабић	Ава
абакус	бажаница
бадало	ава
абанос	байан
бадаль	байан

II.

Кажи реч баба још једном.
Кажи реч базар још једном.
Кажи реч баба још једном.
Кажи реч базан још једном.
Кажи реч базар још једном.

Каква је баба!
Какав је базар!
Каква је баба!
Какав је базан!
Какав је базар!

Када чујете баба, притисните дугме.
Када чујете базар, притисните дугме.
Када чујете баба, притисните дугме.
Када чујете базан, притисните дугме.
Када чујете базар, притисните дугме.

III.

Тише! Тата спава.

А где је тата? – Тата спава.

Па, како је код нас? – Тата спава, а мама није код куће.

Пеђа се свита Гросманов роман? – Не, он не чита романе.

– А зашто он не би продавао машине? – Он их продаје.

Боли Вас грло? – Не, не боли ме грло, глава ме боли.

Шта је са Вама? – Глава ме боли.

Чак ни Пеђа није решио задатак.

Пеђа чак ни задатак није решио.

Само је Пеђа решио задатак.

Пеђа је решио само задатак.

И Пеђа је решио задатак.

Пеђа је решио и задатак.

IV.

Били сте раније у Москви?

Да, био сам.

Када сте први пут били у Москви?

Када?

Где студирате?

Где?

Свита ли Вам се овде?

Је ли то интересантно или не?

Које езици учите?

Које?

Италијански? Француски?

Италијански или француски?

А руски?

V

Откуд оволике враме, каква је ово најезда на Ваљево, пита се Вукашин Катић, који се враћа из ваљевске болнице и жури на седницу у Врховну команду српске војске.

Мора се супротитавити бацању ћака на боиште у овом часу. Какви да су ратни разлози, жртвовање целокупне интелигенције сасвим је супротно животном интересу Србије. Рећи им то, без обзира шта ће сутра говорити и мислити о њему. Казати: минула су времена кад је народ губио рат. Данас само една генерација може да изгуби слободу. Време је много пожурило из свих праваца. Ако у овом времену једна нација изгуби своју интелигенцију, она је изгубила рат, без обзира како се ои на боишту окончао. Официри ће ме растргнути.

Оно јато око болнице, црмели се кровови дрвеће, заударали крв, ране и лешеви, смрад се ширио и друмом. Како Милена живи тамо? Право из воза потрчао у болницу, даје бар кроз прозор види. Заљда ће јој рећи да је отац тражио, знаће да је ту.

Два се пробија идући плочницима пропуним грађана и избеглица из Мачве, који неми стоје уз ограде и поред коловоза, загледами у дугачак воз воловских кола препуних рањеника који са фронта силази у Ваљево. Шкрипа и тандракање кола разлежу се раним сутоном и испуњавају му улицу некаквом срцбом и очајем:

И рећи им: народ који данас остане без ума и знања нема разлога да се радује миру; каква будућност може да оправда оволико жртвовање? Овај рат за Србију може бити значајнији по ономе шта се у њему изгубило по ономе шта се њиме добило. Да ли је разумно то рећи вечерас?

На крововима кућа, шупа и нужника равнодушно и надноћно ћуте чавке и вране. Два велика јата витлају се и гачу над њим, избеглицама, колима с рањеницима, под тешким облацима, из којих на мањове сипи киша.

VI.

У некаква човека био један чобан који га је много година верно и поштено служио. Једном идући за овцама чује у шуми неку писку, а не знадијаште шта је. На тај глас отиде он у шуму да види шта је. Кад тамо, али се запожарило па у пожару змија

пишти. Кад чобан то види, стане да гледа шта ће змија радити, јер се око ње са свију страна било запожарило, и пожар се једнако к њој примицао. Онда змија повиче из пожара: "Чобане, за Бога, избави ме из ове ватре!". Онда јој чобан пружи свој штап преко ватре, а она по штапу изађе, па њему на руку, па по руци домили до врата и савије му се око врата. Кад чобан то види, нађе се у чуду, па рече змији: "Шта је то, у зао час! Ја тебе избавих а себе погубих". Змија му одговори: "Не бој се ништа, него ме носи кући моме оцу. Мој је отац змијини цар". Онда јој чобан стане молити и изговарати да не може оставити својих оваца, а змија му рече: "Не брини се ни мало за овце; овцама не ће бити ништа; само хајде што брже". Онда чобан пође са змијом кроз шуму и најпосле дође на једну капију која је била од самих змија. Кад дођу ту, змија на врату чобанову звизне, а змије се све одмах расплету. Онда змија рече чобану: "Кад дођемо у двор к моме оцу, он ће теби давати штагод заиштеш: сребра, злата и камења драгога, али ти не узимај ништа, него ишти немушти језик. Он ће се дуго затезати, али ће ти најпосле опет дати". У тому дођу у двор к оцу, и отац плачући запита змију: "За Бога, синко! где си?" А она му каже све по реду како је био опколио пожар и како је чобан избавио.

Чобан пође кроз шуму, и идући чујаше и разумеваше све што говоре тице и траве и све што је на свету. Кад дође к овцима и нађе их све на броју и на миру, леже мало да се одмори. Тек што легне, али долете два гаврана те падну на једно дрво и почну се разговарати својим језиком говорећи: "Кад би знао овај чобан, овде где лежи оно црно шиљеже има у земљи пун подрум сребра и злата".

VII.

Ураница Косовка девојка,
ураница рано у недељу,
у недељу прије јарка сунца;
засукала бијеле рукаве,
засукала до бели лаката,
на плећима носи леба бела,
у рукама два кондира златна:
у једноме лађане водице,
у другоме руменога вина.

Онда иде на Косоворавно,
па се шеће по разбоју млада,
по разбоју честитога кнеза,
те преврће по крви јунаке.
Ког јунака у животу нађе,
умива га лађаном водицом,
причешћује вином црвенијем
и залаже лебом бијелијем.
Намера је намерила била
на јунака Орловића Павла,
на кнежева млада барјактара.
И њега је нашла у животу.
Десна му је рука осечена
и лијева нога до кјлена,
вита су му ребра изломљена,
виде му се цигерице беле.
Измиче га из те млоге крвце,
умива га лађаном водицом,
причећује вином црвенијем
и залаже лебом бијелијем.

Список сокращений:

- Actes du XII — Actes du XII-ème Congrès des sciences phonétiques 19–24 août 1991, Aix-en-Provence, France.
- Proceedings of XI — The Seventh International Congress of Phonetic Sciences. August 1–7, 1987. Tallinn, Estonia.

Литература

- Абдуллаев, 1968 — *Ш. Абдуллаев*. Акустическая характеристика словесного ударения в азербайджанском языке //Zeitschrift für Phonetik, Kommunikationafor-schung und allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 21, 1968, Hf. 6.
- Абуов, 1988 — *Ж. А. Абуов*. Рец. на: А. Джунисбеков. Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата, 1987 //Советская тюркология, 1988, № 6.
- Алексеев, 1970 — *И. Е. Алексеев*. Мелодемы односоставных и двусоставных нераспространенных предложений якутского языка //Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970.
- Ахмедова, 1976 — *З. М. Ахмедова*. Основные типы интонационных конструкций азербайджанского языка и их совпадение с русским. АДК, М., 1976.
- Балтаева, 1973 — *Р. М. Балтаева*. Интонационные структуры общего вопроса в современном татарском языке. АДК, Казань, 1973.
- Баринова, 1973 — *Г. А. Баринова*. Некоторые особенности интонации разговорной речи //Русская разговорная речь. М., 1973.
- Баскаков, 1988 — *Н. А. Баскаков*. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.
- Белић, 1960 — *А. Белић*. Основы историје српскохорватског језика. 1. Фонетика, Београд, 1960.
- Бирюкович, 1986 — *Р. М. Бирюкович*. Типологическая характеристика чулымско-туркской акцентуации //Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.

- Бурнакова, 1986 — *К. Н. Бурнакова. Особенности и итоги исследования ритмомелодики хакасского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов*. Новосибирск, 1986.
- Българско-полска, 1988 — *Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 1. Фонетика и фонология*. София, 1988.
- Ваараск, 1969 — *П. К. Ваараск. Тонические средства речи*. Таллин, 1969.
- Векшин, 1989 — *Г. В. Векшин. К проблеме суперсегментной организации стиха /лингвоэстетический аспект/ // Вопросы языкоznания, 1989, № 6*.
- Векшин, 1989а — *Г. В. Векшин. О соотношении суперсегментной и сегментно-звуковой организации поэтического текста // Межуровневые связи в системе языка*. М., 1989.
- Гасанов, 1990 — *А. А. Гасанов. Фонетическая характеристика русского словесного ударения и его место в слове в сопоставлении с азербайджанским языком // Русский язык и литература в азербайджанской школе, 1990, № 1*.
- Гаспаров, 1989 — *М. Л. Гаспаров. Очерк истории европейского стиха*. М., 1989.
- Герценберг, 1979 — *Л. Г. Герценберг. Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков*. Л., 1979.
- Герценберг, 1981 — *Л. Г. Герценберг. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики*. Л., 1981.
- Денисов, 1980 — *В. Н. Денисов. Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке*. АДК, Л., 1980.
- Джафарова, 1989 — *А. С. Джадарова. Акцентная структура слов в азербайджанском языке // Звуковые системы сибирских языков*. Новосибирск, 1989.
- Джунисбеков, 1988 — *А. Джунисбеков. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова*. АДД, Алма-Ата, 1988.
- Дыбо, 1981 — *В. А. Дыбо. Славянская акцентология*. М., 1981.
- Елизаренкова, 1982 — *Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка*. М., 1982.
- Елоева, 1987 — *Ф. А. Елоева. Современная лингвистическая ситуация в Греции как отражение диахронии контактов // Возникновение и функционирование контактных языков: материалы рабочего совещания*. М., 1987.
- Жанабаева, 1985 — *С. Б. Жанабаева. Сингармонизм и просодия слова во фразе*. АДК, Л., 1985.
- Жанабаева, 1989 — *С. Б. Жанабаева. Длительность и интенсивность гласных как корреляты выделенности слога (в казахском и английском языках) // Звуковые системы сибирских языков*. Новосибирск, 1989.
- Жирмунский, 1975 — *В. М. Жирмунский. Введение в метрику. Теория стиха*. М., 1975.
- Зализняк, 1985 — *А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской*. М., 1985.

- Земская, 1987 — *Е. А. Земская*. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
- Златоустова, 1977 — *Л. В. Златоустова*. Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами //Контекст—1976, М., 1977.
- Зубкова, 1990 — *Л. Г. Зубкова*. Фонологическая типология слова, М., 1990.
- Иванов, 1989 — *Вяч. Иc. Иванов*. Новые наблюдения над индоевропейской акцентологией //Славянское и балканское языкоzнание. Просодия. М., 1989.
- Иванов, Гамкелидзе, 1984 — *Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкелидзе*. Индоевропейский язык и индоевропейцы, Т. 1—11, Тбилиси, 1984.
- Ивич, 1958 — *П. Ивич*. Основные пути развития сербохорватского вокализма // Вопросы языкоzнания, 1958, № 1.
- Исаев, 1971 — *М. К. Исаев*. Акустическая природа словесного ударения (на материале казахского и английского языков) // Казахский гос. университет им. С. М. Кирова. Зарубежное языкоzнание и литература. Вып. 1, Алма-Ата, 1971.
- Кабанов, 1986 — *А. В. Кабанов*. Интонация хакасской фразы и ударение //Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Калнынь, 1987 — *Л. Э. Калнынь*. Фонетическая программа слова как основная произносительная единица //Proceedings of XI.
- Карлеп, 1987 — *К. Карлеп*. Зависимость методики обучения письму и чтению от особенностей языка //Proceedings of XI.
- Касаткина, 1988 — *Р. Ф. Касаткина*. Русская диалектная суперсегментная фонетика. Докт. диссертация. М., 1988.
- Касевич, Шабельникова, 1987 — *В. Б. Касевич, Е. М. Шабельникова* // Proceedings of XI.
- Касевич и др., 1990 — *В. Б. Касевич, Е. М. Шабельникова, В. В. Рыбин*. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
- Кацнельсон, 1966 — *С. Д. Кацнельсон*. Сравнительная акцентология германских языков. М.-Л., 1966.
- Кемелова, 1988 — *К. Н. Кемелова*. Фонетическая реализация основных интонационных типов в условиях сингармонизма. АДК, Л., 1988.
- Кирпиченкова, 1981 — *Е. П. Кирпиченкова*. Роль темпорального компонента в ритмической организации слуха. АДК, М., 1981.
- Кодзасов, 1985 — *С. В. Кодзасов*. Интонация вопросительных предложений: форма и функции //Диалоговое взаимодействие представления знаний. Новосибирск, 1985.
- Кодзасов, 1989 — *С. В. Кодзасов*. Об акцентной структуре составляющих //Экспериментально-фонетический анализ речи. 2. Л., 1989.
- Кодзасов, 1989а — *С. В. Кодзасов*. Проект просодической транскрипции для русского языка //Бюллетень фонетического фонда русского языка //Февраль, 1989, Бохум, 1989.

- Кодзасов, Кривнова, 1977 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Фонетические возможности гортани и ее использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Кочев, 1988 — И. Кочев. За ударения квантитет в българския език // Славистичен сборник. София, 1988.
- Кривнова, 1975 — О. Ф. Кривнова. Составляющая несущего тона в структуре мелодической кривой фразы // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
- Кузнецов, 1948 — П. С. Кузнецов. О фонологической системе сербохорватского языка // Известия ОЛЯ АН СССР, Т. 2, вып. 2, 1948.
- Кукольщикова, 1984 — Л. Е. Кукольщикова. Об одном спорном случае слогоделения в английском языке // Экспериментально-фонетический анализ речи, 1. Л., 1984.
- Куркина, 1986 — Г. Г. Куркина. К проблеме акцентуации в хантыйском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Мейе, 1938 — А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938.
- Мишева, 1987 — А. Мишева Георгиева. Интонационна система на съвременния български книжовен език. АДД, София, 1987.
- Моллаев, 1974 — А. Моллаев. Интенсивность ударных и безударных гласных в двусложных словах туркменского языка // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. № 3, 1973.
- Мугдуева, 1989 — М. К. Мугдуева. Симметрия как пространственно-временная организация стихотворного текста. АДК, М., 1989.
- Мухетдинова, 1972 — Г. Т. Мухетдинова. Сопоставительный анализ восходящего тона в узбекском и английском общем вопросе // Иностранные языки в вузах Узбекистана. Ученые труды. Т. 96, вып. 4, Ташкент, 1972.
- Николаева, 1971 — Т. М. Николаева. Место ударения и фонетический состав слова // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Николаева, 1973 — Т. М. Николаева. Смысловое членение текста и его индивидуальные варианты // Semiotika i struktura tekstu, Warszawa, 1973.
- Николаева, 1977 — Т. М. Николаева. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Николаева, 1979 — Т. М. Николаева. Стихотворная и прозаическая строка: первичное и вторичное // Balcanica, М., 1979.
- Николаева, 1981 — Т. М. Николаева. «Экстренное введение в ситуацию»: особый вид просодического выделения // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., 1981.
- Николаева, 1982 — Т. М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева, 1984 — Т. М. Николаева. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции // Вопросы языкоznания, 1984, № 3.

- Николаева, 1985 — *T. M. Николаева*. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Николаева, 1986 — *T. M. Николаева*. К фонетике частей речи /славянские частицы и предлоги/ //Проблемы фонетики и фонологии. Материалы Всесоюзного совещания. М., 1986.
- Николаева, 1987 — *T. M. Николаева*. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Николаева, 1989 — *T. M. Николаева*. Типология интонации и акцентное выделение //Экспериментально-фонетический анализ речи. 2. Л., 1989.
- Николаева, 1989а — *T. M. Николаева*. Три типа высказываний и иерархия интонационной нагруженности // Бюллетень фонетического фонда русского языка № 2. Февраль 1989, Бохум, 1989.
- Николаева, 1989б — *T. M. Николаева*. Об одном сходстве славянской и финно-угорской фразовой интонации // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Николаева, 1989в — *T. M. Николаева*. Фонетическая природа греческого и латинского ударения: преемственность, эволюция, скачок? // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
- Николаева, 1991 — *T. M. Николаева*. Диахрония или эволюция? // Вопросы языкознания, 1991, № 2.
- Николова, 1987 — *Л. Николова*. Реализация согласных при сандхи (на стыке клитик и знаменательного слова) в русском и болгарском языках // Proceedings of XI.
- Ниязов, 1969 — *Д. М. Ниязов*. Интонация повествования в современном узбекском литературном языке. АДК, Ташкент, 1969.
- Нурмаханова, 1970 — *А. И. Нурмаханова*. Некоторые вопросы исследования интонации типов предложений в тюркских языках // Proceedings of the Sixth International Congress of phonetic sciences. Praha, 1970.
- Оvezова, 1985 — *Д. Б. Оvezова*. Интонационные характеристики речи при разных типах двуязычия. АДК, Л., 1985.
- Орусбаев, 1971 — *А. Орусбаев*. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и во фразе. АДК, М., 1971.
- Пабрежа, 1987 — *Ю. Пабрежа*. Динамика атракции ударения (на материале литовских диалектов) // Proceedings of XI.
- Павлов, Есенова, 1986 — *Д. А. Павлов, Т. С. Есенова*. Фонетическая характеристика и фонологический статус гласных калмыцкого и монгольского языков //Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Пауфошима, 1984 — *P. Ф. Пауфошима*. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1984.
- Пауфошима, 1985 — *P. Ф. Пауфошима*. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре //Диалектография русского языка. М., 1985.

- Пауфошима, 1989 — *P. Ф. Пауфошима*. Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Пенева, 1975 — *С. Ж. Пенева*. Исследование темпорального компонента словесного ударения в русском и болгарском языках. АДК, М., 1975.
- Пенчев, 1980 — *Й. Пенчев*. Основни интоационни контури в българското изречение. София, 1980.
- Пеньковский, 1987 — *А. Б. Пеньковский*. Фонетические долготы гласных в русском языке: фонологическая сущность и интерпретация связанных с ними явлений /диахронический и синхронический аспект/ // Proceedings of XI.
- Петрянкина, 1981 — *В. И. Петрянкина*. Функциональный аспект интонации и типология языков //Просодия слова — слова — фразы. М., 1981.
- Поливанов, 1968 — *Е. Д. Поливанов*. Где лежат причины языковой эволюции? // Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Радченко, 1986 — *Г. Л. Радченко*. К вопросу о долгих гласных нанайского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Розанова, 1983 — *Н. Н. Розанова*. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика и жест. М., 1983.
- Рясанен, 1955 — *М. Рясанен*. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Сальменова, 1984 — *А. З. Сальменова*. Просодическое оформление синтагмы и фонетические корреляты выделенности. АДК, Л., 1984.
- Сафонова, 1976 — *Е. Г. Сафонова*. Интонация стиха и прозы. АДК, Л., 1976.
- Саука, 1977 — *Л. Саука*. Интонация в сказке // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
- Светозарова, 1982 — *Н. Д. Светозарова*. Интоационная система русского языка, Л., 1982.
- Селютина, 1986 — *И. Я. Селютина*. Квантитативность кумандинских согласных // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Семерены, 1980 — *О. Семерены*. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Серебренников, Гаджиева, 1986 — *Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
- Скалозуб, 1984 — *Л. Г. Скалозуб*. Артикуляторная динамика словаобразования // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л., 1984.
- Смаилов, 1979 — *Т. Х. Смаилов*. Фонетические процессы в казахском языке. АДК. Алма-Ата, 1979.
- Смусь, 1988 — *М. А. Смусь*. Роль фонетической структуры поэтического текста в создании ритмического движения. АДК, М., 1988.
- Сорокин, 1985 — *В. Н. Сорокин*. Теория речеобразования. М., 1985.

- Стоева, 1987 — *T. Стоева*. Явления сандхи и ритмическая организация синтагмы в русском и болгарском языках //Proceedings of XI.
- Стойков, 1966 — *Ст. Стойков*. Увод във фонетиката на български език. София, 1966.
- Сэпир, 1934 — *Э. Сэпир*. Язык. М:Л., 1934.
- Талипов, 1987 — *Т. Талипов*. Фонетика уйгурского языка (очерки фонетического развития). Алма-Ата, 1987.
- Тарановский, 1966 — *К. Тарановский*. Основные задачи статистического изучения славянского стиха //Poetics, Poetyka. Поэтика II. Warszawa, 1966.
- Тер-Аванесова, 1989 — *А. В. Тер-Аванесова*. Об одной славянской акцентной инновации //Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Тилков, 1970 — *Д. Тилков*. Някои наблюдения върху промените на интензитет при ударените и неударените гласни // Известия на Института за българския язык, 1970, кн. XIX.
- Тилков, Бояджиев, 1977 — *Д. Тилков, Д. Бояджиев*. Българска фонетика. София, 1977.
- Топоров, 1989 — *В. Н. Топоров*. Балканский макроконтекст и древнебалканская неолитическая цивилизация (общий взгляд) //Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30/VIII — 6/IX 1989. М., 1989.
- Тронский, 1953 — *И. М. Тронский*. Очерки из истории латинского языка. М.-Л., 1953.
- Тронский, 1962 — *И. М. Тронский*. Древнегреческое ударение. М.-Л., 1962.
- Трубецкой, 1960 — *Н. С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 1960.
- Трубецкой, 1987 — *Н. С. Трубецкой*. Как следует создавать фонетическую систему искусственного международного языка // *Н. С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Трубецкой, 1987а — *Н. С. Трубецкой*. Фонология и лингвистическая география // Там же.
- Трубецкой, 1987б — *Н. С. Трубецкой*. Исследования в области сравнительной фонетики северно-кавказских языков //Там же.
- Туркенбаев, 1968 — *И. Туркёнбаев*. Об интонации коммуникативных типов простого вопроса //Zeitschrift für Phonetik, Kommunikationsforschung und allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 21, 1968, Hf. 6.
- Туркенбаев, 1989 — *И. У. Туркенбаев*. Сравнительная фонетика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1989.
- Фортунатов, 1956 — *Ф. Ф. Фортунатов*. Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
- Хелимский, 1987 — *Е. А. Хелимский*. Встречный двунаправленный отсчет мор в нганасанском языке //Proceedings of XI.
- Чумакова, 1989 — *М. Ч. Чумакова*. К вопросу об алтайском ударении // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989.

- Щека, 1987 — Ю. В. Щека. Элементы интонологии турецкой разговорной речи // Советская тюркология, 1987, № 4.
- Щербак, 1970 — А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Эйхенбаум, 1969 — Б. М. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха // Б. Эйхенбаум. О поэзии. М., 1969.
- Юлдашева, 1986 — Х. Юлдашева. Взаимная компенсация компонентов интонации в современном узбекском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Языки народов СССР — Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966.
- Якобсон, 1985 — Р. О. Якобсон. Принципы исторической фонологии // Р. Якобсон. Избранные работы, М., 1985.
- Якобсон, 1985а — Р. О. Якобсон. Звук и значение // Там же.
- Яковлев, 1987 — П. Я. Яковлев. Словесное ударение в чувашском языке (к вопросу о просодической системе) // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Чебоксары, 1987.
- Abramson, 1991 — A. S. Abramson. Amplitude as a cue to word-initial consonant length: Pattani Malay // Actes du XII, v. 3.
- Advances in nonlinear phonology, 1985 — Advances in nonlinear phonology. Dordrecht, 1985.
- Alexander, 1983 — R. Alexander. On the definition of Sprachboundaries: the place of Balkan Slavic // Ziele und Wege der Balkanlinguistik. Berlin — Wiesbaden, 1983.
- Allen, 1973 — W. S. Allen. Accent and Rhythm. Prosodic features of Latin and Greek: a study in theory and reconstruction. Cambridge, 1973.
- Annan, 1987 — Br. Annan. Prosodies of initial in English // Proceedings of XI, v. 5.
- Arvanti, 1991 — A. Arvanti. Rhythmic categories: a critical evaluation on the basis of Greek data // Actes du XII, v. 2.
- Asinovsky, Golovko, 1987 — A. S. Asinovsky, J. N. Golovko. Rhythmic accent pattern in Aleut // Proceedings of XI, v. 1.
- Avram, 1970 — A. Avram. Sur le rôle de la fréquence dans la perception de l'accent en Roumain // Proceedings of the Sixth International congress of phonetic sciences. Praha, 1970.
- Ballester, 1990 — X. Ballester. La posición del acento prehistórico latino // Emerita, t. LVIII, fasc. 1, Madrid, 1990.
- Banfi, 1991 — E. Banfi. Storia linguistica del Sud-Est Europeo. Pavia, 1991.
- Bannert, 1991 — R. Bannert. Some general remarks on designing linguistic models of intonation // Actes du XII, v. 1.
- Bannert, 1987 — R. Bannert. From prominent syllables to a skeleton of meaning: a model of prosodically guided speech recognition // Proceedings of XI, v. 2.
- Barry et al., 1987 — W. J. Barry. et al. Stability of voice frequency measures in speech // Actes du XII, v. 2.

- Baud-Bovy, 1953 — *S. Baud-Bovy*. Sur la prosodie des chansons clephiques // Ελληνικών, 1953, № 4.
- Baud-Bovy, 1936 — *S. Baud-Bovy*. La chanson populaire grecque du Dodécanèse, Paris, 1936.
- Baud-Bovy, 1957 — *S. Baud-Bovy*. La strophe de distiques rimés sans la chanson grecque // Separatum e libro memoriali. Budapest, 1957.
- Bazarbaeva, 1991 — *Z. Bazarbaeva*. Structure intonative de l'énoncé // Actes du XII, v. 3.
- Beckman, 1986 — *M. E. Beckman*. Stress and non-stress accent. Dordrecht-Holland / Riverton — USA, 1986.
- Beckman, 1991 — *M. E. Beckman*. Metrical structure versus autosegmental content in phonetic interpretation // Actes du XII, v. 1.
- Benveniste, 1932 — *E. Benveniste*. Une racine indo-européenne // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 33, fasc. 2, 1932.
- Bertiinotto, 1981 — *P.-M. Bertiinotto*. Strutture prosodiche dell'italiano. Firenze, 1981.
- Birnbaum, 1985 — *H. Birnbaum*. Balkanslavisch und Südslavisch // Zeitschrift für Bal-kanologie, Jg. III, 1965.
- Bichakjian, 1986 — *B. Bichakjian*. When do lengthened vowels become long? // Studies in compensatory lengthening. Dordrecht — Holland // Riverton — USA, 1986.
- Bolinger, 1964 — *D. Bolinger*. Intonation as a universal // Proceedings of IX Int. Congress of linguists. The Hague-Paris, 1964.
- Bolinger, 1978 — *D. Bolinger*. Intonation across languages // Human languages. Standford, 1978.
- Bolinger, 1986 — *D. Bolinger*. Intonation and its parts. Melody in spoken English. Standford, 1986.
- Bonnot-Fougeron, 1983 — *Ch. Bonnot, I. Fougeron*. Accent de phrase non-finale et relations interénonciatives en russe moderne // Revue des Études slaves. t. 55, fasc. 4, Paris, 1983.
- Botinis, 1989 — *A. Botinis*. Stress and prosodic structure in Greek. Lund, 1989.
- Botinis, 1991 — *A. Botinis*. Intonation patterns in Greek discourse // Actes du XII, v. 4.
- Boves et al., 1984 — *L. Boves, B. L. Ten Have, W. H. Vieregge*. Automatic transcription of intonation of Dutch // Intonation. Accent and Rhythm. B.-N.Y., 1984.
- Breckenbridge-Pierrehumbert, 1980 — *J. Breckenbridge-Pierrehumbert*. The phonology and phonetics of English intonation. D. of Ph. dissertation. MIT, Cambr.-Mass., 1980.
- Brugman, 1913 — *K. Brugman*. Griechische Grammatik. München, 1913.
- Campbell, 1991 — *W. N. Campbell*. Duration shortening and anaphoric reference // Actes du XII, v. 2.
- Carlson, 1991 — *R. Carlson*. Duration models in use // Actes du XII, v. 1.
- Cutler, 1984 — *A. Cutler*. Stress and accent in language production and understanding // Intonation. Accent and Rhythm. B.-N.Y., 1984.

- Cutler, 1991 — *A. Cutler*. Prosody in situations of communication: salience and segmentation // *Actes du XII*, v. 1.
- Dăscalu, 1976 — *L. Dăscalu*. Statistical remarks on question types // *Révue roumaine de linguistique*, t. XXI, № 1, 1976.
- Dăscalu, 1979 — *L. Dăscalu*. On the intonation of questions in Romanian. The rising pattern // *Révue roumaine de linguistique*, t. XXIV, № 1, 1979.
- Dăscalu, 1980 — *L. Dăscalu*. Asupră intonației cuvîntelor relative-interrogative în limbă română // *Studii și cercetări lingvistice*, Anul XXXI, № 2, 1980.
- Dăscalu, 1983 — *L. Dăscalu*. On the intonation of Romanian alternative questions // *Révue Roumaine de linguistique*, t. XXVIII, № 5, 1983.
- Dăscalu, 1985 — *L. Dăscalu*. An «elliptical» interrogative rising intonation in Romanian // *Révue roumaine de linguistique*, t. XXX, № 5, 1985.
- Dăscalu, 1989 — *L. Dăscalu*. Rumänisch: Intonationsforschung und Prosodie // *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Bd. III, Tübingen, 1989.
- Dăscalu-Jinga, 1990 — *L. Dăscalu-Jinga*. Scurtă privire asupră cercetărilor consacrate cuvîntelor prozodice din limbă română // *Studii și cercetări lingvistice*, Anul XLI, № 2, 1990.
- Dăscalu-Jinga, 1991 — *L. Dăscalu-Jinga*. Rumanian intonation stereotypes // *Actes du XII*, v. 5.
- Datta, 1991 — *A. K. Datta*. Temporal location of stress cue and its nature // *Actes du XII*, v. 2.
- Denniston, 1954 — *J. D. Denniston*. The Greek particles. Oxford, 1954.
- Di Cristo, 1985 — *A. Di Cristo*. De la microprosodie à l'intonosyntaxe. t. I, Aix-en-Provence, 1985.
- Dogil, 1984 — *G. Dogil*. Grammatical prerequisites to the analysis of speech style: fast/casual speech // *Intonation. Accent and Rhythm*. B.-N.Y. 1984.
- v. Dommelen, 1991 — *W. A. van Dommelen*. Fo and the perception of duration // *Actes du XII*, v. 2.
- v. Donselaar, 1991 — *W. A. van Dommelen*. The function of prosody in speech perception // *Actes du XII*, v. 3.
- Dørum, 1985 — *H. Dørum*. L'accento tonico in Italiano // *Studia neophilologica*, v. LVII, № 2, 1985.
- Drettas, 1987 — *G. Drettas*. Problèmes de la linguistique balkanique // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, t. LXXXII, 1987, fasc. 1.
- Dunn, 1989 — *G. Dunn*. Enclitic pronoun movement and the ancient Greek sentence accent // *Glotta*, Bd. LXVII, Hf. 1–2, 1989, Göttingen.
- Duridanov, 1983 — *I. Duridanov*. Zur Bestimmung des Begriffes «Balkanismus» auf den verschiedenen Sprechebenen // *Ziele und Wege der Balkanlinguistik*. Berlin-Wiesbaden, 1983.
- Eek, 1987 — *A. Eek*. The perception of word stress: a comparison of Estonian and Russian // *In honor of I. Lehiste*. Dordrecht-Holland / Providence-USA, 1987.

- Ettmayer, 1925 — *K. Ettmayer*. Zur Intonation der Romanen // *Neusprachliche Studien. «Die neueren Sprachen»*, 6, Beiheft, 1925.
- Fant, 1991 — *G. Fant*. Units of temporal organization, stress groups versus syllables and words // *Actes du XII*, v. 1.
- Fant, Kruckenberg, Nord, 1991 — *G. Fant, A. Kruckenberg, L. Nord*. Temporal organization and rhythm in Swedish // *Actes du XII*, v. 1.
- Farketani, Vayra, 1991 — *E. Farketani, M. Vayra*. Word-and-phrase: level aspects of vowel reduction in Italian // *Actes du XII*, v. 2.
- Fischer, 1981 — *K.-D. Fischer*. Das Aufstufen von -que im Pferdebuch des Pelagonius und seine Bedeutung für die Quellenkritik // *Philologus*, 1981, Bd. 125, Hf. 1.
- Fischer-Jørgensen, 1987 — *E. Fischer-Jørgensen*. Segment duration in Danish words: dependency on higher-level phonological units // In honor of I. Lehiste. Dordrecht-Holland / Providence-USA, 1987.
- Fletcher, 1987 — *J. Fletcher*. Some micro-effects of tempo change on timing in French // *Proceedings XI*, v. 3.
- Fónagy et al., 1983 — *L. Fónagy, E. Bérard, J. Fónagy*. Clichés mélodiques // *Folia linguistica*, 17, 1983.
- Fonološki opisi, 1981 — Fonološki opisi srpskohrvatskih / hrvatskih, slovenackih i makedonskih govora obuhvaćenih Opštesslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Formen und Functionen, 1985 — Formen und Funktionen der Intonation (manuscript). Bochum, 1985.
- Fowler, Levy, 1991 — *C. A. Fowler, E. T. Levy*. Some ways in which forms arise from functions in linguistic communications // *Actes du XII*, v. 1.
- Frank, 1987 — *Y. Frank*. From syllables to sentences // *Proceedings XI*, v. 3.
- Fujimura, 1987 — *O. Fujimura*. A linear model of speech timing // In honor of I. Lehiste. Dordrecht-Holland / Providence-USA, 1987.
- Fujimura et al., 1991 — *O. Fujimura, D. Erickson, R. Wilhelms*. Prosodic effects on articulatory gestures — a model of temporal organization // *Actes du XII*, v. 2.
- Galton, 1991 — How Slavic phonetic typology changed through contact? // *Actes du XII*, v. 5.
- Gårding, 1991 — *E. Gårding*. Intonation parameters in production and perception // *Actes du XII*, v. 1.
- Gibbon, 1984 — *D. Gibbon*. Intonation as an adaptive process // *Intonation. Accent and Rhythm*. B.-N.Y. 1984.
- Goodell, Studdert-Kennedy, 1991 — *E. W. Goodell, M. Studdert-Kennedy*. Articulatory organization of early words: from syllable to phoneme // *Actes du XII*, v. 4.
- Givón, 1979 — *T. Givón*. On understanding grammar. N.Y.-San-Francisco — L., 1979.
- A grand dictionary, 1981 — A grand dictionary of phonetics. Hong-Kong, 1981.
- Grice, 1991 — *M. Grice*. The intonation of interrogation on two varieties of Sicilian Italian // *Actes du XII*, v. 5.

- Groen, 1987 — *B. M. Groen*. On vowel reduction in contemporary standard Bulgarian // Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics. Amsterdam, 1987.
- Grønnum, 1991 — *N. Grønnum*. Terminality and completion in Danish, Swedish and German // *Actes du XII*, v. 4.
- Grumadiene, 1991 — *L. Grumadiene*. Dephonologization of syllabic intonation in Lithuanian urbal dialects // *Actes du XII*, v. 2.
- Gussenhoven, 1985 — *C. Gussenhoven*. Intonation: a whole autosegmental language // Advances in nonlinear phonology. Dordrecht — Cinnaminson, 1985.
- Gvozdanović, 1987 — *J. Gvozdanović*. Remarks on production and perception of standard Serbo-Croatian tonal accents // Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics. Amsterdam, 1987.
- t'Hart et al., 1982 — *J. t'Hart, S. G. Nooteboom, L. M. Vogten, L. F. Willems*. Manipulation of speech sounds. An intonation grammar for British English // Philips tech. Rev. 40, № 5, 1982.
- t'Hart, Collier, Cohen, 1990 — *J. t'Hart, R. Collier, A. Cohen*. A perceptual study of intonation. An experimental-phonetic approach to speech melody. Cambridge etc., 1990.
- Hirst, 1990 — *D. Hirst*. Intonation models: towards a third generation // *Actes du XII*, v. 1.
- Hombert, Ohala, Ewan, 1979 — *J.-M. Hombert, J. J. Ohala, W. G. Ewan*. Phonetic explanation for the development of tones // *Language*, 1979, v. 55, № 1.
- Hombert, Ohala, 1982 — *J.-M. Hombert, J. J. Ohala*. Historical development of tone pattern // *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science*, IV—V, 1982.
- Houtsagers, 1982 — *H. P. Houtsagers*. Accentuation in a few dialects of the island of Cres // South Slavic and Balkan linguistics. Amsterdam, 1982.
- Houtsagers, 1984—1985 — *H. P. Houtsagers*. Vowel systems of the ekavian dialects spoken on Cres and Lošinj // *Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku*. XXVII—XXVIII, Novi Sad, 1984—1985.
- Houtsagers, 1985 — *H. P. Houtsagers*. The čakavian dialect of Orlec on the island of Cres. Amsterdam, 1985.
- Huber, 1991 — *D. Huber*. On the discourse function of information // *Actes du XII*, v. 5.
- Iivonen, 1978 — *A. Iivonen*. Is there interrogative intonation in Finnish? // *Nordic prosody*. Lund, 1978.
- Ivić, 1967 — *P. Ivić*. Srpskohrvatski akcenti i istina // *Delo*, 1967, № 2.
- Jakobson, 1962 — *R. Jakobson*. Über die phonologischen Sprachbünde // *R. Jakobson. Selected writings. t. 1. Phonological studies*. -s-Gravenhage, 1962.
- Jakobson, 1962a — *R. Jakobson*. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie // *Ibidem*.
- Jakobson, 1962b — *R. Jakobson*. К характеристике Евразийского языкового союза // *Ibidem*.

- Jakobson, 1962c — R. Jakobson. On ancient Greek prosody // *Ibidem*.
- Jakobson, 1966 — R. Jakobson. Slavic epic verse. Studies in comparative metrics // R. Jakobson. Selected writings, IV. The Hague, 1966.
- Janson, 1979 — T. Janson. Mechanisms of language change in Latin. Stockholm, 1979.
- Janson, 1991 — T. Janson. Comments on Maddieson: investigating linguistic universals // *Actes du XII*, v. 1.
- Jones, 1967 — A. B. Jones. Stress and intonation in modern Greek // *Glotta*, 1967, XLIV.
- Jocićović, Huntley, 1991 — V. Jocićović, R. Huntley. Stressed-based vs syllable-based languages: perception of timing differences in English and Croatian // *Actes du XII*, v. 3.
- Kaplun, 1987 — M. I. Kaplun. Rhythmic structure of dissyllables in Yoruba // *Proceedings of XI*, v. 1.
- Kassai, 1991 — I. Kassai. The emergence of intonation and stress in Hungarian: a case study // *Actes du XII*, v. 1.
- Keating, 1991 — P. A. Keating. Phonetics in the next ten years // *Actes du XII*, v. 1.
- Keijspers, 1987 — C. E. Keijspers. Studying neoštokavian Serbo-Croatian prosody // Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics. Studies in Slavic and general linguistics. v. 10, Amsterdam, 1987.
- Kiparsky, 1969 — V. Kiparsky. Gibt es ein Finnougrisches Substrat im Slavischen? Helsinki, 1969.
- Kiritani, Sawashima, 1987 — S. Kiritani, H. Sawashima. The temporal relationship between articulations of consonants and adjacent vowels // In honor of I. Lehiste. Dordrecht-Holland / Providence — USA, 1987.
- Kohler, 1991 — K. Kohler. Isochrony, units of rhythmic organization and speech rate // *Actes du XII*, v. 1.
- Kohler, 1991a — K. Kohler. The interaction of fundamental frequency and intensity in the perception of intonation // *Actes of XII*, v. 4.
- Kohno et al., 1991 — M. Kohno, A. Kawashiwagi, T. Kawashiwagi. Two processing mechanisms in rhythm perception // *Actes du XII*, v. 2.
- Kuijpers, 1991 — C. T. L. Kuijpers. Temporal control in speech of children and adults // *Actes of XII*, v. 4.
- Kruckenberg, Fant, Nord — A. Kruckenberg, G. Fant, L. Nord. Rhythmic structures in poetry reading // *Actes du XII*, v. 4.
- Kurlova, 1991 — R. Kurlova. Relation between stress and vowel duration in syllable // *Actes du XII*, v. 3.
- Kuryłowicz, 1966 — E. Kuryłowicz. Accent and quantity as elements of rhythm // Poetics. Poetica. II, The Hague, etc. 1966.
- Ladd, 1979 — D. K. Ladd. Light and shadow: a study of the syntax and semantics of sentence accent in English // Contributions to grammatical studies. Leiden, 1979.
- Ladd, 1991 — D. R. Ladd. Integrating syntagmatic and paradigmatic aspects of stress // *Actes du XII*, v. 1.

- Ladd, Campbell, 1991 — *D. R. Ladd, W. N. Campbell.* Theories of prosodic structure evidence from syllable duration // *Actes du XII*, v. 2.
- Laks, Kihm, 1991 — *B. Laks, A. Kihm.* About the phonetics / phonemics interface: the case of Kriol stress // *Actes du XII*, v. 2.
- Lehiste, 1965 — *I. Lehiste.* The function of quantity in Finnish and Estonian // *Language*, v. 41, 1965, № 3.
- Lehiste, 1968 — *I. Lehiste.* Vowel quantity in word and utterance in Estonian // *Congressus secundus internationalis fenno-ugistarum. pt. 1.* Helsinki, 1968.
- Lehiste, 1982 — *I. Lehiste.* Some phonetic characteristics of discourse // *Studia linguistica*, 1982, v. 36, № 2.
- Lehiste, 1983 — *I. Lehiste.* The Estonian translation of the elder Edda: problems of metric equivalence // *JBS*, v. XIX, № 3, 1983.
- Lehiste, 1985 — *I. Lehiste.* Phonetic realization of metrical structure in some types of Estonian verse // Papers prepared for presentation at the VI International congress of Finno-Ugrists, 1985.
- Lehiste, 1983a — *I. Lehiste.* The role of prosody in the internal structure of a sentence // Proceedings of the XIII International congress of linguists, Tokyo, 1983.
- Lehiste, Ivić, 1980 — *I. Lehiste, P. Ivić.* The intonation of yes-no-questions — a new Balkanism? // *Balkanistica*, VI, 1980.
- Lehiste, Ivić, 1982 — *I. Lehiste, P. Ivić.* The phonetic nature of the Neo-Štokavian accent shift in Serbocroatian // *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science*, IV, Amsterdam, 1982.
- Lehiste, Ivić, 1986 — *I. Lehiste, P. Ivić.* Word and sentence prosody in Serbocroatian. Cambr.-Mass.-L., 1986.
- Levelt, 1989 — *J. Levelt.* Speaking. Dordrecht, 1989.
- Liberman, Prince, 1977 — *I. Liberman, A. Prince.* On stress and linguistic rhythm // *Linguistic inquiry*, 1977, 8.
- Lisker, Krishnamurti, 1991 — *L. Lisker, Bh. Krishnamurti.* Lexical stress in a «stressless» language: judgements by Telugu — and English speaking linguists // *Actes du XII*, v. 2.
- Low, 1991 — *J. Low.* The role of intonation as a marker of semantic associations and enunciative operations // *Actes du XII*, v. 4.
- Maddieson, 1991 — *J. Maddieson.* Investigating linguistic universals // *Actes du XII*, v. 1.
- Malvakis, 1987 — *Fh. Malvakis.* Intonation pattern in Greek // *Proceedings of the XI*, v. 3.
- Masing, 1876 — *L. Masing.* Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Petersburg, 1876, Série 7, v. 23.
- McAllister, Engstrand, 1991 — *R. McAllister, O. Engstrand.* Some cross language aspects of co-articulation // *Actes du XII*, v. 5.
- McCoy, 1991 — *P. McCoy.* Word stress in Georgian // *Actes du XII*, v. 3.

- Mertens, 1991 — *P. Mertens*. Local prominence of acoustic and psychoacoustic functions and perceived stress in French //Actes du XII, v. 3.
- Naidich, 1991 — *L. Naidich*. Three types of prosodic correlations in South German dialects //Actes du XII, v. 3.
- Nikolayeva, 1983 — *T. Nikolayeva*. Slavic word stress and its acoustic realization (Preprint), M., 1983.
- Nikolayeva, 1987 — *T. Nikolayeva*. The typology of sentence intonation systems // Proceedings XI-th.
- Nolan, 1991 — *F. Nolan*. Phonetics in the next ten years //Actes du XII, v. 1.
- Nooteboom, 1979 — *S. G. Nooteboom*. More attention for words in speech communication research? //Festschrift to G. Fant, L., 1979.
- Nooteboom, Doobeman, 1980 — *S. G. Nooteboom, G. J. N. Doobeman*. Speech quality and the gating paradigm (manuscript), 1980.
- Nooteboom, 1981 — *S. G. Nooteboom*. Speech rate and segmentation perception or the role of words in phoneme identification //The cognitive representation of speech. North-Holland Publication company, 1981.
- Nooteboom, 1981a — *S. G. Nooteboom*. Lexical retrieval from fragments of spoken words: beginnings vs endings //Journal of phonetics, 1981, № 9.
- Nooteboom, Kruyt, 1983 — *S. G. Nooteboom, J. G. Kruyt*. Accent, focus distribution and the perceived distribution and new information: an experiment //Preprint. Institute for Perception Research. № 538, 1983.
- Nooteboom, Terken, 1982 — *S. G. Nooteboom, J. M. Terken*. What makes speakers omit pitch accents? An experiment //Phonetica, 1982, v. 39.
- Nooteboom, Vlugt, 1988 — *S. G. Nooteboom, van der M. J. Vlugt*. A search for a word-beginning superiority effect //Journal of Acoustic society of America, 1988, v. 84, № 6.
- Nooteboom, 1991 — *S. G. Nooteboom*. Perception goals of speech production //Actes du XII, v. 1.
- Nooteboom, 1991a — *S. G. Nooteboom*. Some observations on the temporal organisation and rhythm of speech //Actes du XII, v. 1.
- Ohala, 1983 — *J. J. Ohala*. Cross-language use of pitch: ethological view // Phonetica, 1983, № 1.
- Ohala, 1984 — *J. J. Ohala*. An ethological perspective on common cross language utilization of Fo of voice //Phonetica, 1984, № 1.
- Pakerys, 1987 — *A. Pakerys*. Relative importance of acoustic features for perception of Lithuanian stress //Proceedings of XI, v. 1.
- Pálková, 1987 — *Z. Pálková*. Intonatorische Merkmale in der Perzeption der Wortgrenze im Satz //Proceedings of XI, v. 1.
- Pompino-Marschall et al., 1987 — *B. Pompino-Marschall, W. Grosser, R. Hubmaier, W. Wieden*. Is German stress-timed? A study of vowel compression //Proceedings of XI, v. 2.

- Pompino-Marschall, 1991 — *B. Pompino-Marschall*. Assimilation as a continuus coarticulatory results //Actes du XII, v. 3.
- Popescu-Marin, 1961 — *M. Popescu-Marin*. Cu privire la propoziția interrogativa și intonația ei în limbă română //SG, III, 1961.
- Posti, 1968 — *L. Posti*. Über das Quantitätssystem in Estnischen //Congressus secundus internationalis feno-ugristarum. Helsinki, 1968.
- Prince, 1983 — *A. Prince*. Relating to the grid //Linguistic inquiry, 1983, v. 14.
- Prince, 1989 — *A. Prince*. Metrical forms //Phonetics and phonology, v. 1. Rhythm and Meter. San-Diego-N. Y. et al., 1989.
- Pulgram, 1975 — *E. Pulgram*. Latin-Romance phonology: prosodics and metrics. München, 1975.
- Pulgram, 1975a — *E. Pulgram*. Syllable. Word. Nexus. Cursus. The Hague Paris, 1975.
- Quené, 1987 — *H. Quené*. Perceptual relevance of acoustical word boundary markers //Proceedings of XI, v. 6.
- Quené, 1991 — *H. Quené*. Word segmentation in meaningful and nonsense speech //Accent du XII, v. 5.
- Ravila, 1973 — *P. Ravila*. Der Akzent im Erzamordwinischen //Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. XL, Hf. 1–3, Helsinki, 1973.
- Remez, 1991 — *R. E. Remez*. A more intimate cocktail party phenomenon: the perceptual organization of tonal analogs of speech //Actes du XII, v. 1.
- Rialland, 1991 — *A. Rialland*. Downstep et downstep //Actes du XII, v. 2.
- Robinson, 1987 — *D. F. Robinson*. Vowel lengthening and métatonie rude in Lithuanian //In honor of I. Lehiste. Dordrecht — Holland / Providence — USA, 1987.
- Rumyantsev, 1987 — *M. K. Rumyantsev*. Chinese tones and their duration //Proceedings of XI, v. 1.
- Sagisaka, Kaiki 1991 — *Y. Sagisaka, N. Kaiki*. Prosody control for spontaneous speech synthesis //Actes du XII, v. 3.
- Salza et al., 1987 — *P. L. Salza, G. Marotta, D. Ricea*. Duration and formant frequencies of Italian bivocalic sequences //Proceedings of XI, v. 3.
- Sandfeld, 1926 — *K. Sandfeld*. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1926.
- Sappok, 1979 — *Chr. Sappok*. Zur linguistischen Beschreibung der Bulinenzeile //Wiener Slawistischer Almanach, Bd. 3, 1979.
- Schaller, 1983 — *H. W. Schaller*. Neue Überlegungen zum Begriff des Sprachbundes und seiner Anwendung auf die Balkansprachen //Ziele und Wege der Balkanlinguistik. Berlin-Wiesbaden, 1983.
- Shattuck-Hufnagel, 1991 — *S. Shattuck-Hufnagel*. Acoustic correlates of stress shift //Actes du XII, v. 4.
- Schellbach-Kopra, 1968 — *J. Schellbach-Kopra*. Die Intonation des ostjakischen Frage-satzes //Congressus secundus internationalis feno-ugristarum, pt. 1, Helsinki, 1968.

- Schiefer, Batliner, 1991 — *L. Schiefer, A. Batliner.* Order effect and the order of accents // *Actes du XII*, v. 3.
- Schmerling, 1974 — *S. F. Schmerling.* Re-examination of «normal stress» // *Language*, 1974, v. 50, № 2.
- Schmerling, 1976 — *S. F. Schmerling.* Aspects of English sentence stress. Austin.-L., 1976.
- Seiler, 1959 — *H. Seiler.* Ein Hauptunterschied zwischen Gemeinneugriechischen und Südostdialektlen: Intonation und Silbenstruktur // *Berliner Byzantinistische Arbeiten*. Bd. 14, 1959. Probleme der neugriechischen Literatur. 1.
- Selkirk, 1984 — *E. Selkirk.* Phonology and syntax. Cambr.-Mass., 1984.
- Sendlmeier, 1987 — *W. Sendlmeier.* A model for the phonetic mental representation of words // *Proceedings of XI*, v. 1.
- Shockey, 1987 — *L. Shockey.* Rate and reduction: some preliminary evidences // In honor of Lehiste. Dordrecht — Holland / Providence — USA, 1987.
- Siil, 1991 — *I. Siil.* Estonian prosody model for speech synthesis // *Actes du XII*, v. 3.
- Sławow, 1974 — *L. Sławow.* Zarys wersifikacji bułgarskiej. Wrocław etc., 1974.
- Smith, 1991 — *C. L. Smith.* The timing of vowel and consonant gestures in Italian and Japanese // *Actes du XII*, v. 4.
- Solé, Ohala, 1991 — *M. J. Solé, J. J. Ohala.* Differentiating between phonetic and phonological processes: the case of nasalization // *Actes du XII*, v. 2.
- Solta, 1980 — *G. K. Solta.* Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980.
- Steinke, 1983 — *Kl. Steinke.* Diachronie und Synchronie in der Balkanlinguistik // *Ziele und Wege der Balkanlinguistik*. Berlin-Wiesbaden, 1983.
- Stong-Jensen, 1987 — *M. Stong-Jensen.* Length and syllabification in Icelandic // *Proceedings of XI*, v. 2.
- Studies in compensatory lengthening 1986 — Studies in compensatory lengthening. Dordrecht — Holland / Riverton — USA, 1986.
- Svantesson, 1987 — *J. O. Svantesson.* Tonogenesis in Northern Mon-Khmer // *Proceedings of XI*, v. 2.
- Svetozarova, 1991 — *N. D. Svetozarova.* Locutions phraseologiques intonatives // *Actes du XII*, v. 2.
- Szelestei-Nagy, 1974 — *L. Szelestei-Nagy.* Zeitmass und Wortbetonung in den frühchristlichen Humnen in lateinischen Sprachen // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eotvos nominatae. Sectio classica*, t. II, 1974.
- Tauli, 1968 — *V. Tauli.* On quarity and stress in Estonian // *Congressus secundus internationalis fenno-ugistarum*, p. 1, Helsinki, 1968.
- Terken, 1991 — *J. Terken.* Production and perception of prosodic prominence // *Actes du XII*, v. 1.
- Trager, 1940 — *G. L. Trager.* Serbo-croatian accents and quantities // *Language*, 1940, v. 16, № 1.

Библиография

- Uys, 1991 — *J. Z. Uys*. Aspects of the relation between intonation and the interpretation of poems // *Actes du XII*, v. 4.
- Vende, 1980—1981 — *K. Vende*. Intonation of question and answer in Estonian // *Estonian papers in phonetics*, Tallinn, 1981.
- Vende, 1987 — *K. Vende*. The basic intonation contours of the principal communicative types of utterances in English and Estonian // *In honor of I. Lehiste*. Dordrecht — Holland / Providence — USA, 1987.
- Vendryes, 1902 — *J. Vendryes*. *Recherches sur l'histoire et les effets d'intensité initiale en Latin*. Paris, 1902.
- Vermeer, 1987 — *W. Vermeer*. The treatment of the Proto-Slavic falling tone in the Resian dialects of Slovene // *Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics*. Amsterdam, 1987.
- Vihanta, 1991 — *V. V. Vihanta*. Signalisation prosodique de la structure informationnelle dans le discours radiophonique en Fennois et le Francais // *Actes du XII*, v. 2.
- Vygonnaya, 1987 — *L. Vygonnaya*. The variation in the word phonetic structure caused by speech tempo variation // *Proceedings of XI*, v. 3.
- Wagner, 1991 — *St. Wagner*. Fo declination in German declarative utterances // *Actes du XII*, v. 2.
- Watkins, 1964 — *C. Watkins*. Indo-European origins of a Celtic metre // *Poetics. Poetica. Поэтика*. Warszawa, 1961.
- Werner, 1991 — *St. Werner*. Understanding «Hm», «Mmh», «Mhm» // *Actes du XII*, v. 4.
- Wetzel, 1986 — *L. Wetzel*. Phonological timing in Ancient Greek // *Studies in compensatory lengthening*. Dordrecht — Holland / Riverton — USA, 1986.
- Wiik, Lehiste, 1968 — *K. Wiik, I. Lehiste*. Vowel quantity in Finnish disyllabic words // *Congressus secundus internationalis fенно-ugristarum*, p. 1, Helsinki, 1968.
- Wiik, 1991 — *K. Wiik*. On a third type of speech rhythm: foot timing // *Actes du XII*, v. 3.
- Worth et al., 1988 — *D. S. Worth, J. Th. Hu, K. E. Robblee*. Synchrony and diachrony in the structure of the Russian funeral lament // *American contributions to the tenth International congress of Slavists*. Sofia, 1988.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

Проблемы и принципы типологического описания просодии

§ 1. Общие вопросы	5
§ 2. Просодия слова.....	18
§ 3. Просодия фразы	39
§ 4. Просодия текста	56

Глава вторая

Просодия БЯС и просодия контактных языковых систем

§ 1. Данные о просодии БЯС.....	62
§ 2. Латинско-греческая просодия.....	72
§ 3. Просодия итальянского языка	80
§ 4. Финно-угорская просодия	85
§ 5. Просодия тюркских языков.....	98

Глава третья

Просодия слова в балканских языках

§ 1. Доминантные акустические параметры ударения в изолированном слове.....	107
§ 2. Количественные характеристики просодии изолированного слова.....	119
§ 3. Количественные характеристики просодии слова во фразе	127

Оглавление

Глава четвертая

Просодия высказывания

§ 1. Основные интонационные типы и их просодическая структура	179
§ 2. Типология акцентного выделения в языках БЯС.....	215
§ 3. Мелодика вопросительных предложений	229

Глава пятая

Просодия текста

§ 1. Темпоральные характеристики балканских текстов	252
§ 2. Мелодические характеристики текстов.....	276
§ 3. Акцентные характеристики текстов	289
§ 4. Краткое заключение.....	296

Приложение	299
------------------	-----

Библиография	331
--------------------	-----

Научное издание

Татьяна Михайловна Николаева

Просодия Балкан

Слово – высказывание – текст

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики РАН

Оригинал-макет книги подготовлен в издательстве «Индрик»

Издательство «Индрик»

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.

Формат 60×90/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
22 п. л. Тираж 1 000. Заказ № 4495

Отпечатано с оригинал-макета в типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

По вопросам приобретения книг следует обращаться:

**117334, Москва, Ленинский проспект, 32-а,
Институт славяноведения и балканистики РАН
(для издательства «Индрик»)
Тел., факс: (095) 290-52-49**

Просодия Балкан

Слово – высказывание – текст

Т. М. Николаева